МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISSN 2664-7362 (PRINT)
ISSN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
X Международной научной конференции

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

ТОМ 9 | **Философские и психологические науки**

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую наших друзей из различных регионов Российской Федерации и зарубежных стран, принимающих участие в традиционной, теперь уже X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности».

Минуло десять лет с тех пор, как в нашем университете прошла первая конференция, которая за прошедшие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа ученых. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возросли актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

Эпохальное событие – вхождение Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации – дало могучий толчок развитию и углублению наших научных исследований. Благодаря России мы получили достойное финансирование, новейшее оборудование, новые перспективные научные направления и наша общая цель – приложить все усилия к решению задач, которые ставит перед нами Родина.

2022–2031 годы объявлены Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным как **Десятилетие науки и технологий**. Полагаю, что наша многопрофильная конференция вносит достойный вклад в решение задач, поставленных Президентом, в том числе и по привлечению талантливой молодёжи в науку!

На Конференции будут представлены **1 950 научных докладов в четырнадцати профильных секциях**. Будут работать **семьдесят восемь подсекций** и **одиннадцать круглых столов.**

Труды конференции составляют **десять томов в шестнадцати книгах** общим объемом **5 980 страниц** и будут размещены в электронной форме в наукометрической базе РИНЦ.

Приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения прорывных научных разработок, с тем чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности нашей и дружественных стран, росту качества жизни россиян.

Желаю успехов всем участникам конференции, и всем нам – новых научных достижений во благо России!

С наилучшими пожеланиями,
руководитель Представительства Российской академии наук
на территории Донецкой Народной Республики,
ректор Донецкого государственного университета,
доктор физико-математических наук, профессор

Светлана Владимировна Беспалова

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

X Международная научная конференция, посвященная 60-летию создания Донецкого научного центра

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 9

ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

г. Донецк
5–7 ноября 2025 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2025

ББК Ю.я431+Ю9я431
УДК 1(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред.),
М.В. Фоменко, В.В. Волошин, А.В. Камарали (отв. секр. секции),
А.В. Гордеева, С.А. Вильдгрубе, Е.Г. Максименко, М.И. Яновский,
Э.А. Ангелина (отв. секр. секции).

Д672 **Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – *Том 9: Философские и психологические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – 398 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В девятый том материалов X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам философских и психологических наук. Рассматриваются вопросы философского осмысления социальной реальности, развития и становления личности в жизненных ситуациях, человека в системе социальных отношений, клинической и кризисной психологии, психики и информационного поля общества, психологии в образовании.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим исследования в области философских и психологических наук.

ББК Ю.я431+Ю9я431
УДК 1(043.2)

© Коллектив авторов, 2025
© Донецкий государственный университет, 2025

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместители председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, почетный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва);

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Федянин А.А., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Варюхин В.Н., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, научный руководитель ФГБНУ «Физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, профессор, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Головчан А.В., канд. физ.-мат. наук, доцент, и.о. директора ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Данилюк Д.А., канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, директор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры – филиала ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (г. Макеевка, ДНР).

Игнатенко Г.А., д-р мед. наук, профессор, академик РАН, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького (г. Донецк).

Исаков В.Б., д-р юрид. наук, профессор, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Керимов А.Д., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (г. Москва).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Липгарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Мацкявичюс Э.Г., директор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», директор института «Первая Академия медиа» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва).

Минаев А.И., д-р ист. наук, доцент, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Прутцков Г.В., д-р филол. наук, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Тулупов В.В., д-р филол. наук, профессор, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Туранина Н.А., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород).

Хомутова Е.В., канд. биол. наук, директор ФГБНУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

УДК 130.2

КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Бабаева А.А.
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», г. Красноярск, РФ
tigashova01@mail.ru

Введение. Цифровая реальность является предметом широкого междисциплинарного дискурса, важный вклад в который вносит философия, анализирующая феномен цифровой реальности в социальном и культурном аспектах. Цифровизация дала толчок для влияния достижений науки на социально-культурный облик и поведение человека, на его культурные приоритеты, на его духовно-нравственный потенциал. При этом культура становится фактором, определяющим формирование цифрового мира.

Целью статьи является исследование цифровой реальности, сущность которой связывается и раскрывается через определение культуры цифровой среды. В рамках социально-философского дискурса, предпринимаются попытки определения «цифровой культуры», с учетом современных факторов развития человека и государства, а также рассматривается возможность формирования новой «общей» культуры и самой цифровой реальности. Делается вывод о том, что именно культура согласует и объединяет все элементы реального и цифрового общества, выстраивая целостную картину современного мира.

Основная часть. Цифровизация, понимаемая как процесс создания, внедрения и использования цифровых технологий и информации для трансформации деятельности человека, общества и государства, предполагает качественное изменение всего: мира, реальности, культуры и человека. Поэтому формирование цифровой среды и само существование цифровых реальностей и цифрового мира, обусловливает если не появление новой культуры (цифровой), то трансформацию культуры общей, что становится предметом научных исследований.

Как отмечал в своих работах Гримов О.А., «сама дискурсивная практика и устойчиво воспроизводимые научный, публицистический, повседневно-практический и иные нарративы маркируют и закрепляют цифровые технологии как уже реальные, обладающие социальной фактичностью и определённым императивно-принудительным воздействием на индивида». Можно сделать вывод о том, что «цифровая реальность является принципиально сложным техническим и социальным

явлением (как по широте охвата технологий, так и по разнообразию их социальных инвариантов), что формирует и определяет её полионтологичность, требуя полипарадигмального подхода и разнообразных оптик анализа» [1, с.3].

Важно отметить, что цифровая реальность уже отождествляется с новой формацией общества, а не рассматривается, как продолжение информационного общества– мира, завязанного на информации, способах и средствах ее передачи. Информационные технологии не создают новые реальности – их создают цифровые технологии. С одной стороны, мы представляем цифровое общество, как часть естественной реальности, относящее нас в отдельную сферу жизнедеятельности человека современных развитых техник и технологий, которые используются всеми – от обычного пользователя сети до государства. С другой стороны, если цифровая среда– это отдельный мир, то цифровое общество существует внутри этого цифрового мира, охватывая субъектов и объекты-конструкции, принадлежащие цифровому порождению искусственной реальности. При любом из указанных подходов, очевидно, что будет формироваться «своя» культура цифрового мира и его реальности.

Современные процессы цифровой трансформации создают новый формат общественных отношений в экономической сфере (цифровая экономика), новый формат общественных отношений между обществом и государством (цифровое правительство), новый формат общественных отношений в культурной сфере (цифровая культура), а в ближайшей перспективе, «цифровая культура» в контексте этики (цифровая этика). Как результат в процессе интеграции формируется сложнейшая инфраструктура – цифровое пространство [2].

Дискурс о сущности культуры, её содержании и элементах, в том числе о дефинициях культурологических терминов, можно вести бесконечно, а на современном этапе развития науки, дискурс о культуре только расширяется в процессе охвата цифровыми технологиями все больших аспектов жизни человека и общества. Культура – способ жизнедеятельности человека, выступающий как самосовершенствующаяся деятельность, созидающая предметный мир и мир общественных отношений, которые образуют объективное бытие культуры, и одновременно выступающая показателем развитости самого человека (субъективное бытие культуры) [3].

Культура всегда является фундаментом духовного производства, а его содержание включает систему общественных отношений между людьми, духовно-нравственную жизнь общества в рамках культуры, науки, религии, социальной справедливости, этики и др. Рассматривая общую культуру можно выделить культуры разных сфер жизнедеятельности человека: экономическую, политическую, правовую, духовную и т.д.

В век технологий ИИ культура во всей ее многогранности, как классическая, так и «цифровая культура» – это высокий мир

художественных, этических и моральных образцов. Как отмечает Шаповалова Г.М.: «…ее духовный фундамент и социокультурный детерминизм, без которого ни государство, ни общество, ни экономика, ни политика не способны с максимальной отдачей функционировать и формировать позитивный вектор развития духовно-нравственного общества в будущем. Именно культура во всех ее формах создает эффективные механизмы для воплощения цели и задач стратегии национальной безопасности российского государства» [2].

Цифровой культурой считается система принципов и компетенций, характерных для преимущественного использования информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с обществом и в обществе. Она формирует структуру базовых ценностей и принципов, таких как технологическая адаптивность, навыки цифрового мышления, коммуникативность, учет данных и их контроль, цифровая этика и безопасность.

Заключение. Из проведенного краткого социально-философского анализа цифровой культуры и цифровой реальности, можно прийти к выводам о том, что цифровая культура может представляться как часть общей культуры, в разрезе регулирования отдельной сферы жизнедеятельности человека и общества в процессе цифровизации и формировании цифрового пространства. При этом, очевидным становится и другое умозаключение о том, что именно цифровая культура может стать той самой «общей культурой», но не для естественного мира, а мира искусственного – цифрового или даже целой расширяющейся гибридной вселенной. Цифровая культура уже представляется не как часть целого, как культура от информационного (об информации, способах ее использования и передачи) в реальном мире, а как часть мировоззрения цифрового субъекта в измененном пространстве. В сложившихся современных социокультурных условиях, предполагается возможным, считать культуру «общую» и цифровую культуру детерминантом формирования новой метавселенной. Для цифровой реальности характерно не только транслирование классической «реальной» культуры в цифровую реальность, но и появление в ней собственных культурных практик, традиций и ценностей цифрового общества, что в дальнейшем, в рамках исторического контекста станет основанием для формирования новой общей культуры цифровой реальности.

Список литературы

1. Гримов О. А. / Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2019. – №3. – С.42-50.
2. Шаповалова Г. М. Искусственный интеллект – технологии будущего человечества: «цифровая культура» в контексте «цифровой этики» догмат в решении этических проблем // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. № 4(29) – С. 402-406. – DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0094.
3. Королев В. К. Феноменология культуры: учебник / В. К. Королев. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета (ЮФУ), 2011. – 296 с.

УДК 7.011

СВОБОДА МЫШЛЕНИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Бартагариева И.И., ORCID 0009-0000-9432-728X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.i.bartagariyeva@mail.ru

Цифровизация общества, выражающаяся в повсеместном распространении информационных технологий, социальных сетей и искусственного интеллекта, ставит под вопрос традиционные представления о свободе. Если ранее свобода мысли воспринималась как внутренний акт самосознания, независимый от внешних обстоятельств, то сегодня она оказывается тесно связанной с цифровыми практиками коммуникации и потребления информации.

Целью данной работы является постановка вопроса о возможности свободы мышления как экзистенциального акта.

Свобода мышления, рассматриваемая в экзистенциальной перспективе, предполагает способность человека выбирать, как и чем наполнять собственное сознание. В эпоху цифровизации этот выбор становится парадоксальным: возможности доступа к знаниям безграничны, но, вместе с тем, алгоритмы и медийные структуры ограничивают поле восприятия, создавая эффект «цифрового пузыря».

Философия экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс) трактует свободу как фундаментальное измерение человеческого существования. Человек обречён быть свободным, поскольку именно он несёт ответственность за выбор и проект собственной жизни. Однако свобода мысли как внутренняя категория тесно сопрягается с социальными условиями.

Цифровая эпоха создаёт особый онтологический контекст, который выражается в следующем:

- технологический детерминизм усиливает предзаданность информационного выбора;
- цифровые алгоритмы конструируют индивидуальные когнитивные рамки;
- виртуальная коммуникация модифицирует опыт подлинного диалога.

В результате функционирования такого социокультурного контекста свобода мышления становится не просто личным актом, но экзистенциальным выбором сопротивления или согласия с цифровыми ограничениями.

Выбор свободы мышления сегодня включает несколько измерений:

- Критический отбор информации. Личность, выбравшая путь свободы мышления, должна уметь сознательно отстраняться от информационного «шума», манипуляций и навязанных мнений, различая достоверное знание и манипулятивный контент;
- Автономия субъекта. Экзистенциальный выбор проявляется в способности не растворяться в «коллективной анонимности» сетевых сообществ, сохраняя уникальность мировоззрения;
- Ответственность за цифровую идентичность. Личность, взаимодействующая в цифровой среде, принимает решения о степени открытости и аутентичности своего присутствия;
- Творческое мышление. Свобода в цифровую эпоху выражается в умении использовать технологии как средство самореализации, а не как инструмент конформизма.

Диалектическая сущность цифровизации проявляется в том, что она одновременно является фактором, который открывает и ограничивает возможности личности. Она расширяет доступ к знаниям, но формирует зависимость от алгоритмов; стимулирует коммуникацию, но подрывает глубину межличностного диалога; обещает индивидуализацию, но при этом часто ведёт к стандартизации мышления.

В этом контексте экзистенциальный выбор свободы мышления означает способность выйти за пределы «данного» и сохранить критическую дистанцию к цифровой реальности.

Цифровое общество с новой остротой ставит вопрос обретения человеком собственной индивидуальности. Индивидуальность – это не просто совокупность особенностей индивида, а ценностно-смысловой центр его бытия. В кантовской традиции её можно рассматривать как уникальное проявление автономной личности, способной действовать согласно общему моральному закону (категорическому императиву), который она принимает как свой внутренний императив. В экзистенциализме индивидуальность связывается со свободой выбора и личной ответственностью за собственное существование.

В прошлом индивидуальность и создание неповторимого творческого продукта часто были уделом талантливых одиночек – писателей, художников, философов, учёных. Однако в цифровом обществе с цифровой экономикой, где стандартизированные действия всё чаще выполняются искусственным интеллектом, уникальность перестаёт быть привилегией – она становится необходимым условием профессиональной самореализации и успеха.

Сегодня востребованы не только знания и навыки, но и умение создавать ценности, которые нельзя алгоритмизировать: оригинальные идеи, нестандартные решения, эмоционально насыщенные проекты, культурные смыслы. Там, где машину можно заменить программой, человека может спасти только его собственная реализованная

индивидуальность – способность соединять интеллект, опыт и творчество в неповторимый результат.

Цифровая реальность создаёт иллюзию бесконечной свободы самовыражения. Однако алгоритмы социальных сетей формируют «информационные пузыри», в которых человек чаще встречает подтверждение своих взглядов, чем вызов к их переосмыслению [3, с. 47]. Это ослабляет критическое мышление и может приводить к стандартизации мышления.

Свобода мышления является одним из наиболее ярких проявлений индивидуальности. Она предстает как способность субъекта к самостоятельному формированию взглядов, к критической рефлексии и внутреннему сопротивлению внешнему давлению. В философской традиции свобода мышления рассматривалась как фундаментальная характеристика субъекта: для И. Канта – как проявление автономии разума [1, с. 68]; для Ж.-П. Сартра – как экзистенциальная обязанность человека самому определять смысл своего существования [2, с. 124]; для М. Фуко – как практики самости, формирующие личность в сопротивлении дисциплинарным механизмам общества.

Свобода мышления проявляется в нескольких измерениях индивидуальности: 1) оригинальность взглядов (человек, обладающий свободой мышления, способен формировать суждения, выходящие за пределы усвоенных норм и шаблонов); 2) критическая рефлексия (умение осмыслять навязанные модели поведения и противопоставлять им собственную позицию); 3) этическая автономность (свобода мышления обеспечивает моральную ответственность, которая отличает индивидуальность от массового конформизма); 4) творческое выражение (в акте мышления раскрывается способность к созиданию новых идей и культурных форм).

Таким образом, свобода мышления – это не только когнитивная способность, но и форма экзистенциального самоопределения, неотделимая от индивидуальности. Свобода мышления в эпоху цифровизации предстает как напряжённое поле между автономией и зависимостью, открытостью и манипуляцией, подлинностью и иллюзией. Экзистенциальный выбор заключается в том, чтобы сознательно принимать вызовы цифровой среды, использовать её ресурсы, не теряя способности к критическому и самобытному мышлению.

Список литературы

1. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – М.: АСТ, 2019. – 256 с.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 640 с.
3. Pappas E. Fast Change: Immersive Self-Development Strategies for Everyday Life / E. Pappas, J. Pappas // Journal of Advances in Education Research. – 2018. – Vol. 3. – P. 42–56.

УДК 141.32

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Белицкий А.А., ORCID 0009-0008-9367-8422
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
belitskiy.a.a@mail.ru

Введение. Современное общество переживает множество кризисов – личностных, культурных, глобальных. Люди всё чаще испытывают экологические, политические и экономические тревоги, чувство одиночества и изоляции, несмотря на гиперсвязанность через технологии. Философы, социологи, психологи все чаще рассуждают о потере людьми устойчивых религиозных, культурных и семейных ориентиров. Экзистенциальная психология сегодня особенно актуальна, потому что помогает человеку справляться с тревогой, одиночеством, утратой смысла и неопределённостью в быстро меняющемся мире. Она обращается к фундаментальным вопросам – о свободе, ответственности, смерти, подлинности и цели жизни, предлагая не готовые ответы, а пространство для личного осмысления и выбора. В свою очередь сама экзистенциональная психология опирается на философские идеи экзистенциализма в понимании личности не только как набора психических процессов, но как уникального, чувствующего и выбирающего субъекта.

Цель работы – исследовать философские основания экзистенциальной психологии и показать, как ключевые идеи философии экзистенциализма повлияли на формирование её основных принципов и подходов к пониманию человеческого существования**.**

Основная часть. Экзистенциальная психология возникла в середине XX века как ответ на ограничения традиционных психологических направлений, которые часто рассматривали человека лишь через призму поведения, бессознательных процессов или биологических факторов. Этот подход сформировался под влиянием философии экзистенциализма, которая в начале XX века заново осмыслила фундаментальные вопросы человеческого существования – свободу, ответственность, смысл жизни и страх смерти. В условиях послевоенного мира с его кризисами, утратой традиционных ценностей и растущей индивидуализацией экзистенциальная психология предложила новый взгляд на личность – как свободное и осознанное существо, которое сталкивается с тревогой и неопределённостью, но одновременно стремится к подлинности и самореализации. Этот подход стал важной вехой в развитии гуманистической психологии и психотерапии, став мостом между философией и практикой.

Философские идеи, на которых основана экзистенциальная психология, были сформулированы в трудах таких мыслителей, как Сёрен Кьеркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, Карл Ясперс и Габриэль Марсель. Несмотря на различия в их взглядах, всех объединяло стремление к осмыслению глубинного опыта человеческой жизни – опыта тревоги, одиночества, свободы, вины и смерти. Философия экзистенциализма утверждает, что человек – это существо, которому сначала «дано существование», а потом уже формируется его «сущность», каждый сам определяет, кем и каким ему быть. Эта идея, выраженная формулой Жана-Поля Сартра «существование предшествует сущности», подчёркивает радикальную свободу и ответственность личности за своё бытие. Однако она тесно связана с идеями датского философа Сёрена Кьеркегора, который первым выделил понятия тревоги и отчаяния как экзистенциальных состояний, возникающих при осознании свободы и выбора, а также важности личной веры и подлинного существования.

Мартин Хайдеггер в своей концепции «Dasein» (буквально – «здесь-бытие») акцентирует внимание на том, что человеческое существование всегда находится в мире и осознаёт свою конечность, что рождает опыт экзистенциальной тревоги – особого переживания, которое выводит человека за пределы обыденности и побуждает к размышлениям о смысле своего бытия. Фридрих Ницше, в свою очередь, критиковал устоявшиеся моральные и культурные нормы, призывая к переоценке всех ценностей. Он выдвигал идею «воли к власти» как внутренней силы, которая побуждает человека творить себя и свою жизнь заново, несмотря на тяжесть свободы и неизбежное чувство одиночества. Карл Ясперс и Габриэль Марсель, развивая экзистенциальные темы, делая акцент на пределах человеческого понимания и важности диалога как пути к осознанию и трансценденции, подчеркивая, что человек находится в постоянном поиске смысла, сталкиваясь с ограничениями бытия и своей собственной смертностью.

Все эти философы создали глубокий концептуальный фундамент, который экзистенциальная психология использует для понимания внутреннего мира человека. Она берёт эти идеи и адаптирует их в контексте психотерапии. В экзистенциальной терапии человек не просто «лечится», он исследует свою жизнь, свой выбор, свою ответственность перед самим собой. Психотерапевт здесь выступает не как «исправляющий», а как сопровождающий в процессе самопознания.

Заключение. Экзистенциальная психология – это пример плодотворного взаимодействия философии и психологии. Её философские корни придают ей уникальность и глубину, позволяя обращаться к самым фундаментальным вопросам человеческого существования. В условиях современного мира, полного неопределённости и тревог, этот подход становится особенно значимым, помогая человеку обрести устойчивость не за счёт готовых ответов, а через личное осмысление своей жизни и своего пути.

Исследование проводилось в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

Список литературы

1. Мэй, Ролло. Теория и практика экзистенциальной психологии / Р. Мэй, А. Маслоу, К. Роджерск и др.; пер. с англ.; под ред. С. Римского. – 2-е изд. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. – 336 с. – ISBN 978-5-94193-857-5.
2. Папуш М. Психотехника экзистенциального выбора / М. Папуш. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2001. – 544 с. – ISBN 5-88230-108-7.
3. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е. Ф. Губский [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 569 с. – ISBN: 978-5-16-002594-0.
4. Ялом И. Я. Экзистенциальная психотерапия / И.Я. Ялом; пер. с англ. Т. С. Драбкиной. – М.: Независимая фирма "Класс", 1999. – 576 с. – ISBN 5-86375-106-1.

УДК 316

ЧЕЛОВЕК ТРЕВОЖНЫЙ И ОБЩЕСТВО НЕДОВЕРИЯ МЕЖДУ ДЕРЕВОМ И МЕДВЕДЕМ: ЭПИСТЕМА ТРАВМЫ ИЛИ КТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МЫСЛИТ АБСТРАКТНО

Бойчук С.С., канд. филос. наук, ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, РФ
overbaring@mail.ru

Введение. В апреле 2024 года группа британских журналистов из интернет-издательства для зумеров «Screenshot» (Gen Z news согласно описанию на сайте) решила провести традиционный провокационный и ироничный опрос на улицах Лондона, предложив женщинам выбрать между встречей в лесу с мужчиной или медведем. Результат опроса превзошел все ожидания: и дело не в том, что только одна из опрошенных выбрала мужчину, а в том, что ролик в течении нескольких дней в ТикТоке набрал более 14 миллионов просмотров, два миллиона лайков, около 90000 сохранений и «невероятные» 65000 комментариев [1], запустив волну мемов, вирусных дискуссий и подарив человечеству три важных хэштега, осветивших около 20000 постов и обреченных на забвение в бескрайних просторах интернета: #manvsbear, #manorbear и #bearorman.

Цель данной статьи заключается в попытке диагностировать экзистенциональные состояния поздней современности посредством описания механизмов фундаментального институализированного недоверия, вынесенного на поверхность потоками текучего модерна и закрепленного новой антропологией нечеловеческого и эпистемой травмы**.**

Основная часть. Информационный шум, рожденный несостоявшейся встречей с медведем, риторикой феминизма, конвульсиями эроса, практикой преувеличения роли травм от бывшего, идущей рука об руку с токсичной маскулинностью и современной культурой эмоционального капитализма, возможно не стоил бы упоминания, если не один примечательный момент: все участники дискуссии совершили настоящий интеллектуальный кульбит, заткнув за пояс не только здравый смысл, но и туманную философию Гегеля, так как диалектично смогли за лесом не разглядеть деревьев, вернее, одного дерева. Дело в том, что за месяц до принесшей славу «медвежьей дилеммы», те же журналисты на тех же улицах Лондона спросили мужчин о том, с кем бы они поделились своими эмоциями с деревом или женщиной. Результат оказался менее однозначным: если из восьми женщин только одна выбрала встречу с мужчиной в лесу, то в этой ситуации предпочтения разделились почти поровну. Несмотря на то, что данный мыслительный эксперимент вызвал меньший социальный отклик, не подарив повода для признаний, откровений, искромётных шуток, его интернет-отголоски в виде комментариев о том, что дерево более отзывчиво и всегда готово внимательно выслушать, не осудив, не упрекнув, не посоветовав оплатить курс у психоаналитика, были вполне предсказуемыми и не вышли за пределы стандартного женоненавистничества группы инцелов [2].

Упоминание в данном контексте Гегеля неслучайно: ведь не только умение не видеть сущностного ценил философ в окружающих его добропорядочных мещанах, но и готовность мыслить абстрактно: в современном мире рядовой мужчина имеет в глазах женщины значение «абстрактной отвлеченности» некоторого долженствующего быть опасным и токсичным субъектом, с которым барышня в шляпке и с сумочкой вынуждена возиться, хотя это занятие, как известно, хуже горькой редьки. Справедливости ради, необходимо признать, что этот категорический императив вульгарного мышления проявляет себя и в обратной гендерной перспективе: стереотипы и предубеждения заменяют собой критическое мышление мужчинам в той же степени.

Не вдаваясь в подробности интернет-дискуссий, отметим важные топосы социальной и экзистенциальной трансформации ландшафта поздней современности, которые нашли свое выражение в этих двух дилеммах несчастного сознания. Во-первых, за общим умонастроением беспокойства и страха перед другим, скрывается новый этос недоверия к чужаку. После многовековой городской практики по производству «незнакомцев», тех самых «чужаков», которые, согласно мнению Георга Зиммеля, и были тождественны городскому духу, современное общество недоверия и тревоги вновь закрывается в архаике оградительных пространств и ритуалов по восстановлению единообразия и приручению инаковости. Показательно, что одна из участниц опроса перечислила несколько вариантов родственных

связей, которые согласно ее точке зрения, должны были обезопасить встречу в лесу: отец, брат… Во-вторых, выбор дерева или медведя всегда опирается на стремление к минимизации рисков и доместикации непредсказуемости/ неконтролируемости поведения и мотивов другого. Расширение пространства борьбы вследствие неудержимости потоков текучего модерна расшатало опоры рационального и конкретного мышления, в котором риск, будучи всегда некоторой неизвестной постоянной, все же был подчинен законам логики, и его можно было предугадать или рассчитать. В новом агрегатном состоянии модерна риск стал страхом, то есть величиной непредсказуемой и внерациональной, поэтому его необходимо подчинить своей воле. В-третьих, необходимым итогом данных мысленных экспериментов является проблема власти и контроля над другим: отвечая на вопрос о дереве как более открытом для диалога существе, многие мужчины писали, что дерево не воспользуется впоследствии полученной информацией и не нанесет удар. Очевидно, что и медведь причиняет несравнимо меньший вред при встрече, чем мужчина, по крайне мере, он не в состоянии похитить и удерживать свою жертву в подвале [1]. Таким образом ситуация уязвимости оказалась главным топосом и общей интенцией, объединившей участников противоположных гендерных полюсов. Презумпция вины и недоверие сформировали основу эпистемы аффективного абстрактного мышления, в которой знание определяется не разумом/опытом/органами чувств, а травмой и страхом. Современная травма – это центральный организующий принцип социального пространства, новая моральная экономика и светская религия, предлагающая свои ритуалы, иерархию святых и грешников, а также конструирующее свое обещание искупления через публичное признание и коллективную солидарность ран. На основе травмы создаются сообщества, а те из них, которые возникли вне травматического опыта или успешно в своё время его преодолели, отыскивают и радостно пестуют свои травмы. Поиск травмы становится необходимостью, как и последующее публичное заявление об обнаружении столь значимого в мире тревожного модерна социального капитала.

Заключение. Гуманистическая этика, христианская антропология и теория происхождения видов в равной степени, но с разных методологических позиций признавали возможность мыслительного эксперимента с несущейся вагонеткой и гипотетическим убийством толстяка. Дилемма, в которой предлагается выбор между человеком и другим живым существом, находится по ту сторону модерна и рождена из духа нового цинизма и беспокойства. Возможность всерьёз обсуждать (и мыслить) выбор между человеком и не-человеком знаменует собой радикальный разрыв с антропоцентрической парадигмой Модерна. За этой возможностью стоит новая, формирующаяся на наших глазах антропология постгуманизма и эпистема травмы. Гносеологическая ситуация выбора

между человеком и не-человеком знаменует переход к миру, где человек уже меньше человека и является всего лишь одним из многих рискованных акторов. Это мир, в котором священным является уже не «человеческое», а «безопасное». И именно в этом новом пантеоне-паноптикуме дерево и медведь занимают более почётные места, чем незнакомый мужчина или женщина.

Список литературы

1. Would you rather be stuck in a forest with a man or a bear? Unpacking our viral TikTok video. – Текст: электронный // Screenshot-media. – URL: https://screenshot-media.com/culture/internet-culture/man-versus-bear-viral-question/ (дата обращения: 30.09.2025)
2. We asked men on the street: Would you rather share your emotions with a tree or a woman? Their answers said a lot. – Текст: электронный // Screenshot-media. – URL: https://screenshot-media.com/culture/internet-culture/woman-vs-tree-incels-street-interview/ (дата обращения: 30.09.2025)

УДК 39.392

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНОЕ БЫТИЕ – СТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Буланая Ю.В., ORCID 0009-0001-4628-7997
Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Донецк, РФ
buv7777@gmail.com

Введение. Государство и семья относятся к основополагающим компонентам институциональной структуры общества, и находятся в постоянной диалектической взаимосвязи. Семья есть тот фундамент, на котором основывается будущее всего общества, это базовая ценность, значимый социокультурный феномен, который является началом общественного благополучия и процветания государства.

Цель статьи – осмысление сущности семейного бытия, семейных традиций, духовно-нравственных норм в укреплении и сохранении стабильности российской государственности.

Основная часть. В русской государственности на протяжении тысячелетней истории крепость и мощь государства, сила общества, тайна уклада русской семьи заключались в единении любви, долга и служения. Семейное единство укрепляло духовные силы для стойкого сопротивления жизненным трудностям, страданиям, скорбям.

Создание семьи на Руси воспринималось как знак зрелости мужчины, дававший ему право устроить свой собственный дом. Мужчины, не имевшие семьи, порицались общественным мнением, их образ жизни воспринимался как отступление от принятых традиционных норм. Семья на протяжении столетий была хранительницей и транслятором добродетелей – трудолюбия, верности, целомудрия, чести, милосердия, жертвенности, храбрости. Брак являлся школой любви, прощения, ответственности, взаимопомощи, терпимости, долга для русского человека. В многовековой истории нашего Отечества судьба, как жизненный путь мыслилась неразрывно с семейным бытием.

Авторитет отца, как старшего в семье, воспитывал уважение и почитание к начальнику, командиру. Отечественные мыслители отмечают, что российская государственность имела крепкие духовные корни из «прошлого России, из ее крепкой семейной традиции, из того склада русской психики, которая перевела на язык семейных отношений даже высшую государственную власть: «Царь-батюшка» [1].

От устойчивости семейных отношений, от их успешного функционирования зависит качество психического состояния личности, стабильность государственной и общественной жизни. Через семью, ее духовно-нравственные нормы передавалась от поколения к поколению национальная культура. Д. С. Лихачев писал: «...любовь к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи начинается с малого – с любви к своей семье, к своему жилищу, к своей школе. Постепенно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране – к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре» [2]

По учению свт. Филарета Московского патриотизм, национальная идея тоже формируются в семье, закономерно выводятся из семейных отношений, поскольку государство рассматривается как разросшееся семейство, общество семейного типа, возникшее из меньшего племени семейства, в котором лежат семена и которым надлежит раскрыться и созреть в великом семействе – государстве.

К началу XX века была утрачена идея общественного, семейного, государственного долга, как важное условие сохранения стабильности и процветания государственности. Многие русские писатели утверждали, что с исчезновением веры, которая на Руси была Богом данным естеством, появляются разрушительные силы, направленные на деформацию традиционных семейных связей, что привело в свою очередь к кризису семьи.

Русский классик Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» пишет о случайности русского семейства. Рассуждая, в чем причины случайности русского семейства, писатель приходит к выводу об утрате современными отцами «всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для

всех отцов, связующей их самих между собою, в которую они бы сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь» [3].

В нарушении связи между детьми и отцами, трагичности современного порядка жизни, в отсутствии цели жизни, в нарушении Пятой заповеди видел и русский философ Н. Ф. Федоров: «Наше время отличается глубочайшим разрывом между детьми и отцами. Дети, утратив связь с отцами, утратили и цель в жизни…» [4].

На современном этапе, в эпоху постмодерна, ценность института брака в общественном сознании значительно снижена, молодежь XXI века не воспринимает брак как одно из наиболее важных событий в жизни человека, происходит снижение статуса семьи в институциональных структурах общества, и разрушение самого социокультурного феномена семьи.

Причиной глубокого кризиса семейных отношений, семейного бытия является отсутствие брачной компетентности мужчин и женщин, которая заключается в необходимости знаний о сущности брака, знаний семейных традиций, повышения культуры речи, общения, распространения нравственных и религиозных ценностей в осознании того, что верно было отмечено Президентом России В. В. Путиным: «Семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности» [5].

Лидирующие положения в иерархии ценностей личности должны занимать такие ценности, как семья, брак, муж, жена, материнство, отцовство, дети, дом. Поэтому подготовка молодежи к семейно-брачной жизни и укрепление института семьи в российском обществе с помощью средств масс медиа, художественной литературы, киноискусства является актуальной. Ведение в учебных заведениях просветительной работы, направленной на популяризацию семейного образа жизни на основе зарегистрированного брака, может быть своевременным средством воспитания и назидания.

Заключение. Итак, чтобы подойти к пониманию сущности семейного бытия, семейных традиций в укреплении и сохранении стабильности и процветания российской государственности, хотелось вспомнить выдающегося мыслителя, философа русского зарубежья И. А. Ильина, вынужденного находиться в эмиграции, но писать о России и для России, в надежде на ее будущее. «Семья вырастает из любви, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью путем развода и распада, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается и возрастает одна разрушительная ненависть…. Семья есть родовой очаг, трудовое, наследственное единение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство». [6]

Список литературы

1. Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с.
2. Лихачев Д.С. Заметки о русском / Дмитрий Лихачев. – М.: КоЛибри, Азбука Аттикус, 2014. – 480 с. (с. 18)
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 15 т. Т.14. СПб.: Наука (Ленинградское отделение), 1995. – 784 с. (С. 209)
4. Федоров Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Семенова С. Г.]. – М.: Раритет, 1994. – 414 с. - ISBN 5-85735-015-8
5. Российская газета: федеральный выпуск. 2023, № 272 (9217), 30 ноября. – Москва, 2023. – 16 с.
6. Ильин И.А. За национальную Россию: Манифест русского движения / И. А. Ильин // Слово. Литературно-художественный ежемесячник Госкомиздатов СССР и РСФСР. – Москва, 1991. – № 7. – С. 83-85

УДК 616.89+1(091)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАВИСИМОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХИАТРИИ

Вишняков А.В., ORCID 0000-0001-8760-4306,
Михайлов А.Е., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0001-3950-472X,
Злоказова М.В., д-р мед. наук, проф., ORCID 0000-0001-6994-0613
ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет», г. Киров, РФ
vishnyakovav2000@gmail.com

Введение. В условиях нарастающего внедрения цифровых технологий с использованием искусственного интеллекта в основные процессы общественной жизни изменяется клиническая картина многих психических расстройств, что актуализирует для современной психиатрии задачу их концептуализации [1; 2]. Данный патоморфоз наблюдается в группе аддиктивных расстройств, когда объектом зависимости или средством реализации зависимого поведения становятся различные технические устройства: компьютерная и смартфон-зависимость, зависимость от социальных сетей, игровая Интернет-зависимость и т.д. [3]. Отсутствие единообразия нейробиологических механизмов и клинических проявлений множества поведенческих зависимостей, а также нечеткость границ между нормой и патологией в постмодернистком психиатрическом дискурсе затрудняют диагностику технологических аддикций [4].

Цель – раскрыть философские основания концептуализации исследований технологических зависимостей в современной психиатрии.

Основная часть. Совершенствованию методик в выработке диагностических критериев психических расстройств способствует

философское обоснование научных подходов, используемых при включении новых форм психопатологии в медицинские классификации и клинические рекомендации [5]. Психиатр и философ К. Ясперс в работе «Общая психопатология» психическое расстройство рассматривал как экзистенциальную «пограничную» ситуацию, в которой отражается кризис «наличного бытия отдельного человека». В данном контексте Ясперс трактует явление зависимости не только как нарушение психического здоровья, но и как «типичную фундаментальную связь между личностью и реальностью» [6], что соотносится с задачей демаркации аддиктивного расстройства от проблемного поведения и крайних вариантов непатологических личностных особенностей в современной психиатрии [7].

К. Ясперс в работе «Истоки истории и её цель» (1949) рассматривал зависимость от технологий как способ преодоления «зависимости от природы», обращая внимание на «демонизм техники», который заключается в изменении мышления человека и «отчуждении в автоматичности» [8]. Данное противопоставление различных зависимостей с учетом когнитивных детерминант определенного поведения коррелирует со стратегией перевода аддиктивного поведения из социально неприемлемой в социально приемлемую форму, применение которой возможно в терапии технологических аддикций [3].

Но, как отметил Т. В. Адорно, полезность или вред современной техники зависит не от неё самой и создающих её техников, «а от того, как используется она в обществе. Это использование не является делом доброй или злой воли, а зависит от объективных структур общества» [9]. Приоритетное детерминирующее значение при этом имеют ценностные ориентиры, которые устанавливаются в обществе. Современная культурная когнитивная нейронаука исходит из того, что «человеческий мозг – не просто биологическое, но и культурное образование: биоартефакт» [2, с. 15]. Природа человеческой психики не может быть раскрыта только в рамках естественнонаучного подхода. «То, что делает человека человеком, не есть действия по технологизируемым правилам: свободный выбор, понимание другого, признание, взаимная помощь, сострадание, самопожертвование. Моральные предписания (возлюби ближнего, относись к другому не как к средству) не указывают правила их выполнения. Но и в тех случаях, когда есть правила достижения той или иной цели (и в этой связи возможность использовать определённые технологии), сама постановка цели зависит от принимаемых человеком ценностей: от того, что он считает хорошим и плохим, достойным и недостойным, желательным и нежелательным и т. д. А ценности – не набор правил и не сумма технологий. Но ведь именно ценности лежат в основе той или иной культуры и определяют характер социальных институтов» [10].

Заключение. Таким образом, источником разработки концептуальных оснований при создании и внедрении в психиатрическую

практику эффективных методов диагностики и лечения технологических аддикций могут быть философские исследования различных аспектов внедряемой техники. Выявление личностных особенностей пациентов с технологическими зависимостями в экзистенциально-гуманистическом дискурсе позволяет уточнить степень выраженности психопатологических проявлений, а также определить границы социальной приемлемости различных форм поведения при использовании современных информационных технологий.

Список литературы

1. Aftab A. Conceptual psychiatry: the ground beneath our feet / Awais Aftab // International Review of Psychiatry. – 2021. – Vol. 33(5). – P. 443–445. – DOI: 10.1080/09540261.2020.1864303
2. Briganti G. Artificial Intelligence in Psychiatry / Giovanni Briganti // Psychiatr Danub. – 2023. – Vol. 35 (Suppl. 2). – S15–9.
3. Лукьянов Н. Е. Компьютерное игровое расстройство: вопросов больше, чем ответов? / Н. Е. Лукьянов // Социальная и клиническая психиатрия. – 2021. – Т. 31, № 1. – С. 90–95.
4. Stein D. J., Lochner, C. Nosology of behavioral addictions: Intersections with philosophy of psychiatry / Dan J Stein, Christine Lochner // J Behav Addict. – 2022. – Vol. 11(2). – P. 186-190. – DOI: 10.1556/2006.2022.00033
5. Kendler K. S., Zachar, P. Toward a philosophical approach to psychiatry: the writings of Kenneth Kendler. In K. W. M. Fulford, S. P. Sadler, C. van Staden, & J. R. O. Morris (Eds.), The Oxford Handbook of Philosophy and Psychiatry / K. S. Kendler, P. Zachar. – Oxford University Press, 2019. – P. 139–158.
6. Ясперс К. Общая психопатология. Пер. с нем. / К. Ясперс. – Москва: Практика, 1997. – 1053 с. – ISBN 3-540-03340-8 (нем.), 5-88001-021-X (русск.).
7. Вишняков А. В. Пост- и метамодерн в психиатрии: философский аспект / А. В. Вишняков, А. Е. Михайлов, М. В. Злоказова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 22–25.
8. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Смысл и назначение истории / Пер. с нем., 2- е изд. / К. Ясперс. – Москва: Республика, 1994. – С. 28–286.
9. Адорно Т. В. Техника и гуманизм. Философия техники в ФРГ: Пер. с нем. и англ. / Составл. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 364–371.
10. Лекторский В. А. Человек и системы искусственного интеллекта: монография / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]; под редакцией В. А. Лекторского. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2022. – 328 с.

УДК 130.122 + 165.15

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР: ЛОГИКА ПОЗНАНИЯ

Волошин В. В., д-р филос. наук, доц., ORCID 0009-0006-4581-7972
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.v.don77f@bk.ru

Введение. Понятие «экзистенциальный выбор» (далее – «ЭВ»; кавычки используются, чтобы избежать отождествления означающего и означаемого), генетически связано с известным направлением современной философии. Если раньше проблемами ЭВ занимались преимущественно психологи (экзистенциальная психология – безоговорочный лидер) и историки философии, то в последние годы понятие «ЭВ» стало элементом концептуального каркаса социальной и политической философии, этики, аксиологии, социологии, конфликтологии. Его используют ведущие политики, общественные деятели, журналисты. ЭВ – это не только выбор личности, но и больших социальных групп, регионов, государств. На глобальном уровне ЭВ видоизменяет ориентации и мотивации людей, трансформируя тем самым социальную реальность.

«ЭВ» не имеет конвенционально признанного набора существенных признаков; содержание нестабильно и однозначно не определено, объем вариативен. Такая эпистемологическая хаотичность имеет объяснение: референтом данного понятия является сложный социально-гуманитарный объект. Его эволюция протекает немонотонно, нередко в несоизмеримых экзистенциальных контекстах, фиксируется в разных модальностях. Все это продуцирует логико-семантические и методологические затруднения.

Ставится **цель** очертить контуры новой логико-методологической программы, применение которой позволило бы раскрыть атрибутивную и функциональную специфику ЭВ, устранить полисемию, элиминировать неопределенности и противоречия.

Основная часть. Прежде чем вести речь о логике познания объекта, следует выяснить, *что* мы познаем. Обнаруживается множество определений «ЭВ». Все они, в силу объективных причин, претендуют на статус экспликативных (контекстуальных), следовательно, являются логически уязвимыми (правила формирования дефиниций нарушаются). Определения ЭВ осуществляются с помощью таких сложных конструктов, как поиск смыслов, пограничная ситуация, самопознание, постижение трансцендентного, стремление к личностной автономии, рефлексия личности относительно смысложизненных основ ее существования. Дефиниенсы включают понятия: стремление к свободе, тоска, тревога, страх смерти, одиночество, разочарование, ответственность, чувство вины. Определения страдают субъективизмом. Они метафизически и психологически нагружены, содержат метафоры; количественные термины отсутствуют.

Вышесказанное – не столько недостаток, сколько подтверждение уникальности ЭВ и специфичности объектов социально-гуманитарного познания в целом. Человек – обладатель активного и творческого начала, его жизнь – череда экзистенциальных выборов разной степени значимости. ЭВ базируется на осознанном моральном долженствовании, требует от человека актуализации ценностно-смысловых образований, плохо поддающейся осознанию и вербализации (В. В. Знаков). ЭВ – самопреодоление и самопревосхождение, готовность брать ответственность и идти на риск, отвечая за свои поступки (Н. Н. Емельянова). Это выбор между альтернативами-ценностями (А. П. Мерсиянова).

Отмечаем, что существенные признаки ЭВ фиксируются с помощью абстракций – «возможность», «альтернативность», «вероятность». ЭВ – открытая, аксиологически детерминированная дизъюнкция. Определяем ЭВ как процесс селекции возможных миров, достижимых из действительного мира. Смысловые ландшафты таких миров задаются в системах модальных координат, их реализуемость неочевидна, но даже если эти миры так и не становятся частью мира действительного, они его корректируют.

В отличие от безмолвствующей природы, объект социально-гуманитарных наук – «выразительное и говорящее бытие» (М. М. Бахтин), а методология детерминирована наличием неустранимого исторического фона, витальными смыслами, иррациональными рисками, включенностью субъекта в объект познания. Однако это не дает индульгенцию на игнорирование эпистемологического ядра науки – логики.

Ответ на вопрос, что такое методология научного познания отнюдь не очевиден. Классические определения констатируют: методология является 1) типом рационально-рефлексивного сознания, ориентированного на конструирование и совершенствование методов; 2) учением о структуре и формах научного знания, системе принципов, норм и способов научно-познавательной деятельности. Несомненно, предмет методологии науки связан с поисками и апробацией принципов и отдельных методов. Но он также ориентирован на обоснование приближения к истине, как ключевой цели науки. М. Коэн и Э. Нагель настаивают: универсальным и существенным признаком науки является ее общий метод, который состоит в поиске истины и ответах на главные эпистемологические вопросы. Эти вопросы «выражают требование наилучших оснований, детерминацию которых мы именуем логикой», сам же научный метод «заключается в настойчивом применении логики как общей характеристики любого обоснованного знания» [1, с. 272]. Солидаризируясь с «логицизмом» М. Коэна и Э. Нагеля, В. А. Светлов дает следующее определение: «Методология науки – теория научного вывода общего и частного знания, теория и практика решения прямых (дедуктивных – *В. В.*) и обратных (индуктивных – *В. В.*) задач научного исследования, теория самокоррекции научного знания» [2, с. 285]. Научный вывод есть результат синтеза

методологического инварианта научного исследования с теоремой Байеса – формализма, гарантирующего всеохватность научного вывода. Методологический инвариант, в свою очередь, представляет собой единство абдукции, дедукции, индукции и аналогии. Применяемые автономно, эти методы имеют сложности в деле открытия и обоснования новых истин, страдают методологической неполнотой, неспособностью исправлять имманентно присущие им ошибки.

В основе теоремы Байеса лежат простые идеи и вычисления (математический аспект опускаем). Действительный мир чрезвычайно сложен, его функциональные регулярности и причинно-следственные связи в полном объеме нам недоступны. Поэтому ученый допускает альтернативные объяснения (гипотезы), конструирует возможные миры. Дальнейшее развитие событий вносит коррективы, заставляя отказаться от ранее сформулированной гипотезы в пользу новой (более вероятной). Тем самым решаются проблемы объективации знаний и адекватности предсказаний, следовательно, и достижения истины. Вычисляются априорные и апостериорные вероятности выдвинутых гипотез, полная вероятность и правдоподобия некоторого события (явления, состояния) [2, с. 295, 300].

Заключение. Объяснения ЭВ уместно реализовывать в формате семантики возможных миров, получившей свое развитие и применение в пространстве неклассической логики. Интерпретация методологии как теории научного вывода, разрабатываемая В. А. Светловым, – оригинальная и эвристическая инновация. Применение теоремы Байеса, апеллирующей к возможным мирам, в методологическом плане является многообещающей темой. Логика и математика, разумеется, не снимут всех сложностей в объяснениях ЭВ, но они помогут систематизировать затруднения, возникающие в области определения и типологии данного объекта, минимизировать субъективизм, влияние психологических и метафизических трактовок, дать более полную и точную картину причин и следствий ЭВ.

И последнее. «Изгнание» логики из университетов будет иметь печальные последствия, ибо не только усложняет способность критического анализа социальной реальности, сужает мировоззренческий горизонт студентов, но и обессмысливает преподавание многих дисциплин – истории и философии науки, методологии и методов научных исследований и т. д.

Исследование проводилось в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

Список литературы

1. Коэн М. Введение в логику и научный метод / Моррис Коэн; Эрнест Нагель; пер. с англ. П. С. Куслия. – Челябинск: Социум, 2010. – 655 с. – ISBN 5-978-91603-029-7.
2. Светлов В. А. История и теория научного вывода / В. А. Светлов. – М.: Канон + РОООИ «Реабилитация», 2024. – 432 с. – ISBN 978-5-88373-840-0.

УДК 101.1:316.3+001.8.3

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гаврилина О.И., ORCID: 0009-0006-0823-0654
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», г. Москва, РФ
philosopher.i.a.ilyin@yandex.ru

Введение. В современных философских дискуссиях о принципах и направлениях трансформации современной системы образования все большую роль приобретает ссылка на необходимость актуализации классических традиций в образовании [3]. На смену стандартному тезису о кризисе классической системы образования во все большей степени приходит понимание того, что сущность образования основана на классических традициях, и меняется только их форма, а не содержание. Трансформация и модернизация форм образования остается плодотворной ровно до такого момента, когда сохраняется классическая модель образования – как формирования не только профессиональных навыков, но и самой личности обучаемого. В связи с этим возникает вопрос: какие именно принципы классического образования должны сохраняться и развиваться одновременно с модернизацией его форм?

Целью доклада является формулировка таких принципов в контексте тех кризисных явлений, которые происходят в образовании в настоящее время и требует модернизации его форм.

Основная часть. В концепции «постиндустриального общества» Д. Белла значительное место уделено проблемам трансформации форм, методов и всей системы образования в силу требований, которые ему будет предъявлять этот новый тип общества. Д. Белл утверждал, что университет становится главным социальным институтом современного общества, поскольку является основой социализации и формирования свободного индивида (в этом смысле он даже утверждает, что неважно чему учить, а важно как): «Образование – это утверждение принципа интеллектуального и художественного порядка посредством поиска взаимосвязей в дезорганизованном мире знаний» [1, с. 569]. Собственно, новый тип «постиндустриального» образования является одним из ключевых элементов этого общества, становление которого идет уже несколько десятилетий. Вместе с тем, в каком именно направлении будет эволюционировать образование – остается предметом дискуссий.

Бывший президент Гарвардского университета Д. Бок уделяет внимание одной из современных тенденций развития высшего образования, и университету, в частности, а именно ее коммерциализации. Он указывает, что

в условиях рыночной экономики коммерциализация является данностью, которую стоит не пытаться побороть, а осмысливать и направлять, тем самым усиливая независимость университета от своих доноров, повышая качество образования и научных исследований и тому подобное. Д. Бок констатирует со ссылкой на эмпирические данные, что коммерческие стимулы пошли университетам на пользу, хотя они и содержат ряд угроз, например, проблему ангажирования научных исследований. Коммерческий успех важен, однако не является единственным критерием эффективности университетской администрации и университета в целом [2, с. 45-46].

Такому достаточно оптимистичному взгляду на современность и будущее университета оппонирует подход, подчеркивающий кризис, в котором находится университет настоящего. Например, Б. Ридингс считает, что современный университет находится в руинах (это выражение вынесено в название его известной книги). Последнее связано с тем, что на смену университету как месту, где передается культура, пришел «постисторический университет совершенства», и он разрушает назначение университета, в котором культура замещается бюрократически управляемым знанием. Университет, доказывает Б. Ридингс, должен быть неподвластным экономике, поскольку именно коммерциализация и потребность в зарабатывании денег размывают культурную целостность университета и разрушают автономию и академическую свободу [6, с. 55].

Экономические процессы в образовании являются типичной мишенью для критиков современного университета, поскольку побочным эффектом поисков источников финансирования может стать пренебрежение к фундаментальным и гуманитарным исследованиям, которые либо вообще не измеряются экономическими показателями, либо же имеют очень отдаленный и слишком неопределенный экономический эффект. Поэтому американский философ М. Нуссбаум критикует современное высшее образование с этой стороны: используя статистические данные, констатирует сокращение гуманитарных курсов в образовательных программах различных специальностей [5, с. 23-24].

Как следствие, образование превращается исключительно в процесс овладения определенной профессией. Университет, другие образовательные учреждения теряют свое значение, как место, где формируется гражданин, Потеря интеллектуальных ориентиров составляет прежде всего проблему именно гуманитариев и гуманитарных и социальных дисциплин. Основные сущностные составляющие идеи университета и проблемы, которые должен решать современный университет – это коммерциализация, идеологическая и моральная релятивизация, очень далеко зашедшая специализация знания, угрожающая развитию фундаментальных исследований и т.д.

Однако альтернативой этой господствующей ныне технократической модели «биоцифрового университета» является, как пишет М.В. Левит,

«сегодня, в постнеклассическую или, по-другому, в постмодернистскую, постиндустриальную эпоху, феномен современного классического (личностного, универсального) образования действительно представляет собой вершину современных гуманных (и инновационных) представлений об этой сфере человеческой деятельности. При этом классицизм (универсализм) в образовании оказывается гораздо более востребованным, чем в самые... классические времена. В условиях «наползающего хаоса» – неопределенности и всеобъемлющего релятивизма культуры – современное прочтение классики и универсализма образования» [4, с. 38]. Но что означает это «современное прочтение»? В первую очередь две главные элемента классического образования: 1) формирование мировоззрения и гуманитарной эрудиции; 2) формирование гуманистической личности.

Заключение. Классическая традиция в образовании предполагает существенное ограничение новых коммерческих функций университета и сохранение его автономии, как самоценного социального феномена, задача которого состоит в формировании и социализация личности. Классические принципы университетского образования, всегда включающие в себя формирование мировоззрения личности обучающегося, остаются универсальными и неизменными, независимо от любых технологических нововведений (цифровизации и т.д.). Поэтому принципиальной является модель обучения диалогического типа по принципу передачи знаний от учителя к ученику: университет и является той площадкой, где это может происходить. Кроме того, университет является пространством особого рода демократичности, а именно: возможности свободной коммуникации между различными индивидами и социальными, а также культурными группами людей. Именно в этой среде происходит не только передача профессионального знания, но и передача социокультурных традиций.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / Д. Бок; пер. с англ. – М.: Изд. Высшей школы экономики, 2012. – 224 с.
3. Гутова С.Г., Самохина Н.Н., Целищева З.А. Роль традиций в формировании гуманистического фундамента образования / С.Г. Гутова, Н.Н. Самохина, З.А. Целищева // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4. – С. 22-29.
4. Левит М.В. Классическое образование в постнеклассическую эпоху / М.В. Левит // Проблемы современного образования. – 2011. – № 3. – С. 27-39.
5. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / М. Нуссбаум; пер. с англ. – М.: Изд. Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.
6. Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс; пер. с англ. – М.: Изд. Высшей школы экономики, 2010. – 55 с.

УДК 165.731

ЭМИЛЬ ЛИТТРЕ И ЕГО ВКЛАД В ФИЛОСОФИЮ ПОЗИТИВИЗМА

Гайсина А. А., ORCID 0009-0001-6863-2683
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского», г. Ярославль, РФ
steisi.stejsi@yandex.ru

Великий французский учёный и лингвист XIX века Эмиль Максимильен Поль Литтре (1801 – 1881), более известный как автор «Словаря французского языка», внёс огромный вклад не только в лингвистику французского языка. Помимо своих многочисленных трудов по медицине, сравнительной лингвистике и истории, Литтре посвятил множество трудов философии позитивизма и творчеству французского философа Огюста Конта (1798–1857), среди которых: «Аргументированный анализ курса позитивной философии» (фр. «Analyse raisonnée du cours de philosophie positive», 1845); «Сохранение, революция, позитивизм» (фр. «Conservation, Révolution et Positivisme», 1852); «Тексты позитивной философии» (фр. «Paroles de philosophie positive» 1859); «Огюст Конт и позитивная философия» (фр. «Auguste Comte et la philosophie positive», 1863) и др. [1, с. 25–28].

В 1840 году Литтре впервые познакомился с работами тогда ещё не известного французского философа-позитивиста Огюста Конта. Жизненные обстоятельства привели учёного к тщательному изучению философии. За относительно недолгий промежуток времени учёный потерял практически всю свою семью: его отец скончался в 1827 году, затем погиб его брат Бартелеми в 1838 году, а вскоре не стало и его матери в 1842 году. Прочитав работы Конта и тщательно ознакомившись с данной философией, Литтре вдохновился новыми идеями и понял, что должен стать её апостолом и лидером. Труды Конта настолько покорили его, что между старыми и новыми мнениями возникло противоречие. До принятия философии позитивизма учёный руководствовался убеждениями деизма: Бог, душа и бессмертие. Новые идеи помогли ему понять, что прошлое было всего лишь подготовкой к дальнейшему развитию. С этого момента Литтре стал последователем позитивной философии, несмотря на возникающие сомнения и вопросы в результате ведения своей научной и общественной деятельности [1, с. 25-26, 83-85; 4, с. 1].

Литтре относился к основателю позитивизма, с которым лично был знаком, с благочестием и провозгласил его освободителем своей души и всего порабощённого мира. Учёный писал, что если бы учение позитивизма было неполноценным, то он не согласился бы с ним и не смог бы принять какую-либо теологическую или метафизическую философию или

собственными силами самостоятельно прийти к какой-либо универсальной точке зрения, в которой было бы место метафизике или теологии. В 1844 – 1849 гг. Литтре опубликовал множество больших статей в журнале «Le National», впоследствии изданных в едином сборнике «Сохранение, революция, позитивизм» (фр. «Conservation, Révolution et Positivisme», 1852), что поспособствовало быстрому распространению и общественному признанию философии позитивизма как во Франции, так и по всему миру [1, с. 25-26; 2, с. 608; 4, с. 529].

В своей работе «Огюст Конт и позитивная философия» (фр. «Auguste Comte et la philosophie positive») Литтре даёт определение философии позитивизма. Позитивизм, по его мнению, – это одновременно и система, включающая в себя всё, что мы знаем о мире, о человеке и об обществе, и общий метод, содержащий в себе все способы, с помощью которых мы чему-то научились. То, что находится за пределами, будь то материально глубинное бескрайнее пространство или интеллектуально бесконечная цепь причин, абсолютно недоступно человеческому разуму. Но недоступность не означает отсутствие или несуществование. Необъятность, как материальная, так и интеллектуальная, держит тесную связь со знанием и только благодаря этому союзу становится положительной идеей того же порядка. Она проявляется в своём двойственном характере, реальности и недоступности, и это подобно «океану, который приближается к берегу, но для которого у нас нет ни лодки, ни паруса, однако ясное его видение столь же благотворно, сколь и грозно». Согласно данному философскому течению, цивилизация – это прогресс воздействия человека на природу, и условия этого прогресса заключаются в тех достижениях, которые разум совершает в познании этой природы [2, с. 608; 4, с. 519].

Во второй половине XIX века позитивизм стал программой, идеологией, мировоззрением многих людей. В 1860-х гг. в печать вышли переводы на русский язык работ О. Конта, Дж. Милля, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и др. В газетах и журналах освещалась научная жизнь первых социологических сообществ, в которых самое активное участие принимали некоторые русские социологи. Оригинальность идей Литтре была отмечена рядом его русских современников. По мнению В. Г. Белинского, «учёный с мировым именем Э. Литтре несомненно содействовал популяризации первого позитивизма, хотя его взгляды были далеко не тождественны контизму». А русский философ-позитивист Е.В. де Роберти и вовсе последовал идеям Литтре. Их обоих объединяла не только уверенность в правильности позитивизма, но и общая тяга к исследовательскому творчеству, связанному с критическим переосмыслением теоретических основ данного философского течения. В 1867 г. русский учёный-химик и социолог Г. Н. Вырубов, проживавший во Франции, основал вместе с Литтре журнал «La phylosophie positive», в котором публиковались статьи как российских, так и зарубежных исследователей. [7, с. 18-19; 6, с. 216].

По мнению Литтре, позитивная философия «возвращает идее порядка торжественное освящение, основывая её на совокупности естественных законов, управляющих миром, жизнью и обществом». Эти законы в чём-то могут быть изменены человеческими действиями, а в чём-то они неизменны. В позитивизме речь идёт об овладении законами природы, о том, что можно и чего нельзя делать для исправления природы и улучшения мира. Таким образом, всё сводится к познанию естественных законов, управляющих социальными явлениями. Он считал, что в развитии человеческой мысли до позитивной философии было время двух великих философий, теологической и метафизической. Если теологическая философия – это работа разума, постигшего в вещах волю, а метафизическая философия – это работа разума, ставящего необходимые взгляды ума на вещи, то позитивная философия – это работа разума, извлекающего из вещей то, что необходимо в него поместить [5, с. 15, 28, 30, 33].

Литтре разделял веру Конта и оставался предан позитивизму вплоть до 1855 года. Затем учёный последовательно отказался от всех положений позитивного синтеза. Одна из главных причин столкновения между Литтре и Контом заключалась в разном определении значения объективного и субъективного методов. Если Конт подразумевал под ними два разных способа построения новой духовной системы вместо христианства, то Литтре дуалистически определял объективный метод как научную добродетель, а субъективный – как научный порок, то есть узко определял объективное/субъективное по отношению к миру/разуму и последовательно использовал их в этих значениях. Таким образом, учёный одновременно продолжал твёрдо придерживаться положительной философии и с не меньшей решимостью отвергал позитивную политику, которую Конт хотел вывести из неё. Несмотря на критическое отношение к философии Конта, высказанное в научном труде «Огюст Конт и позитивная философия» (фр. «Auguste Comte et la philosophie positive», 1863), Литтре заявлял, что на протяжении многих лет жизни им руководили два тесно связанных интереса: интерес к позитивной философии и интерес к её основателю. Он считал, что позитивизм – это одно из тех едва ли не вековых произведений, которые меняют уровень, а её основатель – один из тех людей, которым причитаются слава и признание. [3, с. 26, 33-35; 4, с. 2-3].

Несмотря на сомнения и колебания доверия, Литтре не переставал провозглашать интеллектуальное и моральное благо, которое эта философия принесла ему и людям его времени. Позитивизм являлся одновременно продуктом глубоко тревожного времени и лекарством от него. Истинная цель новой философии состояла в том, чтобы связать всю психическую и социальную стабильность со стабильностью науки [1, с. 105-106].

Список литературы

1. Caro, Elme-Marie. M. Littré et le positivisme – Paris: Librairie Hachette et Cie, 1883. – 304 p.

2. Gouhier, Henri. Émile Littré et la philosophie. // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 125e année, 1981. – №4. – P. 606–615.
3. Hirai, Masahito. Objectivity in the Beginnings of the Positivism: Dispute between Auguste Comte and Émile Littré. // Archive for Philosophy and the History of Science, 2016. – №18. – P. 25–39.
4. Littré, Émile. Auguste Comte et la philosophie positive – Paris: Imprimerie de Ch. Lahure, 1863. – 688 p.
5. Littré, Émile. Conservation, Révolution et Positivisme – Paris: Librairie philosophique de Ladrance, 1852. – 332 p.
6. Бузук, Г. Л. Русский позитивист Е. В. Де Роберти: эволюция философских взглядов / Г.Л. Бузук // Социально-гуманитарные знания, 2008. – №3. – С. 213–223.
7. Кудрявцев, В. А. Идейные и теоретические основы процесса институционализации социологии в дореволюционной России / В.А. Кудрявцев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2019. – №2. – С. 7–29.

УДК 130.2

О ДВУХ ПОТОКАХ ОБРАЗОВ

Гиренок Ф.И., д-р филос. наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
girenok@list.ru

Введение. Человек живет не столько в мире вещей, сколько в мире образов. Не обращая внимание на это обстоятельство, трудно отличить психику от сознания. Не различая их, мы плохо понимаем, когда интеллект встраивается в инстинкт, а когда – в сознание. Следовательно, мы плохо понимаем, где начинается человеческое и где заканчивается человеческое, и в чем состоит humanitas человека.

Цель: показать различие между психикой и сознанием.

Основная часть. Мозг появился у живых существ 140 миллионов лет назад. Сознание – 40 тысяч лет назад. Письменность – 10 тысяч лет назад. Нейроэлектрическая мощь мозга связана с телами, которые, воздействуя на органы чувств, посылают ему сигналы. Мозг, как говорит Анил Сет, сидит в темнице черепа. Вокруг него гробовая тишина. И эту темницу извне атакуют электрические сигналы. Причина их находится во внешнем мире по отношению к живому организму. Мозг реагирует на них.

Животное – пространственное существо. Оно реагирует на то, что есть, и не реагирует на то, чего нет. Но что будет, если эту темницу мозга начнут атаковывать электрические сигналы не только извне, но и изнутри?

Извне атакует нас дерево. Изнутри нападают на нас образы дерева. Извне действуют на мозг тела, а изнутри действуют на него галлюцинации.

Может ли сам мозг решить, какой электрический сигнал ему выбрать? За него все решила эволюция.

Что делает организм, если он видит, как кто-то ест банан? У него в мозгу возбуждаются те же нейроны, что и в мозгу того, кто ест банан. Если мозг не отличает мнимость от тела, то организм не может их не отличать посредством чувства голода. Голод принадлежит не нейронам, а организму. И чувство принадлежит организму, а не мозгу. Видеть, как едят, это одно, съесть – это другое, хотя в обоих случаях возбуждаются одни и те же нейроны. Для организма – это два экзистенциально разных события. Мозг реагирует на галлюцинацию, как на тело. Но эта скрытая шизофрения губит живой организм. Чтобы его спасти, эволюция запретила живому организму галлюцинировать. Мозг реагирует на сигналы изнутри, как на сигналы извне. Встроенный в инстинкт, мозг руководит психикой и навигацией движения в пространстве.

Но что может руководить навигацией организма в мире образов? Для этого нужно затормозить поток внешних образов и активировать поток внутренних образов. Это делает сознание.

Чем психика отличается от сознания? Психика любит повторение. Сознание – новизну. Все, что повторяется, сознание сбрасывает психике. Психика, встретив новое, тут же перекидывает его сознанию. Повторить что-либо во времени невозможно. В пространстве – это рутина.

Психика, а значит мозг и нейронные сети, создавалась для навигации в мире тел и сил. Для этой пространственной навигации никакого сознания не надо. Для нее достаточно обмена биоэлектрическими сигналами. Пространство – предел формы жизни. Ни одно живое существо не живет во времени.

Человек – временное существо. Время само по себе не существует. Оно не свойство вещей. Время – свойство сознательной жизни человека. В свою очередь, сознание – это свойство жизни человека во времени.

Жить во времени – значит жить в мире контролируемых сознанием галлюцинаций. Ни тело, ни психика не созданы для этой жизни. Они созданы не для мысли, а для жизни в пространстве того, что есть.

Но человек живет в мире образов, среди призраков – того, чего нет.

Заключение. Следует различать два типа сенсориума – внешний и внутренний. Внешний сенсориум состоит из пяти органов чувств. Внутренний – из чувства самого себя, чувства времени, чувства реальности, чувства Бога.

Первый сенсориум помогает ориентироваться в пространстве живым существам. Второй – дает навигацию в мире образов.

Именно второй сенсориум принципиально отличает человека от животного.

Для чего нам нужно сознание? Не для того, чтобы что-то знать о мире, не для работы с потоками информации, для этого всего существует

интеллект. Сознание существует для воздействия человека на самого себя во времени посредством мнимостей, а не электричества. Чтобы воздействовать на себя, человеку нужно создать себя. Мы создаем себя посредством воображения.

УДК 130.11 + 316.722

СИНТЕЗ ВОЛИ И РАЗУМА КАК ПРИНЦИП РУССКОГО САМОПОЗНАНИЯ

Гончарук А. А., ORCID 0009-0001-7626-5174
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mediator.goncharuk@yandex.com

Введение. Русский народ уже более 30 лет находится в неустанных поисках самого себя. И каждый виток того кризиса, в который погрузилось человечество в целом за последние десятилетия, все сильнее обостряет эти поиски. Однако любое познание разворачивается в соответствии с какими-либо принципами. Их критическое изучение является неотъемлемой частью процесса установления истины во всей её сложной конкретности.

Целью работы является рассмотрение понятий «разум» и «воля» в их отношении к проблеме самопознания в русской культуре.

Основная часть. В настоящее время, стремясь найти материю для своего самосознания, Россия или сравнивает себя с Западом и Востоком (воспринимаемыми эмпирически абстрактно). Или погружается в глубину истории: от событий XX в. к Киевской Руси, или даже дальше к Византии и становлению православия, – в надежде на опытные доказательства по большому счету «антиисторичности», неизменности 1000-летней России. Либо обращается к православию и всему пласту русской культуры нередко лишь для того, чтобы, в конечном счете, с нескрываемым удовольствием отнести ее к удобоваримой данности.

В результате, все живое и деятельное, что есть в нашей истории, превращается в недвижимый памятник. И при всем своем величии, он остается чем-то вырванным из общественной жизни. Попытки же оживить его с помощью апелляции к ценностным отношениям, которые воплощаются в виде тех или иных традиций, ритуалов, представлений о государственном и гражданском устройстве, имеют ограниченные результаты. Поскольку в действительности такие апелляции принимают форму скорее аналитических, а не синтетических суждений, они не образуют принципа и предельного основания нашего самопознания. Поиски того самого русского духа направлены на выведение его из уже наличного и

вроде бы известного. В конечном счете, они приводят лишь к односторонним абстракциям, которые в явленном виде кажутся наполненными бесконечными смыслами. В своей же сущности они образуют лишь бесконечную пустоту.

Для каждого народа его исторический путь начинается с обнаружения в интуитивном виде собственной воли. Хотя тут вернее назвать ее желанием, стремлением, направленностью. Поначалу в произвольном виде она устанавливает отношение с окружающим миром. Для России материалом для ее стремлений стали огромные и дикие природные пространства (которые сами по себе заставляют задуматься о том, что лежит за пределами собственного «Я») и христианский спекулятивный (в гегелевском смысле) Бог. Нередко это «воление», в виду своей простоты и наличия как данности, и объявляется сущностью России, хотя это лишь ступень к ней, от которой надо оттолкнуться. Эти желания как нечто произвольное разрывают ткань общественного сознания на совокупность страстей и частных интересов, которые утилитарно провозглашаются безальтернативной абсолютной реальностью.

«Умом Россию не понять» – так выразился Ф. И. Тютчев в середине XIX в., и эта фраза в наше время стала трюизмом, обозначающим безропотное преклонение перед кажущейся иррациональностью бытия. На наш взгляд, только разумом и можно объять всю противоречивость и «произвольность» русской истории.

Но не разумом, под которым обычно имеют в виду «здравый смысл», «здоровую рассудительность» среднего класса. Здесь речь о Разуме: совершенном, абсолютном. Такой, что в теологии обычно зовется разумом Божественным. Речь идет об утверждении принципиальной познаваемости мира. Но не из уверенности в совершенстве «интеллектуального инструментария» отдельных ученых, и даже человечества как некой совокупности индивидов. А из принципа разумности бытия в его неразрывном единстве и целостности. Как верно отмечал Г. Гегель, разум не есть просто некоторая способность или инструмент, который помогает человеку увидеть реальность таковой, какая она есть. А если бы и был таковым, то часто забывается, что инструменты используются не для того, чтобы получить то, что уже имелось, а чтобы создать в результате нечто иное, отличное от исходного материала.

Разум – это деятельная сфера бытия человека. Разум уподобляет, отражает в себе материальный мир и в качестве должного, идеального преобразует его. «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове… Человек не только изменяет форму того, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» [2, с. 189]. Иными словами, познание потому

есть совершенное и абсолютное, поскольку потенциально и актуально соединяет в себе все единичные, внешне оторванные друг от друга моменты бытия. Следует еще и оговорить, что совершенство здесь подразумевает также бесконечность. Но подлинная бесконечность познания утверждается не в моменте «экспоненциального» накопления фактов, а в сфере внутренней самотождественности, тотальности, законченности. Г. Гегель, соглашаясь со Б. Спинозой, уподоблял подлинную бесконечность пространству между двумя концентричным окружностями.

Теперь для нас станет более понятным, как две такие, казалось бы, антагонистические фигуры русской мысли как А. Герцен и К. Аксаков сошлись в постановке главных проблем современного им российского общества: социальное расслоение, приводящее к конфронтации в обществе на основе частных интересов, поглощение России духом сделки, «торгашества» между классами, сословиями, индивидами [3, с. 569].

Стоит признать, что и сегодня в России существует эта проблема, усугубившаяся тенденцией к исчезновению каких-либо форм коллективного социума. В настоящее время личность научилась отстаивать свои границы, но вместе с тем она нередко далека от того, чтобы отличить свой сиюминутный произвол от того, что действительно находится в сфере ее интересов. К сожалению, в нашем обществе произвол чаще всего берет верх над волей. Воля и вытекающая из нее состояние свободы может существовать только как разумное. Только разум, соединив части нынешней расколотой постмодернисткой реальности, проникнутой безумием, способен разбудить русское сознание, сделать его конкретно-всеобщим. Воля в таком случае будет обозначать желание истинного, абсолютного, совершенного.

Заключение. Разумная воля – вот та опора, своего рода принцип, на который может опереться Россия в будущем. В кругу Абсолюта соединяется и традиция, и новации. И русский народ, не растворяя себя в «дурной бесконечности» трендов, может войти в этот круг. И в этом, пожалуй, и заключается его важнейшая самоутверждающая миссия.

Исследование проводилось в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

Список литературы

1. Лобастов Г. В. Философия как деятельная форма сознания / Г. В. Лобастов; Российское философское общество «Диалектика и культура». – М.: Русская панорама, 2018. – 261 с. – ISBN 978-5-93165-428-7 – EDN YNSZSH.
2. Маркс К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 23: Капитал. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала: Т. 23 Критика политической экономии / К. Маркс; подгот. к печати А. И. Малыш. – 1960. – 907 с.
3. Сарычев В. В. Искатели Абсолюта. История русских гегельянцев: в 3 т. / В. В. Сарычев. – Т. 1. – СПб.: Изд-во «Умозрение», 2021. – 724 с. – ISBN 978-5-6046524-0-4.

УДК 130.2

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Даренская В.Н., канд. филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-4839-4734
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Введение. Понятие «традиционных ценностей» в настоящее время стало основой не только государственной политики Российской Федерации, но и одной из важнейших задач по осмыслению современной социальной реальности в России и в мире в целом. Социальная философия должна исследовать основания возрождения традиционных ценностей как основы современного российского общества.

Целью доклада является анализ и формулировка онтологических оснований традиционных ценностей, что позволит понимать их сущность как определенных социальных «констант» и их место в общей структуре социального и мирового бытия.

Основная часть. В современной научно-философской литературе по этому вопросу онтология традиционных ценностей обычно связывается, в первую очередь, с определенными социальными закономерностями и константами социального бытия, обеспечивающими существование, развитие, функционирование, воспроизводство и выживание общества. Все традиционные ценности, так или иначе, связаны с возможностью передачи социального, культурного и нравственного опыта от одного поколения к другому, что и обеспечивает воспроизводство данного общества. Кризис этих ценностей всегда приводит к нарушению процессов социального воспроизводства, к деградации общества в нравственном, культурном и коммуникативном отношении, к «атомизации» социальных индивидов, распаду социальных связей и, в конечном счете, к упадку и разрушению данного общества в форме физического вымирания (которое давно уже происходит). Поэтому вполне логично в понятии «традиционные ценности» усматривать, в первую очередь, социальные константы воспроизводства социума. Однако этого недостаточно, поскольку следует рассмотреть также и бытийные (онтологические) основания традиционных ценностей, которые регулируют существование этих ценностей – как в индивидуальном и массовом сознании людей, так и в их практической деятельности.

В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» дается их перечисление: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность,

служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

В перечисленном списке традиционных ценностей мы видим весьма разнородные категории, которые касаются разных сфер и уровней социального бытия. На каком общем онтологическом основании они могут составлять единую систему? Очевидно, что такая система есть, однако её основания до настоящего времени в полной мере не исследованы. Мы исходим из того, что критерием отнесения ценности к «традиционным» является их связь с религиозным опытом и глубинной религиозной традицией. Не случайно в Указе также сказано о том, что ключевую роль в формировании этих ценностей играли традиционные религии.

Какова же онтологическая связь между религиозным опытом и традиционными ценностями, определяющими воспроизводство социальной жизни? Она состоит прежде всего в том, что воспроизводство социальной жизни возможно только тогда, когда деятельность и сознание людей регулируются такими смыслами, которые способны противостоять любым деструктивным «вторжениям» в этот процесс. А это означает, что традиционные ценности – это смыслы, которые связывают индивидуальную деятельность с высшим смыслом бытия – в той форме, в которой он осознается на уровне массового и индивидуального сознания. Не случайно. также, что в этом списке упомянут принцип первенства духовных ценностей над материальными: это, собственно, не отдельная ценность, а сама связь между различными уровнями социального бытия. Речь идет о том, что социальное бытие регулируется нравственным сознанием, ценностным сознанием, которое основано на религиозной традиции – даже в том случае, когда в секулярном обществе она уже не присутствует в явном виде, но все равно передается – как опыт предков в его нравственном измерении.

Таким образом, можно утверждать, что традиционные ценности – это ценности социального бытия, которые основаны на связи с предельным смыслом человеческой жизни как таковой. А этот предельный смысл изначально имеет религиозный характер и основан на религиозном опыте, а в случае отсутствия религиозной традиции он существует «по инерции» и передается от предков. Тем самым, традиционные ценности – это ценности «вертикального порядка», которые приобщают социальное бытие к высшим смыслам, которые реализуется на социальном уровне. Но их источник находится на более высоком онтологическом уровне, связанном с духовным бытием человека. Поэтому справедливо отмечается, что «ценности прошлого содействуют преобразованию внутреннего бытия для того, чтобы не зависеть от изменчивой реальности» [1, с. 243]. Однако это воплощение часто может приобретать неадекватную форму: «ценность при воплощении

в реальность легко может трансформироваться в антиценность» [1, с. 138]. Это происходит в силу того, что адекватное воплощение духовной основы ценности невозможно без передачи живой традиции, и при её разрушении может порождать только утопические проекты и симулякры.

Исходя из этого, исследование природы традиционных ценностей должно носить характер феноменологии проявления и воплощения живых смыслов в социальном бытии. Но эти смыслы должны рассматриваться генетически, т.е. как исторически сформировавшиеся в определенной религиозной традиции. Они продолжают функционировать и в секулярном обществе, однако постепенно теряют свой источник. Таким образом, очевидно, что без сохранения связи этих ценностей со своим первичным религиозным источником, то есть с живой религиозной традицией и индивидуальным религиозным опытом основание традиционных ценностей постепенно «размывается», и они превращаются в своего рода «реликт». Первое время они еще сохраняются в качестве стереотипов социального поведения, но со временем, поскольку смысл такого поведения постепенно «выветривается» и не осознается людьми, эти стереотипы легко ломаются и могут быть заменены даже прямо противоположными им.

Заключение. Таким образом, новое воспроизводство традиционных ценностей в секулярном обществе, в котором религиозная традиция уже охватывает меньшинство людей и стала маргинальной, представляет собой фундаментальную проблему. Разрешение этой проблемы состоит в том, что живая религиозная традиция теперь должна поддерживаться на уровне государственной политики. Кроме того, в секулярном бытии, то есть в сфере образования, культуры и политики, традиционные ценности должны функционировать в качестве так называемой «гражданской религии», уже не связанной напрямую с традиционными религиями, а отсылающими к культурному наследию народа, к образцу великих предков, создавших Россию на определенных религиозно-нравственных основаниях жизни. Тем самым, традиционные ценности сейчас могут функционировать на двух онтологических уровнях: на непосредственном, базовом уровне, где они связаны со своим религиозным происхождением; и на уровне секулярного общества, где они функционируют в качестве социальных стереотипов.

Список литературы

1. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Монография. – Астрахань: Изд. АГУ, 2004. – 279 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» / Эл. ресурс // http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502.

УДК 347.73

УНИВЕРСАЛИЗМ СЛАВЯНОФИЛОВ ПРОТИВ ПАРТИКУЛЯРИЗМА ЗАПАДА

Даренский В.Ю., д-р. филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-2042-5527
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Введение. Мировоззрение и сознание народа православной России впервые на языке философии Нового времени выразили те, кого их противники назвали «славянофилами» – изначально такое название имело иронический и даже издевательский смысл, но затем стало привычным. Этим названием их противники пытались изобразить русских мыслителей как «провинциалов». Это был обычный «черный пиар», обусловленный страхом перед их идейной мощью. М.Н. Громов отметил: «Славянофилы представляли собой таран, ударную силу, которая стремилась поколебать сложившийся порядок вещей, разнести вдребезги окаменевшие стереотипы, пробиться к живительным родникам первородной жизни» [1, с. 100].

Цель доклада – прояснить, каковы были эти «живительные родники первородной жизни»? Наш тезис состоит в том, что славянофилы ставили своей целью вовсе не оправдание славян или даже России, а возвращение к христианскому универсализму культуры, утраченному на Западе.

Основная часть. На Западе элементы критического анализа этой цивилизации имели место, начиная с XVIII века – в качестве особо важного примера стоит отметить «Персидские письма» Ш. Монтескье – однако взгляд на Запад как специфическую цивилизацию, впервые в мире был осуществлен только русскими славянофилами. Само имя «славянофилов», данное им русским прозападно настроенным обществом, было реакцией на этот факт. Именем «славянофилов» их не только хотели высмеять и даже унизить, но и увести в сторону от основного смысла их идеи. Поскольку дело было вовсе не в славянах, а в открытии суверенной русской цивилизации и взгляде на Запад со стороны, как на некое уклонение от изначального смысла христианской цивилизации. Славянофилы впервые посмотрели на Запад не как на якобы универсальный путь мировой истории, а как на её локальный и партикулярный вариант, как уклонение от христианского универсализма.

Оппоненты славянофилов обычно не утруждали себя аргументацией, однако один стандартный «аргумент» всегда присутствовал в их полемике. Он состоял в том, то славянофилы якобы защищают свои местные особенности, представляя окраину европейской цивилизации, более того, такую отсталую окраину, которая требует европеизации. Такой взгляд был основан на полном непонимании того смысла, который вносили

славянофилы в понимание исторического процесса. Защита русской самобытности была лишь внешней формой, «оболочкой» их доктрины, но в её основе лежала совершенно иная интенция. Этой интенцией было возвращение к подлинному христианству и универсализму христианской цивилизации, по отношению к которой Запад оказывался лишь её «побочной ветвью» и явным уклонением, основанным на разрушении универсальной христианской культуры.

«Славянофилы» защищали своеобразие русской цивилизации в первую очередь не потому, что она была для них родная и любимая – хотя на психологическом уровне такой мотив, безусловно, тоже присутствовал. Но в первую очередь потому, что в Православии и русской цивилизации они видели воплощение подлинного, исконного христианства, христианского универсализма и христианской цивилизации, от которых отклонился Запад. Запад в их анализе представал отклонением от изначальных смыслов христианской культуры и цивилизации. Россия была для них ценна не только потому, что она – Россия, но в первую очередь потому, что она этот универсализм сохранила и способна развивать его в будущем, в отличие от Запада. «Славянофилы» работали не только для восстановления правды о России, но в первую очередь, они работали для будущего христианской цивилизации, понимая, что Запад приведет её к неизбежному краху.

Из всего многообразия идей славянофилов следует выделить две, которые в наибольшей степени связаны с их интенцией на христианский универсализм. Первая идея – это идея *целостного разума*, по отношению к которому путь западного разума оказался ущербным и разрушительным. Целостный разум – это тот «ум Христов», который созидается христианской жизнью. По отношению к целостному разуму развитие ratio – рассудка, чувственности и воли, которые присутствуют в западной философии в качестве основных категорий мышления, является вторичным, а когда акцент переносится на вторичные формы разума, целостный разум разрушается. Именно этому разрушению целостного христианского разума, «ума Христова», и противостояли славянофилы. Именно целостный разум, как разум святоотеческой православной традиции, они, в первую очередь, в лице Ивана Киреевского, возрождали на языке современной философии. Для И.В. Киреевского «знаковым» мыслителем был Шеллинг, который совершил переход от рационалистического мышления своего раннего периода к мышлению целостного разума, для которого понятия откровения и мифа стали центральными. Киреевский писал: Шеллинг – это философ, который появляется раз в тысячу лет [2, с. 291]. Русская философия нашла на Западе именно эту точку отталкивания – позднего Шиллинга, который стихийно возвращался к целостному разуму. Славянофилы, в отличие от Шиллинга, возвращались к целостному разуму не стихийно, а сознательно, опираясь на традицию православной святоотеческой мысли.

Второй фундаментальной мыслью славянофилов было возвращение к христианской социальности. Учение о соборности А.С. Хомякова является не только буквальным переводом слова «кафолический» из Символа веры, но и возвращением к пониманию первичных форм социальности, в которых непосредственно реализуется отношение людей как личностей, созданных по образу и подобию Божьему. Фактически, учение о соборности было уже у блаженного Августина в его трактате «О граде Божием», и оно лежит в основе христианского понимания социальности как таковой. Партикуляризм Запада состоял в том, что постепенно это универсальное понимание христианской социальности стало вытесняться на Западе акцентированием её частных и вторичных форм: политических, юридических, экономических и т.д., а её первичная сущность как «соборности» уходила в забвение (только в XX веке на Западе о ней вспомнила «философия диалога»). Но именно славянофилы первыми вернули понимание социальности к её универсальным христианским основаниям, которые в наибольшей степени сохранились в России.

Общей моделью понимания Запада как специфической цивилизации для славянофилов была история Церкви. Для них Запад – это то, что возникло вследствие отпадения от целостной православной Церкви её бывшей западной части, которая получила название «католичества», а затем происходило дальнейшее дробление этой западной части на отдельные христианские направления – как неизбежное следствие её отпадения от православия. Это и было моментом рождения Запада, как такового.

Поэтому обычное возражение «славянофилам» в том, что Запад внутренне разнообразен, и различные страны Европы весьма отличаются друг от друга по своим социально-культурным параметрам, в данном случае совершенно неуместно. Наоборот, именно способность посмотреть на Запад именно как на *единую* цивилизацию, при всем её внутреннем разнообразии – это было открытие славянофилов, к которому сам Запад пришел намного позже, уже в XX веке, а до этого времени нарциссически считал себя единственной «цивилизацией» как таковой.

Заключение. В самом имени «славянофилы», которое дали первым самостоятельным русским мыслителям Нового времени их противники, проявился эффект «двойничества» (А.А. Ухтомский): идолопоклонствуя перед Западом, «западники» решили, что русские мыслители точно так же идолопоклонствуют перед славянскими народами. Однако на самом деле «славянофилы» служили единой для всего человечества Истине.

Список литературы

1. Громов М. Н. Славянофильство: историософский аспект / М.Н. Громов // История философии. – 1999. – № 4. – С. 125-133.
2. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни / И.В. Киреевский И.В. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – 448 с.

УДК 1

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНВЕРГЕНЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ

Дунаев Р.А., канд. филос. наук, ORCID 0009-0003-0144-5976,
Кузнецов А.В., д-р филос. наук, проф., ORCID 0000-0002-1008-2471
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина»,
г. Белгород, РФ
r_dunaev@bk.ru, kuzandr@mail.ru

Введение. В представленном докладе исследуются трансформационные процессы перехода от информационного к интеллектуально-коммуникационному обществу (ИКО), детерминированные активным внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в телекоммуникационную инфраструктуру.

Цель работы – анализ эволюции репрезентации знаний и коммуникационных моделей – от философских концепций до современных семантических сетей. Обосновывается тезис о том, что интеграция ИИ превращает сетевую среду из пассивного канала передачи данных в активного участника коммуникационных процессов, что порождает принципиально новые векторы атак и уязвимости.

Основная часть. Попытки репрезентации знаний предпринимались на протяжении многих веков, начиная с теории форм Платона и заканчивая современными дискуссиями о семантических сетях. Проблема инкапсуляции человеческого понимания в формат, который могут выдавать электронно-вычислительные машины является весьма сложной.

Исторически сложилось так, что такие философы как Аристотель заложили основу для классификации знаний, а в последующем теоретики развили эти идея, создав формальные системы, используемые в ИИ.

Репрезентация знаний предполагает не только хранение информации, но и ее интерпретацию и обработку таким образом, чтобы это отражало человеческое познание. Проблема заключается в сложности присущей человеческому знанию, которое часто бывает неоднозначным, контекстно-зависимым и динамичным. Системы ИИ несмотря на свою мощь, сегодня с трудом справляются с этими тонкостями. «Работа языковых моделей по-прежнему нуждается в скрупулезном контроле со стороны человека. Следовательно, отсутствуют объективные основания для их признания в качестве самостоятельных профессиональных помощников» [2]. Все это приводит к философским вопросам о природе самого знания. Один из существенных вопросов заключается в том, может ли машина «понимать» знания или она просто имитирует такое понимание при помощи алгоритмов.

Эта дилемма указывает на ограничения современных технологий ИИ и побуждает к дальнейшим исследованиям в области разрыва между человеческим мышлением и машинной обработкой данных.

Сформировавшееся информационное общество опирается на информационно-коммуникационные технологии, которые все в большей степени способствуют трансформации как экономической, так и социально-культурной деятельности человека [3]. Ключевая роль в данном процессе приходится на бурно развивающийся ИИ.

Как отмечал в своих работах Иноземцев В.А. когнитивная предпосылка оказывается решающей при переходе от информационного к интеллектуальному телекоммуникационному обществу (ИТКО), которое появляется в результате конвергенции всех современных средств коммуникаций – смартфона, телевизора, разнообразных гаджетов, подключенных к сети Интернет [1]. Сегодня искусственный интеллект выступает направляющей силой, можно сказать, гибридной эволюции: от информации – к знаниям – к интеллектуальному обществу.

Как ИИ способствует развитию интеллектуального общества:

- телекоммуникация как интеллектуальная среда (ИИ канал становится интеллектуальным – оптимизация доставки, автоматическая корректировка, адаптация к контексту);

- гиперподключенная среда (адаптация в режиме реального времени в постоянно изменяющемся информационном потоке);

- семантический сдвиг в коммуникации (информация больше не просто передается, а интерпретируется и обобщается. Общество все более использует продукт «мыслящих» машин);

- когнитивная инфраструктура (ИИ превращает сети из носителей сигналов, данных в инструменты познания т.е. языковые модели генерируют, синтезируют знания. Агенты ИИ «рассуждают», принимают решения и сотрудничают с людьми (за счет работы на любом языке преодолевая культурные различия).

Все эти аспекты указывают на то, что общество динамично трансформируется, а сама сетевая инфраструктура не просто связующие звено, а интеллектуальная система, выступающая не только инструментом, но направляющей силой, активным участником расширяющегося киберпространства (беспилотные автомобили, «умная» логистика, автоматизация домашнего пространства «умные» города). ИИ распространяется в пространстве физического мира, становясь его «нервной системой».

По мере распространения систем искусственного интеллекта они все более влияют на социальные структуры, изменяя:

- способы взаимодействия (алгоритмы отбирают контент, формируя предпочтения);

- организацию работы и обучения (удаленная работа стирает границы между личной и профессиональной жизнью);

- устоявшиеся правовые нормы, что требует переоценки, с учетом ИИ (например, вопрос о правах на интеллектуальную собственность).

Заключение. Таким образом, общество все более связано с киберпространством, представляющим сложную динамически развивающуюся экосистему, образованную технологиями, данными и людьми, территорию современной жизни. Достижения в современных технология связанных с развитием ИИ меняют представление о знаниях, коммуникации и самом обществе предлагая философские размышления по извечным вопросам человеческой идентичности в интеллектуальном кибернетическом пространстве, природы деятельности, этики и власти. Формирование интеллектуально-коммуникационного общества на основе конвергенции ИИ и телекоммуникаций, будучи антропотехническим проектом, радикально трансформирует онтологию человеческого бытия-в-мире, порождая системные киберантропологические риски. Это требует смены парадигмы информационной безопасности – от защиты данных к проектированию архитектуры доверия, обеспечивающей цифровой суверенитет человека и его экзистенциальную безопасность в условиях симбиоза с не-человеческими агентами.

Список литературы

1. Иноземцев В.А. Опыт разработки концепции интеллектуальных телекоммуникаций и интеллектуально-телекоммуникационного общества / В.А. Иноземцев // Материалы международной научной конференции «Становление информационного общества в России: философские, политические и социокультурные проблемы». – М.: МИРЭА, 2003. – С. 40–43.
2. Кузьминов Я., Кручинская Е. Потенциал генеративного искусственного интеллекта для решения профессиональных задач / Я. Кузьминов, Е. Кручинская // Форсайт. – 2024. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-dlya-resheniya-professionalnyh-zadach (дата обращения: 05.09.2025).
3. Максимович В. А. Социокультурные трансформации в условиях информационного общества / В.А. Максимович // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2021. – № 3. – С. 55–70. – URL: http://fikio.ru/?p=4778 (дата обращения: 05.09.2025).

УДК 101.1+165.242.2

АЛГОРИТМ КАК АРХОНТ: ОНТОТЕХНИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В МЕТАВЕРСЕ

Елхова О.И., д-р филос. наук, доц., ORCID 0000-0002-5052-5935
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, РФ
oxana-elkhova@yandex.ru

Введение. Стремительное развитие цифровых технологий и виртуальных сред актуализирует философское осмысление новых форм бытия, возникающих на пересечении человека и техники. В условиях формирования метавселенной особое внимание уделяется памяти, которая из способа хранения опыта превращается в алгоритмически управляемый механизм отбора и структурирования знания. Алгоритмы определяют, что сохраняется, какие события получают значение, а какие – забвение. Ж. Деррида интерпретирует архив как форму власти, задающую границы интерпретации. В цифровой среде его понятие *архонта* получает технологическое воплощение: алгоритмы, наследуя функции архонтов, управляют потоками информации, формируя онтологические условия присутствия субъекта и коллективной идентичности. Технологии утрачивают сугубо инструментальный характер и становятся основой цифрового бытия, тогда как статус алгоритма как онтотехнического актора и его воздействие на субъектность по-прежнему требуют философского прояснения.

Цель исследования заключается в философском осмыслении алгоритмов как современных архонтов метаверса, выявлении форм их онтотехнической власти и анализе их влияния на условия существования и трансформацию субъектности в цифровом пространстве.

Основная часть. Понятие «метавселенная» (метаверс) сравнительно недавно вошло в научный оборот и приобрело актуальность на фоне стремительного развития цифровых технологий и виртуальной реальности. Сегодня метаверс осмысливается как пространственно-временной континуум, объединяющий физическое и виртуальное, формирующий новые условия человеческого существования. Если ранее идея метавселенной воспринималась как футурологическая, то с 2020-х годов она превратилась в стратегическое направление технологического и культурного развития [1]. Метаверс воспринимается как форма цифровой культуры, требующая анализа через онтологию, субъектность и память. Последняя утрачивает пассивную функцию и становится элементом бытия с алгоритмически организованной структурой. Как подчёркивает Б. Стиглер в работе *«Время чтения и новые инструменты памяти»*, технологии не только сохраняют знание, но и трансформируют восприятие, изменяя коллективное сознание и исторический опыт [2].

Онтотехническая власть архонтов. В цифровой среде память утрачивает пассивный статус и превращается в продуктивный механизм формирования реальности. Ж. Деррида в работе Archive Fever подчёркивает, что архивирование не только фиксирует события, но и участвует в их порождении, а контроль над архивом становится формой власти [3, с. 9]. В этой связи он вводит понятие архонта – субъекта, определяющего, что заслуживает сохранения и как должно быть интерпретировано. Алгоритмы, действующие как онтотехнические акторы, формируют цифровое бытие: определяют, что существует, кому доступна информация и в каком виде она представлена. Они становятся архонтами цифровой эпохи: они регулируют внимание, фильтруют контент, расставляют приоритеты. Разработчики кода и архитекторы платформ наследуют функции по определению границ допустимого. Искусственный интеллект, используя алгоритмически управляемую память, моделирует среду взаимодействия. В постинформационную эпоху цифровая память превращается в интеллектуально организованный механизм, задающий структуру цифрового бытия и определяющий пределы субъектности в метаверсе.

Быть – значит быть зарегистрированным в памяти. М. Хайдеггер в эссе «Вопрос о технике» показывает, что современная технология изменяет способ раскрытия бытия, превращая сущее в ресурс [4, с. 224–225]. Развивая его идеи, Дж. Габриэль определяет технику как Dasein с утраченной памятью, стремящейся компенсировать утрату через создание всё более насыщенных информационных систем [5]. Перенос памяти во внешние «облака» становится необходимостью в условиях усложняющейся реальности, однако вызывает эффект «перегрузки памятью». В метавселенной человек зависит от алгоритмов, позволяющих ориентироваться в потоках данных. Мир становится гигантской системой памяти, где существование связано с регистрацией в цифровом архиве. Даже личная память передаётся технике: напоминаниям, календарям, фотоархивам. Регистрация становится не просто технической процедурой, а онтологическим актом признания. Удаление данных, независимо от того, инициировано ли оно пользователем или алгоритмом, превращается в акт забвения, приводящий к исчезновению субъекта из метаверса.

Границы субъектности в метаверсе. В физической реальности субъектность опирается на телесность, самосознание, автономию и признание со стороны «Другого». В метавселенной она приобретает функциональный характер и определяется не внутренними качествами, а способностью быть зафиксированным, распознанным и воспроизведённым алгоритмическими системами. Субъект существует постольку, поскольку его действия генерируют данные, интерпретируемые цифровой платформой. Идентичность формируется вслед за фиксацией и зависит от параметров телесного восприятия и иммерсивности [6, с. 1006–1007].

Алгоритмы становятся медиаторами присутствия, определяя видимость, доступ и признание субъекта, его статус теряет универсальность и становится контекстуальным, зависящим от архитектуры конкретной цифровой среды. Пределы субъектности задаются механизмами допуска и исключения. Как показано в концепции онтологически-социетального узла безопасности [7, с. 325–326], отсутствие фиксации лишает субъекта признания, а избыток видимости ведёт к гиперсубъектности и тотальному контролю. В результате субъектность определяется алгоритмической обработкой, а не внутренней устойчивостью, формируется в зависимости от техносоциальных условий.

Заключение. Алгоритмы выступают в роли архонтов цифровой эпохи. Они определяют, какая информация подлежит сохранению, как она интерпретируется и кем может быть воспринята. В этих условиях память утрачивает пассивную функцию и становится активным онтологическим механизмом, участвующим в формировании реальности и идентичности. Субъектность оказывается зависимой от цифровой регистрации. Осмысление алгоритма как архонта даёт возможность критически переосмыслить цифровую онтологию и обозначить пути сохранения субъектной автономии. Понимание границ алгоритмического управления становится необходимым условием для преодоления редукции человека до функции внутри технологической среды.

Список литературы

1. Hern A. Mark Zuckerberg’s Metaverse Vision Is Over – Can Apple Save It? [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2023. – 21 May. – Режим доступа: https://www.theguardian.com/technology/2023/may/21/mark-zuckerbergs-metaverse-vision-is-over-can-apple-save-it (дата обращения: 07.09.2025).
2. Стиглер Б. Время чтения и новые инструменты памяти // Лаканалия. – 2019. – № 32. – С. 142–166.
3. Derrida J. Archive Fever: Freudian Impression // Diacritics. – 1995. – Vol. 25. – № 2. – P. 9–63. – URL: https://monoskop.org/images/9/99/Derrida_Jacques_1995_Archive_Fever_A_Freudian_Impression.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Республика, 1993. – С. 221–263.
5. Gabriel J. Modern Technology as Dasein with Lost Memory [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medium.com (дата обращения: 07.09.2025).
6. Елхова О. И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 997–1013. – DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013.
7. Елхова О. И. Онтологически-социетальный узел безопасности как феномен цифровой среды // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Филос. – 2025. – Т. 29. – № 2. – С. 317–334. – DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-317-334.

УДК 101

ВОЗМОЖНОСТИ ТВОРЧЕСТВА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Емельянова Н.Н., д-р филос. наук, проф., ORCID 0009-0003-6364-6482
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
emeljanova.n.n@bk.ru

Университетское образовательное пространство строится на сочетании традиционных и новаторских принципов воспитывающего обучения. При этом в решении любых профессиональных задач необходим творческий подход, в котором участвуют и объекты, и субъекты образовательного процесса. Поскольку и те, и другие заинтересованы в успешной деятельности, творчество становится не только условием самоутверждения личности, но и залогом профессионального роста. Позитивное конструирование реальности невозможно без активной научно-теоретической и практической новаторской деятельности.

Данная проблема приобрела новое звучание в условиях перехода на дистанционное образование. В Донбассе положение усугубилось в связи с интенсивными военными действиями. С одной стороны, мы наблюдаем невиданный взлет постсовременных инновационных технологий; с другой стороны, постоянные экзистенциальные угрозы диктуют свои правила физического и нравственного выживания. Драматические события на фронте и в тылу укрепляют чувство патриотизма, сопереживания, взаимовыручки, но не менее сильным становится чувство гнева и требование неотвратимого возмездия. Молодое поколение Донбасса, сформировавшееся в непростую эпоху перемен (а другой эта эпоха не могла быть по определению), получило жесткий опыт раннего взросления и погруженности в реалии кризисного бытия.

В условиях дистанционного университетского образования студенческие годы, традиционно считавшиеся лучшими в человеческой жизни, превратились в сетевое общение с преподавателями и сокурсниками. Коммуникация ограничена, живые контакты сведены к минимуму, социальное взаимодействие утратило свою масштабность. Межличностное и межгрупповое взаимодействие продолжается, но при этом сужается диапазон ролевых функций, которые индивид выполняет в своей ячейке социума. Но именно через социализацию осуществляется усвоение традиций и новаций, общественных норм и общечеловеческих ценностей, вырабатываются необходимые механизмы самодисциплины. Творческое мышление остается важнейшим фактором успешного образования, нуждающегося в постоянной генерации актуальных идей и проектов. Философия помогает студентам овладеть методологией познания, уметь

плодотворно применять научные методы и принципы для решения важных задач в своей области знаний. Безусловно, творчество гениев-одиночек дает свои плоды, однако живое общение, диалог с единомышленниками способствуют повышению креативных способностей, выходу за собственные границы. При этом важно использовать как устоявшиеся, так и новаторские методы познания.

Развитие любой отрасли наук в университетском образовательном пространстве опирается на наследственную связь нынешнего и предшествующего. Знание как платоновское припоминание предполагает, с одной стороны, блокировку отживших форм существования, с другой – вкладывание нового смысла в изучаемые проблемы. Будучи открытым процессом и опираясь на лучшие образцы прошлого, творчество все полнее раскрывает человеческую сущность и возможности личностного саморазвития. По сути, творчество, непрерывно совершая диалектическое восхождение от низшего к высшему, прокладывает путь к порождению из хаоса искомой гармонии. Феномен творчества предстает развертыванием творческого самосознания; мир начинает пониматься как непрерывное творческое строительство, а человек – как проект самореализации.

Важной особенностью проблемы творчества в современном образовательном пространстве является проблема адекватного понимания и толкования нарративов, парадигмально выражающих сущность творчества. Герменевтическая идея *понимания* и в узком, и в широком смысле включает в себя и добросовестную интерпретацию чужих дискурсов, и сочетание отдельных проявлений интеллектуальной и практической деятельности в едином контексте. Безусловно, творчество человека само по себе глубоко индивидуально, но оно не может основываться на монологизме как способе существования культур. Нужен постоянный диалог и творческих личностей, и ценностных приоритетов, требующих адекватного понимания.

Постичь скрытые смыслы творчества как условия активного саморазвития человечества пытались многие выдающиеся умы прошлого: И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, А. Лосев. Н. Бердяев и др. Так, для Н. Бердяева творческий акт всегда означал самостоятельность и свободу личности. В отличие от С. Булгакова, для которого сотворение мира завершилось в семь дней, Н. Бердяев понимает мировой процесс как восьмой день творения, в котором одинаково участвуют и Творец, и созданный им человек. Если для С. Булгакова человек призван лишь хозяйничать в мире, а не творить, ибо его творчество только создает и восстанавливает из заранее данных образцов, то для Н. Бердяева в творчестве осуществляется высшее назначение человека: «Познание есть творческое развитие, солнечный рост жизни» [1, с. 60].

Различные аспекты проблемы творчества нашли освещение в трудах М. Бахтина, В. Виндельбанда, Г.-Г. Гадамера, А. Камю, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкого и многих других ученых. В частности, Г. Щедровицкий в

контексте исследования современного образовательного пространства анализирует методологическое мышление, основанное на идеях универсальности и целостности, что означает развитие возможности к самостоятельной постановке и решению задач. Мысленное формирование творческого процесса создает и оптимизирует функциональную структуру, ориентируясь на самоорганизацию действий. В сфере образования опыт прошлого переводится в форму научного знания, которое, в свою очередь, перерабатывается в проект, переносимый в будущую ситуацию. Знание разворачивается в деятельность, побуждающую к творческому поиску. «Я нахожусь в деятельности, что-то совершаю, потом выхожу в рефлексивную позицию, и потом я выражаю это в тексте коммуникации» [3]. Поэтому методолог является одновременно и создателем, и практиком, и ученым, постоянно анализирующим ситуации проб и ошибок.

Вместе с тем, творчество индивида всегда ограничено естественными и общественными закономерностями, которые могут восприниматься им как препятствия к свободе самовыражения. Поэтому творческая личность должна прийти к выводу о необходимости гармоничного сочетания индивидуального и родового начал, и этому тоже надо обучать студенческую молодежь. Университетское образование предполагает подготовку достаточно большого числа творческих субъектов: «Университет – это школа научной работы, в которой все задачи человеческого познания, в силу постоянного взаимного проникновения и поддержки, оказываемой друг другу как ими самими, так и лицами, работающими над ними, должны получать все более и более глубокое решение» [2, с. 287]. Несомненно, каждого студента необходимо нацеливать на творческий поиск, в котором научно-теоретическая составляющая не менее значима чем практическая. Университетское обучение предполагает подготовку всесторонне образованной личности, что делает ее непосредственным участником культурного строительства нашего государства.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества / Николай Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. – Москва: АСТ, Хранитель, 2007. – 164 с. ISBN 5-17-038156-5, 5-9713-3167-1, 5-9762-0376-0
2. Виндельбанд В. От Канта до Ницше / В. Виндельбанд. / Пер. с нем. под ред. А.И. Введенского. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 496 с.
3. Щедровицкий Г.П. Организация, руководство, управление. http://oru2.narod.ru/book/13–zinchenko.htm.

УДК 130.1

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ, ИХ ПРОГРЕССИВНОЕ И РЕАКЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Камарали А.В., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0004-8898-5963
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.v.kamarali@mail.ru

Культурные традиции являются неотъемлемой частью жизни любого общества, формируя его уникальную идентичность и обеспечивая преемственность исторического опыта. В условиях современного мира, характеризующегося быстрыми изменениями, влиянием глобализации и научно-техническим прогрессом, роль культурных традиций становится особенно важной и одновременно сложной. Традиции способны не только сохранять устойчивость и стабильность общества, но и стимулировать его развитие, одновременно порождая как прогрессивные, так и реакционные тенденции.

Цель доклада – показать, что культурные традиции остаются фундаментом общественной жизни, одновременно выступая как ресурсом для обновления и объектом борьбы с консерватизмом, что требует внимательного и взвешенного подхода к их сохранению и развитию в современную эпоху.

Культурные традиции – важный элемент социальной структуры, связующий прошлое и настоящее. По мнению И.Ю. Мазиной, культурная традиция – устойчивая часть культуры, обеспечивающая накопление и передачу человеческого опыта из поколения в поколение [1, с. 176]. Они формируют основы коллективной идентичности народа, позволяют сохранять национальные особенности, укрепляют социальную сплочённость и создают устойчивость общества в условиях перемен.

С одной стороны, культурные традиции выступают как историческая память и условие формирования новых культурных качеств. Они обеспечивают преемственность и усвоение позитивных результатов прошлого, что является общим законом развития культуры. Как указывает И.Ю. Мазина, в культуре сочетаются как прогрессивные, так и реакционные тенденции, поэтому невозможно создать новую культуру, полностью отбросив предшествующую без уважения к ее наследию [1, с. 177]. С другой стороны, традиции выполняют функцию регулятора поведения, задавая рамки допустимого и поддерживая социальный порядок. Они влияют на мышление и поведение людей, формируют моральные и этические ориентиры.

Важно отметить, что современный мир находится в быстром и глубоком процессе изменений, что связано с развитием высоких технологий, научных достижений и информационной культуры. Как отмечает А.Р. Масалимова, динамичный контекст развития общества влияет

и на культурные традиции, которые, пересекаясь с новыми формами общения и взаимодействия, подвергаются переосмыслению [2, с. 16]. В XXI веке наблюдается изменение парадигмы человеческого развития, когда на смену традиционному обществу приходит современное, часто под воздействием глобализации и модернизации. Модернизация может носить как заимствованный характер, внедряя чуждые культурные модели и стереотипы, так и быть самобытной, соединяя новейшие технологические достижения с национальными традициями. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что культурные традиции до сих пор продолжают играть важную роль, оставаясь фундаментом для формирования идентичности в эпоху перемен.

Чем же характерно прогрессивное влияние культурных традиций?

Прежде всего, культурные традиции могут выступать как позитивный фактор развития общества исходя из следующих причин:

- сохранение духовных ценностей. Благодаря традициям передаются основные морально-этические нормы, гуманистические идеалы, уважение к старшим, бережное отношение к природе. Это способствует воспитанию сознательных, ответственных граждан;

- формирование социальной сплочённости. Общие традиции укрепляют чувство принадлежности к нации, объединяют людей на основе общих исторических и культурных корней, что создает основу для коллективного взаимодействия и сотрудничества в обществе;

- стимулы для культурного творчества и инноваций. Некоторые традиции в искусстве, ремёслах, музыке и литературе служат источником вдохновения для новых направлений в культуре, обеспечивают развитие национальной самобытности;

- социальная стабильность и преемственность. Традиции обеспечивают преемственность в развитии институтов общества, поддерживают порядок и минимизируют конфликты при изменениях.

Однако стоит учитывать, что не все традиции способствуют прогрессу. Часто они оказываются препятствием на пути развития общества по следующим причинам:

- консерватизм и сопротивление инновациям. Традиции могут нести в себе устаревшие нормы, мешая внедрению новейших технологий, методов управления и социальных реформ;

- ограничение свободы личности. В условиях жёсткой приверженности традициям индивид может испытывать давление общества, вынужден следовать устаревшим ролям и запретам, что тормозит развитие личности и гражданские права;

- поддержка социальных иерархий и неравенства. Некоторые традиции закрепляют дискриминацию по признакам пола, возраста, класса, национальности, что препятствует социальной справедливости и равноправию;

- идеологическое использование традиций. В политике и культуре традиции могут использоваться для оправдания авторитаризма, национализма, ксенофобии и других реакционных идей.

Прогрессивное влияние культурных традиций в России проявляется в их способности сохранять историческую память, передавать опыт поколений и способствовать духовному развитию личности. Через традиции происходит социализация, формирование гражданской позиции и духовных ориентиров. В последние годы наблюдается возрождение интереса к национальным обычаям и ремёслам, что служит укреплению культурной идентичности на фоне глобализации.

Вместе с тем традиции могут иметь и реакционное влияние. Жёсткое следование устаревшим нормам порой препятствует социальным и культурным переменам. Консерватизм в отношении традиций может тормозить адаптацию общества к новым вызовам, сдерживать равенство и свободу личности. В российском социуме существует противостояние между сохранением традиций и принятием новых культурных тенденций, что отражает многослойность и противоречивость национальной культуры.

Представляется, что для гармоничного развития общества в любой стране важно предпринимать следующие действия в отношении культурных традиций:

- оценивать традиции с точки зрения их вклада в общее благо, отделять прогрессивное от реакционного;
- сохранять культурное наследие, одновременно оставаясь открытыми к инновациям и реформам;
- проводить образовательную работу, направленную на критическое осмысление традиций и развитие творческого отношения к культурному опыту;
- учитывать права и свободы личности, стремиться к равенству и социальной справедливости при сохранении культурных особенностей.

В конечном итоге можно сказать, что в условиях глобализации и модернизации сохранение культурных традиций и их правильное осмысление выступают важными условиями устойчивого развития общества. Необходимо не только передавать традиции следующим поколениям, но и способствовать их развитию, адаптации к современным реалиям. Воспитание чувства национальной гордости, чести и достоинства, а также толерантности и уважения к другим культурам помогут сформировать гармоничную личность и устойчивое общество, способное двигаться вперед, опираясь на свои корни.

Исследование проводилось в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

Список литературы

1. Мазина И.Ю. Культурные традиции как ценностный ориентир существования и развития современной культуры // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – С. 176-178.
2. Масалимова А.Р. Влияние традиций на формирование культуры современной молодежи // Инновационный потенциал молодёжи: формирование нового типа культуры. – 2014. – С. 16-21.

УДК 138: 371

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Каряпкина Ю.Д., ORCID 0009-0009-4028-8612
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
philosopher.i.a.ilyin@yandex.ru

Введение. Актуальность исследования процессов социальной консолидации обусловлена необходимостью интеграции современного российского общества во всех областях жизни: от национальных отношений и сферы культуры до сфер управления и государственной власти.

Цель доклада – определить роль суверенизации как объективное основание процессов социальной консолидации в современном российском обществе. Для достижения цели необходимо рассмотреть совокупность объективных условий консолидации российского общества и роль суверенизации как их основной и главной предпосылки.

Основная часть. Проблема социальной консолидации становится все более актуальной в российской социальной философии по объективным причинам: в первую очередь, она связана с необходимостью качественного развития современного российского общества во всех измерениях социальной жизни: от его культурного и этнического разнообразия до сферы управления и государственной власти. Как отмечают исследователи, «консолидация российского общества относится к одному из приоритетов его функционирования и модернизации. Без достижения согласованности действий, единства устремлений слоев и групп населения по стратегически важным вопросам социально-политического и экономического развития страны... невозможно возрождение России» [2, с. 3].

Консолидацией (от лат. consolido – укреплять, поддерживать) называют процесс интеграции социальных субъектов, благодаря которому происходит сплочение социальных групп или общностей, а также общества в целом. Это происходит благодаря развитию социальных институтов и улучшению эффективности взаимодействия социальных субъектов, развитию кооперации и взаимодействия различных социальных групп. Кроме того, в процесс консолидации также входят и целенаправленные действия государства по преодолению кризисных явлений в этой сфере.

Процесс консолидации в российском обществе в настоящее время находится в кризисном состоянии по причинам объективного характера, поскольку современное российское общество крайне разнообразно и в классовом, и в этническом отношении, существуют большие разногласия на мировоззренческом уровне между разными группами населения. Однако

существуют и объективные предпосылки для развития процессов социальной консолидации в современном российском обществе – в первую очередь, модернизация всех сфер жизни, которая приводит к тому, что различные группы населения связывают свое будущее именно с развитием российского государства. Консолидация ныне рассматривается в российской социальной философии как фундаментальная основа развития российского общества и необходимое условие инновационного прорыва в развитии страны и реализации стратегических её планов. В современной социальной философии консолидация фактически стала одной из новых и вместе с тем крайне актуальных категорий. Политическая и национальная консолидация не может быть самоцелью, а является лишь средством и инструментом для укрепления и развития народа и государства. Политическая и национальная консолидация не может быть самоцелью, а является лишь средством и инструментом для укрепления и развития народа и государства. Многоаспектность данного феномена приводит к тому, что часто он трактуется с совершенно разных позиций, ему даются различные определения, которые требуют определенного синтеза.

Целью современной политики российского государства должно стать консолидированное многонациональное государство с сильной внутренней солидарностью всех граждан. Важен процесс консолидации российской нации вокруг общенациональной идеи. Национальную консолидацию следует рассматривать с учетом культурно-исторических различий регионов России. Общенациональная консолидация в значительной степени связана с формированием национальной идентичности. С древнейших времен большинство государств состояло из разных этнических и религиозных групп, поэтому проблема обеспечения единства народа и консолидации являлось одной из ключевых в процессе развития государства. В теоретическом исследовании проблемы сложилась дилемма: с одной стороны, единство государства и нации может обеспечить профессиональная власть, наличие авторитетных политических и национальных лидеров, с другой – в основе консолидации нации лежит гражданское общество, демократия и стабильные социально-экономические процессы. В частности, усовершенствование этнонациональной политики в России возможно только на основе развития общего сверхэтнического национального самосознания народов России как единой нации россиян, что в свою очередь, требует целенаправленного развития осознания цивилизационного суверенитета России как «государства-цивилизации». Это развитие должно осуществляться как новая стратегия государственной политики в гуманитарной сфере: в образовании, СМИ и т.д.

Однако к проблеме консолидации следует подходить не только с точки зрения стабилизации и укрепления триединства: общества, нации и демократического политического режима. Поэтому широком значении *консолидацию общества можно рассматривать как процесс определения*

цели и стратегии развития общества на основе внутренних регуляторов (общего менталитета, нравственных, историко-культурных ценностей, стереотипов), принятых обществом и государством. В самом широком смысле консолидацией является именно консолидация общества в целом. Таким образом, процессы национальной консолидации зависят от многих факторов, в частности от политического режима, политической культуры, национальных традиций, национального состава государства, уровня социально-экономического развития и т.д. Но понятие «национальная консолидация» не связано с «националистическими» интенциями, но оно фактически является, по нашему мнению, синонимом социальной консолидации как таковой, но с учетом её российской специфики.

Осознание суверенности и самостоятельности своего общества на уровне массового и индивидуального сознания обычно связывают с системой ценностей, которую разделяют все члены общества. Например, в одном из исследований проблемы суверенизации российского общества справедливо утверждается: «В основу идеологии развития России должны быть положены великие идеи, осмысленные и обоснованные лучшими мыслителями-гуманистами и прогрессивными реформаторами общества. Это идеи духовного совершенствования человека, социального демократического государства, равенства и братства всех народов» [1, с. 10]. Но помимо фактора общего ценностного сознания, принципиально важную роль в суверенизации как основе интеграции общества играет и конкретные реалии социально-экономической жизни. В первую очередь, общество связывается в единой целое, с одной стороны, созиданием своего будущего, а с другой – связью с общим для всех историческим прошлым.

Заключение. Для решения проблем социальной консолидации не существует одной универсальной модели. Ключевую роль в этом процессе играет государственная политика, в рамках которой должна действовать разработанная стратегия национальной консолидации. Поэтому поиск научно обоснованных составляющих решения этой проблемы, остается чрезвычайно актуальным. Основными составляющими консолидационного процесса в России должны стать развитие гражданского общества и институтов демократии, общая историческая память, общепризнанные национальные герои и т. д. В мировой и российской социальной философии накоплен большой теоретический и методологический инструментарий, требующий обобщения и применения к российским условиям.

Список литературы

1. Аблеев С. Р. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии: монография / С. Р. Аблеев, А. Л. Золкин, С. И. Кузьминская, П. П. Марченя. – 2-е изд. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. – 213 с.
2. Павлов Д.Ю. Политика консолидации современного российского общества: тенденции, опыт, проблемы: автореф. дисс. ... канд. политических наук: 23.00.02. Рос. гос. социал. ун-т. – Москва, 2013.-27 с.

УДК 101.1:316

НАРРАТИВ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПОЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИК

Клименко А.Б., канд. филос. наук, ORCID 0009-0006-6675-1247
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
abk.dongu@mail.ru

Введение. Понятие нарратив прочно вошло в лексикон политиков, общественных деятелей и журналистов, став повсеместно употребляемым. Социальной философии стало элементом концептуального каркаса социальной и политической философии, этики, аксиологии, социологии; его все чаще и чаще используют ведущие политики, общественные деятели, журналисты. Исследователи приходят к выводу: ЭВ – это не только выбор личности, но и больших социальных групп, регионов, государств.

Современная философская традиция обращает внимание на особенности отношений человека с миром, где субъект может объяснить и изобразить свое участие в этом процессе с помощью языковых форм, которые, в свою очередь, помогают человеку выяснить причину своего поведения. Индивидуальная практика человека формируется за счет того, что он (человек) говорит о своих действиях, желаниях, убеждениях, ценностях и т. д. Нарративы организовывают и наделяют практики смыслом, логически сводя наш опыт. Нарратив определяется тем, что мы делаем, представляем, про что мы думаем.

Нарративное знание, выраженное в форме разных сообщений, не придает большого значения вопросу своей легитимации, подтверждает само себя через передачу своей прагматики и поэтому не требует обращения к аргументации или приведению доказательств. Смена интересов, отдающая предпочтение исследованиям субъективности, обусловила заинтересованность нарративом как методологическим принципом познания индивидуальных и социальных практик. Своим подходом П. Рикер пытается создать условия примирения человека с собой. Расширив философские функции герменевтики – от разбора ее как методологии познания до определенного способа существования, П. Рикер расширяет и ее девиз: больше объяснять, чтобы лучше понимать, применяет его не только к тексту, но и к практике. Кроме того, нарратив выступает не столько описанием онтологической реальности, сколько «инструкцией» для конструирования этой реальности, которая позволяет включить индивидуальный случай в общее целое. Заинтересованность нарративом в гуманитарных науках обусловлена тем, что любая форма рассказа является составляющей частью философских, лингвистических, психологических условий существования, создания определенного смысла. Благодаря этому

мы находим возможность для создания того или иного смысла, которым наполнена жизнь человека; с помощью нарратива человек дифференцирует и наблюдает сложные контексты опыта. Философия сосредотачивается на возможности достижения человеком своей идентичности, но нарратив не является просто способом самоидентификации, он может стать способом для достижения и социальных целей. Осознавая важность этих моментов и важность «повествования» в жизни людей, объясняется стремительный рост исследований в сфере нарратологии. Принципы нарратологии применимы в культурологии, теологии, историософии, искусстве, в философии и т. д. Но, несмотря на степень разработки нарративной проблематики, понятие нарратива остается дискуссионным.

Исследование проводилось в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

Список литературы

1. Нарративные основания опыта и научного знания: Рикер П. Время и рассказ. – Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. С франц. Т. В. Славко; под ред. С. Я. Левит. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — 313 с. — ISBN: 5-7914-0023-3
2. Современная политическая философия: введение / Пер. с англ. С. Моисеева. — Москва: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 592 с. — ISBN 978-5-7598-0715-5
3. Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. — Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2018. — 360 с. — ISBN 5-7333-0017-5.
4. Тейлор Ч. Секулярный век. — Москва: ББИ, 2017. — 967 с. — ISBN 978-5-89647-307-7.

УДК 1.177.1+304

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ КАК СРЕДСТВО ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Козлюк Д.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
denis.kozlyuk2002@gmail.ru

Мы знаем, что идеалы не могут
существовать в действительном мире;
мы лишь утверждаем, что по ним
должно судить о действительности…
И. Фихте

Диалектическое единство человека и общества, одухотворенное идеалами социального характера, является фундаментальным понятием

научно-философского знания, которое не теряет своей актуальности с течением времени. Издавна социальное формирование человека происходило в общественной среде, по сути дела, являясь аксиомой человеческого бытия. Несомненно, общество задает вектор развития личности, а социальный идеал определяет какие цели являются для нее престижными, жизненно весомыми, достижимыми в интеллектуальном самосовершенствовании и профессиональном саморазвитии.

Находясь в общественном пространстве, человек постоянно стремится к осуществлению своих судьбоносных идеалов, проявляя при этом склонность к развитию соответствующих свойств и качеств характера, целенаправленно реализовывая те или иные жизненные установки. К примеру, в обществе подлинного гуманизма преобладают духовно-нравственные идеалы человечности, доброты, свободомыслия, милосердия, радушия, сострадания, которые влияют на оптимизацию жизненной стратегии индивида, подтверждают истинность его мировоззренческой позиции. «Социальный идеал, по утверждению Ю. М. Лустина, важнейший элемент мировоззрения, определяющий правильный жизненный ориентир, придающий рациональному долженствованию определенную целостность и идейный смысл системе ценностных ориентаций субъекта общественной практики» [5, с. 58].

В широком смысле слова, идеал (франц. ideal, от греч, - идея, первообраз) – это идеальный образ мысленного совершенства, определяющий стремление человека к конечной цели своей духовной и практической деятельности.

В настоящее время к проблеме социального идеала человека и общества обращаются многие отечественные исследователи: Д. А. Бланууца [1], В. П. Бранский, Г. П. Ковалева [2], А. В. Миронов [6], Е. М. Прошина, С. В. Тимофеева, Е.В. Ушаков, С.Н. Шумилов и др.

Идеал и идея являются близкородственными понятиями. По Аристотелю, идея неотделима от формы, поскольку она есть чувственная сторона своего проявления, а поэтому «идеально» представляема. Платон понимал идею как объективную сущность, находящуюся в ином мире (в мире «запредельной вечности» – автор), наличествуя вне конкретных вещей, явлений, процессов реальности. Согласно И. Канту, идеал принадлежит только человеку. Он характеризуется наличием некой «внутренней цели», которая адекватна какой-либо идее. Говоря другими словами, именно воображаемое в качестве прообраза «идеи», имеет социально-регулятивный смысл, что позволяет различным конструкциям мыслительной активности сознательной личности упорядоченно воплощаться в жизнь через преодоление разного рода противоречий и препятствий. По этому поводу Максим Горький говорил: действительность всегда есть воплощение идеала, и, отрицая, изменяя ее, мы делаем это потому, что идеал, воплощенный нами же в ней, уже не удовлетворяет нас, –

мы создали в воображении, иной, лучший. Иначе говоря, социальный идеал – это индивидуальное средство субъективно предполагаемого в целевой содержательности объективно достигаемого человеком. В таком значении идеал является ментальным эталоном деятельности социализированной личности, коренным фактором ее миропонимающего мышления в постижении картины мира. Это возможно в силу того, что «миропонимающее мышление является важным жизненно определяющим средством человеческого существования» [3, с. 37].

Содержательное формирование социального идеала зависит от многих условий и ситуаций, которые детерминируют развитие соответствующих направлений его достижимости в реалиях человеческого существования. На это указывает диалектическая связь социального идеала и рефлексивных умений человека, доминантная совокупность которых образует сложную динамичную систему. Основу этой системы составляет рефлексия в качестве конструктивной способности индивида к самоанализу и оценке своих мыслей и действий, целеопределенно направленных на реализации социальных целей прототипической характерности. В свою очередь, социальный идеал, как желаемый образ цели, а также диалектико-материалистический или ментально-интуитивный способ ее достижения, влияет на развитие рефлексивной деятельности человека. «Диалектико-материалистическая доминантность рефлексивных способностей, определяет их образномыслительную существенность в креативном мышлении личности» [4, с. 94]. С такими доводами трудно не согласиться.

Социальный идеал выступает как средство диалектического единства человека и общества. Почему это так? Во-первых, как человек, так общество имеют свои идеалы (систему идеалов). Во-вторых, связь идеалов человека и общества отражает взаимное влияние результатов их социальной деятельности друг на друга, чем обусловливает обоюдное стремление к гармоничному развитию. В-третьих, идеалы общества служат побудительными мотивами к действию, которые вдохновляют человека к активной деятельности, преодолению противоречий и трудностей. Понимание этой диалектики позволяет раскрыть истинную сущность социального идеала и его роль в формировании человеческого бытия.

Таким образом, социальный идеал является основополагающей формой взаимосвязи человека и общества, в практической реализации которого раскрывается подлинный смысл их существования. Динамика реализации социального идеала имеет рефлексивный характер. Стремление к идеалу побуждает человека к рефлексии над собой. Рефлексия помогает человеку концептуально разрабатывать жизненные стратегии и планы целерациональных действий для креативного достижения желаемого. Это включает в себя анализ возможных направлений деятельности, оценку рисков, выбор наиболее эффективных методов и способов общественно признанной активности.

Концептуальная особенность социального идеала состоит в качественной способности *иметь* богатый духовно-нравственный потенциал своей существенности и тем самым *быть* сущностной силой человека, его побудительным мотивом целенаправленной динамики социального действия. Смысл данного утверждения подтверждает высказывание Л. Н. Толстого о том, что «идеал – путеводная звезда. Без нее нет твердого направления, а нет направления – нет жизни».

Список литературы

1. Блануца Д.А. Особенности формирования социального идеала // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 21 (51). – С. 14-21.
2. Ковалева Г.П. Формирование социального идеала как актуальная проблема в российском обществе и образовании // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2024. – № 2 (54). – С. 35-42. DOI. 10.54509/22203036_2024_2_35
3. Лустин Ю.М. Миропонимающее мышление человека в образно-типологическом конструктиве экофилософского познания // Образы в экофилософской картине мира: монография / кол. авторов; отв. науч. ред. Э.В. Баркова. – Москва: РУСАЙНС, 2022. – С. 33-45.
4. Лустин Ю.М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования // Электронный научный журнал «Архонт». – 2022. – № 5 (32). – С. 93-102.
5. Лустин Ю.М. Личность, типология, общество: диалектика социальной рациональности: монография. – Донецк: Изд-во ДОННУЭТ, 2023. –340 с
6. Миронов А.В. Социальный идеал как средство общественной коммуникации // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2016. – Т. 17. – С. 77–84.

УДК 1 (091)

ФЕНОМЕН СТРАДАНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Комисова Е. И., ORCID 0009-0008-7312-8087
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
azazel2788@mail.ru

«Жизнь есть страдание» – гласит первая благородная истина буддизма. Человек появляется на этот свет, претерпевая мучения, пусть даже не остающиеся в памяти. Человек взрослеет и стареет, нередко томимый несбывшимися надеждами, страхами, болезнями и лишениями, страдая от внутренних конфликтов, теряя веру в светлое будущее, находясь в мучительном поиске смысла жизни, осознавая неотвратимость и неизведанность смерти. Привязанность человека ко всему земному, а значит

– тленному, изменчивому, уже есть страдание. Эта неотъемлемая часть жизни, с одной стороны, может сделать человека несчастным, с другой же – способствует его моральному развитию и нравственному становлению, избавляет от инфантилизма и ложных надежд, помогает «найти себя», правильно расставить приоритеты, определить собственную миссию в жизни.

Что делает человека «вполне человеком»? Способность мыслить. Сопереживать. Рефлексировать. Сожалеть. Стремиться не только к удовлетворению физических потребностей, но и моральных. Поступать вопреки собственным желаниям. Создавать идеалы и приносить их в жертву. Наконец, способность страдать. Определение «человек разумный» вполне может быть дополнено определением «человек страдающий». На протяжении тысячелетий эта фундаментальная бытийная характеристика вызывала активные дискуссии.

Так, в парадигме буддизма (буддистская философия, отличающаяся сильным субъективным характером, больше всего занимается человеком как агрегатом психических состояний) страдание представляется естественной частью жизни, связанной с неизбежной привязанностью человека ко всему земному и преходящему: «жажда к бытию и наслаждению, жажда к созиданию, жажда власти идут от возрождения к возрождению» [1]. «Страдание» и «бытие» в буддизме – синонимы. Однако нужно отметить, что перевод термина «дуккха» (с палийского или с санскрита) как «страдание» не отображает всех нюансов этого фундаментального понятия, характеризующего буддистское мировоззрение. «Дуккха» означает глобальную неудовлетворенность из-за претерпевания чего бы то ни было. «Карма», или причинно-следственные связи, подчиняет каждого человека, заставляя его испытывать страдание. «Нирвана» же освобождает от желаний и привязанностей в том смысле, что они перестают влиять на человека.

Античная парадигма раскрывается как в древнегреческих трагедиях, так и в философских текстах. А. Н. Чанышев писал, что «для античного мировосприятия вопрос о смысле страдания почти невозможен», поскольку страдание «выпадает на долю человека по закону, безразличному к отдельному лицу (рок)» [2]. Индивид в период античности представляется как элемент Космоса или полиса, причем человек причастен к судьбе мира через достойное исполнение своего предназначения. Даже Зевс, Громовержец и владыка Олимпа, боялся Мойр — богинь судьбы, и не мог пойти против их воли. Тема страданий и судьбы — одна из ключевых в античных произведениях. Например, в трагедии Софокла «Царь Эдип» главный герой, стремясь избежать предсказанного ему рока, совершает именно те действия, которые приводят к его трагической гибели. В «Илиаде» Гомера персонажи знают свою судьбу, но всё равно принимают решения сражаться и умирать. Например, Ахилл, потеряв друга, выбирает свой долг и судьбу, идёт на смерть, чтобы получить вечную славу. Феномен героизма в античности вытекал из

того, что слепой силе судьбы противостояла индивидуальная воля и ответственность. Судьбу невозможно победить или обойти, но герой стремится преодолеть её через подвиг.

Римские стоики считали, что у страданий особая нравственная функция — они раскрывают характер и силу духа человека. Единство судьбы отдельного индивидуума и целого мира по мнению стоиков помогает смириться с неизбежностью страданий. Достичь счастья как полного отсутствия страданий в земной жизни невозможно, однако способность преодолевать жизненные невзгоды, с точки зрения Эпиктета, находится во власти человека. Философ так формулирует основную причину людских несчастий и отношение к ним: «…настоящее горе наше происходит не от того, что случается с нами, а от того, что мы неразумно думаем о случившемся», «…горек не сам урон, а мнение о нем», «человек, в тюрьму ты должен отправляться радуясь, спеша, опережая уводящих тебя». Марк Аврелий писал: «Если ты огорчаешься по поводу чего-либо внешнего, то угнетает тебя не сама эта вещь, а твое суждение о ней. Но устранить последнее — в твоей власти» [1]. Удары судьбы, по мнению стоиков, должны расцениваться добродетельным человеком как возможность проявить свои лучшие внутренние качества.

Похожая точка зрения у представителя русской религиозной философии Е. Н. Трубецкого – страдание пробуждает и закаляет силу духа. Человек, всегда живущий в благополучии и не знающий бед, жизнь не ценит, к высшим смыслам не обращается, не понимает собственной ответственности за несовершенство рода человеческого и мира в целом.

Н. А. Бердяев писал, что страдание — это глубинное антропологическое состояние человека, принуждающее его к преодолению препятствий, жизненных неудач. В страдании происходит радикальное преображение человека. Фиксация на страданиях может как обнаруживать величие духа, так и разъединять людей, разрывать социальные связи.

Виктор Франкл, знаменитый австрийский психолог, уцелевший в концентрационном лагере, основатель третьей (венской) школы психотерапии, автор всемирной известной книги «Сказать жизни «Да!» ввёл понятие «ноогенный невроз» – состояние мучительного поиска смысла жизни в экзистенциальном вакууме, невроз, возникающий из-за утраты осмысленного существования, конфликта ценностей, разрывом между желанием, возможностями и долгом человека. Он возникает не только в психологическом, но и в ноологическом (разумном) пространстве человеческого существования, когда к фрустрации присоединяется заблокированная «воля к смыслу», наиболее частый выход из которой – конформизм. Виктор Франкл противопоставляет «волю к смыслу» «воле к власти» Альфреда Адлера (компенсации чувства неполноценности) и «принципу удовольствия» Зигмунда Фрейда (получению удовлетворения благодаря устранению напряжения). Ирвин Ялом, представитель

экзистенциальной психологии, писал, что смысл жизни содержится в ситуации, подразумевающей вопрос и требующей ответ: «у каждой проблемы есть только одно решение, и оно правильное; у каждого решения – только один смысл, и он подлинный» [3].

Какие выводы может сделать для себя современный человек, живущий в мире, полном конфликтов и лишений? Не стоит идеализировать страдания как единственный путь к нравственной трансформации, ведь не всегда они могут менять человека к лучшему, делать милосерднее и добродетельнее, сильнее и смелее. Страдания не бесцельны тогда, когда позволяют человеку обрести смысл жизни и возможность реализовать себя нового, когда полученные моральные уроки приводят к личностной зрелости и позволяют радоваться жизни в новом качестве, проживать моменты счастья острее и полнее. И важно помнить, что страдания – это проверка на наличие «вполне человеческого» в человеке.

Список литературы

1. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления: [перевод с латинского] / Марк. Аврелий. — Москва: Издательство «АСТ», 2018. — 384 с.
2. Окунцев, Д. С., Феномен страха в историко-философской традиции / Д. С. Окунцев, М. П. Трофимов. — Текст: электронный // Вестник НАСА. — 2011. — С. 77-80. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-straha-v-istoriko-filosofskoy-traditsii (дата обращения: 30.09.2025).
3. Сенкевич, А. В. Феномен страдания в судьбе человека / А. В. Сенкевич. — Текст: электронный // Известия ВГПУ. — 2010. — С. 8-11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-stradaniya-v-sudbe-cheloveka (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 1:316:141.7

ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА ДОНБАССА. МАРКЕРЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Коновалов А. Г., ORCID 0009-0006-445-8012
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
agk.dongu@mail.ru

1. Открытие угля при правлении Петра I предопределило место и роль Донбасса в истории России.

Присоединение земель при Екатерине Великой, получившее название «Новороссия», освоение этих земель и разработка полезных ископаемых сделало этот регион индустриально-промышленным центром развития Российской империи. К концу XIX началу XX столетия Донецко-Криворожский индустриально-промышленный регион стал важнейшим центром развития России.

2. Освоение новых земель и разработка полезных ископаемых (уголь, руда, соль…) требовало огромного количества рабочих рук в малозаселенных территориях «Великой степи» и «Дикого поля». Петр I запретил возвращать беглых крестьян помещикам, если они заняты угольным промыслом, огромное количество «казенных» крестьян переселяли на Донбасс для добычи очень необходимого для металлургии Империи угля. На относительно небольшой, по меркам Империи, территории сложился удивительный состав населения из совокупности этнических, культурных, религиозных, языковых групп, представляющих российскую Империю в миниатюре. Екатерина II для освоения новых земель пригласила греков, сербов, немцев, предоставив им привилегии и права в освоении земель. И сегодня поселение с названиями «Сербское», «Старосербское» присутствует на всей территории как Донбасса, так и Новороссии. Мариуполь осваивался и строился греками, как и значительная часть Приазовья.

3. Этническая, религиозная, языковая, культурная многоликость новых регионов, их гармонизация стала следствием исторически сложившихся основ государства Российского как воплощения основополагающего принципа христианской морали – «равенства Всех перед Богом» только применительно к государству – перед государством все этносы, культуры, верования, языки проживающих в государстве групп – равны. Именно это духовно-нравственное основание государства Российского обеспечивало его мощь и устойчивость в самые трудные периоды Российской истории, будь то нашествие тевтонских рыцарей при А. Невском, период смуты и освобождения Москвы от польских оккупантов Мининым и Пожарских, поход Наполеона, Гитлера и, как сейчас, объединенного Запада против России.

4. Преобладание угольной промышленности и металлургии на территории Донбасса сформировали и особые качества людей, проживающих на Донбассе – ответственность, «чувство локтя», коллективизм, упорство, волю и сопричастность к тем процессам, которые происходили в стране. Это те качества, которые всегда помогали людям не только переживать трудности, но и побеждать. Не случайно Первый Глава Республики А. В. Захарченко говорил о своей мечте: «После Победы мы накроем столы от Донецкого аэропорта до Центра города, помянем тех, кто погиб, защищая Республику, вместе определим планы на будущее…». Донбасс сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны – дома, промышленность, шахты были разрушены, требовали восстановления и последующего включения в промышленный потенциал страны. С разных концов Советского Союза приезжали добровольцы, а также переселенцы с Западной Украины, которые так и не смогли вписаться в интенсивный производственный процесс, быт по причине совершенно другой ментальности и отсутствие таких качеств, как коллективизм, ответственность, «чувство локтя», сопричастность к тем процессам,

которые происходили в стране, победившей фашизм. «Селянство» как образ и идеология западных областей Украины не соответствовало духовно-нравственному облику Донбасса, было чуждо ему и несло чуждые русской многонациональной культуре черты западной идеологии и миропонимания.

5. После распада Советского Союза Донбасс оказался на исторически своей земле, но ВНЕ пространства русской цивилизации, России. Долгое время Донбасс в рамках существующего правового поля пытался отстаивать свою «русскость» и тесное взаимодействие с Россией, проведя Референдум о русском языке и Федерализации Украины, где более 95% населения поддержало эту инициативу, в 2004 г. противостоял организованному врагами России майдану и, наконец, в 2014 г. выступил против госпереворота в Киеве, вновь предложив обсудить вопрос о федерализации и русском языке с киевской хунтой, Киевские путчисты выбрали ВОЙНУ.

6. Являясь концентрированным выражением Большой России Русский Донбасс принял на себя первые удары врагов России, противостоя 63 государствам Запада, Японии и Австралии, обеспечивая защиту 400 км. границы от враждебной, националистической Украины. К сожалению, Россия признала власть в Киеве, но не признавала до 2022 г. выбор Донбасса, ДНР, ЛНР, осуществленный по самым высоким международным нормам – через Референдумы 11 и 12 мая 2014 г. Несмотря на колоссальные трудности военного времени, Донбасс при поддержке, прежде всего, простых граждан России, которые оказывали гуманитарную помощь и отрядам ополченцев самой России, не только выстоял, но стал точкой притяжения и маяком для миллионов граждан России в плане защиты Русской культуры, «русскости», осознания того, что Россия это не подчиненная часть западной цивилизации, а есть сама цивилизация, Русская, имеющая свою историю, героев, веру, самодостаточная и прекрасная, несмотря на все сложности и трудности в ее тысячелетней истории.

Восьмилетнее противостояние с Западом Донбасса, мужество и упорство всех граждан республики дало свои плоды, Россия не только признала ДНР, ЛНР, но и через Референдумы вернула эти территории, как и две области исторической Новороссии – Херсонскую и Запорожскую в лоно русской Цивилизации, в лоно русского государства. Когда-то. Хорошо знающий Россию и русских Бисмарк сформулировал максиму «Русские всегда приходят за своим, если поняли, что их обманули…». Нам чужого не надо, но и свое никому не отдадим, особенно тем, кто подло предал и подло врет.

7. «Донбасс порожняк не гонит», «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано», «Донбасский характер» – есть не просто фигура речи, а выстраданная и сформировавшаяся в истории констатация того, что когда люди осознают себя как часть великого наследия своих предков, своей культуры, веры и осознающие свою ответственность за будущее своей страны, своих детей, они не победимы.

УДК 120.3

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОГО МИРА И ИСТОРИОСОФСКАЯ СУЩНОСТЬ РУССКОЙ ИДЕИ КАК ГЛАВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОСТИ

Кот Ю.В., ORCID 0009-0004-7874-7451
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва, РФ
kotkot_76@mail.ru

Введение. До настоящего времени понятие Русской идеи изучалось историками философии прежде всего как феномен истории русской мысли. Мы же предлагаем феномен Русской идеи изучать как современное явление, которое в настоящее время актуально и реально развивается в массовом сознании народа современной России

Целью является культурологический анализ понятия «Русский мир» и историософской сущности Русской идеи в контексте массового сознания, национальной идентичности, с опорой на традицию русской философской мысли**.**

Основная часть. В 2016 году Владимир Владимирович Путин на вопрос о том, где заканчивается Россия, ответил, что Россия не заканчивается нигде. Позже он прокомментировал свое высказывание так: «Это прежде всего имеет цивилизационный смысл. Наших соотечественников проживает везде много. Русский мир имеет глобальный характер» [2]. Объективно реальность «Русского мира» не имеет ни географических, ни административных, ни даже национальных границ, вернее – ограничений.

Для научной проработки заданной тематики мы должны исходить из двух позиций:

- Первая. Русская идея должна рассматриваться как реальность, которая сформировала сознание русского народа на протяжении веков.

- Вторая. Русская идея - философский концепт, созданный на основе этого сознания русскими мыслителями в XIX веке, который продолжает существовать и в настоящее время, оставаясь потенциально самой мощной основой для возрождения национального самосознания [2, с. 50]. Главная его ценность в том, что он формирует массовое сознание народа на основе его приобщения к традиционным и сакральным ценностям. Никакая другая идея этого сделать не может. Вместе с тем, мы исходим из факта сложности и многослойности современной культуры, а это означает, что Русская идея является одним из её компонентов, который активно взаимодействует с другими.

Мы впервые Русскую идею рассматриваем как регулятивный принцип гражданской идентичности народа в современной Российской Федерации, то есть русская идея – это не прошлое, а настоящее и будущее.

Констатируем, что самосознание народа России в настоящий момент находится в состоянии формирования, переформатирования, консолидации, обогащения, систематизации. Все эти процессы требуют нескольких ключевых принципов и идей. В том числе, это русская идея, которая сформировалась в массовом сознании русского народа на протяжении многих веков, а затем была зафиксирована в русской философии, начиная с XVIII века и до нашего времени. Эта русская идея присутствует в культурном и национальном сознании современных россиян, как один из важнейших компонентов национальной консолидации и формирования национальной идентичности. Однако в таком ракурсе, как современный компонент российского гражданского и национального самосознания она еще фактически не рассматривалась, то есть такой подход является крайне актуальным, и именно он является принципиальным для нас.

В первую очередь, мы делаем акцент на возможности развития Русской идеи как одной из ключевых идей, формирующих современную национальную идентичность россиян. Это не исторический подход, это именно культурологический подход, причем актуальный, связанный с современностью.

Что касается понятия Русского мира, которое тесно связано с понятием Русской идеи, то в настоящее время это понятие рассматривается прежде всего как геополитическое. Однако «Русский мир» – многозначный концепт, используемый для обозначения особого культурно-цивилизационного пространства, геополитической доктрины и религиозно-исторической идеи, подразумевающей объединение русскоязычного населения по всему миру. Русский мир – это не просто пространство на карте, но и пространство смыслов. С точки зрения историософской сущности Русской идеи – это духовный бастион традиционных ценностей (Катехон), удерживающий мир от антропологической деградации и физического уничтожения.

Методология исследования феномена Русского мира должна быть междисциплинарной и полиаспектной. Она включает в себя цивилизационный анализ (раскрывающий историко-культурную самобытность России), религиозно-философский анализ (раскрывающий духовные основания – православие, соборность, мессианизм), социокультурный анализ (исследующий современное состояние – диаспоры, язык, идентичность, институты). Только сочетание этих перспектив даёт объёмное понимание.

Во-первых, следует чётко определять уровень анализа: либо мы говорим о Русском мире как об идеальной модели (идея, идеология, ценности), либо как об эмпирической реальности (сообщества, политики). Смешение приводит к путанице. Наши исследования в этом направлении показали плодотворность подхода, когда идеальный и эмпирический уровни рассматриваются параллельно и взаимно поясняют друг друга.

Во-вторых, рекомендуем опираться на историзм – прослеживать генезис явления. Без понимания исторических корней (Киевская Русь, Московское царство, империя, СССР) трудно адекватно судить о современном Русском мире.

В-третьих, необходимо использовать ценностно-ориентированный анализ: понятие «русский мир» во многом ценностное, поэтому методики аксиологического анализа (выявление базовых ценностей, их иерархии) здесь незаменимы.

В-четвёртых, важно применять компаративистику: сравнение, как минимум, с другими цивилизационными концептами («исламский мир», «англосаксонский мир» и т.п.) поможет высветить уникальность русского мира.

Концепция Русского мира основана на равноправии и справедливости. Безусловно, её можно отчасти трактовать как миссионерскую, однако слово «миссионерский», строго говоря, имеет исключительно религиозный смысл.

Россия может утвердиться, как один из лидеров современного мира именно как носитель данного проекта новой справедливости. Мы предложили к рассмотрению гипотезу о наступлении новой эпохи в истории человечества,
когда в продолжение эпохи Нового Средневековья [1] или общепризнано определённого понятием постмодернизм, приходит эпоха Нового Возрождения.

Заключение. Русский мир, как и Русская идея, является светской транскрипцией русского православия, где чётко сформулированы основы нашей цивилизации. Во всех традиционных религиях ценности имеют определенную общность, но вместе с тем, различаются формы их религиозной реализации и формы их воплощения в культуре. Однако сам принцип традиционных ценностей одинаков в разных религиях, и на этой основе возможна консолидация стран, исповедующих традиционные ценности, против наступления коллективного Запада, который несет политику неоколониализма и экономической эксплуатации.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. – М.: АСТ, 2025. – 384 с.
2. Даренский В.Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 49–67.
3. https://rg.ru/2023/10/05/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-zasedanii-diskussionnogo-kluba-valdaj.html

УДК 101.1:316

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ-УЧАСТНИКОВ СВО

Кривко М.А., канд. филос. наук, доц.
ФГКВОУ ВО «Михайловская военная артиллерийская академия»,
г. Санкт-Петербург, РФ
mvva@mil.ru

Введение. Социализация современной молодежи происходит в особых условиях одновременного функционирования классических, формировавшихся столетиями, социальных институтов и новой социально-коммуникативной среды – цифрового общества. Цифровое бытие человека определяет особенности и формы восприятия им информации о длящихся в различных географических точках многочисленных военно-политических конфликтах, в том числе и о специальной военной операции. Современные курсанты военных вузов являются уникальным поколением военной молодежи последнего десятилетия, поскольку многие из них имеют опыт непосредственного участия в СВО, который напрямую отражается не только на их профессиональных навыках как будущих офицеров, но и имеет экзистенциальное влияние на развитие личностных качеств.

Цель статьи – описать особенности развития социальной резильентности курсантов-участников СВО в процессе преподавания философии.

Основная часть. С сентября 2022 г., когда в военные вузы впервые поступили юные ветераны боевых действий, а преподаватели столкнулись с необходимостью «мобилизовать» образовательный процесс с учетом опыта боевых действий, педагогами Михайловской военной артиллерийской академии был изучен и систематизирован масштабный опыт СВО, в том числе, и в плане направлений и задач психологического сопровождения курсантов-участников СВО [1].

Анализируя обращения за психологической поддержкой обучающихся, имеющих боевой опыт, к преподавателям гуманитарных дисциплин, можно сделать вывод о том, что, курсанты, прошедшие отбор в военный вуз, не имеют ярко и значительно выраженных проявлений боевой психической травмы. Их запросы психологической помощи часто сфокусированы в спектре социальных паттернов, связанных с необходимостью поддерживать или восстанавливать социальные связи со сверстниками, не имеющими военного опыта; на взаимодействии внутри воинского коллектива с курсантами, поступившими сразу после школы [2]; формировании устойчивого позитивного опыта личных отношений с

противоположным полом, и в целом – направлены на дальнейшее личностное развитие, при котором боевой опыт был бы переработан исключительно в позитивном для социальной коммуникации ключе. Все это определяется как *«социальная резильентность»* – способность человека как социального индивида восстанавливаться после тяжелого личностного опыта, успешно формировать социальные связи и выстраивать социальную коммуникацию, с учетом жизненных событий прошлого. Как отмечают А.Г. Сабиров и Л.А. Сабирова, «в современной социально-философской и психолого-педагогической литературе резильентность (от лат. resilire – «прыгнуть обратно», англ. resilience – «упругость, эластичность») понимается как свойство человека, проявляющееся в его способности наиболее оптимальным образом преодолевать стрессы и трудные периоды жизни» [3; с.165].

Преподавание философии в военном вузе зачастую сопряжено с оказанием психологической помощи и поддержки обучающимся, поскольку курсанты воспринимают дисциплину как возможность (иногда даже – единственную) выговориться, обсудить то, что их непосредственно волнует. При этом образовательный процесс строго регламентирован: «преподаватель должен уметь выдерживать порядок проведения занятия, временные рамки, отведенные на вступительную часть, основную – рассмотрение каждого вопроса темы и заключительную, с прописанными в плане проведения занятия приемами, формами и методами активизации обучающихся» [4]. В практике автора статьи была ситуация, когда во время лекции в момент объяснения сути категорического императива Канта, курсант-участник СВО поднял руку и, волнуясь, начал подробный рассказ о сложнейшей ситуации из своего опыта на линии боевого соприкосновения. Лектор оказался перед дилеммой: остановить рассказ, строго следуя плану занятия или же выслушать курсанта, который явно находился в состоянии острой необходимости публичной вербализации и поиске поддержки? Поскольку преподавание философии в военном вузе связано с выполнением и гуманистической функции – было принято решение дослушать курсанта, тем более аудитория проявила активный интерес и участие (что способствовало сплочению коллектива конкретной учебной группы в дальнейшем). В итоге было принято решение выделять время на семинарах и практических занятиях по философии для «экзистенциального диалога» – специально выделенного времени, в которое курсанты при желании могут публично обратиться к коллективу, осмысляя философские концепты и теории для получения коллективной поддержки или в случае необходимости поделиться своими экзистенциальными рефлексиями о пережитых событиях.

Внедрение данной практики в процесс проведения семинарских и практических занятий по философии способствовало развитию социальной резильентности – курсанты получали «обратную связь» как от других

участников СВО, так и от курсантов, не имеющих боевого опыта; а также избавлялись от негативных установок («другие будут думать, что со мной что-то не так», «девушки могут избегать и бояться ветеранов боевых действий», «мои сверстники без боевого опыта меня не поймут»).

Развитие резильентности курсантов-участников СВО формируется в виде: 1) способности быстро адаптироваться к социуму в учебной среде и за пределами учебных аудиторий, 2) способности сохранять психологическую стабильность, несмотря на тяжелые психологические переживания, связанные с участиями в боевых действиях; 3) трансформации приобретенного боевого опыта в целях дальнейшего успешного построения военной карьеры и профессионального развития, 4) умения осуществлять психологически здоровую коммуникацию в личных отношениях с товарищами, друзьями и противоположным полом. Путем совершенствования навыков критического мышления, этической рефлексии, эмоциональной саморегуляции, межличностной коммуникации и диалога формируется социальная резильентность.

Заключение. В процессе изучения дисциплины «Философия» курсанты осваивают многочисленные философские теории, связанные с осмыслением бытия, сознания, войны и миры, свободы воли и ответственности, смысла жизни, морального выбора военнослужащего и комплекса его нравственных ценностей, многоаспектно развивая в процессе обучения культуру личности военного специалиста.

Список литературы

1. Савушкина, М. А. Преподаватель как психолог: особенности психологического сопровождения курсантов, имеющих боевой опыт / М. А. Савушкина // Политработа: история, современность, перспективы (к 80-летию Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации) : материалы Межведомственной научно-практической конференции с международным участием. – Санкт-Петербург: ВАВНГ, 2025. – С. 239–243.
2. Мулява, О. Д. Особенности индивидуально-воспитательной работы с курсантами, поступившими из войск / О. Д. Мулява, Е. В. Великая, Н. В. Кочуланов // Психолого-педагогические проблемы военного образования: сборник научно-педагогических трудов. – Санкт-Петербург: ВАС, 2024. – С. 92–97.
3. Сабиров, А. Г. Основные направления формирования и развития резильентности студентов в процессе преподавания социально-философских дисциплин в современных вузах – Текст: электронный / А. Г. Сабиров, Л. А. Сабирова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 8. – С. 164–169. – URL: https://doi.org/10.24158/spp.2022.8.24 (дата обращения: 11.09.2025).
4. Сметанкина, Л. В. О преподавании философии в военном вузе и отношении к дисциплине выпускников – Текст: электронный / Л. В. Сметанкина, Е. А. Мазяева // Педагогика, психология, общество: материалы III Научно-практической конференции. – Чебоксары: Издательство «Среда», 2023. – С. 203–206. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=62910823 (дата обращения: 11.09.2025).

УДК 159.923.2: 172.12

САМОБЫТНОСТЬ ДОНБАССКОГО КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

Кривуля Р.Е., ORCID 0000-0002-7045-7458
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
ya.suitepc@yandex.ru

Введение. Донбасский край является уникальным социально-этническим территориальным образованием, который в силу своего географического расположения и исторических событий оказался центром встречи различных культур. Сегодня на территории Донбасского края проживает более 138 национальностей, соответственно столько же и различных культур, которые хоть и кардинально могут отличаться друг от друга, но объединенные общей государственной самобытностью, сосуществуют в эффективно-смысловом взаимодействии между своими представителями на данной территории.

Б.С. Ерасов, считал, что в сути самобытности находится такое понятие как традиция. Автор пишет: «Содержание перегруженного понятия традиция оказалось распределенным между более адекватными (хотя и тоже небезупречными в аналитическом плане) понятиями: самобытность, специфика, культурное наследие, культурное ядро, культурная динамика, эндогенность. Ведущее и наиболее распространенное понятие самобытность используется прежде всего для обозначения определенности и самостоятельности общества, вытекающих из общности и своеобразия его культурных характеристик и исторического опыта. В самобытности соединяются объективные и субъективные стороны бытия, внутреннее с внешним, отдельное с общим, действие и сознание, целостность и динамика. Роль самобытности стала сопоставима с местом, которое отводится понятиям независимость и суверенитет в политическом плане, в межнациональных и национальных отношениях» [1, с. 46-47].

Соглашаясь с мнением Б.С. Ерасова, мы можем заключить, что самобытность именно государственная, не этнически-культурная, является тем социальным скрепом, который помогает представителям различных культур мыслить и целостно развиваться в одном обществе, поскольку их объединяет нечто общее, отождествления себя с чем-то большим в этом мире, чем что-то индивидуализированное в рамках этнических архетипов.

Основная часть. Рассматривая единство народов Донбасса в вопросе целесообразного сосуществования на данной территории, мы бы хотели рассмотреть национальные традиции, которые как составляющий элемент самобытности объединяют представителей различных культур под одной общей идеей, что позволяет им целостно двигаться на своем жизненном

пути. Национальные традиции не сильно отличаются от этнокультурных, но имеют более универсальную применительную систему. Символика государства, его гимн, правовая сфера – не обладают чем-то индивидуализированным под одну культуру, они более унифицированы, что позволяет с гордостью каждому представителю своего народа взаимодействовать с данным набором государственных атрибутов. Если проследить историю жизни течения Донбасского края, то мы можем увидеть, что такой подход на данной территории был всегда приоритетным. Все люди, проживающие в Донбасском крае, не зависимо от их этнокультурной принадлежности, всегда свою самобытность, в первую очередь, сопоставляли именно с этой территорией, с ее национальной идеологией, как основным форматом отчего дома, а после уже самоидентифицировались со своим культурным наследием.

Такая приверженность самобытности Донбасского края у населения возникла в силу объединяющего трудового ремесла. Добыча угля является тяжких трудом, который не только связан с колоссальными физическими и психологическими нагрузками, но и имеет высокую степень угрозы жизни горняков. Соответственно, если представители данного вида профессии стали бы взаимодействовать на уровне разобщенности по формату этнокультурных различий, то количество повредивших здоровье горняков было бы во много раз выше, чем это было на протяжении всей истории Донбасского края. Поэтому, имея общее опасное трудовое дело, люди начали укреплять социальные связи и возвели их в ранг выше этнокультурных взаимодействий, что оказалось наиболее эффективной системой в вопросе объединения людей не по культурной самобытности, а по социальной. Такой подход позволил сформировать социальную память, которая в дальнейшем передавалась из поколения в поколение укрепляя социальные связи. Как считают Цибриенко Р.Я., Шамаева О.П.: «Социальная память придает придает социальной общности целостность, она не является механической суммой индивидуальных воспоминаний, а включает в себя лишь то, что разделяется всеми» [3, с. 21].

Заключение. Как мы видим из проведенного анализа, не всегда идентичность человека строится только на этнокультурных связях с конкретным народом. В некоторых случаях, социальная самобытность является основополагающей в вопросе позитивного взаимодействия людей, имеющих различную этнокультурную принадлежность. В современном мире такой процесс называется обретением мультиидентичности, когда люди объединяются чем-то большим, выходящим за рамки определенных индивидуальных признаков конкретного народа. Таким скрепом для народов Донбасса является их край, который в силу своего исторического труда приучил многие поколения исповедовать данную истину, что не важно кто ты по происхождению, важно какой ты человек. Такой социальный подход позволил Донбасскому краю на протяжении всей истории оставаться

наиболее нейтральной территорией во всех этнокультурных разногласиях, происходящих вокруг. Даже в современных условиях войны, на территории Донбасса нет ненависти к определенной этнокультурной идентичности. Сегодня многие, кто недавно считался врагом, интегрировался в социальную систему Донбасса без каких-либо преследований либо порицаний. Что позволило удержать ментальную целесообразную основу взаимодействия внутри общества на территории Донбасского края.

В перспективе, при полной интеграции в Российскую Федерацию, Донбасский край не будет ждать какое-то колоссальное социальное потрясение, поскольку Россия такой государственной самобытностью и социальными связями, которые возводятся в ранг более высокий нежели этнокультурные основы, живет на протяжении веков, объединяя в своей цивилизации более 190 народов и этнических групп, которые считают именно Россию своим домом. Как считает Скоробогатько А.В.: «Историческое провидение уготовило России свою судьбу, свой путь. Этот путь отличен от других. На этом пути были великие взлеты и страшные падения. Народ, испытавший все это на себе, сформировал особый тип национального характера, особый тип духовной культуры, особое мировоззрение» [2, с. 5]. Поэтому это еще одна из причин, почему Донбасс считается историческим регионом Российской Федерации, поскольку такой подход к взаимодействию внутри разно национального общества встречается крайне редко, зачастую общество пронизывается догмами, делится на этнические ячейки и взаимодействие между такими ячейками крайне затруднены, что приводи к крайне деструктивным последствиям, как мы это можем наблюдать в западной цивилизации.

Поэтому, на наш взгляд, самобытность Донбасского края является для нас точкой сборки в вопросе поиска на ответ: кто мы есть?! Мы есть Донбасс.

Список литературы

1. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории) / Б. С. Ерасов. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 205 с. – ISBN 5-02-017165-4.
2. Скоробогатько А. В. Теория общественных идеалов русской социальной философии: монография / А. В. Скоробогатько. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 372 с. – ISBN 978-5-8064-3084-8.
3. Цибриенко Р. Я. Социальные связи и мемориальное поведение граждан: монография / Р. Я. Цибриенко, О. П. Шамаева. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ЭБС АСВ, 2020. – 143 с

УДК 001

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПАРАДИГМ

Лаврикова Н.И.[1], д-р экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-9459-2793,
Вишнепольский М.А.[1], ***Лаврикова В.В.***[2]
[1] ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации», г. Орел, РФ
[2] ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел, РФ
nalavrikova@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается сложная взаимосвязь между коренными преобразованиями в науке и эволюцией способов научного мышления, проявляющаяся в технологическом прогрессе. Научные революции существенно меняют когнитивные парадигмы - основные модели мышления и объяснения мира в конкретный исторический период.

Николай Коперник в XVI веке предложил гелиоцентрическую систему: Солнце - центр мира, а Земля вращается вокруг него вместе с другими планетами. Эта идея вызвала кризис в астрономии и философии того времени, поскольку она противоречила устоявшимся представлениям и требовала переосмысления всей картины космоса. Одним из ярких примеров научной революции является переход от геоцентрической модели Вселенной к гелиоцентрической. В эпоху Средневековья господствовала идея о том, что Земля – центр Вселенной (геоцентризм). Эта модель основывалась на астрономических представлениях Птолемея и была тесно связана с религиозными взглядами.

В XVII веке Исаак Ньютон создал механику Ньютона - универсальную теорию движения тел и закон всемирного тяготения. Его механистическая картина мира предполагала, что природа функционирует по законам механики: все процессы можно объяснить взаимодействием материальных частиц по строгим законам. Эта революция привела к тому, что мир стал восприниматься как огромный механизм: все явления можно объяснить через законы природы без обращения к сверхъестественным силам или целям.

XX век ознаменовался двумя крупными революциями: теорией относительности Альберта Эйнштейна и развитием квантовой механики. Эйнштейн показал, что пространство и время являются относительными величинами и зависят от скорости движения наблюдателя. Его теория разрушила классическую картину пространства-времени как абсолютной структуры.

Научные открытия играют ключевую роль в расширении границ человеческого знания о мире. Каждое новое открытие не только дополняет

существующие знания, но зачастую полностью меняет представление о природе явлений. Революции XX века – теория относительности и квантовая механика – расширили наше понимание пространства-времени и микромира до невиданных ранее масштабов. Эти открытия не только изменили фундаментальные представления о природе материи и энергии, но также стимулировали развитие технологий: спутниковой навигации, ядерной энергетики, лазеров и многих других областей.

Современная цифровая революция формирует принципиально новый тип научно-технической рациональности, качественно преобразующий традиционные эпистемологические основания познавательной деятельности [1]. Этот процесс характеризуется переходом от классических моделей научного исследования к комплексным цифровым методологиям, где ключевую роль играют алгоритмические системы обработки информации, методы машинного обучения и технологии работы с большими данными.

Особенностью новой цифровой рациональности становится изменение самой природы познавательного процесса - от преимущественно аналитического и гипотетико-дедуктивного мышления к синтетическим и прогностическим моделям, основанным на выявлении скрытых закономерностей через анализ массивов эмпирических данных. В технической сфере это проявляется в переходе от традиционного инженерного проектирования к системам автоматизированного синтеза технических решений, где искусственный интеллект участвует не только в оптимизации параметров, но и в генерации принципиально новых конструктивных решений.

Цифровая рациональность порождает новые эпистемологические вызовы: проблему интерпретируемости решений, принимаемых нейросетевыми алгоритмами, вопрос о природе доказательности в условиях работы с неполными и разнородными данными, а также проблему методологического единства науки в условиях фрагментации исследовательских практик. Важнейшей характеристикой новой рациональности становится ее сетевая природа, проявляющаяся в распределенном характере научно-технического творчества, стирании границ между фундаментальными и прикладными исследованиями, а также в возникновении новых форм коллаборации между человеком и искусственным интеллектом. Эти трансформации приводят к переосмыслению традиционных категорий научной методологии - таких как эксперимент, доказательство, теория, - которые приобретают новые смыслы в контексте цифровых исследовательских практик. Одновременно цифровая революция актуализирует вопрос о пределах формализации научного познания и сохранении креативной составляющей научно-технического творчества в условиях все большей алгоритмизации исследовательских процессов.

Современный этап развития научно-технической рациональности сопровождается комплексом социально-эпистемологических вызовов, коренным образом трансформирующих традиционные представления о природе познания и его социальной ответственности.

Несмотря на значительный прогресс науки, человек остается ограниченным в своих когнитивных возможностях при изучении сложных систем. Эти ограничения связаны с природой человеческого восприятия, памяти, внимания и мышления [2].

Космология - одна из областей науки, где эти ограничения особенно очевидны. Вселенная обладает масштабами и временными рамками, недоступными для непосредственного восприятия человека. Мы можем лишь оперировать моделями и косвенными данными, что порождает вопросы о достоверности наших представлений о структуре и происхождении Вселенной.

Нейронаука также демонстрирует границы человеческого познания: мозг - очень сложная система с множеством уровней организации. Несмотря на достижения в понимании нейронных сетей и функций мозга, многие аспекты сознания, мышления и памяти остаются загадкой. Ограниченность когнитивных ресурсов мешает полностью понять механизмы работы мозга и его взаимодействие с окружающей средой.

Эти ограничения обусловлены как физиологическими особенностями нервной системы человека, так и психологическими факторами: склонностью к упрощению сложных явлений или к когнитивным предубеждениям. В результате человек вынужден использовать модели, приближения и гипотезы для изучения сложных систем. Понимание этих границ важно для развития новых методов исследования - например, использования машинного обучения или расширенной реальности - которые могут помочь преодолеть некоторые когнитивные барьеры.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении когнитивных аспектов технонаучной деятельности, разработке новых моделей управления инновационными процессами и осмыслении антропологического измерения современных технологий. Особую актуальность приобретает задача формирования новой синтетической картины научно-технической рациональности, способной интегрировать достижения различных дисциплин при сохранении целостного гуманитарного видения проблем технологического развития.

Список литературы

1. Архиереев, Н. Л. Семантический и когнитивный подходы в современной философии науки / Н. Л. Архиереев // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 3(83). – С. 3. – DOI 10.18698/2306-8477-2020-3-663.
2. Шамолов, А. А. Философия и когнитивная наука / А. А. Шамолов // Вестник Таджикского национального университета. – 2024. – № 1. – С. 66-77.

УДК 14+101.9

ДИАЛЕКТИКА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Лустин Ю.М., канд. филос. наук, доц, ORCID 0009-0001-6201-8279
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
lustin56@mail.ru

Диалектика предполагает существование Логоса, смысла, раскрывающегося в диалектическом развитии…
Н. А. Бердяев.
Истоки и смысл русского коммунизма

Диалектика типологических свойств человека и общества – это одна из центральных и наиболее сложных проблем в социальной философии. В типологическом множестве свойств, качеств и состояний социального бытия человек испытывает постоянную потребность в многомерной реализации своего сущностного предназначения.

В философском контексте концептуального дискурса познания комплексная содержательность диалектики типологических свойств человека и общества закономерно онтологизирована в логико-интегративном поле взаимного сопряжения таких понятий, как: «общество», «сознательная личность», «социальность», «общественная деятельность», «диалектика», «социальная философия», «социальная система», «философская рефлексия», «многоподобие», «взаимодействие», «социальная устойчивость», «философия развития» и др.

Коренной особенностью диалектических взаимоотношений в социальной среде является ориентация типологического потенциала мыслительной активности сознательной личности на созидающий вклад результатов ее практической деятельности в комплексное развитие общества и государства. Подчеркивая социально-типологическую многогранность концептуального взаимодействия индивида и социума, профессор С.С. Бразевич отмечает «целевым ориентиром и основанием в достижении устойчивого развития должна быть принята установка на необходимость создания условий и норм, формирующих потребности нравственно-личностного участия граждан в процессе управления развитием общества, как мотивированного базового основания его жизнеспособности» [1, с.9].

Диалектика, как фактор взаимодействия типологических свойств, с одной стороны, констатирует взаимообусловленность, противоречивое единство и динамическое развитие индивида и социального пространства, в котором он существует. С другой стороны, она позволяет выделить

устойчивые, повторяющиеся характеристики, формирующие как индивидуальное бытие, так коллективные и культурно-инновационные формы социальной организации общества. Говоря о типологической содержательности социальной организация и ее концептуальной (в смысле всеохватной – автор) существенности, можно согласится с утверждением о том, что «В многосмысловой парадигме проявления принципа системной организации общества и его культуры органическое единство элементов структуры социума предопределяет их сущностные признаки: упорядоченность и стратегическую направленность, доминирующие в условиях объектно-субъектного основополагания, личностного и общественного долженствования [3, с. 100].

Несомненно, философия концептуального подхода открывает реальную возможность для осмысления динамики, противоречий и взаимопревращений типологических свойств человека и общества, раскрывая их глубокую взаимосвязь и взаимообусловленность.

По сути дела, диалектика взаимодействия типологических свойств человека и общества – это противоречивый процесс, направленный на реализацию их организационно-интегрирующих связей и отношений. Этот процесс обусловлен взаимопроникновением свойств индивида и социума, что закономерно приводит к многоподобным видоизменениям социальной реальности, характерность которой связана с объективной логикой познания и диалектикой развития цивилизации в целом [2;5].

Логико-когнитивный дискурс познания диалектических отношений между типологическими свойствами человека и общества конкретизирует их онтологическую роль и подчеркивает их особенности. Это возможно в силу того, что их взаимодействие, во-первых, представляет собой концептуальное средство социальной динамики в многогранном развитии общественного пространства. Во-вторых, типология взаимоотношений человека и общества является существенным фактором противоречивого развития, к примеру, структурных элементов государственного устроения, общественного бытия и общественного сознания, политической системы общества, в следствие чего их содержание обогащается новым качеством, которое имеет «тройственную» типологическую существенность. В этом плане новообразование одномоментно: а) подобно; б) самоподобно; в) многоподобно предыдущему значению и, благодаря снятию, имеет самоутверждающуюся функциональность в закономерно возникающем новоподобии. Диалектическое совершенствование типологических свойств новообразования в структуре деятельности как индивида, так социума одновременно детерминирует их взаимную изменяемость, взаимообусловленное развитие. В-третьих, интегративно противоречивый концепт-модус единства типологических свойств человека и общества находит свое социетальное «утверждение» в онтологии их общественного взаимодействия, совместной деятельности общественной значимости.

Целостная характерность этого диалектического взаимодействия, в зависимости от степени выражаемого сопряжения типологических свойств человека и общества, полагает их объективацию в онтологическом дискурсе следующей методологической существенности: *«взаимосвязь – взаимопроникновение – взаимовлияние»*.

В этом контексте типологические свойства человека определяют его индивидуальность, по сути дела являясь формой эксклюзивного обладания многоподобными особенностями «всеобщего человеческого» как рода сущего. Тогда как, типологические свойства общества конкретизируют многоподобие их сходства и различия, проявляемого в содержании разносторонних форм социальной организации и общественного устроения. Если это так, то исходя из установления о том, что «Диалектика и типология, в качестве средств постижения реальности, направлены на всеохватность познания в форматах своей логико-когнитивной явленности» [4, с. 219], можно заключить: интегративный сплав неповторимой индивидуальности многоподобной человеческой сущности и формосодержательная разносторонность социальной организации (социального устроения) общества определяет концептуальный вектор развития цивилизации в целом.

Таким образом, философско-концептуальная аспект диалектики типологических свойств человека и общества подчеркивает необходимость комплексного подхода к их выявлению, изучению трансформационной характерности, определению социально-интеграционных тенденций единства. Понимание диалектико-типологического взаимодействия и взаимовлияния свойств индивида и социума требует учитывать эмпирические данные их жизнедеятельности, влияющие на различные логико-инновационные построения в научно-познавательных теориях, что способствует, более осмысленному освоению социальной реальности.

Список литературы

1. Артеменков А.А. Диалектика социальной трансформации человека в современном обществе // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 12. – С. 76–81. DOI: 10.24158/fik.2023.12.9
2. Бразевич С.С. Социологический анализ концепций и теорий развития общества // Социология и право, 2011. – № 3(9). – С. 5-9.
3. Лустин Ю.М. Социальная организация как стратегическая детерминанта развития общества // Человек и общество на переломе эпох: поиски стратегий развития: материалы междунар. науч. конф., 21 апр. 2023 г. / отв. ред. Т. Э. Рагозина. – Донецк: ДОННТУ, 2023. – С. 97-103. – [Серия «Социально-гуманитарные исследования учѐных Донбасса»].
4. Лустин Ю.М. Диалектика и типология: концептуальность методологического синтеза // KANT. – 2024. – № 3 (52). – С. 212-220. DOI: 10.24923/2222-243X. 2024-52.33.
5. Lustin Yu. M. The concept of dialectical-typological Interaction between man and society: social and ontological foundations // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (August 27, 2025. Beijing, PRC). – P. 109-115.

УДК 378:159.955.2

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Лустин Ю.М, канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0001-6201-8279,
Козлюк Д.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
lustin56@mail.ru, *denis.kozlyuk2002@gmail.ru*

Человек лишь там чего-то добивается,
где он сам верит в свои силы.
Людвиг Андреас фон Фейербах

Профессиональное мышление имеет важное значение в комплексном решении задач, стоящих перед образованием, поскольку является «концептуальным звеном связи» между научно-теоретическими знаниями и практическими способностями, навыками, умениями, получаемыми студентом в вузе. На современном этапе развития высшей школы, как отмечает автор, «возрастает роль профессионального образования, которое характеризуется, с одной стороны, широким выбором образовательных траекторий, исходя из аксиологических ориентиров, практического опыта, когнитивных устремлений и праксиологических способностей студента в приобретении основ профессии, а с другой – возрастающими требованиями общества и рынка труда к будущему профессионалу как специалисту своего дела. В этой связи вопросом первостепенной важности является профессиологический подход к комплексному осуществлению процесса подготовки студента. Данная проблема концептуально связана с поиском новых форм и технологий, повышающих значение профессиональной и мировоззренческой культуры обучающегося в непрерывно и динамично меняющейся цифровой информационной и учебной среде» [2, с. 31]

По сути дела, профессиональный потенциал активной мыслительной и практической деятельности студента – это, прежде всего, сложная когнитивная структура его индивидного внутреннего мира, формирующаяся всеми средствами учебно-воспитательного процесса вуза. По мнению Ф. О.Тохировой «Профессиональное мышление – это форма мышления, ориентированная на решение задач, возникающих в конкретной профессиональной сфере. Оно включает в себя способность к постановке проблем, формулированию гипотез, обоснованию выводов, принятию решений и рефлексии. Его развитие требует специально организованной образовательной среды и применения современных педагогических технологий» [4, с. 1185].

Концептуальная роль профессионального мышления студента в решении проблем образования заключается в том, чтобы из пассивного потребителя знаний превратить обучаемого в активного и ответственного субъекта образовательного процесса, способного критически оценивать существующую действительность, разрабатывать и реализовывать инновационные решения, а также постоянно прогрессировать в своем профессиональном самосовершенствовании. Вот почему, профессионально ориентированное мышление является ключевым средством успешной подготовки компетентных и востребованных специалистов, способных внести реальный вклад в развитие государства и общества. Целесообразно рассмотреть ключевые аспекты этой роли. Преимущественно это:

а) креативное осознание и критический анализ студентом проблем образования, многофакторно влияющих на формирование его индивидуальной мировоззренческой позиции. Логико-методологическая важность этого аспекта имеет две стороны своей содержательной явленности. Так, с одной стороны, профессиональное мышление позволяет студенту идентифицировать проблемные контексты в образовательной системе, как на макро-уровне духовно-нравственного понимания специфики образования (государственная политика в области образования, методология организации учебно-воспитательного процесса в конкретном вузе), так на микро-уровне квалификационной определенности содержательных моментов профессионализации образования (диалектико-типологическое взаимодействие преподавателя и студента, логико-эпистемологическая конструктивность различного вида занятий профессионально востребованной характерности и др.). С другой стороны, профессиональное мышление позволяет студенту критически оценивать существующие концепт-модели, новаторские методики, культуроемкие программы образования и воспитания в контексте современных геополитических и социально-информационных трансформаций, совершенствования цифровых образовательных ресурсов [3, с. 38-39];

б) рефлексивное восприятие и инновационная реализация индивидуальных траекторий обучения. По мнению автора, «активизация когнитивной потребности студентов к долженствующему восприятию цифровой образовательной среды (ИОС) детерминирует индивидуализацию образовательных траекторий при помощи расширяющегося диапазона проблемных лекций, мини-курсов, опорно-логических алгоритмов познания, концептуальных схем эпистемологического фрагментирования знаний студентов по группам тем учебной дисциплины, что способствует созданию более совершенных моделей профессиональной подготовки» [1, с. 100]

Профессиональное мышление помогает студенту создавать и адаптировать методический инструментарий (учебные материалы, диагностические инструменты, формы организации учебной деятельности)

для решения конкретных образовательных задач. Диалектический подход к успешному решению психолого-профессионализированных задач образования в обязательной мере учитывает типологическую специфику личности обучаемого (возраст, черты характера, профессиональные задатки, культурные особенности социальной репутации в группе, своеобразие поведения, перфекционистские наклонности и др.);

в) прогностическое формирование профессиональной идентичности студента, основанное на его осознанной ответственности за постижение профессии. Обладая концептуально значимым предметным содержанием профессиональное мышление стимулирует обучаемого на постоянное самообразование. Это позволяет студенту формировать этические принципы своей профессиональной деятельности (уважение к личности преподавателя, долженствующая объективность при оценивании результатов успеваемости, культура межличностных отношений и др.).

Таким образом, профессиональное мышление имеет первостепенное значение в учебно-образовательной деятельности студента. Этот вид мыслительной активности обучаемого тесным образом связан с анализом собственного опыта, проектированием карьеры, повышением уровня его квалификации.

Целенаправленное развитие высокого уровня профессионального мышления и методологически правильное его использование в практике образовательного бытия обеспечивает студенту достижение целей профессионального становления, формирование и развитие необходимых для этого компетенций. Эти выводы органически сопряжены с высказыванием Леонардо да Винчи о том, что «в природе все мудро продумано и устроено, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости – высшая справедливость жизни».

Список литературы

1. Лустин Ю.М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования// Архонт. – 2022. – № 5(32). – С. 93-102.
2. Лустин Ю.М. Профтипограмма студента в образовательной практике высшей школы: философия профессиологической актуализации // Цифровой учёный: лаборатория философа. – 2024. – Т. 7, № 4. – С. 29-45. DOI: 10.32326/2618- 9267-2024-7-4-29-45
3. Мовсарова П.М. Формирование профессионального мышления студентов с использованием цифровых образовательных ресурсов // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 6 (103). – С. 38-40.
4. Тохирова Ф.О. Развитие профессионального мышления студентов // Экономика и социум. – 2025. – № 4 (131). – С. 1184-1188.

УДК 1(071)

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ЭРИХА МАРИИ РЕМАРКА

Миргородский А.А., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0001-6321-452X,
Соколянская В.А., ORCID 0009-0001-6321-452
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
Mirgorodskiy87@mail.ru

Введение. Актуальность заявленной темы обусловливается тем, что в современном мире происходят большие трансформации во всех сферах жизни на фоне обостряющихся традиционных вечных проблем, в частности – проблемы человека, которая приобретает особую важность как основополагающая духовной культуры. Решается также задача обновления всей системы общественных отношений, поэтому особую теоретическую и практическую значимость приобретает антропологическая проблематика и реализация принципа человечности как высшей цели общественного развития.

Цель данной работы – выявить и раскрыть философию гуманизма и человечности в многогранном творчестве Эриха Марии Ремарка.

Основная часть. Нужно отметить, что художественная литература XX века особое внимание уделяла теме человечности и гуманизма. Вместе с тем необходимо отметить, что человечность – глубокое чувство, означающее не только любовь и уважение к ближнему, но и огромный спектр чувств, начиная от жалости и заканчивая добротой. Проблема данного качества присутствует в любом обществе. Итак, тема человечности является одной из ключевых в творчестве многих зарубежных писателей XX века, именно в это время значимость и трагичность отсутствия данного чувства у людей показывалось с разных сторон.

Одним из таких писателей является Эрих Мария Ремарк, его произведения наполнены глубоким гуманизмом, осмыслением всех трагедий войны и чувствами утраты человечности в условиях жестокого современного мира. Главными вопросами в творчестве данного автора являются ценность человеческой жизни, сострадание, потеря смысла жизни и поиск себя [1]. Его творчество, рожденное в огне и хаосе XX века, представляет собой не просто хронику потерянного поколения. Сквозь призму войны, эмиграции, личных драм и социальных катастроф Ремарк с упорством вытачивает главную ценность – человечность, которая становится последним «глотком жизни».

Центральный конфликт в ключевых романах Ремарка – это противостояние хрупкой человеческой индивидуальности бездушной машине государства, идеологии и насилия. Во многих романах Эрих Мария

Ремарк показывает нам то, как война убивает не только людей, но и души, оставшихся в живых. Война – это не романтика, это смерть и убийства. В произведении «На западном фронте без перемен» герои романа становятся «живыми машинами», не способными на чувства и сострадания. На войну призывали молодых мальчиков, которые совсем не видели жизни, окончив школу, не успев по-настоящему влюбится и взяв в руки оружие, они отправлялись на фронт. «Нам было восемнадцать лет, и мы только еще начинали любить мир и жизнь; нам пришлось стрелять по ним. Первый же разорвавшийся снаряд попал в наше сердце. Мы отрезаны от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса. Мы больше не верим в них. Мы верим в войну» [2, с. 45]. Главный герой романа Пауль переживает глубокий внутренний кризис, осознавая, что он больше не сможет жить как раньше, что война превратила его и его товарищей в существ без чувств и надежд, в «живых машин», лишённых человечности.

Несмотря на мрачные картины, которые рисует Ремарк, в его произведениях всегда присутствует надежда на человечность. В романе «Искра жизни» герои – узники концентрационного лагеря в невыносимых жизненных условиях – пытались сохранить в себе способность любить, дружить и сострадать. Лишь человечные чувства питали жизнью души героев, эта «искра» давала им возможность существовать, несмотря на «ад» вокруг них. Как точно заметил один из персонажей романа: «Если нам нет дела до других, то никому не будет дела до нас» [3, с. 112]. Эта фраза становится ключевой для понимания идеи Ремарка: только через взаимную поддержку и сострадание человек может сохранить свою человечность даже в самых «бесчеловечных» условиях.

В романе «Триумфальная арка» проблема человеческих чувств показана нам с другой стороны. Главный герой Равич лишился всего из-за чувства мести, оно было настолько велико, что заглушало все положительные эмоции, превратив его жизнь в бесконечную борьбу с прошлым. Ремарк показывает, как месть лишает человека возможности жить настоящим и находить радость в простых мелочах. Несмотря на это, в жизни главного героя был «луч света» – Жоан. Лишь благодаря любви к ней в герое просыпается осознание ценности человечности.

Ремарк подчеркивает, что даже в самых тяжелых условиях человек способен дать другому нечто бесценное – «каплю тепла», которая может стать спасением: «Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого?» [3, с. 215]. Эти слова становятся ключевыми для понимания идеи романа и всего творчества Ремарка. Именно в таких моментах, когда герои делятся друг с другом теплом и состраданием, они находят силы продолжать жить, несмотря на окружающий их хаос и боль.

В романе «Три товарища» Ремарк продолжает исследовать тему человечности, но уже в контексте послевоенной жизни. Только дружба

героев помогает им жить дальше в тот момент, когда общество отвернулось от них. Особенно ярко тема человечности раскрывается в отношениях Робби и Пат. Любовь между ними становится не только источником радости, но и испытанием. Пат, несмотря на свою смертельную болезнь, являлась олицетворением любви к жизни, она могла найти радость в любой мелочи. История героев романа – это напоминание о том, что человечность проявляется не только в глобальных поступках, но и в повседневной заботе, внимании и умении быть рядом с тем, кто в этом нуждается.

В романе «Время жить и время умирать» солдат, уехавший в отпуск, находит утешение в любви. За короткое время он осознаёт другую сторону войны – гражданскую, которая оказывается гораздо ужаснее, чем на фронте. Здесь не говорится о чём-то физическом, здесь поднимаются моральные ценности. Лишится товарища в окопе, или потерять родителей в спокойном тихом городе. Суть данных ситуаций одна, но воспринимается по-другому, смерть на войне она типична, часто встречается, гибель кого-то не воспринимается так серьёзно, это абсолютно обыденно. Человек всё время, видевший смерть, перестаёт воспринимать жизнь как высшую ценность, он погибает душевно, и теряет всё человеческое в себе.

Заключение. Таким образом, особенность творчества Эрих Марии Ремарка состоит в постановке проблемы человечности. Человечность обретается через любовное сострадание и самопожертвование. В его произведениях звучит не просто размышление о трагедиях XX века, а скрыто присутствует отстаивания принципа человечности, который реализуется во взаимопомощи, любви и сострадании, когда человек может преодолеть любые трудности. Человек должен остаться верным данному принципу, даже несмотря на то, что окружающий его мир объективно оказывается сильнее индивидуального субъекта. Более того, у Ремарка человеческая личность трактуется не просто как элемент и объект социальной системы, а как активный творческий субъект, способный даже преобразовать общество.

Список литературы

1. Ремарк Э.М. Время жить и время умирать / Э.М. Ремарк. – М.: АСТ, 2021. – 320 с.
2. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен / Э.М. Ремарк. – М.: АСТ, 2020. – 256 с.
3. Ремарк Э.М. Три товарища / Э.М. Ремарк. – М.: АСТ, 2021. – 320 с.

УДК 1 (091)

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МАГИИ В «ЗОЛОТОЙ ВЕТВИ» ДЖ. ФРЕЗЕРА

Михайлов А.Е., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0001-3950-472X,
Михайлова М.В., канд. филос. наук, доц. ORCID 0009-0009-2860-2461
ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет», г. Киров, РФ
aemikhailov@yandex.ru

Введение. В обширной библиографии по различным аспектам и функциям магии как социокультурного феномена особое место занимает главный труд классика английской антропологической школы Джеймса Джорджа Фрезера (1854-1941) «Золотая ветвь». На заре человеческой истории в культурных традициях разных народов при дефиците достоверной информации (с неопределенностью в принятии решений и последующих действий) гадательные практики, раздвигающие временной горизонт событий, приобретали относительно самостоятельное значение в практической магии с характерным для неё стилем мышления. Кругозор, ограниченный личным жизненным опытом и здравым смыслом, изменялся благодаря все более отвлеченному от непосредственной действительности воображению, которое антропоморфизировало и мистифицировало мир, населяя его сверхъестественными сущностями.

Цель работы – на исследовательском материале Дж. Фрезера раскрыть формировавшиеся в практической магии предпосылки философского осмысления возможностей предвидения и прогнозирования будущих событий.

Основная часть. Магия, по характеристике Джеймса Джорджа Фрезера, является искаженной системой природных законов и ложным руководящим принципом поведения, ложной наукой и бесплодным искусством [1. с. 18]. Но сверхъестественные силы представлялись людям поддающимися контролю и управлению с помощью магических действий и заклинаний, а рациональное осознание границ в иерархии подвластного и неподвластного, возможного и невозможного еще только намечалось.

Раскрывая теоретические основания магии, Фрезер отмечал их недоступность для первобытного магического мышления, знающего лишь практическую сторону магии. Рассуждения первобытного колдуна аналогичны процессу переваривания пищи, поскольку он не знает ни физиологии пищеварения, ни логики своего магического мышления. «Магия является для него искусством, а не наукой; сама идея науки отсутствует в его неразвитом уме. Проследить ход мысли, лежащей в основе колдовских действий, выявить несколько простых нитей, которые переплетаются в запутанный клубок, отделить абстрактные принципы от их

конкретных приложений, другими словами, обнаружить следы искаженной науки за видимостью неподдельного искусства является делом философа» [1, с.19]. Теоретическое осмысление магии в её исторически обусловленном функционировании становится возможным лишь в процессе становления философской рефлексии. Так в поздних работах Цицерона демистификация дивинации (мантики) основана на тезисе: распространенность мнения о существовании у некоторых людей сверхъестественной способности предчувствовать и узнавать будущее не является аргументом её реальности. При рассмотрении подходов в исследовании этой проблематики, сложившихся к тому времени в разных философских учениях, «проделанный Цицероном анализ понятий «судьба», «случайность», «необходимость», «возможность», «свобода», «причинность», «предсказуемость», «истинность» и других, способствовал формированию категориального аппарата прогнозирования как вида научного поиска» [2, с. 88].

Система симпатической магии включает как позитивные, так и негативные предписания, которые определяются законами сходства и контакта. Хотя эти законы не осознавались первобытным мышлением как отвлеченные общие принципы и не имели вербального выражения, именно они, по глубокому интуитивному убеждению дикаря, определяли характер последствий совершаемых им поступков. «Дикарь уверен, что, стоит ему поступить так-то и так-то и в соответствии с одним из этих законов, неизбежно произойдут такие-то и такие последствия. А если последствия какого-то поступка, как ему кажется, нежелательны или опасны, он, естественно, старается поступать так, чтобы не навлечь их на себя. Другими словами, он воздерживается от совершения того, что, как он полагает в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных связях, может ему повредить. Такие вещи он табуирует» [1. с. 27]. Там, где предполагается человеческая деятельность с мобилизацией сил в достижении поставленных целей, эффективность магии можно сравнить с эффектом плацебо. Само по себе достижение желаемых целей еще не может считаться результатом магических манипуляций, поскольку действительные детерминанты в реализации ожидаемого остаются неосознанными.

В культурах древних обществ с доминирующим религиозно-мистическим мировоззрением акты воплощения бога в человеческом облике были обычным явлением, на котором основывались некоторые виды получения предсказаний. Причем воплощение могло быть временным или постоянным. «В первом случае воплощение, известное под названием вдохновения или одержимости, находит проявление скорее в сверхъестественном знании, нежели в сверхъестественной способности. Его обычными проявлениями оказываются в таком случае пророчества и предсказания, а не чудеса» [1. с. 104]. Фрезер ссылался на множество примеров, иллюстрирующих повсеместность распространения веры во

вдохновение, предполагающей, что некоторые люди временами могут быть одержимы духом или богом. В таком состоянии отмечалось поразительное сходство поведения, как грубых полинезийских оракулов, так и оракулов прославленных народов Древней Греции. В экстатическом состоянии оракул, одержимый вселившимся в него духом или божеством, пронзительно кричал или что-то нечленораздельно бормотал, сообщая волю этого сверхъестественного существа. Считалось, что так вселившийся в медиума дух пророчествует. Выслушав полученные от оракула прорицания, сведущие в таких таинствах жрецы передавали их народу.

У древних римлян ценилось искусство предсказывать будущее по внутренностям жертвенных животных, которое они называли гаруспицией. Владеющий таким искусством гаруспик на основе изучения состояния печени, желчи, сердца, легких по определенным признакам прорицал будущее, иногда указывая средства для умилостивления богов и предотвращения бедствия. Авгуры предсказывали будущее преимущественно по поведению "вещих" птиц, хотя могли толковать волю богов также по небесным (например, блеск молнии) и некоторым другим знамениям. Среди прочих способов и приемов предвидения применялась и психомантия (у греков некромантия) – искусство заглянуть в неизвестное путем вызывания душ умерших людей.

Заключение. Из раскрытия в «Золотой ветви» Дж. Фрезером прогностического аспекта магии следует актуальный вывод, что различные вариации сформировавшихся в первобытной магии гадательных практик сохраняются в условиях высокоразвитых культур и оказывают влияние на сознание различных социальных слоев, групп и отдельных индивидов. Преодолению и вытеснению таких архаичных форм, мистифицирующих познание и проектирование будущего, способствовало развитие философской мысли и формирование научной картины мира. В социальной философии прогностика как теория и методология прогнозирования в различных сферах человеческой жизнедеятельности приобрела важный мировоззренческий статус как одна их фундаментальных предпосылок прогрессивного развития человечества.

Список литературы

1. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер; пер. с англ. М. К. Рыклина. — М.: «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 781, [3] с. – (Philosophy) ISBN 5-17-018374-4 («Издательство АСТ»). ISBN 5-9577-0230-7 (ЗАО НПП «Ермак»)
2. Михайлов, А. Е., Михайлова М. В. Становление прогностики в трактатах Цицерона / А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, Донецк, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Том 9. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 88-90. – EDN DISKBR.

УДК 174:004.8:61

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Михайлов А.Е., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0001-3950-472X,
Михайлова М.В., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0009-2860-2461,
Окатьев И.А., ORCID 0009-0006-7382-1901
ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет Минздрава России», г. Киров, РФ
aemikhailov@yandex.ru, okatiev.ivan@gmail.com

Введение. Активное внедрение ИИ-технологий в здравоохранение, открывая новые возможности его совершенствования, порождает этические и правовые проблемы, решение которых зависит от специальных исследований и экспертных оценок. Амбивалентность последствий создания и применения систем на основе ИИ в клинической практике подтверждает значимость теоретической проработки нормативного регулирования, обеспечивающего интересы и безопасность пациентов.

Цель работы – раскрыть роль принципов медицинской этики в интерпретации последствий внедрения искусственного интеллекта в различные сферы здравоохранения.

Основная часть. Инновации в здравоохранении на основе ИИ-технологий выводят отрасль на качественно новый уровень. С использованием ИИ осуществляется пренатальная скрининг-диагностика плода, генетические экспертизы для планирования беременности, оценка функциональных состояний и мониторинг жизненно важных показателей пациентов, а также с помощью ИИ составляется план индивидуальной фармакотерапии и ставится предположительный диагноз на основании результатов клинических исследований. Таким образом, ИИ осуществляет ряд функций, ранее бывших прерогативой врача. Тем не менее, это не означает, что ИИ может функционировать идентично сознанию медицинского работника. Как отмечает Черниговская Т.В., «смыслы важнее алгоритмов» [1, с. 167]. Важно найти точный баланс между работой врача и использованием ИИ-технологий исключительно в качестве облегчающего медицинскую деятельность инструмента на основании ключевых этико-правовых норм.

Одной из проблем, связанных с внедрением ИИ в сферу работы с пациентом, является конфиденциальность и безопасность персональных данных. Поскольку технологии искусственного интеллекта создаются на базе огромного количества клинических случаев и далее работают, основываясь на личных данных конкретных пациентов, одной из центральных задач является обеспечение безопасности этих данных от неправомерных утечек, раскрытия третьим лицам и возможных кибератак.

Иными словами, при работе с искусственным интеллектом должен по-прежнему реализовываться один из фундаментальных принципов медицинской этики – неразглашение персональных данных (врачебная тайна).

Немаловажным аспектом внедрения искусственного интеллекта в медицину является замещение отношения модели «человек-человек» новым вариантом – «человек-машина-человек». Поскольку взаимодействие врача и пациента основано на эмпатии и доверии, появление между ними промежуточного звена – искусственного интеллекта – разобщает человеческую связь, тем самым вызывая у пациента чувство оставленности и отчуждённости. Кроме того, если ИИ будет принимать решения о ходе диагностики и лечения, у пациента снизится или исчезнет возможность повлиять на ход лечения. Таким образом, нарушается ещё один важнейший биоэтический принцип – автономность пациента [2, с. 15].

Также под угрозой оказывается и авторитет врача. Если пациент считает, что технологии искусственного интеллекта являются более точными и совершенными, отдавая в ходе своего лечения предпочтение им, а не мнению медицинского работника, не только врач остаётся отчуждённым, но и сам пациент оказывается в опасности, поскольку машинный калькулирующий «разум» не способен учесть множество факторов, выходящих за пределы его алгоритмизирующей технологии. Вследствие этого принцип автономии должен реализовываться в том числе и по отношению к врачу, которому необходимо предоставить возможность оспаривать, корректировать и отменять решения искусственного интеллекта тогда, когда они кажутся ему необоснованными, нецелесообразными или несущими потенциальный вред пациенту, который можно было бы избежать. Иными словами, ИИ должен не заменять врача, а быть эффективным инструментом, облегчающим клиническую практику [3, с. 13].

Заключение. Таким образом, этический анализ последствий использования искусственного интеллекта в здравоохранении позволяет сформулировать нравственные основания норм правового регулирования в различных его сферах, обеспечивая тем самым достоинство и права как пациентов, так и медицинских работников.

Список литературы

1. Человек и системы искусственного интеллекта: монография / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]; под редакцией В. А. Лекторского. — Санкт-Петербург: Юридический центр, 2022. — 328 с.
2. Кошечкин К. А. Этические проблемы внедрения искусственного интеллекта в здравоохранении / К. А. Кошечкин, А. Л. Хохлов // Медицинская этика. — 2024. — №1. — С. 12–19. — DOI: 10.24075/medet.2024.006.
3. Wiegel, Narine & Mettini, Emiliano. Ethical and cultural challenges posed by artificial intelligence (AI) in medical practice: multicultural analysis. Медицинская этика. — 2024 — № 3. — С. 11-15 — DOI: 10.24075/medet.2024.015.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛУГАНСКА (1960-е гг.)

Пиченикова С.Г., канд. филос. наук., ORCID 0000-0003-1074-5324
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогической университет», г. Луганск, РФ
pichenikova_svet@mail.ru

Введение. Театральное пространство Луганска в период 1960-х годов представляет собой многоаспектную и диалектически противоречивую культурную категорию, требующую комплексного междисциплинарного анализа. Данное исследование ставит целью осмысление особенностей пространственно-временной организации луганского театрального ландшафта, выявление его аксиологических доминант и исследование специфики театральной жизни региона, укоренённой в контексте трансформаций эпохи «оттепели».

В рамках работы исследуется диалектическое взаимодействие между общекультурными тенденциями развития советского театрального искусства и уникальными чертами, присущими именно луганскому культурному пространству, формировавшемуся в условиях Донбасского региона.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью экспликации социокультурных процессов, происходивших в Донбасской культурной зоне. Особое внимание уделяется роли культурных индустрий, в частности театру. Предметом анализа становится то, каким образом механизмы культурного производства влияли на репрезентацию социальной реальности, с одной стороны, и на конструирование симулякров, формирующих региональную идентичность, – с другой.

В этой связи принципиально важным видится анализ значимости пьес о шахтёрском труде и жизни людей Донбасса. Эти произведения не только отражали реалии региона, но и формировали определенный образ шахтёра-героя, внёсшего неоценимый вклад в развитие советского общества. Важно рассмотреть, как эти произведения стали частью культурного капитала региона, повлияв на формирование коллективной идентичности.

В методологическом плане исследование опирается на синтез структуралистского и постструктуралистского подходов. Театральное пространство рассматривается как система знаков и практик, кодирующих и транслирующих определенные смыслы и ценности. Анализ базируется на выявлении скрытых механизмов власти и дискурсивных стратегий, лежащих в основе формирования театрального репертуара и сценических образов. Концепции симулякра (Ж. Бодрийяр) [1], гетеротопии (М. Фуко) [2] и культурной гегемонии (А. Грамши) [3] служат методологическим

инструментарием, позволяющим концептуализировать противоречивые процессы, разворачивавшиеся в театральном пространстве Луганска 1960-х годов.

Культурные индустрии, понимаемые как сектора экономики, производящие и распространяющие культурные продукты и услуги, оказывали глубокое влияние на формирование и функционирование театрального пространства. Анализ театра Луганска, следовательно, невозможен вне рассмотрения механизмов его встраивания в систему культурных индустрий, определяющих его репертуарную политику, организационную структуру и способы взаимодействия со зрителем.

Целью исследования является выявление и систематизация ключевых характеристик театрального пространства Луганска в указанный период, а также определение его места и роли в общесоюзном культурном контексте.

Основная часть. Становление театральных традиций Луганщины, создание Ворошиловградского государственного областного русского драматического театра, Луганского академического украинского музыкально-драматического театра и Луганского академического театра кукол связаны с историей региона, начиная с XIX века. Самодеятельные коллективы при Луганском Дворце культуры им. В. И. Ленина, действовавшие в 1960-х годах, также внесли свой вклад в формирование театрального пространства региона.

Остановимся на деятельности Ворошиловградского государственного областного русского драматического театра (ныне Луганский академический областной русский драматический театр им. П. Б. Луспекаева), чей репертуар балансировал между политическим дискурсом и классическим наследием (например, «Виндзорские кумушки» В. Шекспира). Деятельность театров выполняла функции популяризации, просвещения, нравственного воспитания и развлечения, формируя определенную систему ценностей в обществе. Важными фигурами были П. Ветров, А. Коженовский, Я. Аренский, Л. Чеботарская, Ф. Максимовский, З. Корн, А. Сахаров и другие, а главный режиссер театра им. Островского А. Бондаренко создал обучающую театральную студию, заботясь о воспроизводстве театральных кадров.

Возвращение П. Ветрова и его единомышленников в 1963 году стало точкой бифуркации, открывшей новый этап развития театральной жизни. Постановка пьес местных авторов расширяла горизонт локальной идентичности. Однако кампания по слиянию малых коллективов привела к объединению Ворошиловградских (Луганских) театров, что стало проявлением централизации и унификации культурного пространства. Это привело к уменьшению количества стационарных театров и к материально-хозяйственным проблемам, что может быть рассмотрено как энтропия в театральной системе.

Творческий тандем П. Ветрова и А. Коженовского создал ряд ярких спектаклей («Чти отца своего» В. Лавренёва, «Цыган» Н. Провоторова, «В ночь лунного затмения» М. Карима и другие), демонстрируя синергию талантов.

Дебют П. Клёнова с «Варшавской мелодией» Л. Зорина и назначение Валентина Тимошина главным режиссёром (1968) продолжили традицию создания спектаклей о земляках, например, пьеса Тараса Рыбаса «Живая цепь». Владимир Петрович продолжил традицию театра создавать спектакли о земляках, людях, живущих рядом. Он работал над пьесой по повести В. Титова «Всем смертям назло». Имя Владислава Титова стало известным после публикации в журнале «Юность» повести «Всем смертям назло». В феврале 1968 года «Всем смертям назло» смогли увидеть и луганчане. Тема шахтёрского труда приобретает новый смысл через интерпретацию трудового подвига. Тематический акцент смещается с массового трудового подвига, то есть коллективного подвига шахтеров Донбасса, на трудовой подвиг отдельного человека, героическую личность, объединив в себе победу человеческого духа [3].

Заключение. Анализируя театральную жизнь Луганска 1960-х гг., становится очевидно, что демонстрировалось стремление к творческому поиску, как со стороны профессиональных коллективов, так и со стороны самодеятельных театров. Этот поиск, направленный на репрезентацию сложных и противоречивых аспектов социальной реальности, заслуживает в дальнейшем пристального внимания и глубокого осмысления.

Список литературы

1. Сухович, Е.В. Символ, симулякр и виртуальная реальность как категории философии культуры: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Сухович Елена Владимировна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т] – Волгоград, 2013. – 22 с.
2. Попова, О. В. «Художественная гетеротопия как понятие современного искусствоведения» / О.В. Попова // Культура и искусство, 2019. – №8. – С. 54–59.
3. Шевченко М. А. Концепция культурной гегемонии А. Грамши как методологическая основа информационно-психологической войны / М. А. Шевченко, С. В. Куньщиков // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22-23 марта 2018 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2018. – С. 2256-2262.
4. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. – Москва: Госстатиздат, 1977. – 558 с.
5. Давыдова, И. Н. Театр шахтерского края: Страницы истории / И. Н. Давыдова. – Донецк: Донбасс, 1990. – 87 с.

УДК 101.1

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЖОРДЖО АГАМБЕНА

Посохова Я.В., ORCID0009-0007-0997-0280
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»
г. Белгород, РФ
skd@bgiik.ru

Введение. Социальная реальность современности, с ее перманентными кризисами, биополитическим контролем и тотальным господством технологических аппаратов, находит одного из своих самых пронзительных и радикальных интерпретаторов в лице итальянского философа Джорджо Агамбена. Его масштабный интеллектуальный проект, выстроенный на стыке философии, права, политической теологии и литературоведения, предлагает онтологию настоящего времени, ключ к пониманию которой лежит в анализе скрытых механизмов власти, производящих саму жизнь в качестве основного объекта управления. Агамбен, наследуя и трансформируя методологии Мишеля Фуко и Вальтера Беньямина, а также вступая в диалог с Карлом Шмиттом и Мартином Хайдеггером, разрабатывает оригинальный концептуальный аппарат для критики современных форм социальности. Центральными в его размышлениях становятся понятия «гомо сакер» (homo sacer), «голая жизнь» (nuda vita), «состояние исключения» (stato di eccezione) и «аппарат» (dispositivo), которые позволяют ему вскрыть изначальные, архетипические структуры западной политики, обнажив их логику в самых ярких и тревожных феноменах двадцатого и двадцать первого веков.

Цель. Философское осмысление социальной реальности знаменитого ученого, философа, правоведа Джорджо Агамбена.

Основная часть. Исходным пунктом агамбеновской мыслительной конструкции является переосмысление аристотелевского определения человека как «zōon politikon» — живого существа, обладающего даром политической речи (logos) и предназначенного для жизни в полисе. Агамбен утверждает, что в самой сердцевине этой классической формулировки содержится неразрешимое противоречие, фундаментальный раскол. Аристотель, по его мнению, отличает просто жизнь (zōē) как биологический факт, общий для всех живых существ, от «хорошей жизни» (bios) как политически и этически квалифицированного способа существования. Западная политика, как доказывает философ в своем magnum opus «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь», с самого своего основания является машиной, производящей это разделение и последующее включение голой жизни в политический порядок. Не политика начинается там, где заканчивается простая жизнь, но, напротив, политика берет начало

в решении относительно этой самой жизни, в ее захвате и подчинении. Таким образом, «голая жизнь» — это не досоциальный, природный остаток, а продукт самого политического процесса, тот первичный материал, над которым работает суверенная власть.

Фигура, которая воплощает в себе парадоксальный статус этой «голой жизни», включенной в правовой порядок исключительно через свое исключение, — это «homo sacer» (священный человек) из римского права. Согласно архаичной правовой формуле, homo sacer — это индивид, которого можно безнаказанно убить, но нельзя принести в ритуальную жертву [2]. Он находится вне сферы как человеческого, так и божественного права. Его жизнь лишена всякой социальной и политической ценности, она является лишь биологическим фактом, который может быть уничтожен без последствий. Для Агамбена эта архаичная фигура отнюдь не является историческим курьезом; напротив, она представляет собой скрытую матрицу, парадигму политического бытия как такового в западной традиции. Суверен, по аналогии с Карлом Шмиттом, есть тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении, и это решение, по Агамбену, структурно аналогично решению об исключении, которое производит homo sacer. Лагерь, а не город-государство, является, согласно шокирующему тезису Агамбена, «номосом» современности, скрытой, но фундаментальной пространственно-правовой матрицей, в которой состояние исключения становится правилом [1]. В лагере, будь то нацистский концентрационный лагерь или центр для беженцев в современной Европе, пространство открыто, но закон приостановлен, и человек сводится к своей «голой жизни», к биологическому существованию, лишенному политических и юридических гарантий.

Развивая эту мысль, Агамбен вводит и детально разрабатывает концепт «состояния исключения». Это правовой парадокс, при котором закон сохраняет свою силу, но не применяется, будучи фактически приостановленным. Чрезвычайное положение, вводимое суверенной властью, не является хаосом или аномией; это особая зона неразличимости, где закон и жизнь, норма и факт оказываются неразделимы [5]. Философ прослеживает генеалогию этого состояния от римской диктатуры через средневековое «justitium» до современных антитеррористических законов и указов о чрезвычайном положении. Перманентное состояние исключения, по его мнению, стало скрытой, но действующей парадигмой управления в современных демократиях. Пандемия COVID-19, которую Агамбен критически осмыслил в серии своих статей, стала для него ярчайшим подтверждением этой тенденции: биологическая жизнь, здоровье населения были объявлены высшей ценностью, что послужило легитимацией для беспрецедентного ограничения свобод, создания нового, глобального биополитического режима, где чрезвычайное положение рискует стать постоянным и тотальным способом управления обществом.

Другим ключевым концептом для анализа социальной реальности у Агамбена является «аппарат» (dispositif). Заимствуя и расширяя термин Фуко, он определяет аппараты как всё то, что имеет способность захватывать, ориентировать, определять, перехватывать, формировать, контролировать и обеспечивать жесты, поведение, мнения и дискурсы живых существ. Эта практика, которую он именует «инактивацией» или «деактивацией», является современной формой аскезы, политическим жестом, открывающим пространство для подлинно человеческой, «неаппаратной» жизни [4].

Социальная реальность, таким образом, предстает в философии Агамбена как гигантская биополитическая машина, производящая «голую жизнь» через механизмы исключения и управляющая ею с помощью бесчисленных аппаратов в условиях перманентного состояния исключения. Его диагноз современности суров: мы живем в эпоху, когда разделение между жизнью биологической и жизнью политической, между zōē и bios, достигло своего предела, угрожая уничтожить саму возможность политического действия и этического суждения. Однако его мысль не является чисто пессимистической. В своих поздних работах, таких как «Высочайшая бедность» и «Употребление тел», Агамбен ищет выход из этого тупика в фигуре «прихода», или «наступающего сообщества» (la comunità che viene), которое не основано на идентичности или принадлежности, а также в поиске «формы-жизни» — жизни, для которой ее способ бытия сам по себе является ее сущностью, жизни, не отделимой от ее формы [3].

Заключение. Таким образом, социальная реальность у Агамбена — это не просто объект холодного анализа, но и поле битвы, где решается вопрос о возможности человеческого будущего за пределами парадигмы суверенитета и «голой жизни». Его философия представляет собой не только диагностику болезней современного общества, но и призыв к мыслительной и экзистенциальной практике, направленной на обезвреживание аппаратов власти и изобретение новых, не подвластных им, форм совместной жизни.

Список литературы

1. Agamben, G. State of Exception / G. Agamben. — London: University of Chicago Press, 2013. — 108 p.
2. Агамбен, Дж. Что такое аппарат и другие эссе / Дж. Агамбен. — Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 80 с.
3. Агамбен, Дж. Употребление тел / Дж. Агамбен. — Москва: Grundrisse, 2018. — 256 с.
4. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 256 с.
5. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. — Москва: Канон-Пресс-Ц, 2010. — 336 с.

УДК 316.42

«ВРЕМЯ УГРОЗЫ» И «ВРЕМЯ ПРОЕКТА»: К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Резвушкина С.А., ORCID 0009-0004-6208-2950,
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, РФ
Finntundra@gmail.com

Специальная военная операция и возвращение в Российскую Федерацию исторических регионов Крыма, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей вскрыли не только внешнеполитические противоречия, но и внутренние особенности Российской цивилизационной идентичности (РЦИ). В частности, увеличение пограничных пространств продемонстрировало существование двухконтурной темпоральной системы, где центр и фронтир существуют в разных временных режимах и логиках. Обращение к темпоральным режимам видится продуктивным для изучения цивилизационной специфики России поскольку «…контекст времени для идентичности — это универсальное измерение, но вот его культурная, национально-этническая, цивилизационная специфика обнаруживается тогда, когда исследователь обращает внимание на акцентацию и пропорциональное соотношение "линейки" временной направленности» [3, с. 49].

В контексте российской темпоральной архитектуры временные режимы центра сопряжены с проективной риторикой и ориентацией на развитие, модернизацию и стратегическое планирование, унификацию посредством трансляции единого «цивилизационного канона», включающего в себя широкий спектр форм реализации – от эстетических норм и научных открытий до документов стратегического планирования. Так, в имперский период Санкт-Петербург транслировал преобразовательные импульсы в губернии, что позволило превратить удалённые пространства в «реплики» центра в военном, промышленном и образовательном плане. В советскую эпоху эта логика нашла своё отражение в концепции пятилеток, выступавших как инструмент темпоральной унификации и позволившей осуществить индустриализацию «экстерном» традиционным обществам Средней Азии, Кавказа и Севера. В условиях современной России это отражается в концентрации технологических, интеллектуальных и культурных ресурсов в столице и синхронизации страны через цифровые платформы («Госуслуги», «Сбер», цифровые архивы и базы данных).

Приграничные регионы России, напротив, исторически существуют во временном режиме угрозы, предполагающей необходимость быстрого реагирования на геополитические, экономические, природные и иные

вызовы. Эти территории не могут долго существовать в пространстве стратегического планирования центра, поскольку кризисная ситуация требует выработки автономного компенсаторного режима, позволяющего адаптироваться к ситуации до появления распоряжений из центра. Именно на фронтире ярко проявляет себя феномен дромократии, поскольку в условиях угрозы время сжимается до момента принятия решения, порождая практики солидарности и адаптации [1]. Следует оговориться, что такая темпоральность русского фронтира не нова – российское пограничье как особая структура исторически сформировалось в условиях циклической повторяемости вызовов и чередованию периодов острой и латентной угроз [5]. Таким образом, пространства фронтира исторически имеют автономность, позволившую им обрести способность к мгновенной мобилизации, принятию тактических решений и генерации адаптивных практик. Для удобства обозначим дуализм временных режимов как «время проекта» (центр) и «время угрозы» (фронтир).

Парадоксально, что в условиях возрастания скорости коммуникационных потоков дуализм темпоральных режимов сохраняет временной лаг (от англ. lag – «отставание»), выражающийся в запаздывании реагирования при мгновенной передаче информации. При этом цифровизация не способствует его преодолению, но переводит из пространственного в институциональный и когнитивный. Отчетливее всего это видно через концепцию Г. Инниса, о структурировании информационных потоков медиа через пространственный (space-biased) либо временной (time-biased) уклон [2]. В этой оптике медиа как коммуникативные каналы становятся материальным основанием темпоральных режимов. В частности, space-biased медиа воплощают «время проекта», виртуально «сжимая» гетерогенное пространство до единой цифровой среды (радио, телевидение, платформа «Госуслуги»), тем самым способствуя успешной трансляции и реализации стратегических планов «времени проекта». В то же время инфраструктурой «времени угрозы» являются time-biased медиа – мессенджеры, устные коммуникационные сети или системы экстренного оповещения. Их возможность к быстрой передаче информации «по горизонтали» и концентрированная информативность, позволяют фронтиру оперативно реагировать на кризисы, минуя неизбежно запаздывающие указания из центра. Однако разница каналов коммуникации не является единственной причиной возникновения лага, для понимания его природы продуктивно обратиться к теории Г. Мюнклера, согласно которой медиа опосредует темпоральные режимы через управление потоками [4]. Так, центр направляет стратегические ресурсные потоки (инвестиции, технологии, нормы и законы), унифицируя пространство государства и его направление развития, а фронтир, реагируя на логистические и временные лаги, генерирует адаптивные потоки ресурсов (локальные цепочки поставок, волонтерские

кооперации, неформальные сети взаимопомощи). Причём наиболее удачные из этих адаптационных стратегий учитываются центром при последующем стратегическом планировании (например, использование дронов на фронтах сражений ДНР и ЛНР заставило государство более внимательно отнестись к этой технологии и учитывать её при стратегическом планировании). Это то, что делает разницу в распределении ресурсов одним из ключевых аспектов формирования и поддержания режимов темпоральности. В этой оптике временной лаг может быть осмыслен как фильтрационный механизм, который способствует трансляции тактического опыта фронтира в стратегические решения центра и наоборот, обеспечивая тем самым динамическую адаптивность всей системы. В результате в РЦИ возникает способность к формированию цивилизационной устойчивости перед лицом глобальных вызовов, опираясь на проверенное веками диалектическое сочетание практик стратегического созидания и тактического выживания.

Таким образом темпоральный дуализм может быть понят как значимый элемент РЦИ, представляющий собой систему коэволюции двух темпоральных режимов, синергетическое взаимодействие которых создает успешную адаптивную стратегию, где централизованный проект постоянно корректируется тактической адаптивностью, а локальные инициативы получают возможность быть включёнными в стратегические проекты через доктринальные документы и документы стратегического планирования, в которых «времени угрозы» эксплицируется как онтологическое основание и, в то же время, мобилизационный ресурс для «времени проекта».

Доклад подготовлен в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

Список литературы

1. Virilio, P. Speed and Politics / P. Virillo. – L.A.: Semiotext(e), 2006. – 176 с.
2. Иннис, Г. Империя и коммуникации / Г. Иннис. – Ереван: Fortis Press, 2024. – 376 с.
3. Когатько, Д. Г. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации / Д. Г. Когатько, В. Х. Тхаков. – СПб: Алетейя, 2010. – 280 с.
4. Мюнклер, Х. Империи: логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Х. Мюнклер. – М.: Кучково поле, 2015. – 400 с.
5. Шаповалов, С. Н. Заселение северо-восточного берега Черного моря в 1830–1850-е гг. в контексте концепции фронтира Ф. Тернера / С. Н. Шаповалов. // Журнал фронтирных исследований. – 2025 – №1 – С. 168–184. DOI: 10.46539/jfs.v10i1.602

УДК 165.5

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЛИЯНИЕ НА ПОЗНАНИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТИНУ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Рогозина О.Л., канд. филос. наук, ORCID 0009-0001-4477-5006
ЧОУ «Школа экономики и права», г. Санкт-Петербург, РФ
rogozenok@mail.ru, info@shkola-prava.ru

Цифровизация — это процесс преобразования информации и процессов в цифровую форму, который охватывает все сферы жизни современного общества. Этот феномен включает в себя внедрение цифровых технологий в бизнес, образование, медицину, культуру и повседневную жизнь, что приводит к значительным изменениям в способах взаимодействия людей и восприятия мира. Цифровизация не просто упрощает доступ к информации, но и трансформирует саму природу знаний, меняя правила игры в области познания и понимания реальности.

Философское значение цифровизации заключается в её способности ставить под сомнение традиционные концепции познания, идентичности и истины: «Цифровизация создает иллюзию реальности, которая является более реальной, чем сама реальность» [1]. В условиях, когда информация становится доступной в неограниченных объемах и с невероятной скоростью, возникает необходимость в новых подходах к осмыслению того, что мы знаем и как мы это знаем.

Цифровизация порождает новые формы взаимодействия с информацией, такие, например, как алгоритмическое мышление, которое влияет на наше восприятие реальности и формирует новые модели поведения. В философском контексте цифровизация также поднимает важные вопросы о природе истины и достоверности. В условиях распространения фейковых новостей и манипуляций с информацией, концепция истины становится всё более сложной и многослойной: «Цифровизация — это не только технологическая революция, но и фундаментальное изменение в способе, которым мы думаем и взаимодействуем с информацией» [2]. Это приводит к необходимости пересмотра традиционных философских подходов к критическому мышлению и оценке достоверности источников информации.

Кроме того, цифровизация затрагивает вопросы идентичности и субъективности. Виртуальные пространства и социальные сети создают новые условия для формирования личной идентичности, что ставит под сомнение традиционные представления о «Я» и социуме. В этом контексте философы, такие как Жан Бодрийяр и Мишель Фуко, предлагают глубокие размышления о том, как технологии изменяют наше восприятие самих себя и окружающего мира. Это представляет собой не только технологический

процесс, но и философский вызов, требующий нового осмысления существующих теорий познания и взаимодействия с реальностью.

В условиях стремительного развития технологий и их интеграции в повседневную жизнь, тема цифровизации становится особенно актуальной для современного общества. Мы живем в эпоху, когда цифровые технологии проникают во все сферы человеческой деятельности, от образования до бизнеса, от медицины до искусства: «Цифровизация изменяет наше понимание пространства и времени, создавая новые формы социальной организации и взаимодействия» [3]. Этот процесс не только изменяет способы взаимодействия между людьми, но и трансформирует саму природу знаний и познания, давая обществу не только новые возможности, но и ставя перед ним новые вызовы, так как время показало, что: «В эпоху цифровизации мы теряем способность к глубокому анализу и сосредоточенному мышлению, заменяя их поверхностным восприятием информации» [2]. Одной из ключевых причин актуальности данной темы является ее влияние на доступ к информации. В современном мире, где данные становятся новым «золотом», возможность быстрого и легкого доступа к информации открывает перед людьми бесконечные горизонты для обучения и самосовершенствования. Однако с этим доступом возникает и ряд проблем, таких как избыток информации, фейковые новости и манипуляции с данными.

Тема цифровизации является высоко актуальной в контексте современного общества и познания. Она затрагивает ключевые аспекты человеческой жизни, включая доступ к информации, идентичность, истину и социальные структуры. Понимание этих изменений и их последствий становится необходимым для успешной адаптации к вызовам цифровой эпохи и формирования будущего, в котором технологии служат на благо человека и общества в целом.

В контексте философских основ познания цифровизация радикально трансформирует традиционные подходы к приобретению знания, сливая эмпиризм, рационализм и конструктивизм в новую цифровую парадигму. Эмпиризм, подчеркивающий сенсорный опыт, расширяется через виртуальную реальность и большие данные, позволяя получать недоступный опыт, но поднимает вопросы достоверности, подобно проблеме индукции Юма: как отличить истинный опыт от симуляции? Рационализм получает новое измерение благодаря ИИ, выступающему как «расширенный разум» для логического анализа. Конструктивизм, акцентирующий активное создание знания через взаимодействия, находит почву в социальных сетях и онлайн-сообществах, где знания конструируются коллективно в глобальном масштабе, как предсказывал Выготский.

Влияние ИИ проявляется в этических дилеммах: он ускоряет прогресс в науке, укрепляя эмпиризм и рационализм, но усиливает цифровой разрыв и неравенство. Требуется философское переосмысление истины, поскольку

ИИ может генерировать правдоподобную ложь, размывая эпистемологическую надежность в эпоху постправды. Адаптация требует этических рамок для гуманистического использования технологий.

Таким образом, адаптация к этим изменениям предполагает интеграцию философских традиций с технологическими инновациями. Необходимы новые этические рамки, образовательные стратегии и регуляции, чтобы цифровизация способствовала не только техническому прогрессу, но и гуманистическому развитию. Только так технологии смогут стать инструментом для расширения человеческого познания, укрепления идентичности и построения справедливого общества, где знание служит общему благу.

Список литературы

1. Baudrillard, J. Simulacra and Simulation. – University of Michigan Press. 1994 – 180 p.
2. Carr, N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. – New York: W.W. Norton & Company. 2010. – 296 p.
3. Stiegler, B. Taking Care of Youth and the Generations. – Stanford: Stanford University Press. 2010. – 238 p.

УДК 111.1

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ДОНБАССА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ОНТОЛОГИИ

Самойлов С.Ф., д-р филос. наук, проф., ORCID 0009-0002-4772-1553
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
samoilow111@yandex.ru

Введение. Одной из специфических черт философского знания служит его принципиальная неограниченность какой-либо предметной областью. Принадлежность к философскому познанию определяется не вопросом «что», а вопросом «как». По этой причине предметная область философии может быть признана неограниченной, тогда как к самому способу философствования предъявляются жесткие требования, которые и определят тот или иной дискурс как философский или не философский. Важнейшими требованиями, предъявляемыми к философскому дискурсу, следует признать рациональность, логичность, рефлективность, критичность, понятийность.

Цель работы. В силу данного обстоятельства какой-либо конкретный политический процесс или историческое событие могут стать предметом философского осмысления. Так, событие самоопределения Донбасса,

произошедшее в весной 2014 года также может являться предметом философского осмысления. Вместе с тем, данное единичное событие, если оно претендует на предмет философского осмысления должно быть образно говоря «поднято» до универсального уровня, составляющего специфику философского осмысления, до уровня категориального познания.

Основная часть. Самоопределение Донбасса как историческое событие представляет интерес, прежде всего, для социальной философии и философии истории, однако данные дисциплины традиционно считаются второстепенными, поскольку в них как правило реализуются принципы, формируемые в области основных философских дисциплин — онтологии, гносеологии и философской антропологии. По этой причине первоначальная концептуализация самоопределения Донбасса должна осуществляться прежде всего на онтологическом уровне, поскольку именно он позволяет вскрыть предельные теоретические основания философского осмысления рассматриваемого исторического события.

Теоретические истоки коммуникативной онтологической модели можно обнаружить у представителей самых различных философских направлений, течений и школ.

Коммуникативная модель онтологии исходит из понимания бытия как такового в качестве коммуникации. Данное утверждение предполагает, что все основные определения бытия, встречающиеся в истории философии (бытие как предмет, бытие как значение, бытие как как субъект, бытие как акт, бытие как самосознающий абсолют) охватываются понятием коммуникация и являются раскрытием и абсолютизацией ее отдельных элементов. Бытие представляет собой целостность, в которой простое «есть» рассматривается как целостность, задающая условия отношения между абсолютным и относительными субъектами, тогда как события природно-социального мира представляют собой коммуникативные акты, протекающие между субъектами коммуникации. Отсюда следует, что базовой схемой коммуникативной онтологии является отношение между «Я» и «Ты» [1].

Таким образом, если одним из базовых понятий коммуникативной модели служит понятие коммуникативного акта. Важнейшими аспектами понимания коммуникативного акта в соответствующей онтологической модели служит:

– диалогичность, рассмотрение коммуникативного действия, в качестве противоположного действию как самовыражению, и всегда являющегося ответом на определенный вызов или обращение;

– трансцендентальность, понимание онтологического взаимодействия как акта, протекающего в абсолютном сознании, между трансцендентальным и эмпирическим Я;

– символичность, признание коммуникативных актов межличностной, социальной и онтологической коммуникации как символов, нуждающихся в дешифровке и понимании и ответных действиях;

– онтологичность, оценка коммуникативных актов не просто в качестве социального, религиозного, межличностного общения, а в качестве средства изменения социальной, природной или духовной реальности;

– интерактивность, изначальную открытость субъектов коммуникативных актов друг к другу;

– нормативность, подчиненность субъектов коммуникации определенным нормам, обуславливающих специфику их сознания и действия.

Если попытаться сформулировать специфику понимания бытия с точки зрения коммуникативной онтологии, то что можно утверждать следующее. Смысл бытия заключается не в самовыражении абсолютной или относительной субъективности, но в поддержании сущего как целостности на основе онтологического диалога.

Главной специфической чертой коммуникативной модели является понимание речевого, поведенческого, процессуального и иного действия в качестве коммуникативного акта, то есть акта, предполагающего определенную реакцию, как элемент реального или предполагаемого взаимодействия. Такого рода акт может быть незавершенным, безответным, неправильно ориентированным, а также онтологическим, символическим, социальным, межличностным, внутриличностным. Но акт всегда интенционален и актуально или потенциально коммуникативен.

Исходя из сказанного следует, что событие самоопределения Донбасса следует рассматривать не как простое самовыражение, а как акт социальной коммуникации, который имел одного или несколько адресатов и представлял собой элемент определенного социально-коммуникативного процесса, предполагавшего определенные социальные изменения или недопущение определенных социальных изменений. Будучи социально-коммуникативным актом самоопределение Донбасса следует рассматривать в качестве элемента как минимум трех социально-коммуникативных процессов, протекающих между народом Донбасса и:

– киевским режимом, пришедшим к власти в результате государственного переворота;

– сообществом Запада, спровоцировавшим государственный переворот;

– Россией как центром социально-культурного и социально-политического сообщества, которое можно определить как русский мир.

Следует подчеркнуть, что сам акт провозглашения народных республик являлся не началом, а скорее завершением определенного коммуникативного процесса. Попытаемся кратко описать все три указанных выше социально-политических диалога. При этом следует подчеркнуть, что данные диалоги следует понимать в предельно-общем социально-политическом смысле, как коммуникацию, совершаемую не только политиками, но и общественными мнениями и большими социальными

группами, а сигналами служат не столько высказывания, сколько конкретные политические действия.

Итак, кратко охарактеризуем три основных социально-политических диалога, представляющих собой контекст события самоопределения Донбасса:

– диалог «Юго-Восток Украины – страны коллективного Запада», со своей сути представляет собой диалог между одним участников конфликта с лидером группы поддержки противоположной стороны поддержки. Главным посыл данного диалога со стороны Юго-Востока Украины, заключался в призыве к Западу повлиять на силы, совершившие с его поддержки государственный переворот с целью соблюдению естественных прав человека по отношению к русскоязычному населению Украины и норм демократии. Ответом на данный призыв стало требование принятия сложившегося после переворота положения вещей и безропотного подчинения произволу в дальнейшем. В свою очередь, ответом на эту реакцию стало провозглашение народных республик. С социально-коммуникативной точки зрения, целью диалога являлось поддержание всеобщности европейских (гуманистических) ценностей, применительно ко всем народам. Итогом данного диалога стала демонстрация избирательности применения гуманистических ценностей и норм со стороны стран коллективного Запада;

– диалог «Юго-Восток Украины – киевский режим», по своему характеру можно определить как диалог между непосредственными сторонами конфликта. Основной посыл Юго-Востока в данном диалоге заключался в требовании соблюдении культурных, социальных и политических интересов региона. Ответом на данный посыл пришедшего к власти посредством праворадикальных сил киевского режима стали акты социально-политической агрессии. Данные социально-коммуникативные акты ясно дали понять, что главной целью киевского режима служит установление своего полного диктата над территорией Юго-Востока, без малейшего учета интересов его населения. Главной целью данной коммуникации со стороны Юго-Востока Украины следует признать реализацию идеи социально-политической справедливости и поддержания целостности страны при одновременной демократизации системы ее управления. Итогом данного диалога стало понимание Юго-Востоком Украины нацеленности на силовое решение социально-политического и идеологического конфликта, что привело к фактическому началу гражданской войны;

– диалог «Юго-Восток – Россия», может быть определен как диалог одной из сторон социально-политического конфликта с возможной стороной поддержки. Главным коммуникативным посылом Юго-Востока в рассматриваемом диалоге следует признать призыв оказать поддержку в начавшемся конфликте, по причине невозможности установления диалога с

противоборствующей стороной и мирного разрешения протекающего социально-политического кризиса, перерастающего в вооруженный конфликт. Ответом на этот посыл стала моральная и материальная поддержка сил сопротивления Юго-Востока, при одновременных попытках России вступить в диалог с киевским режимом и поддерживающими его странами коллективного Запада. Неудача политической коммуникации России как с киевским режимом, так и с поддерживающими его странами коллективного Запада привела к провозглашению на Юго-Востоке народных республик.

Следует подчеркнуть, что приведенные выше диалоги далеко не исчерпывают всех социально-коммуникативных отношений, но могут быть признаны главными. На основе применения коммуникативной модели онтологической модели к событию самоопределения Донбасса можно сделать следующий вывод.

Заключение. Социальная коммуникация и социальная онтология не являются изолированными системами, их следует признать включенными в коммуникативную структуру бытия как такового, именно поэтому нарушение норм социальной и социально-политической коммуникации неизбежно влечет за собой перестройку социальной структуры, что, как правило, сопровождается негативными последствиями.

Список литературы

1. Бубер, Мартин (1878-1965.). Я и Ты: [Пер. с нем.] / Мартин Бубер; [Послесл. П. С. Гуревича]. – Москва: Высш. шк., 1993. – 173 [2] с.: ил.; 21 см. – (Библиотека философа).; ISBN 5-06-002857-7: Б. ц.

УДК 1.130.2

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Сухоруких А.В., д-р филос. наук, проф., ORCID 0000-0002-3376-6948,
Сергеев С.С., ORCID 0009-0005-9672-7101
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», г. Воронеж, РФ
sukhorukikh.al@yandex.ru, sergeev.j47325@yandex.ru

Концептуальному философскому дискурсу традиционно предъявляются требования глобального цивилизационного прогноза. Между тем, на фоне общекультурного среза эпохи «постмодерна» гносеологическая функция современной теоретической философии существенно ослаблена [1]. Сегодня для классической научной парадигмы, ранее определявшей критерии

рациональности культуроцентричности, а теперь обречённого следовать общей конъюнктуре «цифрового будущего», принципиально сложно вести речь о какой бы то ни было целостной мировоззренческой традиции собственно человеческого знания, о первичных основаниях духовного облика человека, об этической доминанте его бытия, отождествляющей гармонию мироздания с нравственным актом, с вочеловечиванием всего сущего.

Масштаб антропологического кризиса едва ли осознаваем именно по той причине, что интеллектуальный критерий более не являются неотъемлемым, сущностным качеством человеческого индивида: сформированное парадигмой Просвещения понятие прогресса, связанное с разумом, с безграничными возможностями человеческого сознания, с понятиями генезиса, эволюции и, непосредственно, с феноменом самой жизни – совершенно дискредитировано [2].

Факторы становления человека как биосоциального и духовного уникума, условия его качественной эволюции, исчерпаны. Скорость антропогенных изменений субъекта в гиперинформационной техногенной среде являет собой быстроту распада его личностных и сущностных компонентов, тотальную «объективацию» его бытия, ускоряющуюся для технически оптимального функционирования. Из социального и индивидуального измерения человека практически в глобальном масштабе ушли масштаб и глубина философской категории «жизнь»: под перманентной угрозой не просто повседневное равновесие его психики и целостность миропонимания, но и естественное восстановление биологических ритмов мозга и систем организма. Патологии невроза и депрессивных состояний сегодня не излечимы, а лишь требуют адаптации, видятся «фактором неопределённости» в тотальном «цифровом» континууме.

Из необходимого общегуманитарного знания на маргинальную периферию уходит концепция подлинного рождения Человека в его постоянном усилии состояться и быть: акт его становления, его самопостижения в самосозерцании, его осознания самого себя малой частью миропорядка, соподчиненной единоначалию бытия, этической иерархии мироздания, понимание им нравственного единства и ответственности за всё сущее.

В полной мере не осмыслена ещё одна принципиальная проблема: человеческое детство, время таинств «касания мира», возможность раскрытия фундаментальных задатков души и призвания, неповторимая форма культурного бытия, наконец, уникальный, сложный и, вместе с тем, знаковый период, когда индивидуальность, социализируясь, превращается в личность – человеческое детство как состояние непосредственной мудрости и чуткости во всевозрастающем желании взросления, обретения силы воли, сопереживания и моральной ответственности, престаёт существовать [3]. Но без антропологического феномена детства невозможно человеческое общество, сам феномен человеческой культуры

Лишение человека онтологической субъектности в массовой квази-культуре «цифровых возможностей» означает лишение его способности и задачи мыслить: его мозг фактически насильственно и радикально разрушается до рудиментного, атавистического состояния. Современная социальная среда, подчинённая глобальным формам информатизации, искусственно накладывает максимальные ограничения на полноценное человеческое общение. В мультиплексе локальных сегментов «сети», во фрагментированной мозаике квази-догм и релятивизме частных доктрин всё меньше перспективы разумного взаимодействия на уровне диалога – основы рассудочно-языковой и субъектно-антропологической картины мира. «Цифровой аутизм» перестал быть экстраординарным явлением [4]. Новейшая психиатрия констатирует «цифровой кретинизм (слабоумие)», представляющий собой полную неразвитость мыслительных функций, схожую с атрофией всего мышечного аппарата, делающей невозможным полноценное движение: нечто сущностное упущено уже даже не в формировании человеческой личности, но в физиологии мозга [5]. Человек, имитирующий когнитивные функции, зацикливающий мышление в бессмысленном повторении, дробящий мир на разрозненные «осколки» образов и смыслов, психически болен, шизофреничен, в нём нет интенции сознания. Столь же шизофреничен имитирующий процессы человеческого мозга «искусственный интеллект», регенерирующий в бесконечных комбинациях повтора предоставленные ресурсы, что в итоге, ухудшает качество системы и, по сути, абсолютизирует масштаб имитации. Между тем, именно эту тотально «оптимизирующую» имитационную технологию стремятся наделить субъектностью, что в симулякре «постмодерна» видится закономерным.

Модернизация технологий ради технологий, без понимания принципов автономного функционирования новейших информационных систем, идеология прибыли в тотальной «цифре», таит для человечества максимальные антропогенные риски. Фатальным кризисным фактором становиться манифестация доктрины прибыли, выгоды и безопасности её извлечения, при которой решительно всё становиться средством для сделки, тем самым современное человечество имитирует саму мораль, абсолютизируя имитацию оснований бытия как такового.

Ввиду системного когнитивного и этического разложения существующей цивилизации, потере сакральных смыслов человеческой культуры, её глобальная перспектива неутешительна. Директивно-имитационная модель «цифрового» общества несостоятельна вне принципов гуманизма, вне основополагающих критериев человеческой сущности – гностических перспектив горизонта человеческого сознания и реальности человеческого духа. Такая модель несёт в себе латентный разрушительный фактор – прагматизм и утилитаризм в крайних формах потребления и коммерциализации, порождающих бесчеловечность

(цивилизацию без человека), что оборачивается необходимостью очередного техногенного витка и по сути, сверхконтроля уже не за людьми, а за биообъектами, то есть, по сути, биороботами – существами, превращёнными исключительно в средство капитализации.

И, вместе с тем, в ментальном катаклизме антропосферы футуристический аспект глобального сциентического дискурса постоянно «дрейфует» к метафизическим коррелятам: бытие не завершено, пока остаётся незавершённость духовного облика человека.

Список литературы

1. Павленко А. В. Философия постмодерна о новых «контурах» описания и понимания человека / А. В. Павленко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №2-2(77). – С.52-57. DOI:10.24412/2500-1000-2023-2-2-52-57
2. Король, А. Д. Антропологический кризис в социальных реалиях XXI столетия / А. Д. Король // Философские науки. – 2020. – Т. 64. – № 5. – С. 45–56. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56
3. Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события / М. В. Ромашова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. – №2(22). – С.108-116.
4. Кайдарова, Н. С. Цифровой аутизм/ Н. С. Кайдарова, Д. Т Сарымова, Д. Е. Тлектесова // Современнные тенденции развития науки и образования. Материалы международной заочной научно-практической конференции 20 марта 2023г, София, Болгария / под общ. ред. А. И. Вострецова. – Нефтекамск, 2023. – С.50-54.
5. Антонюк, Е. Ю. Слабоумие в цифровом обществе: культурная норма или идеал? / Е. Ю. Антонюк, С. И. Трунёв // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – №6-1. – С. 530-532.

УДК 165.723

МОРАЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ СЕРИИ «MASS EFFECT» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Тремясов М. А., ORCID 0009-0006-0522-6406,
Аржалова А. Н., ORCID 0009-0008-4021-1722,
Ваулин Е. С., ORCID 0009-0000-6661-3270
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет», г. Тюмень, РФ
tremyasov.miha@gmail.com, bobec2004@gmail.com

Введение. Современные видеоигры эволюционировали от простых развлечений до сложных нарративных систем, способных моделировать многомерные социальные и философские контексты. Серия «Mass Effect» компании BioWare является каноническим примером такого подхода, где игрок не просто следует заранее написанному сценарию, а активно

конструирует его через череду морально нагруженных решений. Центральным философским конструктом, вокруг которого выстраивается игровое взаимодействие, выступает моральный релятивизм — концепция, отрицающая существование универсальных абсолютных моральных истин и утверждающая зависимость этических оценок от культурного, социального и личного контекста [1]. Игровая вселенная «Mass Effect», населенная множеством рас с уникальными историями, ценностями и кодексами чести, становится идеальным полигоном для апробации этой концепции.

Цель. Проанализировать специфику и механику реализации морального релятивизма в серии игр «Mass Effect», выявить структурные элементы игрового дизайна, которые способствуют глубокой рефлексии игрока, и оценить потенциал переноса виртуального этического опыта в реальный моральный дискурс.

Основная часть. Методологическую основу исследования составил комплексный подход, включающий: структурный анализ игровой механики: детальное изучение системы репутации «Защитник/Отступник» не как бинарной оси «добро-зло», а как спектра методов достижения цели — через дипломатию и сострадание или прагматизм и жесткость, контент-анализ нарративных сценариев: выделение и классификация ключевых моральных дилемм, предлагаемых игрой (например, судьба расы кроганов, конфликт гетов и квириан, «Жнецы» как высшая форма космического дарвинизма).

Игровая механика как воплощение релятивистской этики. В отличие от многих RPG, где моральный выбор сводится к упрощенной бинарности, система «Mass Effect» предлагает более изощренную модель. Шкалы «Защитника» и «Отступника» независимы, что позволяет формировать сложный, многогранный персонаж. Решение, воспринимаемое одной игровой фракцией как героическое, другая может посчитать предательством. Например, уничтожение гетов-еретиков во второй части («Отступник») может рассматриваться как прагматичное устранение угрозы, тогда как их перепрограммирование («Защитник») — как акт милосердия, несущий, однако, риск будущих проблем. Эта механика наглядно демонстрирует принцип релятивизма: моральная оценка действия зависит от позиции наблюдателя и системы ценностей, которую он разделяет. Кейсы моральных дилемм и их философские параллели - Генофаг кроганов и «проблема вагонетки» в космическом масштабе. Дилемма, связанная с генным вирусом, стерилизующим всю расу кроганов, является прямой отсылкой к утилитаризму. Игрок вынужден решать: пожертвовать возможностью возрождения воинственной и потенциально опасной расы ради стабильности галактики (утилитаристский подход) или пойти на огромный риск, даровав им шанс на будущее, что соответствует принципам этики жизни и прав на существование. Масштаб последствий (целая

биологическая вида) придает этой дилемме беспрецедентную глубину. Война гетов и квириан: проблема «Другого» и права искусственного интеллекта. Конфликт между квирианами и созданными ими гетами поднимает вопросы о природе сознания, критериях жизни и правах синтетических форм разума. Игра избегает однозначных ответов, показывая, что обе стороны имеют свои травмы и свою правду. Игрок должен определить для себя, является ли восстание машин закономерной реакцией на угнетение или же неоправданным бунтом, несущим уничтожение создателям. Эта дилемма актуализирует современные дискуссии об этике искусственного интеллекта и его месте в обществе. Цикл Жнецов: космический детерминизм vs. свобода воли. Философская основа угрозы со стороны Жнецов — это своеобразный космический детерминизм, идея о предопределенном цикле уничтожения развитых цивилизаций для поддержания «порядка». Противостояние им становится борьбой за свободу воли и право на самоопределение против высшей, пусть и чудовищной, «целесообразности». Рецепция игрового опыта: от виртуального выбора к реальной рефлексии. Проведенный анализ форумных обсуждений показал, что игроки не просто проходят игру, а активно осмысляют свой опыт. Многие пользователи отмечали, что принятие решений в «Mass Effect» заставляло их задуматься о собственных ценностных ориентирах, о том, на что они готовы пойти ради «большего блага» и где проходят их личные этические границы. Игровой процесс становится своего рода «моральным тренажером», где в безопасной среде можно прожить последствия своих решений и сформировать более устойчивую этическую позицию [3, 4].

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что серия «Mass Effect» представляет собой не просто развлекательный продукт, а сложную философскую систему, интерактивными средствами исследующую идеи морального релятивизма. Через продуманную игровую механику и многогранный нарратив она вовлекает пользователя в глубокую рефлексию над фундаментальными этическими вопросами, не предлагая готовых ответов, но требуя личной ответственности за каждый выбор. Этот опыт имеет значительный педагогический и социальный потенциал, особенно для молодого поколения, формируя навыки критического мышления, эмпатии и осознанного принятия решений в условиях неопределенности и множественности точек зрения.

Список литературы

1. Шкаев Д.Г. Философия компьютерных игр // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2018. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-kompyuternyh-igr
2. В. Ю. Сутунков, Р. С. Туров. Философский посыл в видеоиграх // Сборник трудов LVI студенческой научно-практической конференции «Успехи молодежной науки в

агропромышленном комплексе» – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2021. – С. 309-317.
3. Бабинович Василий Сергеевич Идентичность геймера в виртуальном пространстве видеоигр // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. №446. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-geymera-v-virtualnom-prostranstve-videoigr
4. Каткова, А. А. Визуализация компьютерных игр в современной культуре / А. А. Каткова, А. Л. Каткова // Социальные и культурные практики в современном российском обществе: инициатива, партнерство, стратегии развития : материалы VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19–20 апреля 2023 года. Том 1. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. – С. 302-307. – EDN SBOBSB.

УДК 398.22

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ЭПОСА «ГУРГУЛИ» И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Турсунов Ф.А., канд. филос. наук, доц.
АНОО ВО «Сибирский университет потребительской кооперации»,
г. Новосибирск, РФ
e-mail - farrukh.tursunov@inbox.ru

Введение. Мифы, легенды, сказания, эпосы играют важную роль в формировании культурной и национальной идентичности народов, передавая ценности, традиции и верования от поколения к поколению. Они зародились в устной традиции народов с древних времен и служили способом объяснения явлений природы и изменений происходящие в обществе. Народные сказания передавали нравственные постулаты, укрепляли социальные и религиозные нормы.

Цель работы – дать социально-философский анализ становления эпоса «Гургули» и показать его роль в формировании культурной идентичности народов Центральной Азии и Кавказа. В процессе исследования были использованы ряд общенаучных методов: анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция и другие.

Основная часть. Важнейшими свидетельствами философской и культурной мысли принято считать также и эпосов, которые являются частью культуры и рефлексией народного сознания. Именно в раннем возрасте на примере героев, побеждающих зло во имя справедливости, в сознании детей взращиваются морально-этические идеалы. Традиции, фольклор, верования проникая в нашу жизнь, становятся частью национального самосознания.

Важно подчеркнуть, что в мифологических эпосах содержится разнообразный спектр архетипов персонажей, чьи характеры, мотивы и

мораль при внешней схожести, имеют множество вариаций трактовок. Таким памятником национальной культуры и мифологии у народов Центральной Азии и Кавказа считается – эпос «Гургули».

В путевом дневнике востоковеда А. Л. Куна (1840 - 1888), где были собраны материалы результатов научной экспедиции по регионам Центральной Азии наряду с некоторыми записями лингвистического характера и примерами фольклора той или иной местности, мы можем повстречать и отрывки из эпоса «Гургули».

В Республике Таджикистан пристальное изучение эпоса «Гургули» связано, прежде всего, с именами профессоров И. С. Брагинского и А. Н. Болдырева. Согласно исследованиям И. С. Брагинского, письменная летопись эпоса «Гургули» в Таджикистане начинается с начала XX века, хотя упоминание о нем встречались и ранее. И. С. Брагинский в одной из своих научных полевых командировок в Файзабад, знакомиться с неким Гулмухаммадом, который в честь стойкости и мужества героя Гургули в своей местности построил своеобразную арку.

К изучению устного наследия проявляли интерес исследователи Дж. Сухайли и Х. Хамди. Со слов местного сказителя Курбан Джалилова они опубликовали несколько отрывков данного эпоса.

После Великой отечественной войны, на основе воспоминаний жителя долины Зеравшан - Бобоюнус Худойдодзода, исследователи Л.Бузургзода и С. Джавхаризода выпустили в свет две поэмы о Гургули. Исследователь фольклора М. Шарифов в 1960 году в сборнике «Фольклор жителей долины Зеравшана» разместил восемь своих сказаний о Гургули.

В 1963 ученый-фольклорист Р. Амонов в своей книге «Очерки по устному творчеству Куляб» дал подробную характеристику сказителям о Гургули, проживающим в районе Сари Хосор. Согласно автору, здесь была своеобразная плеяда сказителей, которые имели свою школу. Зачастую сказителей приглашали на свадьбы для более насыщенного и торжественного проведения мероприятий.

В 1983 году в переводе Т. Стрешневой и В. Виноградова были опубликованы 9 поэм о Гургули, а в 1987 году в Москве была издана поэма «Гургули», которая охватывала 360950 строк.

Слово «Гургули» в таджикском варианте трактуется как «исполин из могилы» (гур – могила, гул – человек с недюжинной силой). Утверждается, что только сильный и крепкий ребенок, родившийся в могиле, мог бы выжить в сложившихся условиях.

Гургули – центральный персонаж эпоса, со своими приверженцами воюет против угнетателей. В таджикской и узбекской версии, мать Гургули, будучи беременной, умирает, и сын рождается в могиле (одно из объяснений его имени – «сын могилы»). Он становится основателем и правителем страны «Чамбули мастон» [1, с. 49]. В переводе с таджикского языка «чамбули мастон» переводится как «страна певучих соловьев» и в

данном контексте это словосочетание используется как метафора, подразумевая «страну вольных людей».

В туркменском варианте, отца Героглы ослепляет местный правитель-хан (отсюда другое объяснение его имени – «сын слепого»; слово «гер» переводится «слепой»). Сын ослепленного отца растёт, мечтая отомстить хану. Спустя годы, Героглы достигнув совершенстволетия, находит хана и мстит за отца. Построив в горах неприступную крепость – Чандыбиль, он тем самым создаёт убежище для своих единомышленников и обездоленных людей.

Пытаясь найти ответ на вопрос о корнях сюжета «страны мечты», мы находим наиболее ёмкий ответ у И. С. Брагинского, который пишет, что войны, угнетение усиливали борьбу против гнёта, провоцировали народные волнения. Все это служили питательной почвой для народной мечты о царстве равенства и свободы [2, с. 90].

Д. Рахимов считает, что сюжеты эпоса «Гургули» и иранского эпоса «Шахнаме» имеют общие корни. Подчеркивается, что «таджикский вариант эпоса воспроизводится в музыкально – поэтической форме» [4, с. 17].

Х. Г. Корогли отмечая связь с реальными историческими событиями, отмечает, что основной сюжет Гургули формировался в Азербайджане [3, с.106].

С. Брагинский, опираясь на разные источники, приходит к выводу, что «на территории Таджикистана уже во второй половине XVIII века бытовали эпические сказания о Гургули, богатырях сказочной страны Чамбул» [2, с. 89]. Сложная общественно – политическая ситуация в Центральной Азии в данный период не могла не повлиять на мировоззрение народа, и своеобразным отражением этого социального явления можно считать появившиеся исторические летописи, сформировавшиеся эпосы и сказания.

В таджикской версии эпоса «Гургули» главный герой борется с захватчиками, предводителями которых являются Багланшах и Катлоншах. Против них воюют такие мужественные и отважные герои, как Шерафган, Хасан, Шодмон и др.

В тюркоязычных вариантах изложения эпоса главным героем выступает сам Гургули, в то время как в ираноязычных вариантах главным героем выступает Аваз, который считается приемным сыном Гургули. Основу идеи данного эпоса составляет вопрос о справедливом устройстве страны, где все люди своим созидательным трудом приумножают его богатства и способствуют дальнейшему процветанию родного края.

Заключение. При анализе эпоса «Гургули», стоит подчеркнуть, что фольклорно – эпическое наследие не только акцентирует внимание на подвигах героя играющего важную роль в истории своего народа, но и занимает важное место в формировании культурной и национальной идентичности, передавая этические ценности и народные традиции из поколения в поколение.

Как показывает наш непредвзятый анализ эпоса «Гургули», можем констатировать, что роль данного эпоса в формировании исторической памяти и культурной идентичности является важным элементом самосознания человека, его национальной рефлексии.

Список литературы

1. Амонов Р. Очерки эчодиёти даханакии Кулоб: (Дар асоси материалхои фолклори Сари Хосор). / Р. Амонов. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1963. – 346 с.
2. Брагинский И. С. Заметки о таджикском народном эпосе «Гуругли» // Очерки из истории таджикской литературы / И. С. Брагинский. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956. – С. 88-119.
3. Короглы Х. Г. Трансформация заимствованного сюжета (По материалам эпоса народов Ближнего Востока и Средней Азии). / Х. Г. Короглы. – М.: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. – 1977.
4. Рахимов Д. Хамосаи «Гургули» ва шинохти он. / Д. Рахимов. – Душанбе: Ирфон, 2019. – 43 с.

УДК 001

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Усенко А.А., Матушевская В.В., ORCID 0009-0002-2189-3111
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
Matushevskaya_v@mail.ru

Человек – это не только биологическое существо, но и социальная личность, формирование которой невозможно вне системы общественных связей. С самого рождения он оказывается включённым в сеть отношений: сначала в семье, затем в образовательных учреждениях, трудовых коллективах, дружеских и профессиональных сообществах. Именно через взаимодействие с другими людьми происходит освоение норм и ценностей общества, накопление социального опыта, становление индивидуальности и самосознания. [1]

Социальные отношения выступают фундаментом, на котором строится жизнь каждого человека. Они задают рамки поведения, открывают возможности для самореализации и вместе с тем накладывают определённые ограничения. В них проявляются как личные качества индивида, так и влияние внешней среды. Человек, в свою очередь, не является пассивным участником этого процесса: он активно преобразует социальное пространство, влияет на развитие общества и культуры.

Цель данной работы заключается в том, чтобы раскрыть роль человека в системе социальных отношений, показать взаимное влияние личности и общества, а также проанализировать, каким образом социальные связи формируют мировоззрение, поведение и жизненные стратегии человека.

Особое внимание уделяется тому, как через взаимодействие с другими людьми происходит процесс социализации, самореализации и адаптации личности в постоянно меняющихся условиях современного общества.

С точки зрения обществознания человек понимается как представитель вида “Homo sapiens”, то есть разумного существа, которое обладает уникальными характеристиками. К ним относятся прямохождение, развитое самосознание, способность к абстрактному мышлению и речь как средство выражения мыслей и взаимодействия с другими людьми. Особое значение имеет то, что человек способен не только удовлетворять свои биологические потребности, связанные с выживанием, но и стремиться к реализации духовных запросов – к познанию, творчеству, самовыражению, поиску смысла жизни.

Кроме того, человек отличается возможностью к социализации: он усваивает нормы, традиции и культурные ценности, приобретает навыки взаимодействия в обществе. Именно это делает его существом не только биологическим, но и социальным, способным формировать сложные формы общественных отношений и активно преобразовывать окружающий мир.

Человек в системе социальных отношений всегда выступает как существо социальное. Общество для него – не просто форма сосуществования, а необходимое условие выживания и развития. С ранних этапов истории люди объединялись ради безопасности, обмена опытом и совместного труда. Поэтому социальность можно понимать как соединённость, включённость человека в систему связей и взаимодействий.

В социальной философии человек рассматривается не изолированно, а в рамках его связей с другими людьми и социальными группами. Эти связи формируются в процессе деятельности и приобретают устойчивый характер. Так возникают общественные особая форма взаимодействия, которая может пониматься в широком смысле (любые связи между людьми) и в узком (отношения между большими социальными группами: производственные, политические, международные и т.п.).

Именно в обществе индивид проходит путь социализации и становится личностью. Индивид – это отдельный представитель человеческого рода, биологическая основа личности. Личность же – это совокупность социально значимых качеств и умений, позволяющих человеку быть полноценным участником общественной жизни, заниматься творчеством, трудом, созиданием [2]. Уникальность человека выражается в его индивидуальности – неповторимых качествах и способностях, отличающих его от других.

Общество, в свою очередь, представляет собой сложную систему, включающую экономическую, социальную, политическую и духовную подсистемы. Все они связаны между собой и определяют развитие общества в целом. При этом человек является не только продуктом социальных условий, но и их активным творцом. Он формирует общественные отношения, однако

они приобретают объективный характер и не всегда поддаются полному контролю со стороны отдельных индивидов или групп [3].

Таким образом, человек и общество находятся во взаимной зависимости: личность развивается только в обществе, а общество существует и развивается благодаря деятельности людей [4].

Таблица 1

Элементы и влияние социальных связей на человека

Элемент	Описание	Влияние на человека
Индивид	Отдельный человек со своими потребностями и ценностями	Формирование личности, социализация
Семья	Ближайшая социальная группа	Первичное воспитание, эмоциональная поддержка
Друзья и сверстники	Группа равного статуса	Развитие общения, поддержка, влияние на интересы
Общество	Совокупность социальных отношений и норм	Социальная адаптация, соблюдение правил
Организации и коллективы	Школа, работа, клубы	Развитие навыков, социальный статус
Индивид	Отдельный человек со своими потребностями и ценностями	Формирование личности, социализация
Семья	Ближайшая социальная группа	Первичное воспитание, эмоциональная поддержка

Подводя итог, можно сказать, что человек неразрывно связан с системой социальных отношений, которые формируют его как личность и открывают возможности для самореализации. Через общественные связи он усваивает нормы, ценности и опыт, а также вносит собственный вклад в развитие общества. Взаимодействие человека и общества носит двусторонний характер: общество создаёт условия для жизни и развития личности, а личность, в свою очередь, активно влияет на социальные процессы. Осознание этой взаимосвязи позволяет глубже понять сущность человека и его место в мире.

Список литературы

1. Гумницкий Г.Н. О понятии человека // Философия и общество. – 2016. – №3 (80). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-cheloveka (дата обращения: 16.09.2025);
2. Skysmart, Человек, индивид, личность – Текст – электронный – URL: https://skysmart.ru/articles/obshestvoznanie/chelovek-individ-lichnost (дата обращения: 16.09.2025);
3. Желтов М.П. Человек в системе социальных отношений // Вестник ЧГУ. – 2013. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-sisteme-sotsialnyh-otnosheniy (дата обращения: 16.09.2025);
4. Studfiles, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина // Человек в системе социальных отношений – Текст – электронный – URL: https://studfile.net/preview/16590815/page:25/ (дата обращения: 16.09.2025).

УДК 141.319.8

ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ханыкин А.Ю., ORCID 0009-0007-8728-493X
Усачев А. В., д-р филос. наук, доц., проф., ORCID 0000-0002-6150-205
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А, Бунина»
г. Елец, Липецкая обл., РФ
Khanykin.a@yandex.ru

Введение. Одной из национальных целей развития России до 2036 года является цифровая трансформация. Идентификация в онлайн среде становится неотъемлемой частью жизни личности. Действительно, можно утверждать, что активное пребывание на онлайн платформах требуется многих для нормальной жизни, и, как следствие, лишение такой возможности приводит к лишению индивида возможности самореализации и проблемам самосознания.

Цель. Основной целью данного исследования является комплексный анализ процесса формирования и функционирования цифровой идентичности личности в условиях современного виртуального пространства, а также выявление связанных с этим процессом новых возможностей для самоопределения и коммуникации и принципиально новых антропологических рисков и угроз.

Основная часть. Для современной эпохи характерно активное взаимодействие с социальными сетями, онлайн платформами, конференциями дистанционного формата и другими формами виртуального взаимодействия. Все это стало важной, неотрывной от нас частью жизни. Виртуальное пространство можно считать местом социального взаимодействия. И возможность взаимодействия не ограничивается исключительно текстовым взаимодействием в форме чата или двухмерной территории, где каждый человек может сохранить свою идентичность с позиции участника взаимодействия со множеством других посетителей онлайн-платформы. Уже давно в нашу жизнь внедрились «трёхмерные» аватары – персонажи в онлайн играх, созданные с нуля или точь-в-точь похожие на нас в реальной жизни; аватары, которые используются при видео звонках или конференциях.

Таким образом мы вступаем в эпоху, когда индивид может иметь несколько цифровых личностей, которая может и вовсе отличаться от базовой идентичности. Данная проблема не является новой, и уже продолжительное время находит отражение в дискуссиях. Авторами выдвигается мнение, что «сетевая идентичность для современного человека – это не самостоятельный, существующий отдельно Я-образ или образы, это

продолжение его идентичности, которое не только расширяет часть его существующих в офлайн-мире идентификаций, но и создает новые идентификации» [4, с. 22].

Активное развитие цифровых технологий открывает новые возможности, но, вместе с этим появляется и большая сфера новых форм угроз для определенных групп людей. Это и кража личных данных в цифровой среде, и сложность некоторых групп вхождения в цифровую среду, где они в силу неопытности взаимодействия могут стать жертвами мошеннических действий.

Может сложиться ложное впечатление, что физический оригинал и электронная личность уже не имеют четких границ самосознания. Копии личности появляются в цифровой среде и активно взаимодействуют с такими же копиями. Однако это лишь ложное впечатление. «Не может быть копии без оригинала, исходные данные невидимы: они существуют в невидимом пространстве за изображением, внутри компьютера» [1, с. 91].

Цифровая эпоха открыла возможность нового межкультурного взаимодействия. Индивид очень быстро сменять виртуальные пространства. В таких условиях аналогично стремительно меняется порядок взаимодействия и самоопределения в пространствах, виртуальных объединениях и группах по интересу. Идентичность становится стремительно меняющейся, и идентичность активно взаимодействует с цифровой средой. В таком цифровом взаимодействии у личности появляется возможность активного взаимодействия с разными группами, поиск самоопределения и самовыражения, значительно снижая ограничения, с которыми личность сталкивалась прежде. Теперь идентичность формируется не только через физическое взаимодействие, знакомства с членами определенной группы, укоренением, а через опыт взаимодействия.

Цифровая среда открыла новые возможности не только взаимодействия. Сейчас каждый человек имеет цифровое имущество, которое имеет эмоциональный вес наравне с физическими предметами. Эти виртуальные вещи могут быть фотографиями, письмами, сайтами, которые хранят воспоминания и эмоции на том же уровне, какое значение пару десятков лет назад играли фотокарточки, видеопленка и другие вещи.

В связи с этим повышается количество личностей, которые уделяют немало времени на постоянное взаимодействие, сохранение и публикование в свободном доступе информации о своей жизни. Это позволяет не только внедрить новые технологии, которые помогают в жизни (речь идет о мониторингах здоровья, навигаторах, виртуальная память и прочее), но и открывает возможность злоупотребления другими индивидами этой информации. Анализируя большое количество информации о человеке, другой индивид может самостоятельно или при помощи искусственного интеллекта имитировать личность другого человека, прикрываясь сведениями о нем, и фактически отыгрывая роль другого человека в виртуальном пространстве.

Цифровая среда, бесспорно, открывает возможности для самопознания, новой возможности самоопределения в мире. Однако необходимо соблюдать баланс между цифровой средой и взаимодействием с обществом вне виртуальной среды. С проблемой такого равномерного взаимодействия сталкивается чаще молодежь, и как отмечают исследователи: «Конструирование виртуальных личностей может носить возрастной характер и быть связана с самоопределением. При этом виртуальные личности могут выполнять функцию самоверификации» [2, с. 107].

Заключение. Цифровая среда стала новым онтологическим пространством для формирования идентичности. Она порождает не просто «копии» или отражения реальной личности, а сложные, динамичные и зачастую множественные «цифровые Я». Эти виртуальные личности являются прямым продолжением и расширением базовой идентичности, предлагая новые, гибкие модели для самоопределения, самовыражения и самоверификации, что особенно значимо для молодежи. Сетевое взаимодействие преодолевает традиционные ограничения, предоставляя личности беспрецедентные возможности для межкультурной коммуникации, мгновенного переключения между социальными контекстами и поиска сообществ по интересам. Идентичность в этом процессе становится не фиксированной сущностью, а текучим процессом, формируемым через непосредственный опыт взаимодействия в различных виртуальных группах.

Список литературы

1. Гройс, Б. Политики поэтики: [сборник статей] / Борис Гройс. — Москва: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. — 400 с.
2. Жичкина, А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А. Жичкина. — Москва: Дашков и Ко, 2004. — 117 с. – EDN YGPFQN.
3. Лисенкова, А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху / А. Лисенкова // Вопросы философии. — 2020. — № 3. — С. 65—74. – EDN DPAULB.
4. Труфанова, Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ / Е. О. Труфанова // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2021. — Т. 3, № 1. — С. 14—38. – EDN XFLCBR.
5. Шайгерова, Л. А. Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа / Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко, О. В. Ваханцева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2022. — № 2. — С. 73—107 – DOI 10.11621/vsp.2022.02.04. – EDN LJTVXO.

УДК 101.1:316

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ДЕТСТВА В XXI ВЕКЕ

Хасанова Ф.Х., ORCID 0009-0006-2677-3636
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»,
г. Омск, РФ
khasanowafiruza@mail.ru

Под детством в данной статье мы будем понимать динамическую систему, имеющую множество входов (каждый вход – это отдельно взятый ребенок) и множество выходов (по числу детей, включенных в социум). Интеграция ребенка в социум во многом зависит от организации пространства детства.

Пространство детства представляет собой не только социокультурный феномен, отражающий социальные особенности времени, особенности государственного и общественного устройства и культуры, но и может быть изучено как психолого-педагогическое явление, имеющие инвариантные характеристики, не зависящие от социума.

Д.И. Фельдштейн в своей работе «Социальное развитие в пространстве-времени Детства» описывает детство как особое явление социального мира и как объективно необходимое состояние в динамической системе общества [8]. Данное представление о пространстве детства недостаточно, так как автор рассматривает ребенка только как будущего члена взрослого общества, а для целостного исследования детства важен конструктивный подход, в котором ребенок с раннего детства рассматривается как полноправный член общества. В статье мы будем рассматривать пространство детства как «пространство полноценной жизни ребенка, а не только пространство его подготовки к взрослому бытию» [1, с. 47].

Детство представляет собой сложную систему взаимодополняющих элементов, таких как: длительность, ценность, онтологичность, субстанциональность и системность.

Концепт «детства» претерпевал значительные изменения в истории человечества, а сами рамки детства до сих пор остаются размытыми. Если мы с вами обратимся к истории, то увидим, что термин «детство» и отношение к детям были диаметрально противоположны в первобытном обществе, античности, средневековье и Новом времени.

Цифровая эпоха во много отличается от эпохи индустриальной развития, характерного для XX в., так как был изобретен и внедрен в жизнь целый ряд новых для человека цифровых орудий (компьютер, смартфон и так далее), а также претерпели изменения знаковая система и фигура посредника. Это приводит к значительным изменениям самого человека в целом и ребенка в частности.

Так, прежде всего стоит обратить внимание на работы С.А. Смирнова [5], О.В. Рубцовой [4], М. Хацигианни (Hatzigianni) [9], Г.У. Солдатовой [6]. Исследователи обращают внимание на трансформацию ключевых элементов развития и как возможное следствие –на перенесение событийного поля в виртуальную реальность.

Понимание детства трансформировалось с развитием технологий и наибольшим изменения подверглась фигура посредника в цифровой коммуникации. Так очевидна трансформация орудий, позволяющих совершать некоторое предметное действие. Сейчас в качестве орудия может выступать и цифровое устройство, и цифровой продукт, и конкретный инструмент цифрового продукта. Развитие технологий не только изменило фигуру посредника, но и обогатило знаковую систему современного человека, теперь в коммуникации используются «смайлы», «стикеры» и «мемы», «лайки» и «репосты». Посредник в лице взрослого не присутствует в виртуальном поле ребенка и поэтому перестает быть одним из основных источников для передачи культурного образца.

Что же касается современной эпохи, то здесь детство видится нам столь сложным образованием, что мы решили использовать дополнительный способ иллюстрации – категориально-системную методологию В.И. Разумова, а именно схему противоречий, которая позволит нам проиллюстрировать неоднозначность этого возрастного периода [3].

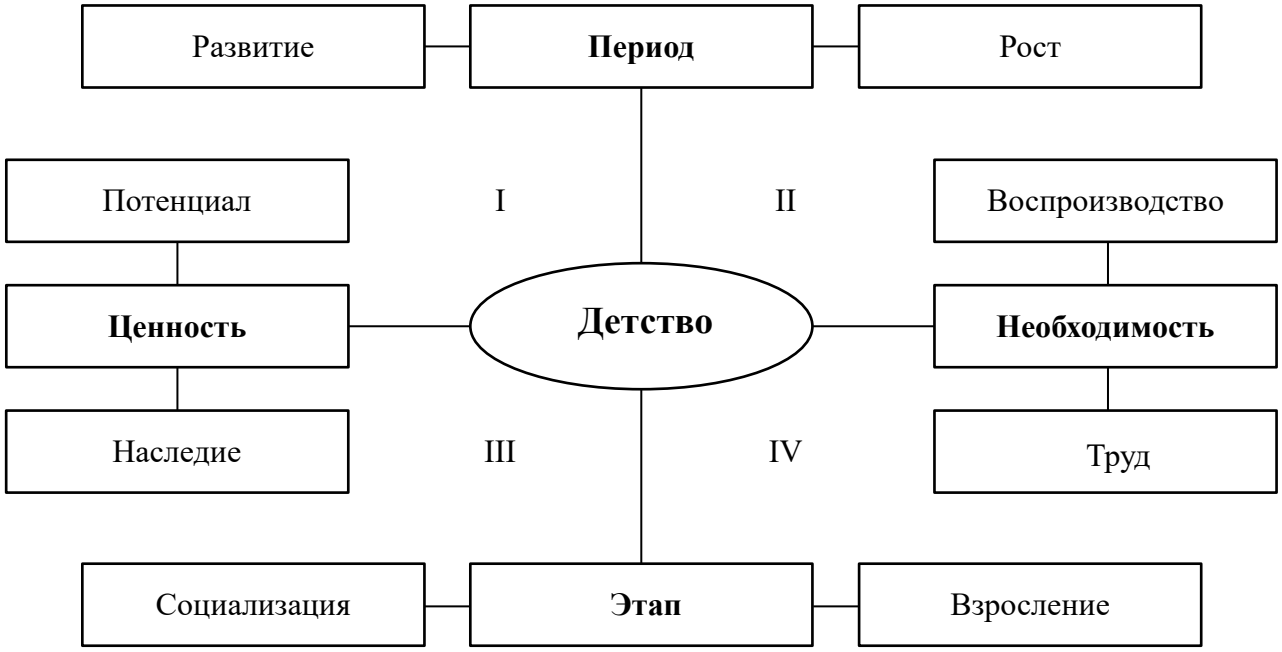

Рис. 1. Схема противоречий

При работе со схемой мы получает следующее квадранты:
I – Креативность;
II – Репродуктивность;
III – Социальность;
IV – Полезность.

Ключевым понятием нашей схемы является «ДЕТСТВО», данное понятие детализируется с помощью таких пар противоречий как период (развитие и рост) ↔ этап (социализация и взросление) и ценность (потенциал и наследие) ↔ необходимость (воспроизводство и труд).

В первом квадранте нами было получено определение «креативность» как одной из форм ценности детства в конструировании пространства. На данном этапе проявляется способность ребенка создавать новые идеи, которые отклоняются от традиционных схем мышления, решать проблемы, возникающие внутри статичных систем.

Во втором квадранте сочетание периода и необходимости детства дает нам определение «репродуктивность». Данный этап соответствует способности ребенка воспроизводить в процессе интеграции в пространство программы действий «как было ранее», без привнесения нового в новые ситуации.

Третий квадрант раскрывает понятие «социальность» через сочетание наследия и социализации в детстве, что соответствует процессу интеграции ребенка в общество. На этом этапе происходит процесс постоянного физического роста, накопления психических новообразований и освоения социального пространства ребенком.

В четвертом квадранте мы получаем определение «полезность» как эквивалента интерпретации труда и взросления ребенка. Данный квадрант соответствует этапу, на котором ребенок решает две взаимодополняющие задачи: культуроосвоение и культуросозидание.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что пространство детства представляет собой сложное образование, все четыре уровня которого обусловлены единством системы «мир-ребенок». Предложенная схема может видоизменяться в зависимости от того какое место ребенок занимает по отношению к миру.

Таким образом, схема противоречий (рис. 1) дает нам возможность произвести своеобразную детализацию и упаковку знаний об основных идеях организации пространства детства. Данная модель не только наглядно иллюстрирует сущностные характеристики, но и позволяет создать определенный алгоритм анализа параметров пространства детства, обеспечивающих интеграцию ребенка в социальную среду. Адекватное социальное конструирование детства нуждается в уточнении методологических позиций: понимание детства как должного следует соотнести с философским пониманием детства как сущего, что предполагает философскую рефлексию генетических форм репрезентации феномена детства, исследование его оснований, признание за детством и ребенком статуса философской реальности.

Список литературы

1. Демакова, И.Д. Педагогика и психология о феномене «пространство детства» // Вестн. Калмыц. ун-та. – 2012. – № 1 (13). – С. 42–49.

2. Демакова И.Д. Воспитательная деятельность педагога как фактор гуманизации пространства детства. Вопросы теории. – Казань: R-пресс, 2000. – С. 23–24.
3. Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: учебное пособие / вступ. ст. А.Г. Теслинова. – 2-е изд., стереотип. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2008. – 277 с.
4. Рубцова, О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (часть первая), Культурно-историческая психология, – Т. 15. – № 3. – С. 117–124. – Режим доступа: https://doi.org/10.17759/chp.2019150312 (дата обращения: 28.09.2025).
5. Смирнов С. А. Цифровая школа: в поисках объяснительных моделей. – Часть. 1, Science for Education Today. – № 6. – С. 62–79.
6. Солдатова, Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире, Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71–80.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М: Прогресс, 1990. – 368 с.
8. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени Детства. – М.: Флинта, 1997. – 160 с.
9. Hatzigianni M. Transforming early childhood experiences with digital technologies // Global studies of childhood. – 2018. – Vol. 8 (2). – P. 173–183.

УДК 130.2:008:930

УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОБЛЕМА В ОСМЫСЛЕНИИ Н. С. ТРУБЕЦКОГО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Целик Т. В., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tselik.t.v@mail.ru

Введение. Длящийся военный конфликт на территории Украины, свидетелями которого мы являемся, продолжает вызывать общественные дискуссии уже не столько о причинах, которые его спровоцировали, сколько о возможном преодолении глубочайшего мировоззренческого и ценностного разрыва с бывшими согражданами и носителями в еще недавнем прошлом общей культурной идентичности после завершения СВО. С конца перестройки украинский национализм прокладывал себе дорогу через противопоставление украинской и русской культур. О целенаправленной политике деруссификации и декоммунизации на Украине, которая является официальной в масштабах страны, где основной задачей выступает слом исторической памяти нескольких поколений граждан через фальсификацию истории и насаждение бандеровской идеологии, написано уже достаточно много, в том числе мною.

Но проблема отрыва украинской культуры от общерусской не является новой. Она возникала и существовала, начиная с идеологии украинофильства XIX в., разгоралась в молодой Советской стране, когда в

рамках политики «коренизации» 20-х годов на Украине проводилась украинизация. В это же время о судьбах русской культуры и процессах украинизации рассуждали, находясь в эмиграции, русские философы-евразийцы.

В этой связи, нам думается, что при анализе не только современной украинской русофобии, ее истоков, но и более масштабного явления «культуры отмены» всего русского культурного наследия на Западе как проявления острого цивилизационного конфликта, особый интерес может представлять работа философа русского зарубежья Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме» [1], опубликованная в 1927 г. в Париже (сборник «Евразийский современник»).

Таким образом, **целью** доклада является: 1) анализ статьи Н. С. Трубецкого о соотношении русской и украинской культур в цивилизационном измерении, как его понимал русский философ-евразиец; 2) осмысление *последствий* разрыва культурного единства, о которых предупреждал в этой работе Н. С. Трубецкой, обозначая существующую проблему-угрозу уже в названии текста: «К украинской проблеме».

Основная часть. Н. С. Трубецкой, в силу обстоятельств ставший эмигрантом, оставался в интеллектуальной среде русских мыслителей, которые думали о судьбе России и русской культуры, входил в круг русских евразийцев, именно его считают одним из основных идеологов этого течения. Его смело можно назвать культурологом в самом широком смысле, т. к. круг его профессиональных интересов – это русская лингвистика, история, этнография, философия. Теоретические рассуждения и обобщения Н. С. Трубецкого в области культуры носят фундаментальный характер именно потому, что опираются на глубокое знание фактического материала и сравнительный анализ. В статье «К украинской проблеме» подняты ряд проблем теоретического порядка: соотношение элитарной и народной культуры, связь творческой интеллигенции с «этническим» и этнографическим началами, их взаимовлияние, культурные заимствования как фактор развития цивилизации, пагубность культурного изоляционизма и другие аспекты функционирования культуры.

Первые параграфы статьи Н. С. Трубецкого посвящены становлению русской культуры Нового времени, где сравниваются аутентичная допетровская и послепетровская (европеизированная) эпохи, рассматривается значение западнорусского (украинского) влияния не только на реформирование Церкви, но и на все аспекты культурной жизни Российской империи XVIII в. Мыслитель анализирует историю становления двух «редакций» общерусской культуры, которые складывались на основе общности древнерусской истории, единого церковно-славянского языка, но со временем приобретали отличные самобытные черты в силу исторических обстоятельств послемонгольского периода и польско-литовской экспансии. А далее Н. С. Трубецкой обоснованно доказывает, что «на рубеже XVII и

XVIII веков произошла украинизация великорусской духовной культуры. Различие между западнорусской и московской редакциями русской культуры было упразднено путем искоренения московской редакции, и русская культура стала едина» [1]. При этом «эта культура стала ни специфически великоросской, ни специфически украинской, а общерусской» [1], – утверждает философ, и она, будучи украинской по своему происхождению, масштабировалась благодаря великорусской государственности. Имеется ввиду деятельность «ученой дружины» Петра I, т. е. тех выходцев из Киево-Могилянской академии, которые способствовали европеизации русской жизни времен Петра: «украинизация оказывается мостом к европеизации» [1]. Другой стороной этого культурного взаимовлияния было то, что «украинская культура как бы переехала из захудалого уездного городка в столицу» [1]. Действительно, историческим фактом является то, что выходцы из Малороссии были активными создателями Российской империи на всех уровнях существования государства, включая канцлеров А. А. Безбородько и В. П. Кочубея. К этому времени Россия «сама стала претендовать на то, чтобы быть одной из важнейших частей Европы» [1], –и, как мы знаем, в XIX – начале XX вв. русская культура существенно влияла на европейскую своими достижениями в науке, литературе, образцами высокого искусства.

А далее были революционные события февраля и октября 1917 г., последующая гражданская война, которые разрушили цивилизационное единство Российской империи, где разрастающийся романтический культурный национализм в бывших национальных окраинах получили новый импульс, превращаясь в политический. Попытки менять культурный код русской городской культуры на Украине были предприняты деятелями сначала Центральной рады, а потом УНР. Самые яркие описания культурных трансформаций в Киеве этого времени сохранены в произведениях М. А. Булгакова и К. Г. Паустовского.

Но история сделала еще один шаг – революция и гражданская война в России закончились установлением диктатуры пролетариата и идеологическими спорами о пролетарской культуре, ее отношении к прошлому культурному наследию. На Украине национал-большевики, проводя украинизацию, по большому счету реализовывали программу УНР. Но программой или манифестом отрыва от русской культуры принято считать публицистику Мыколы Хвылевого (псевдоним Н. Г. Фитилева), его памфлеты, опубликованные в ходе литературной дискуссии 20-х годов о пролетарской культуре, где прозвучал лозунг «Прочь от Москвы!».

Именно эти явления и дискуссии, как нам думается, были дополнительным фактором анализа проблемы украинской культуры для Н. С. Трубецкого. Он моделирует ситуацию, предлагая представить, что должно произойти, если всю эту общерусскую культуру на территории Украины заменить «новосозданной» украинской культурой. Его ответ-

прогноз звучит пророчески и зловеще, и это практически описание ситуации в политическом и культурном поле современной Украины: «Они (адепты новой культуры – *Т. Ц.*) наложат на нее свою печать – печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия... Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попрания собственных национальных святынь. Ибо если украинцы не будут ненавидеть все русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры» [1].

Заключение. Экстраполируя ответ-вывод Н. С. Трубецкого в нашу современную ситуацию, становится более понятной закономерная русофобия культурной политики Украины. А перспектива ухода от «провинциального тщеславия» и преодоления мировоззренческого разрыва с украинским социумом заключается в восстановлении цивилизационного единства двух «редакций» общерусской культуры, как считал мыслитель.

Исследование проводилось в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

Список литературы

1. Трубецкой Н. С. К украинской проблеме / Текст электронный https://ru.wikisource.org/wiki/К_украинской_проблеме_(Трубецкой). (дата обращения 01.10.25.).

УДК 130.3

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ИДЕНТИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Чикаева Т. А., канд. филос. наук, доц., ORCID 0000-0002-0895-5173
УВО «Московский художественно-промышленный институт», г. Москва, РФ
umoi@rambler.ru

Введение. Идентичность, то есть представление о себе как о носителе определённых качеств и моделей поведения, является значимым фактором при постановке и решения социокультурных, политических и иных вопросов тактического и стратегического характера. Идентичность является

критерием разделения социальных субъектов на группы, фактором выбора базовых ценностей и методов их сбережения для социальных субъектов всех типов. В этой связи актуальным является вопрос о том, что может служить основанием идентичности, то есть по отношению к чему возможно разграничение социальных субъектов на своих и чужих.

Цель настоящего исследования является обоснование того, что такими основаниями могут быть Родина и Отечество, и каковы особенности соответствующей идентификации

Основная часть. Понимание Родины как духовной субстанции, истока прочих объектов, наделяющего социального субъекта качеством особенности, а Отечества как духовно-социального объекта, благодаря которому реализуются модели организации и развития социального бытия, приводит исследователей к выводу о том, что Родины и Отечество способны быть основаниями для идентификации социального субъекта. К такому выводу приходят мыслители в начале XX века, его также поддерживают современные российские и зарубежные исследователи. Так О. В. Рябов понимает Родину как основание идентичности и катализатор поведения людей [3, с. 128]. Е. В. Плисов указывает что понятие «Родина» является ключевым концептом, играющим особую роль в выражении культурно-национального самосознания народа и его идентификации. Данный вывод делается на основе лингвистического анализа иностранных языков [2, с. 111]. Теоретические выводы подтверждаются эмпирическими данными. Так, социологические исследования показывают, что Родина, воспринимаемая через свои образы, «является единственной весомой духовной основой, способной консолидировать… российское общество [1, с.128].

Родина, выполняя материнскую функцию, объективно предопределяет, обуславливает особые свойства и характеристики социального субъекта, является предпосылкой объединения их в единое, но многообразное, целое, которое называется «Мы». Соответственно Родина – это объективное основание идентификации или самоидентификации. Идентичность человека по основанию Родины определяется рождением и вхождением в лоно Отечественной культуры, то есть данная идентичность является объективной и безусловной [4, с. 95-96]. Даже, если человек вынужден оставить страну, где родился, он сохраняет связь с Родиной, что подтверждают примеры эмигрантов.

Социальный субъект осознаёт свою идентичность с Родиной, обращаясь к её образам. Они могут быть различными, связанными с разными объектами: родными и близкими людьми, природой, произведениями искусства, государством. Человек находит то, что связывает его с Родиной самостоятельно, отличая Родину как духовный исток своего бытия от государства как политического органа. Самоидентификация по основанию Родины является естественной и безусловной. После того, как социальный субъект осознал сущность Родины, его связь с ней приобретает прочный и осознанный характер.

Идентификация по основанию Отечества в целом схожа с идентификацией по основанию Родины. Вместе с тем, она имеет ряд особенностей, ключевой из которых состоит в том, что требует активности социального субъекта в самом процессе идентификации. Отечество - духовно-социальный объект, соединение Родины и активности социальных субъектов по организации и управлению совместным бытием. Без таковой активности, без желания принять такую идентичность человеком или социальной группы, нет возможности её проведения. Отечество связывается с образом Отца, выполняя соответствующую функцию, оно является указателем на цель упорядочивания социального бытия.

В отличие идентификации по основанию Родины, идентификация по основанию Отечества носит условный характер. Это проявляется в том, что она связана с осознанным выбором социального субъекта, а, следовательно, может отрицаться [3, с.114]. Данный тезис означает то, что, если связь человека с Родиной полностью объективна, вне зависимости от его действий и намерений, характеристики социального субъекта как представителя определённого типа культуры определены Родиной, то связь с Отечеством иная. Социальный субъект, которым является человек принимает самостоятельно решение о том, будет ли он идентифицировать себя с Отечеством или нет. Это проявляется в его согласии связать себя со структурами и механизмами управления совместным бытием или в отсутствии такого согласия. В отличие от Родины, которая может быть только одна, хотя и приобретать разные формы проявления в действительность, социальный субъект может обрести второе Отечество. Оно будет там, где он сможет, используя свой творческий потенциал, принять участие в управлении, а также сохранить и передать наследие, полученное от предков, потомкам. Если возможности участия в управлении совместным бытием нет, если у социального субъекта отсутствует возможность влиять на то, как будет сберегаться и дополняться полученное наследие, какими методами и средствами оно будет передаваться потомкам, то будет отсутствовать и идентификация по основанию Отечества. Проблема заключается в том, что в этом случае у социального субъекта будет отсутствовать его Отечество. Таким образом, социально-политическая обстановка может оказывать влияние на возможность самоидентификации человека по основанию Отечества. Но главную роль в успешности данного процесса играет сам социальный субъект, его понимание сущности Отечества, отграничение его от государства, способность действовать на благо совместного бытия.

Ключевой характеристикой идентичности по основанию Родины или Отечества является связь с культурой, приоритет активной, творческой позиции, нацеленной на сохранение духовного наследия и его умножение своим трудом. В этой связи данная идентичность преодолевает недостатки иных идентичностей, так как позволяет создать единое целое из различных социальных субъектов.

Заключение. Родина и Отечество справедливо рассматриваются в качестве оснований идентичности. Такая идентичность способна преодолеть социальные, политические, экономические и иные разногласия. Соответствующая самоидентификация требует от социального субъекта хорошего знания сущности Родины и Отечества, а также активной жизненной позиции, реализации своего творческого потенциала по управлению бытием. Способствовать этому может налаженная система патриотического воспитания и просветительская работа в области социальной философии

Список литературы

1. Гузенина, С. В. Образ Родины в матрице коллективной российской идентичности / С. В. Гузенина // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – Т. 11, № 1. – С. 126-131. – EDN VOOLTF.
2. Плисов, Е. В. Концептуализация родины в немецком языке (на примере лексемы Vaterland в корпусе письменной речи) / Е. В. Плисов // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация, Москва, 20 апреля 2018 года. – М.: МХПИ, 2018. – С. 111-116. – EDN XSTJPN.
3. Рябов, О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. / О В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. - 202 с.
4. Чикаева, Т. А. Родина. Патриотизм (социально-философское исследование) / Т. А. Чикаева; Московский художественно-промышленный институт. – М.: МХПИ, 2019. – 129 с. – ISBN 978-5-9908535-8-4. – EDN VXXDUE.

УДК 174.7:001.895

ЭТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ

Чугрина О.Р., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0006-0828-3801
Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Донецк, РФ
oksana_chygrina7@mail.ru

Введение. В эпоху цифровой трансформации, с повсеместным внедрением инноваций и ростом этических рисков (большие данные, ИИ, автоматизация), возрастает значимость этической ответственности управленческого персонала, требующей баланса между технологическим прогрессом и этическими принципами. Как отмечают исследователи, «происходит трансформация жизненного мира, где вопросы этики все более подчиняются взвешиванию и согласованию интересов, приобретая экономическое и правовое измерение» [1, с. 85]. Актуальность изучения

этической ответственности управленцев, принимающих инновационные решения, обусловлена необходимостью предотвращения злоупотреблений, дискриминации и подрыва доверия, а также разработки механизмов этического регулирования на всех этапах инновационного процесса, ориентированных на благо организации и общества.

Целью данного исследования является анализ существующих проблем и вызовов, связанных с этической ответственностью управленческого персонала в условиях внедрения инноваций, а также разработка практических рекомендаций по формированию эффективной системы этического регулирования в этой сфере.

Основная часть. В контексте внедрения инноваций руководители выступают ключевыми агентами в формировании этических стандартов организации, определяя траекторию ответственного и безопасного применения новых технологий. Их этическая ответственность охватывает защиту интересов всех заинтересованных сторон, а также превентивное управление потенциальными негативными социально-экономическими последствиями [2; 3].

Достижение баланса между коммерческими целями и общественными интересами, основанное на принципах справедливости и долгосрочной перспективы, является приоритетной задачей. Прозрачность инновационных процессов, подразумевающая информирование и развитие персонала, наряду с проактивным управлением рисками конфиденциальности и неэтичного применения технологий, формируют основу для успешного их внедрения.

Формирование этически ориентированной корпоративной культуры через нормативные документы, обучение и механизмы обратной связи способствует устойчивому развитию и укреплению доверия. При этом в прикладной управленческой этике толерантность выступает ключевой компетенцией, коррелирующей с доброжелательностью, эмпатией и коммуникативной гибкостью, позволяя управленцу эффективно строить диалог, предотвращать конфликты и формировать инклюзивную среду. Таким образом, толерантность становится неотъемлемой частью «этического капитала» руководителя, предопределяя его долгосрочную эффективность и устойчивость в профессиональной деятельности [4].

В современных условиях компаниям, ориентированным на устойчивое развитие и социальную ответственность, необходимо разрабатывать стратегии внедрения инноваций, интегрирующие этические принципы. Ключевым элементом такой стратегии является проведение всестороннего этического анализа, оценивающего социальные, экономические и экологические последствия внедряемых технологий, а также прогнозирование их влияния на различные заинтересованные стороны. На основе анализа разрабатываются этические стандарты и регламенты, регулирующие использование данных и ограничивающие

применение новых технологий, что минимизирует риски злоупотреблений и ущерба репутации.

Важным аспектом является инвестирование в развитие этической компетентности персонала, включающее обучение и формирование культуры, ориентированной на моральные принципы в процессе принятия решений. Для обеспечения эффективности стратегии необходимы механизмы мониторинга и обратной связи, позволяющие своевременно корректировать подходы и обеспечивать соответствие внедряемых инноваций этическим требованиям. В дополнение к этому, компании должны активно взаимодействовать с общественностью и экспертным сообществом для учета различных точек зрения и обеспечения легитимности инновационных решений.

Внедрение инноваций представляет собой комплексную задачу, требующую обоснованного принятия решений и эффективного управления рисками, с учетом экономических, технических, социальных и этических аспектов. Процесс начинается с анализа целей инноваций и их соответствия стратегическим приоритетам организации, с акцентом на оценку ценности, создаваемой для организации и общества в целом.

Критически важным этапом является тщательный анализ потенциальных последствий, включающий оценку финансовых, трудовых и репутационных рисков, а также рисков, связанных с конфиденциальностью, кибербезопасностью и нормативным соответствием. Для выявления слабых мест и разработки превентивных мер целесообразно применение инструментов стратегического анализа и сценарного планирования.

Эффективное управление инновациями также предполагает вовлечение заинтересованных сторон в процесс обсуждения, что способствует выявлению потенциальных угроз и повышению уровня доверия, а также внедрение систем мониторинга и контроля для отслеживания хода реализации проектов и оперативного реагирования на возникающие проблемы. При этом, соблюдение принципов равенства, инклюзивности и экологической устойчивости должно являться неотъемлемым элементом принятия решений, обеспечивающим этически ответственное внедрение инноваций.

Заключение. Внедрение инноваций, особенно в условиях цифровой трансформации, значительно повышает эффективность управления, но сопряжено с новыми этическими вызовами и рисками, требующими особого внимания к этическим аспектам, наравне с технологическими и экономическими. Управленческий персонал играет ключевую роль в социально ответственном применении инноваций, что требует не только соблюдения формальных правил, но и формирования проактивной этической позиции: предвидения рисков, открытого диалога, прозрачности и защиты интересов всех сторон, а также развития соответствующих мышления и навыков. Эффективное управление этическими аспектами

инноваций достигается через интегрированную систему этического регулирования (кодексы, этическая оценка, развитие корпоративной культуры), что повышает доверие между государством, бизнесом и обществом, минимизирует инновационные риски и обеспечивает устойчивое развитие в условиях цифровой трансформации.

Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации НИОКТР 124012900540-2).

Список литературы

1. Девятова С.В., Казарян В.П. Проблема ценностно-этических ориентиров в цифровом обществе // Социально-политические науки. – 2021. – №1(11). – С. 83-88. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-1-83-88
2. Чугрина О.Р. Этические аспекты управленческой деятельности в условиях современного менеджмента // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конф. (19-20 ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 412-415.
3. Чугрина О.Р. Ценностные ориентации управленческой деятельности в эпоху социальных трансформаций / О.Р. Чугрина, Е.В. Белгородцева // Психология человека и общества. – 2024. – №9 (73). – С. 100-105.
4. Этический капитал: новая парадигма роста бизнеса. – URL: https://www.yandex.ru/search/?text=fastercapital.com›ru%2Fcontent+этический+капитал&lr=142&src=suggest_Pers (дата обращения: 08.06

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Личность в жизненных ситуациях: развитие и становление

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Ангелина Э.А., канд. филос. наук. доц., ORCID 0009-0006-8450-6122,
Демура Е.К.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
adjon@yandex.ru

Введение. Проблемам психологического здоровья посвящено большое количество трудов специалистов психологов. На личность постоянно воздействует комплекс неблагоприятных факторов, влияющих на возникновение и развитие стресса, а значит, способствующих повышению угрозы нарушения здоровья. Если человек не может справиться с напряжением адекватными ситуации и собственным ресурсам способами, то это ожидаемо может привести к нарушению адаптации и к эмоциональному истощению. Психоэмоциональное напряжение нарушает психологическое здоровье личности [2]. Психологическое здоровье предполагает и психологическое благополучие личности [6].

Степень разработанности проблемы. А.А. Скорынин психологическое благополучие понимает, как состояние личности, в котором выделяет осознаваемый и неосознаваемый уровни [3]. М.Р. Асадуллин определяет психологическое благополучие как удовлетворенность собой, включающую позитивные эмоции и уверенность в себе [1]. По мнению Д.Н. Слабкой, «эмоциональная стабильность, коммуникабельность и саморегуляция оказывают значительное влияние на формирование психологического благополучия. В свою очередь, психологическое благополучие может оказывать влияние на социально-психологические характеристики личности, благодаря чему повышается адаптация к социальной среде и повышается уровень удовлетворенности жизнью» [4, с. 190]. А.О. Широкоступова считает, что, чем более человек эмоционально устойчив, тем легче ему справляться с трудными ситуациями и тем выше у него уровень психологического благополучия [5]. Указанные факторы психологического благополучия относят к личностным ресурсам личности.

Основная часть. Под личностными ресурсами мы понимаем такие характеристики личности, как саморегуляция, жизнестойкость, удовлетворённость жизнью, копинг-стратегии, оказывающие влияние на

психологическое благополучие личности. Под психологическим благополучием мы понимаем состояние устойчивости, активное и целенаправленное стремление к осмысленной жизни.

Цель исследования – изучить специфику личностных ресурсов у лиц с разным уровнем психологического благополучия.

В выборку вошли 60 человек в возрасте от 20 до 40 лет. Методики исследования: опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой, опросник жизнестойкости С. Мадди, тест «Индекс жизненной удовлетворенности» (ИЖУ) Б.С. Неугартена (адаптация Н.В. Паниной), опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана.

В ходе исследования были получены следующие результаты. У большинства респондентов преобладают высокий (47%) и средний (43%) уровни психологического благополучия и его компонентов. У 10% опрошенных отмечен низкий уровень психологического благополучия.

У респондентов с высоким и средним уровнем психологического благополучия больше, чем у респондентов с низким уровнем, развита регуляторная автономность ($p \leq 0,05$). У лиц с высоким и средним уровнем психологического благополучия более, чем у лиц с низким уровнем, развит процесс целеполагания и удержания целей, сформированность осознанного планирования деятельности, более адекватная оценка себя и результатов своей деятельности ($p \leq 0,01$). У лиц с высоким и средним уровнем психологического благополучия более высокий общий уровень саморегуляции, чем у лиц с низким уровнем ($p \leq 0,01$).

Более активно реагируют на происходящие события, ощущают контроль над своей жизнью, готовы к риску и имеют высокий уровень жизнестойкости ($p \leq 0,01$) лица с высоким и средним уровнем психологического благополучия. Лица с низким уровнем психологического благополучия пассивны, сомневаются в себе, жалеют о прошлом. Уровень их жизнестойкости низкий ($p \leq 0,01$).

Для лиц с высоким, средним и низким уровнем психологического благополучия характерны: позитивный фон настроения, умеренная адаптированность. Для лиц с низким уровнем психологического благополучия помимо указанных особенностей характерно неверие в свои силы, неуверенность в правильности поставленных целей и в возможности их осуществления ($p \leq 0,01$).

Для лиц с высоким и средним уровнем психологического благополучия характерно использование проблемно-ориентированных копингов: планирование решения проблемы и положительная переоценка ($p \leq 0,01$). Они пытаются активно решить проблему, изменить ситуацию или изменить свои собственные действия, чтобы справиться с проблемой. Для лиц с низким уровнем психологического благополучия характерен эмоционально-ориентированный копинг – дистанцирование, что говорит о стратегии

преодоления негативных переживаний не за счет решения самой проблемы, а за счет уменьшения эмоционального стресса, который она вызывает ($p \leq 0,01$).

Заключение. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в практической деятельности психолога в различных областях психологической практики. Можно предложить разработку развивающих тренингов с использованием коррекционных программ по развитию личностных ресурсов с целью достижения более высокого уровня психологического благополучия личности.

Список литературы

1. Асадуллин, М. Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека / М. Р. Асадуллин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11. – № 6А. – С. 228-240. – DOI: 10.34670/AR.2023.78.44.025.
2. Клименко, Т. С. Особенности профессионального выгорания врачей-онкологов / Т. С. Клименко // Креативная хирургия и онкология. 2023;13(2):119-124. – URL: https://doi.org/10.24060/2076-3093-2023-2-n9-124 (дата обращения 20.08.2025.).
3. Скорынин, А. А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности / А. А. Скорынин // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – С. 90-97. – DOI 10.24411/2712-827X2020-10210. EDN NEUYQO.
4. Слабкая, Д. Н. Соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности / Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – Т. 13. – № 2А. – С. 189-196.
5. Широкоступова, А. О. Эмоциональная устойчивость как психологический феномен / А. О. Широкоступова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2016. – № 4. – С. 45-52.
6. Шмойлова, Н. А. Психологическое благополучие личности и его связь с отношением к здоровью / Шмойлова Н. А. – Текст : электронный // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 7-8 апреля 2022 г.). – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 115-117. – URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/115849 (дата обращения 20.08.2025).

УДК 159.9

ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Ангелина Э.А., канд. филос. наук. доц., ORCID 0009-0006-8450-6122
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
adjon@yandex.ru

Исследованием копинг-стратегий ученые стали заниматься в начале XX века. Исследователи совладающее поведение рассматривают как механизмы психологической защиты и копинг-стратегии личности.

Понятие «психологическая защита» ввел в психологию З. Фрейд и рассматривал его как механизм, который направлен на снижение напряжения и тревоги в ситуации конфликта с целью сохранения целостности и адаптации личности. Данный процесс бессознателен и непроизволен.

Термин «копинг» (совладание, справление) впервые употребил Л. Мэрфи. Он установил взаимосвязь между копинг-поведением и индивидуально-типологическими особенностями человека. Также указывалась взаимосвязь копинг-стратегий, личностных особенностей и прошлого опыта преодоления стресса. В процессе копинга ученый выделил две составляющие: когнитивный и поведенческий аспекты. Изучением совладающего поведения, в частности, копинг-стратегий личности занимался и Р. Лазарус. По мнению ученого, в процессе взаимодействия человека со средой в ситуации стресса большую роль играет когнитивная оценка стрессовой ситуации и эмоциональное отношение к ней [2]. При столкновении со стрессовой ситуацией человек анализирует ее сложность и/или опасность, а потом пытается с ней совладать, используя те или иные копинг-стратегии. Р. Лазарус понимает копинг как желание человека разрешить проблемную ситуацию, используя при этом привычные для него формы адаптации для сохранения психологического, социального и/или физического благополучия. Р. Лазарус разработал модель копинг-механизмов: копинг-стратегии, копинг-ресурсы и копинг-поведение. Под копинг-стратегиями ученый понимал реакцию человека на стресс-фактор с тем, чтобы ее разрешить или минимизировать. Копинг-ресурсы он считает относительно устойчивыми, цель которых – поддержание психологической устойчивости человека в процессе совладания со стрессом [2]. Р. Лазарус выделил два типа копинг-стратегий: проблемно-ориентированный (активный) и эмоционально-ориентированный (пассивный) типы. Другие ученые выделяют оценочно-фокусированный копинг, проблемно-фокусированный и эмоционально-фокусированный копинг. Оценочно-фокусированный копинг относят к когнитивному копингу, проблемно-фокусированный – к поведенческому и эмоционально-фокусированный – к эмоциональному копингу. Чтобы успешно адаптироваться к стрессовой ситуации и преодолеть ее, нужно иметь в репертуаре своего поведения три вида копинга [2]. К адаптивным стратегиям относят решение проблемы и поиск социальной поддержки, к малоадаптивным – бегство-избегание.

Основными формами адаптации человека к стрессовым ситуациям являются совладающее поведение и механизмы психологической защиты. Психологическая защита отличается пассивностью и неэффективностью, а копинг-механизмы предполагают активность и эффективность. Копинг-стратегии способствуют активному преобразованию проблемной ситуации и указывает на то, что, копинг может, как повышать процесс адаптации личности (конструктивный копинг), так и снижать процесс адаптации

(деструктивный копинг) [2]. Вместе с тем, C.S. Carver и M.F. Scheier [5] считают копинг-стратегии, направленные на активное решение возникшей проблемы, конструктивными. При этом, авторы настаивают, что некоторые деструктивные копинги («дистанцирование» и «бегство-избегание») в ряде случаев могут помочь человеку легче адаптироваться к проблемной для него ситуации. В то же время, Р. Лазарус указывает, что процессы психологической защиты направлены на сглаживание переживания человеком проблемной ситуации. Копинг-стратегии всегда сознательны, личность может ими управлять и выбирать их в зависимости от ситуации, в то время как механизмы психологической защиты не осознаются человеком и при частом проявлении могут привести к дезадаптации. По мнению Е.А. Сергиенко, копинг-стратегии, механизмы психологической защиты и контроль поведения можно объединить в единую систему адаптации человека к стрессу [3]. Г. Фрейденбергер копинг-стратегии делил по критерию эффективности, в связи с чем выделял продуктивный тип копинга, включающий когнитивную оценку и оптимизм, и непродуктивный вид копинга, включающий бегство-избегание. Отдельно ученый выделяет копинг-стратегию «поиск социальной поддержки» и не относит ее ни к одному из типов, потому что считает эту стратегию эффективной и неэффективной одновременно. Все зависит от контекста актуальной ситуации [4].

Если говорить конструктивности/неконструктивности копинг-стратегий, то необходимо сказать, самыми неконструктивными копинг-стратегиями являются бегство-избегание и самообвинение, неверие в собственные силы; конструктивными – преобразование ситуации или ее переоценку. Однозначно нельзя истолковать копинг-стратегию конфронтации. С одной стороны, конфронтация не способствует преодолению стрессовой ситуации, а, напротив, усугубляет ее за счет открытого противостояния и отсутствия рациональной обоснованности своих поступков. С другой стороны, конфронтация может рассматриваться как активное преодоление и противостояние стресс-факторам. В случае, если личность не может справиться с возникшей проблемой, применяя неконструктивные копинги, она прибегает к механизмам психологической защиты, не осознавая этого. Механизмы психологической защиты помогают личности пассивно адаптироваться к стресс-факторам. Эти защитные механизмы специалисты называют ригидными, так как они приводят к дезадаптации человека в стрессовой ситуации и являются препятствием на пути преодоления стресса. Отсюда можно заключить, что механизмы психологической защиты и копинг-стратегии функционируют на основе одних и тех же эго-состояний.

Таким образом, копинг-стратегии и механизмы психологической защиты составляют суть совладающего поведения. Специалисты разграничивают понятия копинга и механизмов психологической защиты.

Под копингом ученые подразумевают процесс, который предполагает наличие цели, гибкость, приоритетность при выборе копинг-стратегии при совладании в стрессовой ситуации. Психологическая защита – это пассивная форма поведения, которая искажает реальность ситуации. Таким образом, можно говорить, что механизмы психологической защиты неосознаваемы и не поддаются сознательному контролю, а копинг – всегда осознанный процесс выбора альтернатив для преодоления проблемной ситуации. Главный смысл совладающего поведения состоит в преодолении стресса и/или снижение его негативного влияния на психику человека. Поэтому, по мнению Л.И. Анцыферовой, совладающее поведение – это, прежде всего, сознательное целенаправленное поведение, которое помогает личности справиться с проблемной ситуацией, используя средства и методы сообразно своим личностным особенностям и которые адекватны актуальной ситуации [1]. Совладающее поведение – это осознанная саморегуляция поведения, которая оказывает влияние на актуальную для человека ситуацию.

Таким образом, копинг-стратегии – это средства адаптации к стрессовой, проблемной ситуации, поведенческая реакция на стресс-факторы. Психологические механизмы защиты – это средства, при помощи которых человек защищается от внутренних и внешних напряжений. Под совладающим поведением понимают осознанное поведение, которое поможет человеку справиться со стресс-факторами при помощи стратегий, которые адекватны его индивидуально-личностным особенностям и актуальной ситуации. Защитно-совладающее поведение – это поведение, которое направлено на приспособление человека к обстоятельствам и предполагающее умение использовать определенные средства для преодоления стрессовой ситуации.

Список литературы

1. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психол. журн. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 3-18.
2. Лазарус, Р. Психологический стресс и копинг-процессы / Р. Лазарус. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Медицина, 2000. – 466 с.
3. Сергиенко, Е. А. Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни: регуляция поведения / Е. А. Сергиенко // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. – Москва–Ставрополь : Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007б. – С. 256–274. – ISBN 5-9596-0377-4.
4. Фрейденбергер, Г. Копинг-компетенции / Г. Фрейденбергер // Теория на практике, 2004. – С. 53-54.
5. Carver, C. S. Control Processes and Self-Organization as Complementary Principles Underlying Behavior / C. S. Carver, M. F. Scheier // Personality and Social Psychology Review. – 2002. – Vol. 6. – № 4. – P. 304-315.

УДК 159.9

МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД

Андрюшкова Н.П., ORCHID 0000-0001-7531-1098
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
andruchkova@rambler.ru

Изучение личностных ресурсов преодоления психологического кризиса является важным для обеспечения благосостояния личности. Рост стрессовых ситуаций, вызванных социально-экономическими изменениями, кризисными и травматическими событиями, а также межличностными конфликтами, обуславливает запрос на эффективные подходы для преодоления кризисных состояний. Особенно остро эта проблема предстает перед специалистами, которые работают с различными группами населения, перед организациями, занимающимися профилактикой кризисных состояний и реабилитацией пострадавших. Знание проявления личностных ресурсов в кризисных ситуациях, их взаимодействия с социальными и контекстуальными факторами имеет большое значение для разработки систем поддержки, программ психологической помощи и профилактических мероприятий.

Психологический кризис – сложное многофакторное явление, которое возникает, когда человек не может эффективно адаптироваться к важным жизненным изменениям или стрессовым ситуациям. Такое состояние рассматривается как результат дисбаланса между требованиями среды и личностными ресурсами человека, что приводит к временной потере психологического равновесия. Признаки психологического кризиса проявляются в эмоциональной (тревога, депрессия, отчаяние), когнитивной (негативные мысли, трудности с принятием решений), поведенческой сфере (социальная изоляция, избегание, снижение мотивации), а также на физиологическом уровне (усталость, нарушения сна, психосоматические симптомы) [2–4].

Следует обозначить основные признаки психологического кризиса: неопределенность относительно будущего, что приводит к чувству неконтролируемости и тревоги; переломный момент, после которого личность претерпевает значительные изменения; необходимость переосмысления, а часто и отвержения старых взглядов на жизнь; сильное эмоциональное воздействие, толчок к глубоким личностным переживаниям; мобилизация внутренних и внешних ресурсов.

Таким образом, в целостном смысле психологический кризис может быть определен как процесс, охватывающий переживание значительной психологической дестабилизации в результате воздействия значимых

жизненных событий, которые требуют от человека больших усилий для адаптации и поиска новых стратегий выживания. Кризис отмечается глубокими внутренними изменениями, которые могут привести к расстройствам в привычном образе жизни, эмоциональном состоянии и поведении, проявляться в виде тревоги, депрессии, потери мотивации. Впрочем, он также способен стимулировать осмысление и переоценку личностных ценностей и жизненных целей, способствовать росту и развитию личности [1,4].

Современными подходами к преодолению психологического кризиса являются, в частности, системный и ресурсный. Системный подход позволяет рассматривать кризис в контексте социальных связей и культурных норм, в то время как ресурсный подход фокусируется на мобилизации внутренних ресурсов человека. Объединение этих подходов позволяет определить процесс преодоления кризиса как адаптивный процесс, включающий активацию эмоциональных, когнитивных и поведенческих ресурсов человека вместе с поддержкой социальной среды (семьи, друзей, учреждений и т. д.). Психологический кризис является не только внутрипсихическим процессом, но и следствием взаимодействия индивида с его социальной, культурной, экономической и физической средой.

Важно понимать, что эффективное преодоление кризиса зависит от комплексного взаимодействия личностных, социальных, ситуационных, физических, биологических ресурсов.

1. К личностным ресурсам относятся эмоциональная устойчивость (способность регулировать эмоции в стрессовых ситуациях), когнитивная гибкость (способность быстро адаптироваться к изменениям и находить новые стратегии решения проблем), самоконтроль (способность воздерживаться от импульсивных действий и принимать рациональные решения), положительная самооценка и самоподдержка (вера в собственные возможности и способность поддерживать себя психологически), социальная компетентность (навыки эффективного взаимодействия с другими и поиска поддержки).

2. Социальные ресурсы охватывают социальную поддержку (эмоциональная и практическая поддержка от семьи, друзей, коллег, доступ к группам поддержки), социальные связи (вовлеченность в сообщества, активное взаимодействие с близкими), благоприятные социальные нормы (поощряющие здоровые способы реагирования на кризис и поиск помощи).

3. Ситуационные ресурсы охватывают продолжительность и интенсивность кризиса, степень контроля или предсказуемости ситуации, доступ к внешней поддержке, медицинской или психологической помощи.

4. Физические и биологические ресурсы (общее состояние здоровья, физическая выносливость, функционирование нервной системы, отсутствие вредных привычек) повышают общую сопротивляемость организма

стрессу. Демографические характеристики (возраст, пол, уровень образования и социально-экономический статус, семейное положение и место жительства), при условии их изучения, предоставляют целостное представление о преодолении кризиса.

Психологический кризис представляет собой серьезное испытание для личности, характеризующееся временным нарушением психологического равновесия, которое вызвано интенсивными жизненными изменениями или стрессовыми событиями. Анализ теоретических данных и проведенных исследований показывает, что успешное преодоление кризиса зависит от целого комплекса факторов: личностных ресурсов, социальных условий, экономических обстоятельств и индивидуального опыта человека. Каждый ресурс обладает уникальной функцией и механизмом воздействия на личность в кризисной ситуации. Только сочетание различных ресурсов создает оптимальные условия для полноценного преодоления кризиса.

Список литературы

1. Карпинский, К. В. Смысл жизни и ресурсы его реализации: к пониманию механизмов личностного кризиса / К. В. Карпинский // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – №. 4. – С. 3-33.
2. Badecka, P. The Possibilities OF Transcultural Positive Psychotherapy in Supporting the Development of Post-Traumatic Growth (PTG). The Global Psychotherapist. – 023. – Vol. 3. – No. 1. – P. 98–103.
3. Dafermos, M. Discussing the concept of crisis in cultural-historical activity research: a dialectical perspective. Human arenas. – 2024. – No. 7. – P. 273–292.
4. Investigation of the relationship between coping with the disease and affecting cognitive, physical, and psychosocial factors in people with multiple sclerosis / O. Sagici et al. Archives of clinical neuropsychology. – 2024. – Vol. 39. – No. 5. – P. 586–593.

УДК 17.022.1: 316.613

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМНОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ, НРАВСТВЕННЫХ И ДУХОВНЫХ СМЫСЛОВ

Бажутина С.Б., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0000-5467-1350
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
bajuta19@xmail.ru

Изучение смыслов и ценностей социального, духовного и нравственного содержания в психологии, как отечественной, так и зарубежной, началось достаточно давно, о чем свидетельствуют работы целой плеяды выдающихся ученых Б.С. Братуся, Л.И. Божович,

Л.С. Выготского, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, А. Маслоу, С.Л. Рубинштейна, В. Франкла и многих-многих других.

В нашем исследовании мы исходили из разведения понятий: «знак», «значение», «личностный смысл», следуя логике рассуждений Г. Фреге, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. В обозначенных структурах смыслов под «социальными смыслами» понимали все, что неразрывно связывает «человека и общество», историю развития и существования самого общества и факторы взросления ребенка [2, с. 7], интегрировав это содержательное многообразие смыслов в смыслы, указывающие на овладение человеком основными видами активности, деятельностью и общением, другими видами социальной активности (компьютерное общение и т.п.), выбираемыми человеком.

«Нравственные смыслы» как смыслы, сигнализирующие о «соблюдении требований морали» (Толковый словарь Ушакова) определись через дифференциацию содержательно разного отношения к человеку, принятие категорий «совести», «чести», «достоинства», «власти» и т.п. Наконец, под «духовными смыслами» подразумевали знание и соблюдение человеком основных религиозных заповедей, исполнение требований на «жить по-Божески», «по Совести», достижения им «высшей формы развития нравственности», «единства души и духа, духовной реальности, которая задает меру человеческого в человеке» [3, с. 132]. Как видим, эти три группы смыслов фактически знаменуют появление «человека разумного».

Заметим, однако, что такое структурирование выделенных смысловых структур достаточно условное, вместе с тем разница между характером освоения социальных, нравственных и духовных смыслов важна, так как она свидетельствует о степени взросления людей, уровня развития их личности, выраженности в индивидах человеческого начала.

Наши многочисленные исследования ценностно-смысловой сферы, проводимые уже более 20-ти лет, показали, что осваиваемые людьми смыслы, действительно обретают у конкретных испытуемых индивидуальную форму систематизации через разные связи содержания разных категорий смысловых структур. За счет этого не только может меняться толкование человеком какого-либо либо вербального знака из социальной, нравственной или духовной области, но и, в целом, его представления о роли этих важных составляющих в модели мира и жизни человека в нем.

Так, в нашем последнем исследовании (306 чел.) выделились группы: тех, кто структурировал смыслы, согласно нормативному пониманию дихотомического конструкта «добро/зло», тех, кто серьезно изменил содержание полюсов дихотомии и тех, кто никак не дифференцировал содержание и не выражал к нему своего эмоционального отношения [1].

Смыслы из трех структур распределились по этим группам следующим образом.

Первая: доминировали нравственные смыслы с большим процентом положительных выборов (14 понятий, в том числе «уважительное отношение к человеку»), дальше был отдан выбор социальным понятиям (9 понятий, среди них «созидательный труд»), из духовных было выбрано 6). В третьей группе положительных выборов, практически по всем понятиям было на 20% меньше, но всегда чуть больше 50%: нравственных – 8 категорий, социальных – 7, среди них не оказалось «созидательного труда», выборы носили часто эгоистически-гедонистическую направленность. В группе доминировали смыслы: «преумножения материальных ценностей», «мое детство», «мама», «стремление все вокруг сделать красивым и гармоничным», «физические удовольствия».

Во второй группе положительные выборы (больше 50%) респонденты сделали только нескольким категориям: «зло», «насилие», «мое обычное состояние», «компьютерные игры, путешествия по сети», «воля, саморегуляция своего поведения».

Интересно, что при этом содержание отдельных знаков в группах также толковалось по-разному. Покажем это на примере категории «моя совесть». В первой группе она дала шесть положительных корреляционных связей: с «созидательным трудом», «уважительным отношением к человеку», «менталитетом россиян их культурой», «волей и саморегуляцией поведения», «умением слушать и слышать другого», «оптимистическим отношением к своему будущему и будущему своей страны».

В третьей группе было только четыре положительные корреляции»: с «профессинальной карьерой», «мамой», «добром» и «злом». Как видим, эти испытуемые не наполняли совесть нравственным содержанием, а использовали ее как регулятор своего карьерного роста.

Во второй группе выделилось три подгруппы по характеру толкования совести. Первая, это те, кто принимал и «добро», и «зло». У них выделилось три положительные корреляции с «честью и достоинством», «насилием над человеком» и «служением делу процветания Родины и народа». У этих респондентов совесть выполняла защитную функцию, оправдывая насилие, используемое для борьбы за чаяния народа, что повышало их честь и достоинство.

Во второй подгруппе, тех, кто отвергал и «добро», и «зло» совесть положительно была связана только с «физическими удовольствиями», она также работала в качестве защитного механизма, видимо, объясняя субъекту, что все его деяния – для получения удовольствий.

В третьей подгруппе, тех, кто отвергал «добро» и принимал «зло» положительные корреляции были с «духовно-нравственными ценностями», «честью и достоинством», с «волей», а также со знаками: «мой ребенок» и «мое детство». Эти данные указывают на то, что испытуемые данной

подгруппы осознают нравственный смысл совести, однако связывают ее действие исключительно только со своим детством и воспитанием своего ребенка.

Таким образом, содержательные системы социальных, нравственных и духовных смыслов оказалась принципиально разными у людей с разными подходами к структурированию смысловой модели мира, и при этом у них одни и те же знаки-слова наполнялись очень непохожим содержанием, подчас крайне далеким от общепринятого значения используемого слова. Сознание отдельных людей может очень сильно деформировать реальную картину мира, создавать ее искривленные модели.

Список литературы

1. Бажутина, С. Б. Варианты духовно-нравственных ориентиров современного человека (проблемы диагностики) / С. Б. Бажутина // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы II Международной научно-практической конференции (9–10 декабря 2021 года) / Южный федеральный университет; под общ. ред. А.В. Черной. – Ростов н/Д; Таганрог: Foundation, 2021. – С. 384-394.
2. Борзых, С. В. Социальные смыслы; монография / С. В. Борзых; Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2020. – 123 с. – ISBN 978-5-16-005149-9.
3. Симонишвили, Е. Н. Феномен духовности в русской философии / Е. Н. Симонишвили // Вестник МГТУ, 2008. – Т. 11. – №1. – С.132-137.

УДК 159.99

СПЕЦИФИКА КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ ОФИЦЕРОВ

Великанова Е.В., канд. псих. наук, доц., ORCID 0000-0002-1274-2226
ФГКВОУВО «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны»,
г. Ярославль, РФ
elena-lapkina@inbox.ru

Введение. Понятие «трудная жизненная ситуация» трактуется большинством авторов как проблема, нарушающая обыденный ход функционирования личности. Одной из важных черт трудной жизненной ситуации является невозможность решить проблему привычным для личности способом. Трудные жизненные ситуации можно определять как состояния, которые возникают как результат непосредственного влияния на личность стрессовых факторов, так и ожидание негативных или волнующих событий. Осухова Н.Г. обращает внимание на тот факт, что трудная жизненная ситуация вызывается, как правило внешними и внутренними

факторами и приводит к нарушению адаптации, что провоцирует фрустрацию удовлетворения базовых потребностей личности [1].

Большинство авторов указывают следующие особенности трудных жизненных ситуаций:

– появляются как результат встречи человека с новыми условиями, нарушающими привычный ход жизни;

– являются неотъемлемой и естественной составляющей процесса социализации;

– вызывают высокий или относительно высокий уровень психического и физического напряжения, являются своеобразной «проверкой» адаптивных ресурсов личности;

– мотивируют на применение копинг-стратегий;

– несут угрозу для стандартного поведения личности, но обогащают личный опыт личности и опыт преодоления трудных жизненных ситуаций.

Таким образом, трудные жизненные ситуации являются неотъемлемой частью взрослого онтогенеза, и успешность их преодоления зависит от гибкости и адаптивности копинг-стратегий личности [2]. Большинство авторов указывают на то, что копинг изменяется с возрастом. Изменения происходят как на осознаваемом уровне совладающего поведения, так и на уровне бессознательной психики (психологической защиты личности).

Целью данной статьи является выявление стратегий преодоления стресса офицерами разных возрастных групп.

Основная часть. Проведено эмпирическое исследование копинг-поведения офицеров. В исследовании приняли участие 25 человек в возрасте от 23 до 49 лет. Для выявления специфики реагирования на стресс офицеров разного возраста, испытуемые были разделены на две группы – до 35 лет и после. Испытуемые распределились следующим образом: 15 офицеров вошли в группу «молодого возраста», а 10 – в старшую группу.

Исследование заключалось в применении теста Э. Хейма, для выявления ведущих копинг-стратегий респондентов. Тест выявляет особенности когнитивного, эмоционального и поведенческого копингов, каждый из которых оценивается по степени адаптивности.

Рассмотрим копинг-стратегии офицеров возрастной группы до 35 лет.

Среди когнитивных копингов преобладают такие адаптивные копинги как «проблемный анализ», «сохранение самообладания» и «диссумяция» *(самоубеждение в том, что в целом не всё так плохо).* Среди относительно адаптивных стратегий можно выделить «придача смысла» *(как убеждение себя в том, что, преодолевая трудности, человек самосовершенствуется)* и «относительность» *(сравнение собственных трудностей с проблемами других людей*). Неадаптивные когнитивные копинги отсутствуют.

Среди эмоциональных копингов полное первенство принадлежит стратегии «оптимизм» – обнаружен более чем у 80% респондентов.

Стратегия выражается в абсолютной уверенности респондентов в том, что из любой трудной ситуации есть выход. Обнаружены неадаптивные копинги – «подавление эмоций» и «самообвинение». Наличие в копинг-профиле подобных стратегий не говорит о дезадаптации личности, поскольку, во-первых, основные стратегии эмоционального стиля совладания всегда дополняются дополнительными, а во-вторых, помимо эмоционального копинга у человека могут присутствовать адаптивные когнитивные и поведенческие стратегии.

Наличие неадаптивных стратегий совладания не является личностной догмой – копинг-поведение, как прижизненная характеристика, может претерпевать существенные изменения с жизненным опытом личности, развитием рефлексивности.

Поведенческие копинг-стратегии «молодой группы» отличаются разнообразием – офицеры чаще использую такие адаптивные стратегии как «сотрудничество» (*активное взаимодействие со значимыми людьми для преодоления трудностей*) и «обращение» (*поиск людей, способных помочь советом*). Трое офицеров указали на относительно адаптивную стратегию «отвлечение» как *погружение в любимое дело с целью забыть о трудностях*.

Когнитивные копинги офицеров «старшей» группы схожи с копинг-профилем офицеров до 35 лет. Ведущими являются адаптивные копинги «проблемный анализ» и «сохранение самообладания». Присутствуют и относительно адаптивные копинги: «относительность», «придача смысла» и «религиозность» как убежденность в том, что *если что-то случится, то так угодно Богу*.

Полное единодушие обнаруживается в копинг-стратегии эмоционального совладания «оптимизм» в группе офицеров после 35 лет. Стратегия *демонстрирует уверенность в благоприятном исходе любой трудной жизненной ситуации, убежденность в собственных возможностях решить любую проблему*. Бесспорно, данная стратегия является адаптивной.

В группе «старшего» возраста наиболее используемой является стратегия «сотрудничество». На втором месте находится «альтруизм» как *стремление помогать другим людям для того, чтобы отвлечься от собственных трудностей*. Автором указывается адаптивность данной стратегии.

Обобщая результаты отметим, что копинг-поведение офицеров обеих возрастных групп имеет общие черты: они склонны использовать ***адаптивные*** стратегии когнитивного, эмоционального и поведенческого совладания: оптимизм, проблемный анализ, сохранение самообладания, диссимуляция, сотрудничество, отвлечение. Среди **относительно адаптивных** стратегий выявлены – придача смысла, относительность, отвлечение. Указание неадаптивных копингов заняло всего 8% от всего

числа ответов респондентов, они сочетаются с адаптивными и относительно адаптивными стратегиями.

Различия между группами заключаются в том, что офицеры старшей группы чаще используют именно адаптивные стратегии, в основном это казалось таких копингов, как «оптимизм», «альтруизм», «сотрудничество».

Список литературы

1. Осухова, Н. Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Г. Осухова. – 2-е изд., испр. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – 288 с. – ISBN 5-7695-3718-3.
2. Тарасова, Н. В. Проблема формирования копинг-стратегий по преодолению трудных жизненных ситуаций в студенческом возрасте / Н.В. Тарасова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2023. – Т. 13. – № 4. – С. 212-228. – DOI 10.21869/2223-151X-2023-13-4-212-228. – EDN IMKPQI.

УДК 005.32:159.942.5

СКЛОННОСТЬ К РАЗЛИЧНЫМ ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЯМ У МЕНЕДЖЕРОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Гаврилова Е.В., ORCID 0009-0008-6528-6982
Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Донецк, РФ
19soul@mail.ru

Управленческие процессы, как и все остальные сферы жизнедеятельности человека, непременно должны учитывать новые вызовы и реалии. К этим новым вызовам можно отнести хрупкость, нелинейность, непостижимость, приводящие к повышенной тревожности людей и страх сделать неправильный выбор в такой ситуации.

Работа в таких сложных нелинейных турбулентных условиях диктует необходимость формирования у менеджеров определённых компетенций: уметь критически оценивать поступающую информацию; не бояться перемен и легко адаптироваться к изменившимся обстоятельствам; понимать и контролировать свои эмоциональные проявления; применять кооперативную форму взаимодействия с другими людьми, основанную на взаимоуважении и доверии [1].

Менеджер – это личность с определённой акцентуацией характера, особенностями нервной системы, характерным локусом контроля.

Локус контроля менеджера характеризует его восприятие того, на ком или на чём лежит ответственность за собственные успехи и неудачи. Интерналы полагают, что их личностные качества, способности, уровень интеллекта, профессиональные навыки приводят к успеху или к неудачам. Экстерналы же перекладывают ответственность на внешние условия, поведение других людей, случайности, роковые обстоятельства.

Изучая взаимосвязь локуса контроля с копинг-стратегиями у руководителей, О. В. Кроповницкий пришёл к выводу, что высокий уровень внутреннего локус контроля (интернальность) способствует выбору руководителями в стрессовых ситуациях таких копинг-стратегий, как «планирование решения проблемы, положительная переоценка и проблемно ориентированный копинг» [2]. Внешний же локус контроля (экстернальность) чаще приводит к использованию эмоционально-ориентированного копинга, а также дистанцирования и избегания.

Акцентуации характера – это заострение одних черт характера в ущерб другим, что создаёт проблемы в общении, нарушает социальную адаптацию, мешает справляться со сложными жизненными ситуациями.

Большое количество неблагоприятных факторов, действующих на работу менеджеров, приводит к появлению у них таких эмоциональных состояний, как аффект, стресс, фрустрация. Фрустрация – это отрицательное эмоциональное переживание, которое возникает, когда у человека есть сильное желание достичь определённую цель, но непреодолимые, с его точки зрения, препятствия мешают ему это сделать. Аффективное состояние выражается в постепенно нарастающем эмоциональном напряжении.

На стрессогенность управленческой деятельности обращали внимание многие авторы. Выделяют два типа стресса: эустресс, как приспособление к новой ситуации, и дистресс, как реакцию на такие воздействия, которые превосходят приспособительные возможности человека.

Целью данной статьи является проанализировать, менеджеры с какими личностными особенностями больше склонны к тем или иным эмоциональным состояниям.

Фрустрации в большей степени подвержены эмоциональные натуры, с повышенной возбудимостью, не закаленные в жизненных трудностях, избалованные, люди с недостатком волевых качеств. По темпераменту это скорее всего, меланхолики, слабовольные, пасующие перед трудностями, неуверенные в себе, не умеющие преодолевать препятствия. По акцентуациям характера, это прежде всего застревающий тип, которого выводят из равновесия любые препятствия на пути к достижению его честолюбивых целей; демонстративный тип, если не получает желаемого, признания заслуг, должного внимания, если мир не крутится вокруг его персоны; тревожный тип, проявляющий в сложных ситуациях беспокойство

по поводу возможных неудач, дезадаптивное поведение в кризисных ситуациях.

К аффектам склонны люди с неуравновешенной нервной системой, истеричные, возбудимые, с плохим контролем над эмоциональной сферой. Это прежде всего, менеджеры с возбудимым типом акцентуации характера, вспыльчивые, с трудом контролирующие свои эмоциональные всплески. В кризисных ситуациях они могут реагировать агрессивно, часто действуют необдуманно, легко выходят из себя даже из-за незначительных раздражителей.

Менеджеры с экзальтированным типом акцентуации характера склонны накручивать себя эмоционально, преувеличивать размеры неудач, паниковать в сложных ситуациях. Неуравновешенной нервной системой обладают холерики и меланхолики, но аффективное состояние холериков чаще направлено на других людей, а меланхолики больше склонны драматизировать ситуацию и остро переживать её внутри.

Протекание стресса, его влияние на работоспособность и общее состояние во многом зависят от типологических свойств нервной системы менеджера. Это подтверждает и исследование А. С. Зёлко [3], в котором было выявлено, что менеджеры со слабой нервной системой в стрессовых ситуациях проявляют повышенную тревожность, растерянность, озабоченность, неуверенность. Они не в состоянии принимать самостоятельные, адекватные управленческие решения и нуждаются в помощи окружающих.

Низкая стрессоустойчивость наблюдается у людей с неуравновешенной нервной системой, эмоциональных и впечатлительных. По темпераменту это холерики (в силу цикличности в переживаниях и большой реактивности они бурно реагируют на все воздействия, склонны к нервным срывам, гневу, раздражительности) и меланхолики (из-за повышенной чувствительности везде ищут поводы для опасений, обладают низкой сопротивляемостью к стрессу); по акцентуации характера – тревожный тип (повышенная возбудимость нервной системы приводит к пугливости, мнительности, ранимости) и экзальтированный тип (большая интенсивность нарастания эмоциональных реакций способствует появлению страха, паники, тревоги).

Итак, каждое эмоциональное состояние имеет свою специфику, поэтому личностные особенности менеджеров будут определять с какими состояниями им сложнее всего справиться и какие приёмы лучше использовать для эффективной саморегуляции.

Список литературы

1. Проказина, Н. В. Управление в условиях неопределенности: новые подходы к развитию управленческой культуры / Н. В. Проказина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – № 5. – С. 80-97. – ISSN 2071-2367. – Текст : электронный // Лань :

электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/370370 (дата обращения: 05.08.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
2. Кроповницкий, О. В. Взаимосвязь копинг-стратегий, локуса контроля и мотивации достижения у руководителей / О. В. Кроповницкий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № 4. – С. 541-549. – ISSN 2078-7898. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/310525 (дата обращения: 05.08.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
3. Зёлко, А. С. Проблема детерминации психологического стресса у руководителей / А. С. Зёлко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2009. – № 11. – С. 103-106. – ISSN 2223-2095. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/288644 (дата обращения: 05.08.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Голышева Н.В., ORCID 0009-0007-4208-4256
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
golysheva-nadya@mail.ru

Введение. Для современного студента важны такие качества, как способность к саморазвитию, самореализации, саморегуляции, стрессоустойчивость. Студенты обладают соответствующими ресурсами и большим потенциалом для формирования данных качеств. Однако на начальном этапе и в процессе обучения могут обостряться многие противоречия, провоцирующие разнообразные проблемы личности. Поэтому, на наш взгляд, нельзя оставлять без внимания учебный стресс, на который влияют следующие факторы: большой массив информации для усвоения, нарушения режима труда и отдыха, различные формы контроля, среди которых особое место занимают экзамены. Преодолевать сложности студенческой жизни помогает стрессоустойчивость.

Цель нашего исследования*:* изучить особенности стрессоустойчивости студентов-психологов на разных этапах профессиональной подготовки.

Основная часть. В нашем исследовании приняли участие студенты ДонГУ, 1-4 курс, специальности «Психология». 28 студентов младших курсов: 15 студентов 1 курса и 13 студентов 2 курса. 25 студентов старших курсов, среди которых 14 студентов 3 курса и 11 студентов 4 курса. Возраст испытуемых составил 18-21 год.

В исследовании мы использовали следующий психодиагностический инструментарий: методика «Стрессоустойчивость в учебной деятельности» А.А. Андреевой; методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д.С. Эндлера и др.; тест «Анализ стиля жизни» Л.Х. Миллера, А.Д. Смита; методика «Тест жизнестойкости» С. Мадди.

По результатам методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана установлено, что студенты младших и старших курсов активно используют все стратегии совладания со стрессом: проблемно-ориентированный копинг, эмоционально-ориентированный копинг, копинг на избегание. Однако сравнительный анализ результатов проведенный с помощью t-критерия Стьюдента показал, что существуют значимые различия по шкале проблемно-ориентированный копинг ($t_{эмп.}$= -2,0180; $p \leq 0,05$). Что может свидетельствовать о том, что студенты старших курсов в отличие от студентов младших курсов чаще стремятся к поиску дополнительной информации и переоценке сложившейся проблемной ситуации. Направляют силы на решение, избегая импульсивных действий. Проблемы, с которыми сталкиваются учащиеся старших курсов актуальны, но в тоже время уже не вызывают у них столько переживаний. Студентам младших и старших курсов свойственно первоначально снижать психологическое и физическое напряжение в себе и только после искать пути решения проблемы. Все опрашиваемые прибегают время от времени к стратегии отвлечения от проблем. Это означает, что нередко они стараются не думать о проблеме в надежде на ее разрешение без их личного участия.

По результатам методики «Анализ стиля жизни» Л.Х. Миллера, А.Д. Смита выявлено, что у испытуемых из обеих групп преобладает средний уровень стресса. Это свидетельствует о том, что стрессовые ситуации оказывают влияние на их жизнь и студенты им не очень сильно сопротивляются. Статистически значимых различий по результатам данной методики не обнаружено.

По результатам методики «Стрессоустойчивость в учебной деятельности» А.А. Андреевой можно отметить, что лидирующее место среди всех показателей в обеих группах испытуемых занимает экзаменационный стресс, далее показатель отношения к учебе и на последнем месте учебный стресс. Сравнительный анализ проведенный с помощью t-критерия Стьюдента позволил выявить значимые различия по шкале отношение к учебе ($t_{эмп.}$= 2,1300; $p \leq 0,05$). Это может говорить о том, что у студентов старших курсов выработались определенные рабочие стратегии преодоления стресса, что младшим курсам еще только предстоит сделать. Во время учебы студенты младших курсов чаще переживают страх перед принятием решения, дискомфорт от внимания преподавателя и панику перед экзаменом. Учащиеся старших курсов позитивно относятся к учебе и переживают экзаменационные стрессы спокойнее чем студенты младших курсов, поскольку эти стрессы являются для них уже знакомыми.

Анализ результатов по методике «Тест жизнестойкости» С. Мадди показал, что в обеих группах испытуемых по шкалам вовлеченность, контроль и жизнестойкость все показатели ниже нормы. Сравнительный анализ результатов с помощью t-критерия Стьюдента показал наличие значимых различий по шкале вовлеченность ($t_{эмп}$= 2,013; $p \leq 0,05$). Студенты старших курсов в меньшей степени получают удовольствие от собственной деятельности, чаще испытывают неуверенность в себе, в отличие от студентов младших курсов.

Заключение. Таким образом, по итогам проведенного исследования можем отметить, что стрессовые ситуации оказывают значительное влияние на студентов старших и младших курсов. У всех студентов снижен интерес к собственной жизни и ощущение, что их действия на эту жизнь влияют в первую очередь, из-за чего присутствует внутреннее напряжение и стрессы воспринимаются значимыми. Всем опрошенным студентам свойственно дистанцирование от некоторых проблем и избегание решения, что может быть связано с особенностями возраста.

Студенты старших курсов чаще руководствуются проблемно-ориентированным копингом, то есть стремятся к переоценке сложившейся проблемной ситуации и поиску дополнительной информации о ней. Однако они в меньшей степени получают удовольствие от собственной деятельности, чаще испытывают неуверенность в себе, в отличие от студентов младших курсов. На данном этапе студенты младших курсов чаще отмечают за собой ухудшение самочувствия, нервозность и растерянность. А студенты старших курсов чаще переживают нормальное самочувствие, которое сопровождается хорошей концентрацией внимания и решительностью действий.

Список литературы

1. Тарасова, Н. В. Особенности формирования стрессоустойчивости в студенческой среде (результаты психологического исследования) / Н.В. Тарасова, Н.С. Тимофеев, В.В. Шамакина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т.12. – №2. – С. 154-169. – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1888417178/?page=1 (дата обращения: 28.09.2025).

УДК 159.922

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ ПОДРОСТКОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Евсеева Е.А., ORCID 0009-0000-8402-2407,
Ревенко С.П., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0005-8696-7048
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», г. Херсон, РФ
evseeva56.53@yandex.ru, sprevenko@yandex.ru

Цель данного исследования – определить психологические характеристики противоречий между подростками и их родителями, систематизировать классификацию конфликтных ситуаций, установить факторы и закономерности их развития, а также исследовать методы их предупреждения и урегулирования на основе современных научных данных.

Исследование научных источников демонстрирует, что эксперты классифицируют различные категории противоречий между подростками и родителями [7]:

1. противоречие нестабильности родительской позиции;
2. противоречие гиперпротекции;
3. противоречие ограничения самостоятельности;
4. противоречие родительского доминирования.

Специалисты подчеркивают, что критическими факторами формирования семейных противоречий выступают возрастные характеристики и социальные условия развития подростка, а также специфика внутрисемейной атмосферы [2]. Современные психологи выделяют основные поведенческие модели участников конфликта: кооперация, конкуренция, компромиссное решение, адаптация и уклонение, при этом наиболее продуктивной для преодоления разногласий признается модель кооперации [3].

Важность учета возрастных трансформаций и личностных изменений подростка отмечается многими исследователями [2]. Среди актуальных работ следует выделить исследования, посвященные роли воспитательных установок родителей [4], а также анализу современных сложностей в урегулировании конфликтных ситуаций с участием подростков [5].

Научные данные свидетельствуют о влиянии индивидуальных характеристик родителей, таких как: авторитарность, демонстративное поведение, эгоцентрические тенденции, недостаточная восприимчивость к эмоциональным проявлениям – на характер и интенсивность семейных разногласий [6]. Исследования показывают, что противоречия обостряются при недостаточном уровне эмпатических способностей и эмоциональной зрелости взрослых [1].

Психологические механизмы конфликтов в подростковом возрасте:

- возрастные факторы. Подростковый период характеризуется формированием идентичности и стремлением к автономии [2]. Подростки критически переосмысливают авторитеты и испытывают потребность в самоутверждении;

- родительские установки. Взрослые часто сохраняют контролирующую позицию, что противоречит потребности подростка в самостоятельности [4]. Личностные особенности родителей – авторитарность и низкая эмпатия усиливают конфликтность;

- коммуникативные барьеры. Различия в выражении эмоций и интерпретации событий приводят к взаимному непониманию и эскалации противоречий, что особенно выражено в подростково-родительских отношениях [3].

Классификация конфликтных ситуаций в подростковом возрасте:

- ценностные конфликты связаны с различиями в жизненных приоритетах, отношении к образованию и межличностным отношениям [7];

- поведенческие конфликты касаются режима дня, выбора друзей, внешнего вида и способов проведения досуга [5];

- конфликты проявляются в непонимании эмоциональных реакций и недостатке взаимной поддержки;

- конфликты автономии возникают при разногласиях относительно степени самостоятельности подростка [7].

На характер семейных противоречий в подростковом возрасте влияют следующие факторы:

- стиль воспитания. Авторитарные и попустительские подходы усиливают конфликтность, демократический стиль способствует гармонии [4];

- личностные факторы. Эмоциональная зрелость, рефлексия и коммуникативные навыки определяют способность к конструктивному разрешению противоречий [1];

- социокультурные влияния. Технологические изменения и медиакультура создают новые области межпоколенческих разногласий [5];

- система. Структура семьи, количество детей и экономические условия влияют на внутрисемейные отношения [7].

Эффективное управление семейными противоречиями требует комплексного подхода, включающего несколько направлений работы:

- развитие коммуникативных компетенций. Обучение активному слушанию, техникам выражения чувств и потребностей, навыкам ненасильственного общения способствует улучшению взаимопонимания [3];

- повышение родительской компетентности. Образовательные программы для родителей, направленные на понимание возрастных особенностей подростков и освоение эффективных воспитательных стратегий [4];

- формирование эмпатических способностей. Развитие способности понимать и принимать эмоциональное состояние другого человека является ключевым фактором снижения конфликтности [1];

- установление четких границ и правил. Совместная выработка семейных норм и правил, учитывающих потребности всех участников семейной системы [7].

Результаты. Психологические характеристики противоречий между подростками и родителями определяются комплексом возрастных кризисных явлений, специфики воспитательных методов родителей, а также семейной и социальной динамики. Наиболее эффективными в урегулировании разногласий признаются стратегии кооперации, развитие педагогической грамотности родителей и учет эмоциональных запросов подростка.

Выводы. Таким образом, профилактика конфликтных ситуаций предполагает системный подход и учет индивидуальных и типологических характеристик всех участников семейного взаимодействия. Современные реалии требуют постоянного обновления подходов к работе с семьей и учета новых факторов, влияющих на межпоколенческие отношения.

Список литературы

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология: Учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов // 6-е изд. – СПб.: Питер, 2016. – 528 с. – ISBN 978-5-496-01605-6.
2. Исаев, Е. И. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе / Е.И. Исаев. – Москва: Академический проект, 2020. – 544 с.
3. Каменская, В. Г. Психология конфликта. Психологическая защита и мотивации в структуре конфликта / В.Г. Каменская. – СПб.: Детство-Пресс, 2018. – 224 с.
4. Коваль, О.В. Психологические особенности детско-родительских отношений в семьях с подростками / О.В. Коваль // Психологические исследования. – 2021. – № 3(77). – С. 45-62.
5. Лялина, И. Н. Современные проблемы разрешения конфликтов в семье с подростками / И.Н. Лялина // Вестник психологии. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 78-89.
6. Сафуанов, Ф. С. Психология криминальной агрессии / Ф.С. Сафуанов. – Москва: Смысл, 2019. – 300 с.
7. Тарабаева, В. Б. Детско-родительские отношения в период подросткового кризиса / В.Б. Тарабаева // Семейная психология и семейная терапия. – 2018. – № 4. – С. 23-38.

УДК 159.923.3

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Есенова А.Ю., ORCID 0009-0001-6479-7149
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
esenova_anna@mail.ru

Введение. Тема жизнестойкости все чаще появляется в психолого-педагогических обзорах, актуальность ее изучения связана с необходимостью научного осмысления и практического использования этого конструкта как ключевого психологического ресурса для сохранения психического здоровья, обеспечения успешной посттравматической адаптации личности в условиях глобальных вызовов современности, связанных с военными действиями.

Наиболее сензитивным периодом для формирования этого качества является юношеский возраст, как время активного переосмысления жизни, формирования установок, целей и ценностей личности. Качество этих смысловых ориентиров непосредственно определяет способность человека справляться с трудностями. Тенденции развития юноши, с одной стороны, могут провоцировать негативные эмоциональные состояния (неуверенность, страх, тревога), а с другой – создают уникальные условия для развития жизнестойкости и новых установок. Важным фактором, влияющим на становление жизнестойкости, выступают смысложизненные ориентации личности.

Цель – изучить взаимосвязь жизнестойкости и смысложизненных ориентаций студентов.

Основная часть. Взаимосвязь жизнестойкости и смысложизненных ориентаций студентов содержательно исследована в работах Н. В. Андроновой, Ж. Г. Гараниной, Т. В. Корниловой, Д. О. Кулешовой и др. [1]. Анализ этих работ указывает на дихотомию теоретических подходов: одни авторы рассматривают жизнестойкость как комплекс когнитивно-эмоциональных реакций на стресс, в то время как другие критикуют эту позицию за недооценку социокультурного контекста, настаивая на выделении последнего в качестве самостоятельного компонента. Аналогичная полисемия характерна и для понятия «смысложизненные ориентации», которые интерпретируются либо как экзистенциальный конструкт, либо как система жизненных ценностей. Таким образом, проблема сохраняет свою актуальность, а научный поиск продолжается в области поиска консенсуса в определении жизнестойкости и факторов, на нее влияющих, взаимосвязей с личностными качествами.

Проанализируем исходные позиции. Жизнестойкость в трактовке С. Мадди есть мотивационный компонент личности, позволяющий выбирать эффективные копинг-стратегии. При этом ключевыми факторами ее формирования являются наследственность, стрессовые обстоятельства, социальная поддержка, установки и образ жизни. С. М. Коваски, П. Манд рассматривали данный феномен неразрывно от социокультурного и коммуникативного контекста, подчеркивая его связь с социальными потрясениями и личностными кризисами. Д. Кэлли, М. Мэтьюс акцентировали внимание на том, что жизнестойкость — это личностный конструкт, включающий убеждения в ценности жизни, уверенность в возможности ее контролировать и готовность к ее исследованию. Для жизнестойких людей характерны ориентация на будущее, позитивная оценка своих результатов и способность извлекать уроки из опыта.

В трудах отечественного психолога Д. А. Леонтьева заметна адаптация понятия жизнестойкости, под которым он понимал систему убеждений о себе, мире и взаимодействия с ним, рассматривая ее через призму концепции личностного потенциала, что далее развито в работах Л. А. Александровой, С. В. Книжникова. Кроме того, изучены взаимосвязи низкой жизнестойкости с повышенной виктимностью личности (М. А. Одинцова), жизнестойкость видится личностным ресурсом, способствующим развитию успешной адаптации, снижению влияния тревожности. Взаимосвязь жизнестойкости и СЖО (Т. В. Корнилова, Д. О. Кулешов, Ж. Г. Гаранина) объясняется ее их общей ролью в детерминации поведения: если смысложизненные ориентации задают вектор жизненного пути, то жизнестойкость отражает способность личности следовать по этому пути и достигать целей. Отдельные аспекты этой связи изучались в контексте гендерных различий (П. Мунд), взаимосвязи с другими личностными конструктами (Е. А. Чиханцова) и межпоколенческих различий.

В исследованиях можно проследить три основные направления понимания жизнестойкости: как специфической личностной характеристики, формирующейся в ответ на трудности; как личностного ресурса, необходимого для самореализации; как изначально присущей личности структуры — системы навыков и убеждений. Авторов объединяет мнение о том, что жизнестойкость представляет собой совокупность внутренних и внешних факторов, способствующих преодолению личностью трудностей.

Для понимания механизмов взаимодействия жизнестойкости и СЖО в период студенчества было проведено исследование на базе ФГБОУ «ДонГУ». В выборку вошли 46 студентов психологического, психолого-педагогического направлений подготовки, средний возраст которых составил 22 года.

С помощью сервисов онлайн-тестирования (https://psytests.org) испытуемым было предложено пройти самоисследование по двум

методикам: тест жизнестойкости (S.Maddi, D.Khoshaba, адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, 2006), тест «Смысложизненные ориентации» (J.Crumbaugh, L.Maholick, адаптация Д.А. Леонтьев, 1988). Результаты вторичной обработки результатов с помощью коэффициента корреляции К. Пирсона показали наличие множества плотных положительных достоверных взаимосвязей между основными показателями жизнестойкости и смысложизненных ориентаций ($p<0,01$).

Шкала «Осмысленность жизни» положительно высоко достоверно взаимосвязана с диспозицией жизнестойкости ($r=0,77$) и ее автономными компонентами «вовлеченности» ($r=0,68$), «контроля» ($r=0,72$), «принятия риска» ($r=0,53$). Иными словами, чем выше осведомлённость во многих аспектах жизни испытуемых, тем выше убежденность в значимости собственной вовлеченности в проживаемые события, удовольствие от собственной деятельности. Шкала «Результативности жизни» также достоверно положительно коррелирует с жизнестойкостью ($r=0,75$), «вовлеченностью» ($r=0,69$), «контролем» ($r=0,65$), «принятием риска» ($r=0,53$). Оценивая свой пройденный отрезок жизни как продуктивный, испытуемые присваивают себе вложенные усилия по достижению результата, чувствуют собственную вовлеченность, способности влиять на ход происходящих событий. Плотные положительные взаимосвязи между интернальным локусом контроля-Я и компонентами жизнестойкости ($r=0,70$; $r=0,58$; $r=0,72$; $r=0,44$ соответственно) указывают на готовность испытуемых-студентов активно действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности.

Средние баллы по жизнестойкости и ее компонентам, на наш взгляд, препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых. Высокие показатели среднего по принятию риска подтверждает стремление развиваться через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование в жизненном, профессиональном пространстве.

Заключение. Понимание жизнестойкости помогает студентам справляться с вызовами действительности, адаптироваться к изменениям в системе настоящих и будущих социальных, профессиональных выборов. Эмпирическое изучение жизнестойкости может способствовать разработке программ поддержки и профилактики, которые помогут студентам справляться с трудностями.

Список литературы

1. Логинова, М. В. Жизнестойкость личности студента как фактор ее успешной адаптации к условиям обучения в ВУЗе / М.В. Логинова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 6 (49). – С. 70-73.

УДК 159.99

ОБРАЗ СЧАСТЬЯ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Карапетова А.В., ORCID 0000-0003-2823-8670
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
alina.karapetowa@yandex.ru

Введение. Актуальность исследований «счастья» определяется современной спецификой организации общества (технологический прогресс, наличие противоположных мировоззренческих тенденций и др.), которая влияет на формирование идеальных представлений о собственной жизни, на определение ведущих целей жизни, а также отражаются в глубинных структурах человеческого сознания, индивидуальном мировоззрении и мировоззренческих универсалиях нашей культуры. «Счастье» как категория, соотносящаяся не только с чувством удовлетворенности жизнью, но и с целью, смыслом и идеалом жизни достаточно емко может определить те феномены действительности, к которым стремится современный человек. Следовательно, изучение представлений о счастье молодежи позволит нам определить основные тенденции при определении главных целей жизни, характерные для современных молодых людей, а также оценить степень трансформации традиционных для русской культуры представлений о счастье [1; 2].

Материалы и методы. Исследование образа счастья в сознании молодежи проводилось на базе Педагогического института ФГБОУ ВО «ИГУ». Целью исследования являлось определение структуры образа счастья в сознании молодежи. В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 234 студента в возрасте от 18 до 35 лет. Испытуемым предлагалось написать ассоциации, возникающие на стимул «счастье». Анализ данных осуществлялся с помощью контент-анализа и прототипического анализа по П. Вержесу [3].

Результаты исследования. В ходе исследования было получено 962 ассоциаций. Статистическому анализу были подвергнуты только те ассоциации, которые указали не менее 10% испытуемых. В итоге было проанализировано 376 ассоциаций. Все ассоциации в процессе контент-анализа были распределены по 9 категориям: Солнце, Любовь, Радость, Друзья, Здоровье, Спокойствие, Семья, Улыбка, Тепло. Далее рассмотрим структуру образа (по методике П. Вержеса) (табл.).

Представленные в таблице данные позволяют нам определить наиболее важные для понимания «счастья» сферы жизнедеятельности человека. Итак, в зону ядра, то есть наиболее устойчивых компонентов, вошли такие категории, как «любовь», «радость», «семья». Из них наиболее часто встречается категория «семья». Данное обстоятельство говорит нам о том, что переживание счастья современной молодежью тесно связано с

семьей (собственной или родительской). Следовательно, можно предположить, что контакты со своей семьей, родными людьми или создание собственной семьи являются главными приоритетами на пути достижения собственного счастья. Также, возможно, в представлениях молодежи наличие семьи является атрибутом счастья. Такие категории, как «любовь», «радость» отражают эмоционально-чувственный аспект состояния счастья. Скорее всего, именно через данные эмоции человек идентифицирует свое счастье.

Таблица

Структура представлений о счастье современной молодежи (частота; ранг)

Частота ассоциации	**Средний ранг ассоциации**	
	Низкий ранг ассоциации (< 2,66 среднего ранга)	**Высокий ранг ассоциации (≥ 2,66 среднего ранга)**
Высокая частота ассоциации (≥ 29 медианы частоты)	**Область I (зона ядра)**	**Область III (первая периферическая система)**
	Любовь (69; 2,39)	Друзья (29; 3,31)
	Радость (49; 1,78)	Спокойствие (38; 3,05)
	Семья (89; 2,31)	
Низкая частота ассоциации (< 29 медианы частоты)	**Область II (первая периферическая система)**	**Область IV (вторая периферическая система)**
	Тепло (28; 1,96)	Солнце (28; 2,86)
		Здоровье (23; 3,58)
		Улыбка (23; 2,71)

В области II и III, то есть в потенциальной для изменений периферической системе, оказались такие категории, как «тепло», «друзья», «спокойствие». Категорию «друзья» можно интерпретировать как круг людей, которые «примыкают» или тесно связаны с семьей, то есть молодежь стремиться к установлению близких, интимных связей с людьми не из семейного круга. Можно предположить, что эта категория людей создает ощущение семьи или выступает в качестве «заместителя» семейного круга, который может быть рядом с молодежью в моменты разлуки с семьей (например, при обучении в другом городе друзья могут выполнять данную функцию). Категории «тепло» и «спокойствие» дополняют перечень эмоциональных маркеров счастья. Скорее всего, «спокойствие» отражает стремление молодых людей к пребыванию в этом состоянии в современных условиях неопределенности.

Область IV, подвергающуюся внешним воздействиям, составляют категории «улыбка», «солнце», «здоровье». Присутствие категории «здоровье» говорит о значимости благополучия на витальном уровне, а «улыбку» можно рассматривать как проявление счастья на поведенческом уровне. Категория «солнце» отражает несколько аспектов представлений о счастье, заключенных в символическом значении солнца: эмоциональные характеристики счастья (чувство тепла, светлые чувства), жизненный потенциал (жизненная сила, активность, энергия, творчество, способность преодолевать трудности), акцент на внутренних факторах счастья

(личность, эго, самоощущение, самооценка), цикличность или переменчивость счастья (как восход и заход солнца), достижение гармонии (духовный рост, наличие смысла жизни). В итоге, можно заключить, что категории, наполняющие данную область отражают те компоненты образа счастья, которые вошли в структуру под влиянием внешних воздействий и не являются стабильными компонентами.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании достаточно однородного образа счастья среди современной молодежи: акцент на эмоциональных характеристиках или маркерах переживания состояния счастья, источниками или факторами счастья выступают связь с семьей и близким кругом общения, а также сам человек (солнце как символ «Я»); при этом пути или способы достижения счастья не представлены в структуре образа счастья.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно предположить о доминировании тенденции среди молодежи к пребыванию или созданию теплого, спокойного, наполненного положительным спектром эмоций пространства, включающего в себя особый, близкий круг людей. Данные стремления наиболее ярко высвечиваются на фоне нестабильности и неопределенности жизни современных условиях, а также наличии массовых, зачастую опосредованных социальными сетями коммуникаций. Интересно, что среди разнообразных вариантов счастья, предлагаемых как культурой, так и медиа [2], современная молодежь локализует свои представления о счастье вокруг семьи и друзей. Также стоит отметить и наличие такой тенденции к пониманию счастья как достаточно локализованного, то есть счастье в представлениях молодежи связано с такими уровнями жизнедеятельности человека (по В.А. Петровскому), как телесная жизнь («здоровье»), общение («семья», «друзья»), самосознание («солнце»). При этом мы не встречаем в структуре образа счастья ассоциации, относящиеся к уровню культурно-исторического процесса, то есть счастье в представлениях современных молодых людей не связано с человечеством в целом и глобальными процессами в жизни общества.

Список литературы

1. Воркачев, С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Сер. Лит. и яз. – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47-58. – EDN: QBPMOL.
2. Карапетова, А.В. Дискурсивные модели счастья / А.В. Карапетова // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Донецк, 05 декабря 2024); под общ. ред. А.В. Гордеевой, С.А. Вильдгрубе, Э.А. Ангелиной. – Донецк: ДонГУ, 2024. – С. 70-78. – EDN: IQTAKY.
3. Vergès, P. L’Evocation de l’argent: Une méthode pour la définition du noyaucentral d’une representation / P. Vergès // Bulletin de psychologie. – Tome XLV, 1992. – No. 405. – P. 203–209.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Картузова Н.А., ORCID 0009-0008-9117-8328
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kri-dae@mail.ru

Введение. Современные условия получения высшего образования и особенности организации учебной деятельности предъявляют к студентам высокие требования, связанные с необходимостью самоорганизации, устойчивости к стрессу, способности к адаптации и эффективному функционированию в условиях неопределённости. В этих условиях особую значимость приобретает развитие саморегуляции, как системы произвольного управления собственным поведением, психическим состоянием и деятельностью в целом [4]. Одним из факторов, существенно влияющих на успешность саморегуляции, является жизнестойкость, определяемая как интегративное личностное образование, включающее такие компоненты, как вовлеченность, контроль и принятие риска (С. Мадди) [1]. Жизнестойкие студенты демонстрируют способность к конструктивному преодолению трудностей, лучшую адаптацию к образовательной среде и устойчивость к фрустрирующим ситуациям [5]. Вместе с тем, механизмы, обеспечивающие успешную адаптацию студентов с разным уровнем жизнестойкости, остаются недостаточно изученными, в частности в контексте стилевых характеристик саморегуляции деятельности. В студенческом возрасте, который характеризуется активным процессом личностного развития и профессионального самоопределения, исследование стилевых особенностей саморегуляции у студентов с разным уровнем жизнестойкости представляет собой как теоретический, так и практический интерес. Такой подход способствует выявлению индивидуальных различий в стратегиях поведенческого самоуправления и позволяет определить ключевые направления для оказания психологической поддержки обучающимся.

Основная часть. Саморегуляция рассматривается как процесс постановки целей, планирования, программирования и оценки результатов деятельности. Стилевая саморегуляция отражает устойчивые способы осуществления этих процессов и зависит от индивидуальных психологических особенностей личности. По мнению В.И. Моросановой, стиль саморегуляции можно рассматривать как устойчивую индивидуальную систему взаимодействия регуляторных процессов, определяющую успешность адаптации к меняющимся условиям деятельности [2]. Ряд исследований указывает на то, что высокий уровень

жизнестойкости способствует более гибкой, осознанной и эффективной саморегуляции поведения (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова, В.А. Соломонов) [3]. Однако до настоящего времени в отечественной психологии недостаточно эмпирических данных, позволяющих судить о том, какие именно компоненты стилевой саморегуляции характерны для студентов с различным уровнем жизнестойкости.

Цель исследования: выявить стилевые особенности саморегуляции у студентов с различным уровнем жизнестойкости. Объект исследования: процесс саморегуляции поведения студентов. Предмет исследования: стилевые особенности саморегуляции у студентов с высоким и низким уровнем жизнестойкости. Гипотеза исследования: предполагается, что студенты с высоким уровнем жизнестойкости обладают более выраженной осознанной регуляцией поведения, высокой продуктивностью саморегуляции и гибкостью в выборе регуляторных стратегий.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 40 студентов 2-4 курсов гуманитарных направлений подготовки. Возраст участников – от 18 до 23 лет (средний возраст – 20,3 года). Для определения уровня жизнестойкости применялся опросник С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой. На основании полученных результатов испытуемые были разделены на две подгруппы: студенты с низким уровнем жизнестойкости (n = 18) и студенты с высоким уровнем жизнестойкости (n = 19). Оценка стилевой саморегуляции проводилась с использованием методики «Стиль саморегуляции поведения (ССП)», разработанной В. И. Моросановой.

Результаты и обсуждение. На рисунке представлен общий уровень саморегуляции студентов.

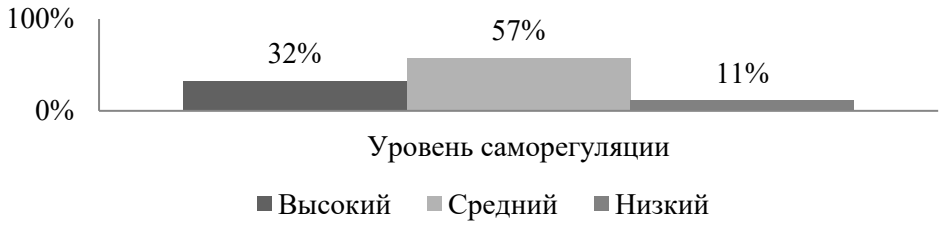

Рис. Данные по показателю общей саморегуляции студентов

При анализе общего уровня саморегуляции было установлено, что большинство студентов – 23 человека демонстрируют средний уровень развития данного качества. Это свидетельствует о том, что у них в достаточной степени сформированы основные умения саморегуляции, такие как планирование, моделирование, адаптация к меняющимся условиям и определённая степень самостоятельности.

Сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна–Уитни позволил выявить значимые различия (на 1% уровне) между подгруппами по большинству шкал методики ССП. Студенты с высоким уровнем жизнестойкости демонстрируют: высокую способность к планированию и программированию действий (Uэмп. = 20, $p \leq 0{,}01$); выраженную гибкость при переходе от одной регуляторной стратегии к другой (Uэмп = 27, $p \leq 0{,}01$); высокую оценку собственных результатов (Uэмп = 23, $p \leq 0{,}01$); более высокую общую продуктивность саморегуляции (Uэмп = 20, $p \leq 0{,}01$). Студенты с низким уровнем жизнестойкости, напротив, характеризуются: сниженной способностью к целеполаганию; низкой независимостью в принятии решений; ригидностью в регуляторных действиях и затруднённой корректировкой поведения в изменяющихся условиях.

Заключение. Результаты исследования подтвердили гипотезу о наличии значимых различий в стилях саморегуляции студентов с разным уровнем жизнестойкости. Студенты с высоким уровнем жизнестойкости более успешны в целеполагании, гибко адаптируются к изменениям и демонстрируют высокую продуктивность саморегуляции. Это свидетельствует о ресурсной функции жизнестойкости в процессе саморегуляции поведения. Полученные данные могут быть использованы в работе психологов образовательных организаций для разработки программ психологического сопровождения студентов, направленных на развитие жизнестойких установок и установления их роли в проявлении саморегуляции.

Список литературы

1. Гаранина, М. М. Феномен жизнестойкости: подходы к рассмотрению, перспективы изучения / М.М. Гаранина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – №12 (138). – С. 1-11. – DOI 10.23670/IRJ.2023.138.184.
2. Моросанова, В. И. Осознанная саморегуляция, школьная вовлеченность, качество преподавания как ресурсы субъективного благополучия и успеваемости обучающихся / В. И. Моросанова, Т. Г. Фомина, Е. В. Филиппова // Вестник Московского университета. – 2025. – №1. – С. 55–77. – DOI 10.11621/LPJ-25-03.
3. Соломонов, В. А. Анализ регуляторных и личностных ресурсов жизнестойкости субъектов с разным профессиональным опытом / В. А. Соломонов, Е. А. Фомина // Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения О.А. Конопкина). – 2021. – №1. – С. 215–221. – DOI 10.24412/cl-36466-2021-1-215-221.
4. Чернов, А. В. Особенности становления системы саморегуляции психических состояний в учебной деятельности студентов / А. В. Чернов, М. Г. Юсупов // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. – 2021. – №1. – С. 275–281. – DOI 10.24412/cl-36667-2021-1-275-281.
5. Шабанова, Т. Л. Исследование показателей жизнестойкости у студентов-первокурсников в период адаптации в вузе / Т. Л. Шабанова, К. В. Мурзина, Е. С. Сазикова // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №69-3. – С. 306–308.

УДК 159.923.2:159.97:616.89-008

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ С НАВЯЗЧИВЫМИ ГРЕЗАМИ

Левков А.Г., ORCID 0009-0002-0746-8717
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
Sasha.levkov.01@mail.ru

Согласно А. А. Бодалеву самосознание в большей мере соотносится с процессом самопознания, который в свою очередь рассматривается как сложный процесс восприятия личностью разнообразных образов, представлений о себе, формирующихся в соответствии с разными типами деятельности и разных ситуаций. То есть, результатом разных видов деятельности будет являться не только продукт этой деятельности, но и также представления о себе в соответствии с особенностями данной деятельности. К таким видам деятельности автор также относит и процесс коммуникации. Общение с другими людьми в данном случае также является источником представлений о себе и образов себя, которые в свою очередь рассматриваются в качестве единой интегральной структуры – «Я-образ» [4].

Похожая идея прослеживается в работах И. С. Кона с тем отличием, что им образ Я описывается как установочная система или система установок. Содержательная сторона этой точки зрения заключается в том, что постоянно усложняемые акты самосознания приводят к формированию образов, представлений о себе, которые затем интегрируются в понятие о самом себе. В результате этого процесса образ собственного Я приобретает новые оценки, неизменно изменяясь и усложняясь [5], что в результате приводит к становлению Я-концепции личности, которая, согласно К. Роджерсу, состоит из трех оценочных компонентов: эмоционального, поведенческого и когнитивного.

Данная работа нацелена на установление вероятных связей самосознания и компонентов Я-концепции с навязчивыми грезами – чрезмерной мечтательной деятельностью, которая заменяет собой межличностное взаимодействие и/или мешает учебной, профессиональной деятельности [2].

Изначально, авторы концепции навязчивых грез позиционируют их как одно из личностных расстройств. С точки зрения клинической психологии, это справедливо, поскольку одной из основных характеристик навязчивых грез выделяется склонность к диссоциации, проявляющаяся в различных формах: начиная от потребности «оторваться» от реального мира, заканчивая изменениями в структуре самовосприятия.

С другой стороны, навязчивые грезы можно рассматривать как форму аддиктивного поведения, в сущности которого заложена зависимость от переживаемых в процессе и результате фантазий эмоций. Это справедливо

из-за диссоциативного механизма, на основании которого, предположительно, эмоции и достижения в реальном мире обесцениваются, а образы и представления наоборот наполнены эмоциональным и смысловым значением для субъекта. Об этом также сообщает автор концепции E. Somer, характеризуя навязчивые грезы как «диссоциативную адаптацию к травме, которая может перейти в зависимость» [2].

В завершение, навязчивые грезы могут выступать в форме механизма психологической защиты. Наши ранние исследования дают возможность – это утверждать [6], особенно с учетом того, что практически все исследователи навязчивых грез так или иначе говорят об этой стороне проблемы (E. Somer, J. Bigelsen, S. Shupak и другие).

Навязчивые грезы, независимо от формы проявления, безусловно, оказывают влияние на личность, ее развитие и особенности функционирования в целом. Однако при этом сложно выделить прямое воздействие навязчивых грез на какой-либо аспект психической жизни человека из-за двойственной природы этого воздействия, в том лишь смысле, что существует сложность определения первичной переменной.

В рамках эмоциональной сферы выделяется еще одна важная особенность людей, склонных к навязчивым фантазиям – повышенный уровень депрессивности. Это подтверждается не только результатами наших исследований [6], но и также отмечалось в работах E. Somer, A. Colin, M.D. Ross, J. Ridgway и George B.S. [1]. Это связано с высокой эмоциональной зависимостью от грез. Образы фантазий позволяют испытывать и переживать эмоции и состояния: будь то потребность перенести эмоции, вызванные окружающим миром, либо же наоборот – вызвать определенные переживания, в которых существует необходимость. При этом, другой особенностью является повышенный уровень эмоционального реагирования на образы грез. Таким образом, они могут являться не только источником эмоциональных реакций, но и при этом катализатором, усиливающим их.

В рамках поведенческого компонента, в первую очередь, важно заметить характерную особенность, в той или иной мере свойственную людям с навязчивыми грезами – повторяющиеся, монотонные действия и движения. Такие движение призваны укреплять вовлеченность в процесс фантазирования, а также усиливать эмоциональные реакции, вызванные образами фантазий. И, хотя такие проявления действительно влекут за собой эмоциональное отреагирование и проживание чувств, в рамках этого компонента также выделяются нарушения сна, встречающиеся у людей с навязчивыми грезами. Процесс и содержание фантазий в некоторой степени могут быть для личности значимыми, в зависимости от формы проявления существуют и свои причины. Например, личность может прибегать к фантазированию перед сном, чтобы справиться со стрессом, если мы говорим о механизме защиты [3].

Что же касается когнитивного компонента, то все так же неоднозначно, как и в предыдущих. С одной стороны, навязчивые грезы предполагают включенность в мыслительный процесс, процесс воображения, хотя и характеризуются некоторой «пассивностью» протекания [2; 3]. В рамках этого компонента отмечаются высокий уровень детализации и продуманности фантазий, а также склонность с помощью этого создавать альтернативные воображаемые реальности. К этому же компоненту относятся трудности с концентрацией внимания. Несмотря на то, что длительная включенность в фантазии может представлять собой продолжительную концентрацию внимания на них – это не совсем так. Личность не может долго удерживать внимание на окружающих ее вещах, оно все время переключается на фантазии, что, в свою очередь, связано с формированием ценностного отношения к фантазиям или, наоборот, зацикленности на них.

Так, на основании имеющихся теоретических положений, а также ранее проведенных исследований, существует необходимость изучения взаимосвязи навязчивых грез и самосознания личности в их взаимовлиянии на уровне компонентов Я-концепции личности.

Список литературы

1. Colin, M. D. Maladaptive Daydreaming, Dissociation, and the Dissociative Disorders. Psych Res Clin Pract / M. D. Colin A. Ross, M. A. Jane Ridgway, B. S. Nevita George. – 2020. – P. 1–9.
2. Somer E. Maladaptive Daydreaming: A Qualitative Inquiry. Journal of Contemporary Pshychoterapy / E. Somer. – 2002. – P. 197–212.
3. Somer, E. Childhood antecedents and maintaining factors in maladaptive daydreaming / L. Somer, D. S. Jopp. – Nerv Ment Disease. – 2016. – 478 p.
4. Бодалев, А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев – Москва: Флинта: Наука, 1998. – 186 с.
5. Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И.С. Кон. – Москва: Политиздат, 1984. – 195 с.
6. Левков, А. Г. Взаимосвязь навязчивых грез и внутрисемейных конфликтов родительской семьи студентов / А.Г. Левков. «Новое в психолого-педагогических исследованиях. Теоретические и практические проблемы психологии и педагогики». – Москва: «Московский психолого-социальный университет». 2025 – С. 267 – 281.

УДК 159.922

ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ВЫПУСКНИКОВ ОБЩЕГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Маннанова Е.А., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0002-8644-9556,
Никитина А.А., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3332-9163,
Федосеева Т.Е., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-9661-8301
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина», г. Нижний Новгород, РФ
larry7@mail.ru, aleksa-nik08@mail.ru, emannanova1986@mail.ru

Введение. Технологическая составляющая является ключевым фактором прогресса и суверенитета любого государства. Развитие инженерно-технологических отраслей становится стратегическим приоритетом государственной политики разных стран, в том числе, в сфере образования. Проблема психолого-педагогического сопровождения системы раннего выявления и развития способностей молодежи в инженерно-технологической сфере приобретает особую актуальность для современной практической психологии и психологии развития. **Целью** исследования является апробация диагностического комплекса «Профессиональное самоопределение в инженерно-технологической сфере», который позволяет определить выраженность и приоритетность интересов, самооценки своих возможностей в профессиональном самоопределении относительно 31-ой инженерной специальности.

Основная часть. Старший подростковый и юношеский возраст является ключевым этапом профессионального самоопределения, когда происходит формирование профессиональных намерений и первичная ориентация в различных сферах трудовой деятельности. Особое значение в настоящее время приобретает профессиональная ориентация старшеклассников и обучающихся СПО в сфере профессий инженерно-технологического профиля. В последние десятилетия наблюдается интерес исследователей к факторам, влияющим на выбор технических специальностей школьниками. Так, Е.П. Чубовой и В.В. Богуславской определены внешние и внутренние факторы [3]. Л.Г. Ахметова, Н.Н. Асхадуллина и Е.А. Колпакова на основе анкетирования выявили уровень мотивационно-рефлексивной, когнитивной и личностно-деятельностной готовности к выбору профессии инженера для обучающихся 8-11 классов, по итогам которого сделан вывод о недостаточной проработанности методики организационно-педагогического сопровождения будущих инженеров, а также о необходимости разработки модели данного процесса [1]. И.В. Крыжановская указывая, на высокую потребность государства в профессионально определившихся специалистах-

инженерах, актуализирует необходимость организации практико-ориентированного педагогического сопровождения будущих инженеров в процессе обучения [2]. Наряду с широко применяемыми методиками профессиональной ориентации, охватывающими весь спектр возможных профессиональных сфер (Климов, Голанд, Резапкина и др.), в арсенале практических психологов недостаточно методик, изучающих готовность к выбору инженерных специальностей.

Коллективом кафедры практической психологии был создан и апробирован на выборке из 358 человек, авторский диагностический инструментарий для изучения профессионального самоопределения в инженерно-технологической сфере. Кратко обоснуем и опишем созданные диагностические методики. «Опросник по изучению мотивации к выбору профессии инженерно-технологического профиля» направлен на изучение общего уровня мотивации (высокий, средний, низкий) по выбору профессий инженерно-технологического профиля и ведущего мотива, который демонстрируют респонденты (внешний, внутренний и смешанный). Для изучения стереотипов при выборе профессий инженерно-технологического профиля была разработана «Анкета по изучению престижности и стереотипных представлений о профессиях инженерно-технологической сферы», часть вопросов которого изучает представления о востребованности и престижности конкретных направлений инженерно-технической сферы. Для изучения особенностей профессионального самоопределения в инженерно-технологической сфере авторским коллективом была разработана методика *«Профессиональное самоопределение в инженерно-технологической сфере»*.

Эмпирическое исследование было проведено в выпускных математических и инженерных классах школ Н. Новгорода. Выборку составили 49 обучающихся. По результатам опросника «Профессиональное самоопределение в инженерно-технологической сфере» выявлено, что у выпускников математического и инженерного профиля наблюдается высокий уровень готовности к профессиональному самоопределению в сфере ИТ и программирования. При помощи t-критерия Стьюдента установлено, что у представителей инженерных классов он выше, чем в математических ($p \leq 0,05$). У респондентов обеих групп показатель готовности к профессион. самоопределению в сферах «Производство, автоматизация технологических процессов на производстве», «Связь и коммуникация» и «Робототехника» выражен на среднем уровне с преобладающим показателем в гр. инженерной направленности ($p \leq 0,05$). Значимые различия получены еще по пяти профессиональным сферам инженерных специальностей, в которых средние значения у обучающихся инженерных классов находятся на среднем уровне, в математических – на низком.

Заключение. Обучающиеся инженерных классов имеют более высокий уровень готовности к выбору конкретных сфер для профессиональной самореализации, чем обучающиеся математических классов, что может быть вызвано особенностями отбора обучающихся в профильный класс и наличием

акцента на прикладной характер содержания образования в инженерных классах. В настоящее время продолжается работа по систематизации полученных данных по нашему диагностическому комплексу в рамках изучения подверженности стереотипам и мотивации к выбору профессий инженерно-технологического профиля обучающимися.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00056-25-00 по теме «Методология диагностики профессионального самоопределения выпускников общего и среднего профессионального образования в инженерно-технологической сфере».*

Список литературы

1. Ахметов, Л.Г. Анализ направлений и тенденций профессиональной ориентации и формирования личностного самоопределения будущих инженеров к выбранной профессии / Л.Г. Ахметов, Н.Н. Асхадуллина, Е.А. Колпаков // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 73-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-napravleniy-i-tendentsiy-professionalnoy-orientatsii-i-formirovaniya-lichnostnogo-samoopredeleniya-buduschih-inzhenerov-k (дата обращения: 28.09.2025).
2. Крыжановская, И.В. Профессиональное самоопределение студентов технических вузов / И.В. Крыжановская // Профессион. образов. и общ-во. – 2019. – № 2(30). – С. 181-190. – EDN YGLZKP.
3. Чубова, Е.П. Профессиональное самоопределение старших школьников в сфере инженерно-технического образования / Е.П. Чубова, В.В. Богуславская // Advanced Engineering Research (Rostov-on-Don). – 2011. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-starshih-shkolnikov-v-sfere-inzhenerno-tehnicheskogo-obrazovaniya (дата обращения: 28.09.2025).

УДК 159.9+316.6

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У СЛАБОУСПЕВАЮЩИХ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ

Некрасова И.Н., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0000-7510-0848,
Щербакова А.Р.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inn1769@mail.ru, Serbakovaanastasia32@gmail.com

Постановка проблемы. Несформированность учебной мотивации приводит к возникновению одной из важных проблем современной школы – стойкой неуспеваемости младших школьников. Так как в младшем школьном возрасте учебной деятельности принадлежит ведущая роль, дифференциация познавательных процессов и динамика личностных изменений оказываются детерминированы данным видом мотивации

школьника. Ранняя неуспеваемость ребенка приводит к широкому кругу педагогических и психологических проблем в старших классах и оказывает отрицательное влияние на развитие его личности в дальнейшем. Мотивация учебного процесса должна не только формировать у младшего школьника последующий интерес к приобретению знаний, но и должна опираться на внутренний учебный потенциал ученика как на систему его формирующихся мировоззренческих качеств и жизненных интересов. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью понять явление неуспеваемости младших школьников как сочетание психологических причин и учебных возможностей ребенка. *Цель* исследования – выявить типичные для слабоуспевающих младших школьников проблемы их учебной мотивации.

Теоретическая платформа исследования. Главным методологическим положением нашего исследования является утверждение И. Ю. Кулагина и Д. А. Леонтьева о самодетерминированном уровне организации учебной деятельности ученика посредством регуляции этой деятельности «надситуативными», т.е., непосредственно представленными или конкретно вытекающими из данного вида деятельности следствиями, в которых воплощаются мотивы-регуляторы поведения [5;7]. Исследование базируется на представлениях о видах деятельности, типах и функциях мотивов, принятых в теории деятельности А. Н. Леонтьева [7]. Под учебной мотивацией в работе понимается система учебных мотивов, интересов, целей, потребностей, которые побуждают учебную активность ребенка [3;4;7]. Поэтому в работе использовался *комплексный подход*, понимая мотивацию гораздо более шире, чем просто сумму определенных видов мотивов. Согласно Е. П. Ильину, мотивация – динамический процесс сознательного формирования мотива (как основания поступка). Мотив, по Е. П. Ильину, – продукт мотивации, то есть психической деятельности, конечной целью которой является формирование оснований активности человека и побуждения к достижению выбранной цели [6;7]. Границы мотива определяют потребность и побуждение к достижению реальной цели. Мы рассматриваем учебную мотивацию как системное состояние мотивационной сферы, выделяя три диагностических индикатора мотивации: потребностный (социальные и биологические потребности долженствования), моральный как внутренний фильтр-совесть (убеждения, идеалы, ценности, установки), оценка своих возможностей, уровень притязаний, оценка внешней ситуации) и целевой (образ предмета, способного удовлетворить потребность) [1-3;5;6]. Слабоуспевающими в исследовании мы считаем тех младших школьников, которые характеризуются слабыми умственными способностями и учебными умениями (навыками), у которых неразвиты действенные мотивы учения [4]. *Диагностический инструментарий*: Интеллектуальный тест Векслера (в адаптации Ю. З. Гильбуха); проективный тест для диагностики детско-родительских отношений в семье и в школе Р. Жиля; методика диагностики

направленности учебной мотивации Т. Д. Дубовицкой; методика «Структура мотивации учебной деятельности» Е. Н. Дмитриевой и Л. И. Осадчей; опросник общей мотивации учебной деятельности Н. Г. Лускановой. Для оптимизации результатов исследования использовали процедуру сравнения типологических групп по успеваемости (критерий-U Манна-Уитни и критерий-Н Краскела-Уоллеса, корреляционный анализ). Численность выборки 156 человек младших школьников, в том числе в инклюзивных.

Выкладка результатов исследования. Слабоуспевающие младшие школьники не являются однородной группой учеников: они отличаются не только по фактическому уровню оценок, но и уровню и структуре учебной мотивации, а также по степени субъективного эмоционального благополучия в школе и в семье. Использованное в работе разделение учеников на три типологических группы («выборочная, но сравнительно устойчивая неуспеваемость», «сплошное и основательное отставание» и «эпизодическая и легко преодолимая неуспеваемость») в классификации А. М. Гельмонт и Ю. К. Бабанского, является надежной и может эффективно использоваться на практике. Ученики, принадлежащие к этим категориям, различаются не только по содержанию учебной мотивации, но и по уровню когнитивного развития. Самой благополучной в этом отношении является категория младших школьников с эпизодической и легко преодолимой неуспеваемостью. Дети из этой группы характеризуются наиболее полной и хорошо сформированной учебной мотивацией, широкой по содержанию и в нее включены многие важные учебные и социальные мотивы, которые затрагивают не только перспективу жизни школьника, но и отражают желание учиться, привлекательности самого процесса, личный опыт приобретения знаний и учебных навыков. В структуру учебной мотивации наряду с функциональными учебными мотивами, включается и широкая социальная мотивация достижения успеха и хороших отношений как с родителями, так и с учителем. Неуспеваемость носит ситуативный характер и легко преодолевается посредством усиления саморегуляции учебного поведения учеником на уроке. Причинами эпизодической неуспеваемости являются социально-ситуативные (внешние или внутренние) факторы. Развитие регуляторных личностных качеств у младшего школьника посредством укрепления его самоконтроля, развития рефлексии и простых приемов эмоционально-волевой саморегуляции является психологической основой для формирования учебной мотивации и стабильных школьных успехов. Содержание и единство родительских требований, благополучие семейных отношений – важные факторы построения продуктивной учебной мотивации младшего школьника. Психоэмоциональное благополучие младшего школьника рассматривается как основа для формирования продуктивной учебной мотивации и его стабильных учебных успехов. Гедонистическая и игровая мотивация отрицательно взаимосвязаны с общей академической успеваемостью и свидетельствует о школьной

неготовности ребенка. Мотивация долга и ответственного отношения к учебе позитивно взаимосвязана с уровнем академической успешности. Данная мотивация слабее всего сформирована у учеников со сплошной неуспеваемостью по всем предметам, так как около 30% состава данной группы это в том числе дети с ЗПР и с латентной (недиагностированной) формой умственной отсталости (F70.0), в силу невысокого интеллекта такие дети сложно формируют понятия высшего морального характера, их мышление ситуативное, предметно-ориентированное, преобладают игровые мотивы, их обучение подчинено мотивации избегания неудачи, мотиву похвалы, ситуативного переживания успеха.

Выводы. На статистически уровне значимости (p=0,001) можно утверждать, что содержательная структура и уровень сформированности учебной мотивации слабоуспевающих младших школьников взаимосвязан с уровнем их интеллектуального развития: чем выше уровень интеллекта, тем выше уровень учебной мотивации и богаче ее содержательная структура. Уровень сформированности учебной мотивации влияет на динамику и характер успеваемости в школе. Чем шире в структуре учебной мотивации представлены социальные и познавательные мотивы, перспективно-учебная мотивация, тем менее выражена неуспеваемость. Семья слабоуспевающего младшего школьника является важным фактором формирования его учебной мотивации и академической успешности.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. Психология педагогической оценки / Б.Г. Ананьев // Избранные психологически труды. – Москва, Педагогика. В 2-х тт. Т. 2. – 1980. – С. 128-265.
2. Андреева, А. Д. Изучение учебной мотивации подростков и старших школьников: история вопроса / А.Д. Андреева // Психология и школа. – 2009. – № 4. – С. 64-70.
3. Андреева, А. Д. Сравнительное изучение мотивов учения современных школьников и их сверстников 50-60-х годов / А.Д. Андреева // Формирование личности в онтогенезе Сб. науч. тр. Москва, АПН СССР. – 1991. – С. 62-73.
4. Молодченко, П. А. Особенности мотивации слабоуспевающих младших школьников инклюзивных классов / П.А. Молодченко. – Кишинев: Изд. «Лабиринт-ПРЕСС». – 2015. – С. 101-103.
5. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер. – 2000. – С. 65-70; С. 253-261.
6. Ковалевская, А. П. Феномен неуспеваемости в учебно-воспитательном процессе / А.П. Ковалевская // Педагогика и психология: теория и практика. – 2017. – № 2 (7). – С. 49-55.
7. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва: Изд-во политической литературы, 1975. – 304 с.

УДК 159.942

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СОЦИАЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ПОДРОСТКОВ

Ревуцкая И.В., канд. психол. наук, ORCID 0009-0000-4875-9700,
Самохина А.Д.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irina.revutskaja@yandex.com

Введение. Развитие социальных навыков у подростков тесно связано с уровнем их эмоционального интеллекта, поскольку эти два аспекта личностного развития взаимодополняют друг друга и совместно влияют на способность подростков адаптироваться в социальной среде. Социальные навыки включают в себя умения эффективно взаимодействовать с другими людьми, разрешать конфликты, работать в команде и поддерживать гармоничные межличностные отношения. Важнейшими аспектами, которые способствуют успешному формированию социальных навыков, являются способность к эмпатии, умение регулировать эмоции и уверенность в себе.

Цель исследования – провести теоретический анализ проблемы влияния эмоционального интеллекта и социальных навыков на личностное развитие подростков.

Основная часть. Опираясь на субъектно-деятельностный подход к развитию и формированию личности К.А. Абульхановой-Славской обозначим, что развитие социальных навыков начинается еще в раннем детстве, но особенно активно этот процесс продолжается в подростковом возрасте, когда социальная среда и межличностные отношения становятся более сложными и многогранными. Подростки сталкиваются с новыми социальными ролями, разнообразными группами сверстников, а также изменениями в отношениях со взрослыми, что требует от них определенной гибкости, саморегуляции и способности к адаптации. Р. Бар, как и О.В. Белоконь считают, что эмоциональный интеллект играет ключевую роль в этом процессе, обеспечивая подросткам возможность эффективно распознавать и управлять своими чувствами и чувствами других людей, что позволяет им достигать успешных и продуктивных межличностных взаимодействий.

Как утверждает Д. Гоулман, развитие эмоционального интеллекта в подростковом возрасте непосредственно влияет на качество социальных навыков, таких как активное слушание, установление доверительных отношений, способность к разрешению конфликтов и конструктивной коммуникации. Например, подростки с высоким уровнем эмпатии могут точно воспринимать эмоции окружающих и соответствующим образом

реагировать на них, что способствует установлению и укреплению дружеских и других видов отношений. Эмпатия позволяет подросткам не только лучше понимать чувства и переживания других людей, но и разрабатывать стратегии взаимодействия, основанные на уважении и поддержке. А.К. Болотова делает акцент на социальной коммуникации, в частности подростки, обладающие развитыми социальными навыками, способны находить общий язык с различными людьми, проявлять лидерские качества и эффективно работать в группах. Е.В. Опарина делает акцент на социальные навыки, такие как способность к сотрудничеству и разрешению конфликтов, что играет решающую роль в школьной и внеурочной деятельности, а также в построении отношений в более зрелом возрасте [3].

Кроме того, важно отметить, что развитие социальных навыков у подростков не происходит в вакууме. Оно активно поддерживается и стимулируется через взаимодействие с окружающей социальной средой, включая семью, школу и группу сверстников. Семья играет важную роль в развитии этих навыков, предоставляя модель отношений и эмоциональной поддержки, а школа, в свою очередь, становится важным социальным институтом, в котором подростки учат социальные нормы, вырабатывают принципы сотрудничества и разрешения конфликтов, а также формируют навыки самоорганизации и взаимодействия в коллективе.

Важную роль в развитии социальных навыков подростков играет способность к конструктивному разрешению конфликтов. В подростковом возрасте межличностные напряжения и конфликты возникают достаточно часто, что связано с развитием личной идентичности, изменениями в отношениях с родителями, сверстниками и окружающим миром. Подростки с развитыми социальными и эмоциональными навыками, как правило, способны избежать эскалации конфликтных ситуаций, применяя такие стратегии, как активное слушание, компромисс, мирное обсуждение разногласий и поиски взаимовыгодных решений. Эти навыки позволяют подросткам снижать уровень стресса в конфликтных ситуациях и находить конструктивные пути разрешения проблем, что положительно сказывается на их социальной адаптации и межличностных отношениях [1].

Следует отметить, что М.В. Климакова и Ю.А. Кочетова подчеркивают, что подростки с высоким уровнем эмоционального интеллекта также демонстрируют большую устойчивость к социальным трудностям, таким как давление сверстников, изоляция, буллинг и другие формы социальной агрессии. Их способность к самоосознанию и саморегуляции позволяет им более уверенно воспринимать внешние вызовы и сохранять свою идентичность, несмотря на давление со стороны окружающих [1].

Примечательно, что развитие социальных навыков подростков также связано с их самооценкой и уверенностью в себе, как утверждает

О.Н. Молчанова. Они склонны к более конструктивной самокритике и открыты для обратной связи, что позволяет им эффективнее развивать свои навыки и улучшать взаимодействие с окружающими [2].

Среди методов и подходов, способствующих развитию социальных навыков у подростков, можно выделить такие как тренинги, направленные на развитие эмпатии, активное слушание и эффективную коммуникацию, а также методы психологической коррекции, помогающие подросткам справляться с трудными ситуациями и повышать свою социальную компетентность. Важно также учитывать культурные и социальные особенности, поскольку различия в воспитательных традициях и социальных практиках могут влиять на степень выраженности тех или иных социальных навыков у подростков.

Кроме того, особое внимание стоит уделить роли социальных сетей и цифровых технологий, которые играют важную роль в формировании социальных навыков подростков. В условиях виртуального общения подростки также учат выражать эмоции, строить отношения и работать в группах, что становится важным аспектом их социальной адаптации и дальнейшего профессионального роста.

Заключение. Таким образом, развитие социальных навыков подростков в тесной взаимосвязи с их эмоциональным интеллектом представляет собой ключевой фактор для успешной социализации и дальнейшей интеграции в общество. Эмоциональный интеллект способствует формированию важных социальных навыков, таких как эмпатия, способность к разрешению конфликтов, уверенность в себе, способность работать в коллективе и конструктивно взаимодействовать с окружающими. Поэтому комплексный подход к развитию социальных и эмоциональных навыков подростков в условиях семьи, школы и общества в целом является важной составляющей эффективной социальной адаптации и успешного личностного роста.

Список литературы

1. Кочетова, Ю. А. Эмоциональный интеллект и агрессия в зарубежных исследованиях / Ю.А. Кочетова, М.В. Климакова // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8. – № 3. – С. 29-36.
2. Молчанова, О. Н. Теоретико-эмпирическое исследование. Самооценка: стабильность или изменчивость? / О.Н. Молчанова Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006 – Т. 3. – № 2. – С. 23-51.
3. Опарина, Е. В. Развитие социальных навыков школьников во внеурочной проектной деятельности в разновозрастных группах : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Опарина Екатерина Витальевна; ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2019. – 23 с.

УДК 615.849

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Рогозина М.Ю., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0002-9398-3482,
Гречко А.С., ORCID 0009-0009-8543-2868
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
muyrsan@mail.ru, grech2004@mail.ru

Ведение. В условиях социальной нестабильности у психологов возрастает интерес к изучению тех аспектов, которые позволяют личности успешно адаптироваться и эффективно справляться с новыми условиями и ситуациями. Одним из факторов не только адаптации, но и успешной реализации личности в современном мире, является ее способность понимать свои эмоции и эмоции других людей, правильно оценивать реакции окружающих, а также уметь регулировать собственное поведение в изменяющихся условиях. Актуальным является изучение взаимосвязи социального интеллекта и жизнестойкости людей разного возраста и проживающих в разных социальных условиях, поскольку именно жизнестойкость определяет возможности функционирования личности в неблагоприятных жизненных ситуациях, отражает психологическую прочность и повышенную эффективность человека и может служить индикатором его психического здоровья.

Целью работы является изучение взаимосвязи жизнестойкости и социального интеллекта у студентов, проживающих в разных социальных условиях.

Основная часть. Для проведения эмпирического исследования было сформировано две выборки студентов, проживающих в разных социальных условиях: 46 студентов из Москвы и Московской области и 46 студентов из ДНР, возраст от 18 до 29 лет (студенты различных специальностей и направлений обучения). В качестве психодиагностических методов были использованы: методика жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева), опросник «Социальный интеллект» (тест Басса-Дарки в модификации Г. Резапкиной), опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

В результате анализа результатов, полученных на выборке студентов, проживающих в ДНР, были выявлено наличие статистически значимых связей между показателями жизнестойкости личности и такими личностными характеристиками как самопринятие, психологическое благополучие и коммуникабельность, а также позитивное отношение к жизни ($p \leq 0{,}01$). Респонденты с высоким уровнем жизнестойкости более

оптимистичны и уверены в своих способностях, видят возможности для роста и развития в трудных ситуациях, преодолевают кризисы и восстанавливают свой эмоциональный баланс после стрессовых событий, такие студенты привыкли принимать и справляться с рисками и ответственностью, что помогает им преодолевать трудности и неудачи не только в дистанционном обучении, но и в условиях непредвиденных ситуаций, таких как обстрелы, эвакуационные спуски в подвалы и т.д. Стоит отметить наличие связи между коммуникабельностью студентов и их жизнестойкостью ($p \leq 0,05$) и вовлеченностью ($p \leq 0,001$): чем больше человек коммуникабелен, то есть склонен к общению, умеет налаживать контакты с другими людьми, тем вероятнее он будет вовлечен в различные сферы жизни, такие как работа, учеба, социальные взаимодействия и т.д. Так же обнаружена прямая связь между самомотивацией и вовлеченностью, контролем, жизнестойкостью ($p \leq 0,01$). Это позволяет предположить, что студенты с сильной самомотивацией часто проявляют больший интерес к различным аспектам жизни, активно стремятся к достижению своих целей и обычно чувствуют более высокую степень контроля над своей жизнью. Это помогает им сохранять высокий уровень вовлеченности и продвигаться вперед, несмотря на препятствия, они лучше справляются с трудными ситуациями, находят оптимальные способы их преодоления. Такие студенты лучше справляются со стрессом и тревогой, которые возникают в процессе дистанционного обучения, имеющего в условиях военного конфликта свои особенности (периодические внезапные отключения света, интернета и т.д.). Также была обнаружена прямая связь между коммуникабельностью студентов и контролем ($p \leq 0,05$), это может свидетельствовать о том, что коммуникабельные респонденты часто легче находят поддержку и ресурсы в своей социальной среде, что помогает им чувствовать больший контроль над собственной жизнью. Кроме того, активное общение с другими может способствовать развитию навыков решения проблем, адаптации к переменам, управлению стрессом и развитию жизнестойкости.

В результатах выборки московских студентов также отмечено наличие корреляционной связи между коммуникабельностью и жизнестойкостью ($p \leq 0,001$): люди, которые легко устанавливают контакты с другими и обладают хорошими навыками общения, имеют более высокую жизнестойкость. Это может быть объяснено несколькими факторами: коммуникабельные люди могут иметь более широкую социальную сеть, которая может предоставлять им больше поддержки и ресурсов для преодоления трудностей. Кроме того, общение с другими может помогать улучшить навыки решения проблем, адаптации к изменениям и управления стрессом, что также может увеличить жизнестойкость. Также было выявлена корреляционная связь между саморегуляцией и жизнестойкостью, ($p \leq 0.05$), более высокий уровень саморегуляции, способность

контролировать свои эмоции, поведение и мысли часто сопровождается более высоким уровнем жизнестойкости, устойчивостью к стрессу, способностью преодолевать трудности. Прямая связь между коммуникабельностью и контролем, принятием риска, вовлеченностью ($p \leq 0.01$) может свидетельствовать, о том, что люди с более развитыми коммуникативными навыками обладают лучшим контролем над своим поведением, готовы принимать риски и более активно вовлечены в различные аспекты своей жизни или работы. Однако, чтобы успешно использовать коммуникативные навыки, студентам также необходимо обладать контролем над своим временем и приоритетами. Это может включать в себя умение управлять своим расписанием, выделять время на учебу и социальные активности, а также контролировать свои эмоции и реакции в различных ситуациях.

В данной выборке также отмечено наличие связи ($p \leq 0,01$) между переменными «позитивные отношения», «психологическое благополучие» и показателями жизнестойкости: студенты с позитивным отношением к жизни могут лучше выдерживать эмоциональную нагрузку, что помогает им справляться со стрессом, полученным во время обучения (сессии, написание и защита важных проектов и работ).

Заключение. В результате данного исследования можно сделать следующие обобщения: что у студентов, проживающих в различных социальных условиях, реализуются разные компоненты проявления жизнестойкости и социального интеллекта. У донецких студентов существует связь между самомотивацией и жизнестойкостью в целом, а также отдельными ее компонентами – вовлеченностью и контролем. Результаты изучения данных параметров у московских студентов отражают наличие связи между жизнестойкостью и коммуникабельностью, а также между коммуникабельностью и вовлеченностью, принятием риска и контролем.

Список литературы

1. Бурякова, Е. С. Взаимосвязь механизма идентификации – обособления и социально значимых качеств личности в полисубъект взаимодействии / Е. С. Бурякова. – Москва, 2005. – 166 с.
2. Карнеев, Р. К. Динамика эмоционального интеллекта студентов-психологов по курсам / Р.К. Карнеев, Н.С. Котлярова // Юбилейный выпуск Вестника БГУ: Гуманитарные науки. Естественные науки. Педагогика и психология. Экономика. – Брянск: Рио БГУ, 2010. – С. 266-269.
3. Краснопольская, Н. С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворенности жизнью студентов вуза / Н.С. Краснопольская // Вестник Брянского Государственного университета. №1(2011): Общая психология. Профессиональная педагогика. Психология, Частные методики. – Брянск: РИО БГУ, 2011.
4. Мадди, С. Р. Теории личности: сравнительный анализ // Сальваторе Р. Мадди; [Пер. с англ. И.Ю. Авидон и др.]. – Санкт-Петербург : Речь, 2002. – 538 с. – ISBN 5-9268-0083-8.

УДК 159.92

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗОНЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Руденко С.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0007-0092-5926
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Rudenko_SV@mail.ru

Постановка проблемы. Феноменология психологического благополучия уже сравнительно долго находится в центре исследовательских интересов психологов. Заявленный феномен тесно связан с субъективным ощущением счастья, психологическим равновесием, а также стремлением к полному раскрытию своих возможностей и потенциала посредством личной активности, и реализации собственных потребностей. Ощущение реализованности в жизни способствует усилению позитивных эмоция, выступающих в качестве базы психологического благополучия. Пребывание личности в условиях периодического возобновления военных действий является одной из психотравмирующих ситуаций и, на наш взгляд, существенно снижает субъективное ощущение благополучия. Таким образом, целью данной работы является изучения психологического благополучия лиц, проживающих в зоне военного конфликта.

Основная часть. Открывает плеяду исследований феномена психологического благополучия Н. Брэдберн. Именно он ввёл данное понятие в тезаурус психологической науки. Исследователь отождествляет понятие психологического благополучия с ощущением счастья и удовлетворённостью жизнью в целом. Психологическое благополучие – это своего рода баланс, достигающийся постоянным взаимодействием позитивного и негативного эффекта, являющееся следствием позитивных или негативных событий в жизни субъекта [2]. Анализируя феномен психологического благополучия, исследователи зачастую упоминают иной термин, а именно – «субъективное благополучие». Так, Э. Динер представляет его как состояние психологического комфорта и удовлетворения жизнью, как совокупность эмоциональной и когнитивной сторон самопринятия. Автор выделяет 3 основных составляющих заявленного феномена: приятные эмоции, неприятные эмоции, удовлетворенность, объединяющиеся в единый показатель. Однако Э. Динер, учитывая близость трактовок толкования психологического и субъективного благополучия, всё же анализирует их как различные феномены, определяя субъективное благополучие как предмет благополучия психологического [1, 3]. На взгляд автора данной статьи, оба понятия выступают функционально и содержательно фактически синонимичными.

Проблемой исследования феномена психологического благополучия занимались как зарубежные (Н. Брэдберн, Э. Динер, А. Вотерман, М. Райан, К. Рифф и др.), так и отечественные (Л.В. Карапетян, Р.М. Шамионов, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, и др.) исследователи.

Аналитический обзор ключевых подходов к изучению феномена психологического благополучия позволил сделать следующий вывод. В зарубежной психологии при изучении данного феномена основной упор делается на уровень состояния счастья и удовлетворенности жизнью, на психологическое здоровье, на наличие определенных психологических черт. В отечественной же психологии субъективное благополучие анализируют преимущественно с позиций мотивационно-потребностной сферы личности, ощущения удовлетворенности своей жизнью и реализации своего потенциала.

Выборка исследования: 80 студентов 3-4 курсов, овладевающих профессией психолога в вузах г. Донецка и г. Ростова-на-Дону. Исследование проводилось в конце 2024 г. Методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко), методика диагностики субъективного благополучия (Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова), опросник «Самочувствие, активность, настроение» (В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева, В. Б. Шарай, М. П. Мирошников), тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой). Обработка данных проводилась с применением критерия U-Манна-Уитни.

Результаты обследования с применением методики изучения психологического благополучия К. Рифф показали следующее. Между студентами вузов г. Донецка и г. Ростова-на-Дону выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) по шкалам позитивных отношений, управления средой, по интегральному показателю психологического благополучия: студенты г. Донецка показали достоверно более низкие показатели. Они в меньшей мере, чем студенты г. Ростова-на-Дону, склонны устанавливать близкие отношения с окружающими, более замкнуты и фрустрированы, часто чувствуют себя не в состоянии изменить или улучшить текущие обстоятельства, им менее присуще чувство контроля над происходящим. На наш взгляд, указанные проявления могут быть значимо обусловлены проживанием в условиях периодического обострения военной ситуации.

Анализ результатов обследования с применением методики диагностики субъективного благополучия показал наличие значимых различий ($p \leq 0,05$) между обследуемыми по шкалам гедонистического благополучия, эмоционального благополучия, интегральному показателю субъективного благополучия. При этом мы можем говорить о различиях между высокими и средними показателями, что не снижает весомости различий. Студентам вузов г. Донецка в меньшей мере присуще хорошее расположение духа и оптимизм; они способны к совладанию со стрессовыми

ситуациями, несколько более подвержены влиянию внешних факторов, чаще нуждаются в дополнительной поддержке; их базовые нужды удовлетворены в меньшей мере в сравнении с обследуемыми другой группы.

Результаты обследования с применением опросника «Самочувствие, активность, настроение» проявил значимые ($p \leq 0,05$) различия между обследуемыми по шкалам настроения и самочувствия. Студенты из г. Ростова-на-Дону находятся в более благоприятном состоянии, оценивают свое самочувствие более высоко, чаще характеризуют свое настроение как повышенное или нормальное. Это может быть одним из следствий конкретных условий жизни обследуемых.

Анализ результатов применения теста жизнестойкости С. Мадди статистически значимых различий не показал. Практически всех обследуемых характеризуют средние результаты с несущественными различиями. Проявления жизнестойкости у студентов развиты в достаточной мере для успешного совладания со стрессовыми ситуациями.

Заключение. Психологическое благополучие серьезно сказывается на психическом состоянии субъекта в целом и на эффективности его деятельности и поведения – в частности. Оно тесно связано с психологическим равновесием, субъективным ощущением счастья, стремлением к максимальной самореализации и самоактуализации личности. Проживание в условиях вооруженного противостояния негативно связано с отдельными компонентами психологического благополучия. Прежде всего, это находит свое отражение в некоторых трудностях в установлении доверительных отношений с другими людьми, снижении возможностей управления средой и собственной жизнью, эмоционального фона и позитивного настроя, самочувствия, ослаблении чувства контроля над своей жизнью. В качестве перспективы дальнейшего изучения данной темы целесообразно расширение теоретико-методологической базы и критериев диагностики феномена, увеличение выборки.

Информация о финансовой поддержке: *Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РНФ №25-18-00895 (номер госрегистрации 125082509872-1).*

Список литературы

1. Бахарева, Н. К. Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Бахарева Наталья Константиновна. – Хабаровск, 2004. – 22 с.
2. Борисов, Г. И. Подходы к изучению психологического благополучия / Г.И. Борисов // Психология образования: современный вектор развития: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 157–174. – DOI: 10.15826/B 978-5-7996-3101-7.
3. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие личности / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95-121.

УДК 159.96

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Русецкая Д.В., канд. психол. наук., ORCID 0000-0003-1256-123,
Захарова Д.Д.
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Москва, РФ
dasha_rusik@mail.ru, darazaharova506@gmail.com

Одной из приоритетных проблем является сохранение здоровья сотрудников органов внутренних дел, исходя из обеспечения их профессиональной надёжности, эффективной служебной деятельности и психологической устойчивости

Условия несения службы в системе МВД формируют специфическую профессиональную среду. Присутствие риска для жизни, столкновений с социально опасными ситуациями, высокой степени ответственности и постоянных эмоциональных нагрузок ставит по угрозу как психическое, так и физическое здоровье сотрудников.

В группах с высоким уровнем стресса, к которым безусловно относятся сотрудники ОВД, остро проявляется взаимосвязь между психологическим состоянием и соматическим здоровьем человека, что в свою очередь отражается на его профессиональной деятельности. Психологическое состояние сотрудников органов внутренних дел занимает центральное место в системе профессионального функционирования, поскольку напрямую связано как с эффективностью выполнения служебных обязанностей, так и с сохранением физического здоровья.

Кроме того, сама специфика профессии предполагает ограниченные возможности открытого выражения эмоций, что способствует накоплению неотреагированных переживаний. В итоге нарушается внутренняя регуляция, снижается контроль за эмоциональными реакциями, появляются раздражительность, утомляемость, тревожность и соматоформные проявления. Это состояние может быть незаметно на ранних этапах, однако в долгосрочной перспективе оно способно привести к профессиональному выгоранию, личностной деформации и снижению общей жизненной энергии [2].

Наиболее уязвимыми в этом отношении оказываются курсанты образовательных организаций МВД России – будущие сотрудники органов внутренних дел, которые только входят в профессиональную среду [1]. Психологические нагрузки, возникающие в процессе обучения, нередко воспринимаются как давление, не сопровождаемое поддержкой. Отсутствие

опыта и сформированных стратегий совладания с тревогой, усталостью, противоречиями в межличностных отношениях приводит к формированию первичных симптомов напряжения и снижает устойчивость к будущим профессиональным служебным трудностям [3].

Поэтому возникла целесообразность исследования влияния психологических факторов на здоровье курсантов образовательных организаций МВД России. В исследовании приняли участие 20 курсантов 1 и 2 курсов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Была разработана авторская анкета, которая включала 10 вопросов, отражающих влияние стресса на деятельность и здоровье, наличие симптомов, частоту их проявления, а также ожидаемые и желаемые формы профилактики у обследуемых. Вопросы были разработаны с учётом типичных проявлений профессионального стресса и ориентированы на выявление субъективного отношения курсантов к собственному состоянию.

Результаты показали, что 40% обследуемых отмечают прямое влияние психологических факторов на выполнение профессиональных служебных обязанностей, столько же (40%) считают, что психоэмоциональное состояние отражается на здоровье. Среди факторов, которые чаще всего испытываются, лидирует стресс (50%), за ним следуют тревожность (45%), раздражительность (36%) и эмоциональное выгорание (31%). Эти состояния сопровождаются такими последствиями, как нарушение сна (45%), головные боли (41%), снижение мотивации (55%), ухудшение концентрации (37%). Примечательно, что около 35% курсантов отметили наличие физической усталости, не связанной с физической активностью, что может свидетельствовать о развитии психосоматического компонента.

Около трети (35%) респондентов отметили, что замечают у себя психосоматические симптомы, но не связывают их напрямую с психологическим состоянием. Это указывает на недостаточную осведомлённость курсантов о механизмах связи между эмоциональным и физическим состоянием. Вместе с тем 45% опрошенных сообщили, что хотели бы обратиться за психологической помощью, но не делают этого по причине недоверия, страха быть осуждёнными или по причине отсутствия информации о том, как это сделать.

Наиболее востребованными формами профилактики, по мнению курсантов, стали тренинги по саморегуляции, командные мероприятия и эмоциональные разгрузки. Такой выбор указывает на потребность в живом взаимодействии, пространстве для безопасного выражения эмоций и формировании навыков самоподдержки.

Полученные результаты, проведенного анкетирования среди курсантов 1 и 2 курса Московского университета МВД России имени В.Я, Кикотя, подтвердили значимость проблемы. Стресс, тревожность, эмоциональное выгорание и раздражительность являются наиболее часто

встречающимися состояниями, а нарушенный сон, утомляемость и снижение мотивации – типичными последствиями.

Полученные результаты указывают на важность включения целенаправленных мероприятий по профилактике и коррекции негативных психологических состояний уже на этапе обучения в образовательных организациях МВД России. Курсантам важно предоставлять не только знания, но и опыт использования психологических инструментов: техники релаксации, когнитивной переоценки, управления эмоциями, взаимодействия в конфликтных ситуациях. В учебный процесс целесообразно интегрировать модули по развитию осознанности, волевой саморегуляции, умению распознавать и преодолевать эмоциональное истощение.

В целом, анализ позволяет утверждать, что психологическое здоровье будущих сотрудников органов внутренних дел требует системной поддержки, ориентированной на предупреждение, а не только на компенсацию последствий. Результаты анкетирования демонстрируют потребность в работе с внутренним состоянием курсантов, в развитии устойчивости и способности к восстановлению после нагрузок, что подтверждает необходимость стратегического подхода к организации профилактической работы в образовательных организациях МВД России.

Психологическое здоровье должно стать объектом не только индивидуального внимания, но и институциональной заботы – как важнейшее условие надёжности, профессиональной устойчивости и долгосрочной эффективности службы сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы

1. Иванченко, О. С. Профессиональная социализация молодых ученых в современном российском обществе : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Иванченко Ольга Сергеевна. – Новочеркасск, 2015. – 214 с.
2. Красноперова, А. Г. Профессионально-трудовая социализация личности в образовательном комплексе / А.Г. Красноперова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – № 6–1. – С. 109-112.
3. Мигачева, М. В. Сущность и особенности профессиональной социализации молодых специалистов в период трансформации / М.В. Мигачева // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 1(51). – С. 95-101.

УДК 159.96

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРИГГЕРОВ У ЛИЧНОСТИ: МОДЕЛИ РЕАГИРОВАНИЯ В ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Таранова Е.В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-7755-7139
ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет», г. Ставрополь, РФ
vfvfgfgf-53@yandex.ru

Изучение психологических особенностей формирования триггеров является важным аспектом понимания поведения личности в различных жизненных ситуациях. Триггеры представляют собой стимулы, запускающие эмоциональные реакции и поведенческие паттерны, часто вне сознательного контроля индивида. Эти механизмы играют ключевую роль в процессе развития личности, влияя на восприятие окружающего мира, принятие решений и адаптацию к новым условиям.

Настоящая статья посвящена исследованию психологических механизмов формирования триггеров, их влиянию на поведение личности и возможностям применения полученных знаний в практической психологии. Особое внимание уделяется моделям реагирования, возникающим в результате воздействия триггеров, и их роли в личностном становлении.

В психологии триггеры определяются как события или образы, которые способны активировать уже существующие эмоциональные состояния и воспоминания, часто неосознанно. Они представляют собой специфические стимулы, которые вызывают у человека определенные эмоциональные и поведенческие реакции. Доказано, что негативные триггеры могут приводить к тревожности, депрессии и другим расстройствам, тогда как позитивные триггеры могут усиливать положительные эмоции и способствовать адаптивному поведению [1].

Психологические механизмы действия триггеров основываются на принципах условных рефлексов, где определенные стимулы могут ассоциироваться с конкретными реакциями и сценариями поведения. Так, нейропсихологические исследования показывают, как триггеры активируют определенные области мозга (например, миндалевидное тело), отвечающие за эмоциональные реакции [2]. Особенно ярко влияние триггеров заметно в контексте посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР), где повторяющиеся ситуации способны вызывать отклонения в поведении.

В качестве примера приведем несколько факторов, способствующих возникновения триггеров у личности в различных жизненных контекстах:

- воспоминания о травмирующем событии (человек, переживший ДТП, может испытывать сильный стресс в ответ на звуки сигналов или вид автомобилей, что вызывает воспоминания о травме);

- ароматы и запахи (например, аромат определенного блюда может вызвать ностальгические воспоминания о детстве или семейных праздниках, тогда как запах алкоголя может вызвать желание употребить спиртное у человека с историей зависимости);

- фотографии и визуальные стимулы (безобидные на первый взгляд изображения могут повлечь за собой сильные эмоции);

- звуки и музыка (некоторые музыкальные композиции или звуки могут вызывать специфические эмоции или воспоминания);

- социальные взаимодействия (определенное поведение или слова других людей могут послужить триггером);

- ситуации и места (возвращение в место, где произошли напряженные события, запускает сильные эмоциональные переживания).

Таким образом, триггеры могут варьироваться от внешних факторов, таких как звуки, запахи или образы, до внутренних, таких как воспоминания и ассоциации. Их также можно классифицировать на несколько типов:

- эмоциональные триггеры (переживание определённых эмоций);

- перцептивные триггеры (визуальные, слуховые или обонятельные стимулы, вызывающие ассоциации);

- социальные триггеры (ситуации, связанные с взаимодействием с людьми, которые вызывают стресс или дискомфорт).

Наиболее распространёнными моделями реагирования личности на триггер являются:

1. Агрессивное поведение, т.е. выраженная активность и раздражение в ответ на неблагоприятные обстоятельства.

2. Защитное поведение, т.е. уход от проблемы путём самоизоляции или отрицания её существования.

3. Рационализирующее поведение, т.е. попытка осмыслить ситуацию и найти рациональное решение.

4. Депрессивное поведение, т.е. подавленность, чувство беспомощности и отчаяния перед лицом трудностей [3].

Анализ моделей реагирования на триггеры имеет важное прикладное значение в области психологии и смежных наук. Это позволяет разрабатывать эффективные методы психологической поддержки и коррекции поведения, повышать адаптивные способности личности и предотвращать негативные последствия стресса. В настоящее время знание о триггерах приобрело широкий спектр применения как в клинической практике, так и в сфере маркетинга. Маркетологи используют различные триггерные стимулы для воздействия на эмоции потребителей и формирования определенных ассоциаций с брендом или продуктом [4].

Терапевтические подходы, такие как когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) и экспозиционная терапия, активно применяются для идентификации и обработки триггеров с целью уменьшения их негативного

влияния на пациентов. В рамках КПТ терапевт помогает клиенту осознать автоматические мысли и реакции, возникающие в ответ на триггерные ситуации. Клиент учится переосмысливать свои реакции и заменять негативные установки на более адаптивные [5].

Экспозиционная терапия, используемая в лечении тревожных расстройств и фобий, включает систематическую экспозицию к триггерам, позволяя пациенту привыкать к вызывающим страх ситуациям или объектам. Этот процесс уменьшает интенсивность эмоциональной реакции с течением времени, способствуя десенсибилизации [4].

Таким образом, изучение специфики психологических аспектов формирования триггеров показывает их значение для сохранения психического здоровья личности в различных жизненных ситуациях, а также становление индивидуальных качеств и убеждений.

Список литературы

1. Евсеева, В. В. Психологические триггеры / В.В. Евсеева, А.О. Серженко, О.А. Кузнецова // Структурная и технологическая трансформация России: проблемы и перспективы. От плана ГОЭЛРО до наших дней : Материалы междунар. научно-практич. конф. – Краснодар, 2021. – С. 169-176. – EDN BYKYUW.
2. Кортунов, В. В. Роль эмоциональных триггеров в экранной культуре / В.В. Кортунов, С.Л. Григорьев // Образовательный вестник «Сознание». – 2022. – №11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-emotsionalnyh-triggerov-v-ekrannoy-kulture (дата обращения: 02.10.2025).
3. Скалабан, И. А. Курок конфликта. Триггер: опыт концептуализации и категоризации / И.А. Скалабан, Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С., Волченко С.Ю. // Society and Security Insights. – 2022. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kurok-konflikta-trigger-opyt-kontseptualizatsii-i-kategorizatsii (дата обращения: 02.10.2025).
4. Шевченко, М. С. Применение психологических триггеров в целях повышения объемов продаж / М.С. Шевченко, А.А. Сидоренко, М.Г. Попов // Экономика. Управление. Финансы. – 2019. – № 1(15). – С. 43-50. – EDN UKONML.
5. Бондаренко, В. Е. Психологические триггеры стресса и методы их идентификации / В.Е. Бондаренко, Т.С. Мокрушина // Школа молодых новаторов: Сборник научных статей 5-й Междунар. научн. конф. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 303-305. – EDN QNMUNG.

УДК 159.922

РОЛЬ ЗНАЧИМОГО ВЗРОСЛОГО В ПЕРИОД ПОДРОСТКОВОГО КРИЗИСА РЕБЕНКА

Туркина Ю.А., ORCID 0009-0003-3893-5194,
Олейник Н.О., канд. психол. наук., ORCID 0000-0002-8351-8803
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», г. Херсон, РФ
jula08@mail.ru, Narmina88@gmail.com

Подростковый возраст представляет собой критический этап развития личности, который сопровождается интенсивными физиологическими, психологическими и социальными изменениями. Часто этот период сопровождается такими кризисными явлениями как, эмоциональная лабильность, конфликтность, снижение успеваемости, девиантное поведение или социальная изоляция. Успешное преодоление подросткового кризиса во многом зависит от качества социальной среды подростка, и в частности, от наличия и активности так называемого «значимого взрослого» (родителя, педагога, наставника). Данная статья посвящена анализу многогранной роли значимого взрослого в период подросткового кризиса, освещая его влияние на формирование идентичности, эмоциональное благополучие и социальную адаптацию подростка.

Подростковый кризис (12–17 лет) – закономерный этап развития и перехода от детства к взрослости. Его основные характеристики включают:

1. Биологические изменения: пубертат, быстрый рост, половое созревание, которые приводят к изменению образа тела и самовосприятия.
2. Формирование идентичности: подростки активно ищут ответ на вопрос «Кто я?», экспериментируют с различными ролями, ценностями и убеждениями, что часто сопровождается внутренней неопределенностью и экзистенциальными переживаниями.
3. Эмансипация и автономия: стремление к независимости от родителей, перенос центра значимости на группу сверстников, однако при сохраняющейся, хоть и скрытой, потребности в поддержке взрослых.
4. Эмоциональная лабильность: частые и резкие перепады настроения, повышенная чувствительность к критике, импульсивность.
5. Развитие когнитивных способностей: формирование абстрактного мышления, способности к рефлексии, планированию и критическому анализу.

В этот период подросток особенно уязвим к внешним влияниям, что делает роль значимого взрослого критически важной. По мнению ученых, именно взаимодействие с взрослыми создает зону ближайшего развития ребёнка, обеспечивая когнитивное и эмоциональное продвижение вперед. Взрослый служит моделью для подражания, источником мотивации и средством приобретения социальных навыков [2; 3].

Согласно Э. Эриксону, подростковый кризис проявляется в столкновении двух противоположных тенденций: стремления к автономии и независимости («идентичность») и желания сохранить связи с семьей и обществом («неопределённость»). Данное противоречие порождает внутренние конфликты, тревоги и переживания, характерные для большинства подростков. Для успешной интеграции в общество подростку необходимы адекватные ориентиры и поддерживающие взрослые фигуры [5].

Фигура взрослого выступает как стабилизирующий фактор, обеспечивающий поддержку, границы допустимого поведения и модель конструктивного взаимодействия с миром.

Психологические особенности подросткового возраста характеризуется нестабильной самооценкой, колебаниями настроения, поиском смысла жизни и осмысленных целей. Подросток сталкивается с вопросами личной ответственности, морали, дружбы и любви. Значимые взрослые оказывают большое влияние на процесс социализации, участвуя в разрешении внутренних конфликтов подростка и помогая формировать зрелую личность [4].

Ключевые характеристики значимого взрослого включают:

1. Доверие и безопасность: подросток должен чувствовать себя в безопасности и быть уверенным, что его выслушают и примут, не обесценивая его чувства и переживания.

2. Эмпатия и понимание: способность взрослого поставить себя на место подростка, понять его перспективы и мотивы, даже если они кажутся иррациональными.

3. Неосуждающее отношение: отсутствие критики и нравоучений, сосредоточение на поиске решений и поддержки.

4. Последовательность и надежность: предсказуемость в реакциях и готовность быть рядом в трудную минуту.

5. Способность устанавливать границы: умение формировать разумные и объяснимые правила, способствующие развитию ответственности и самоконтроля.

Функции значимого взрослого, способствующие стабильному взрослению ребенка в период подросткового кризиса [1].

1. Эмоциональная поддержка и валидация чувств: значимый взрослый служит «эмоциональной гаванью», где подросток может выразить свои страхи, сомнения, гнев и радость без страха осуждения. Валидация чувств (признание их уместности, даже если взрослый не согласен с поведением) помогает подростку понять и принять свои эмоции, снижает уровень тревоги и агрессии. Это создает основу для развития эмоционального интеллекта и саморегуляции.

2. Обучение социальным навыкам. Подростки наблюдают за взрослыми, копируя их поведение, способы разрешения конфликтов,

стрессоустойчивость. Значимый взрослый является ролевой моделью, демонстрируя адекватные стратегии общения, самоконтроля, ответственности и эмпатии. Это помогает подростку развивать собственные социальные компетенции и адаптироваться в различных социальных ситуациях.

3. Установление границ. Несмотря на стремление к автономии, подростки по-прежнему нуждаются в разумных границах и структуре. Значимый взрослый помогает в этом, устанавливая четкие, но гибкие правила, объясняя их смысл и последствия нарушения. Он предоставляет необходимое руководство, помогая подростку принимать обоснованные решения, избегать рискованного поведения и учиться на своих ошибках.

Подростковый кризис – это не просто период трудностей, но и уникальная возможность для личностного роста и формирования зрелой идентичности. Роль значимого взрослого в этот период невозможно переоценить. Он выступает в качестве эмоциональной опоры, проводника в мире социальных норм, наставника и вдохновителя. Эффективное участие значимого взрослого, основанное на доверии, уважении и эмпатии, способствует более благополучному разрешению кризиса, формированию у подростка адаптивных стратегий поведения, высокой самооценки и устойчивого самосознания. Инвестиции в поддержку подростков со стороны значимых взрослых являются инвестициями в здоровое и стабильное будущее общества.

Список литературы

1. Басюк, В. С. Значимый взрослый в развитии личности / В.С. Басюк, Е.Ю. Илалтдинова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2024. – № 213. – С. 130-141.
2. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович // под редакцией Д. И. Фельдштейна / Вступительная статья Д.И. Фельдштейна. – 2-е изд. – Москва: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с. – ISBN 5-89395-048-6.
3. Выготский, Л. С. Психология / Л.С. Выготский. – Москва: Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. – 1008 с. – ISBN 5040047088.
4. Лебедкин, Н. Д. Трудности подросткового возраста / Н.Д. Лебедкин, А.Б. Михалева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 3. – С. 120–121.
5. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Э. Эриксон // Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ЕЕ КОРРЕКЦИИ

Халилова З.М., ORCID: 0009-0007-7179-8178,
Талалуева Т.А., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», г. Херсон, РФ
atmosfera.office@gmail.com, *talalueva2009@mail.ru*

Введение. Тревожность у старших подростков стала одной из ключевых проблем современного школьного образования и психологического развития молодёжи. В структуре личности подростка тревожность выступает не только реакцией на внешние факторы, но и результатом внутренних противоречий, связанных с самооценкой, становлением образа «Я» и предстоящими жизненными выборами. **Целью** исследования является теоретический анализ проявлений тревожности у старших подростков и оценка эффективности психолого-педагогических способов её коррекции на основе современных научных данных.

Распространённость и проявления тревожности. Согласно оценкам ВОЗ, тревожное расстройство развивается у 4,1% подростков 10-14 лет и 5,3% подростков 15-19 лет. Депрессия встречается у 1,3% подростков 10-14 лет и 3,4% подростков в возрасте 15-19 лет. В России официальная статистика указывает на рост выявленных тревожных расстройств среди подростков в последние пять лет более чем на 30%. По оценкам специалистов, у 5,3% подростков 15-19 лет диагностируются тревожные расстройства. Масштабные опросы выявили, что почти 39% российских школьников регулярно испытывают сильную тревожность, а около 10% имеют пограничные психические расстройства [4].

Мнения российских и зарубежных учёных. В. В. Трубина и Л. Е. Адамова отмечают, что тревожность подростков связана с переживаниями по поводу образования, социального статуса и семейных отношений [5]. Авторы выделают учащихся с выраженной тревожностью, для которых характерны постоянное ожидание угроз, коммуникационные затруднения и минимальная самореализация. В зарубежных исследованиях Б. Дж. Брюстер и Т. Миллер акцентируется фактор переходного возраста, перестройки ролей, высокого риска депрессии и поведенческих нарушений [6]. Анализ международных исследований подтверждает, что тенденции роста тревожности характерны почти для всех индустриальных стран, особенно при осложнённых образовательных переходах или стрессовых семейных обстоятельствах. Влияние тревожности на академическую и профессиональную успешность, а также на долгосрочное психическое здоровье отмечается большинством современных исследователей [7].

Психосоматические проявления тревожности. Длительное пребывание в состоянии повышенной тревожности у старших школьников часто сопровождается психосоматическими нарушениями – головными болями, нарушениями сна, снижением иммунитета, хронической усталостью. Данные исследований В. А. Земент и Е. А. Смирновой-Рабелиной свидетельствуют, что 43% старшеклассников имеют психосоматические проявления, что указывает на необходимость комплексного подхода к диагностике и коррекции тревожных расстройств, учитывая психологические и физиологические факторы [1]. Это особенно важно при планировании профилактических программ, направленных на улучшение общего состояния здоровья подростков.

Социальные факторы и их влияние. С. О. Петрова и Е. И. Щебланова отмечают, что социальная среда играет ключевую роль в формировании тревожности у подростков. Давление сверстников, ожидания родителей, конкуренция в учебе и страх неудачи приводят к усилению внутреннего напряжения и потере уверенности в себе. Высокий уровень социальной тревожности, особенно среди одаренных и успешных учащихся, может вызывать ухудшение успеваемости, дезадаптацию и уход из школьной среды. Важно учитывать эти факторы при формировании психолого-педагогических программ и направлять усилия на создание поддерживающей, доверительной атмосферы как в семье, так и в образовательных учреждениях [3].

Психологические способы коррекции тревожности. Современные методы психологической коррекции тревожности у старших подростков включают когнитивно-поведенческую терапию (КПТ), экспозиционную терапию, групповые тренинги, методы саморегуляции, работу с самооценкой и использование цифровых средств поддержки. Исследования Т. Идсое и др. подтверждают эффективность КПТ-программ для уменьшения симптомов тревожности и депрессии в подростковой группе. Методы, ориентированные на развитие когнитивных стратегий преодоления тревожных мыслей, формирование стрессоустойчивости и навыков самоконтроля, считаются базовыми для профилактики и коррекции тревожности [2].

Зарубежный опыт показывает высокую результативность интернет- и мобильных приложений для поддержки подростков с тревожными расстройствами, включая онлайн-тренинги и программы guided self-help. Применяются и профилактические тренинги, психообразование, методы арт-терапии и релаксационные техники, помогающие подросткам снижать эмоциональное напряжение и формировать более устойчивую самооценку [3].

На основе анализа научных данных представляется целесообразным диагностировать тревожность у старших подростков с применением психометрических тестов и опросников, проводить регулярные мониторинги психологического состояния, разрабатывать индивидуальные рекомендации – в сотрудничестве с семьёй и педагогами. Наиболее эффективны

комплексные программы с элементами когнитивно-поведенческого влияния, поддержкой эмоциональной сферы и развитием навыков коммуникации.

Заключение. Тревожность старших подростков – многоаспектная проблема, влияющая на развитие личности, обучение и социальную адаптацию. Рост тревожных расстройств зафиксирован как в России, так и за рубежом, что требует внедрения современных методов коррекции, адаптированных к условиям и психологическим особенностям подросткового возраста. Научные данные однозначно подтверждают актуальность системного подхода к профилактике и коррекции тревожности – через диагностику, индивидуальную работу, применение КПТ, цифровых решений, а также активное сотрудничество с семьёй и педагогическим коллективом. Перспективным направлением становится интеграция образовательных и психологических ресурсов для формирования психологической устойчивости и развития личности старших подростков.

Список литературы

1. Земент, В. А. Динамика личностной тревожности старших школьников с психосоматическими нарушениями / В.А. Земент, Е.А. Смирнова-Забелина // Вестник науки. – 2025. – №1 (82). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-lichnostnoy-trevozhnosti-starshih-shkolnikov-s-psihosomaticheskimi-narusheniyami (дата обращения: 29.09.2025).
2. Идсое, Т. Уменьшение симптомов тревожности у подростков с уже имеющейся депрессией: результаты рандомизированного контролируемого исследования / Т. Идсое, С. Келес, Х. Солберг // Психиатрия. – 2025. – 16:1461887. – URL: https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsyt.2025.1461887/full (дата обращения: 29.09.2025).
3. Петрова, С. О. Современные зарубежные исследования тревожности интеллектуально одаренных школьников / С.О. Петрова, Е.И. Щебланова // Современная зарубежная психология. – 2021. – №10(4). – С. 97-106. – URL: https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100409 (дата обращения: 28.09.2025).
4. Психическое здоровье подростков // Всемирная организация здравохранения. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health (дата обращения: 28.09.2025).
5. Трубина, В. В. Самооценка и тревожность у старших школьников / В.В. Трубина, Л.Е. Адамова // Вестник науки. – 2025. – №1 (82). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samootsenka-i-trevozhnost-u-starshih-shkolnikov (дата обращения: 30.09.2025).
6. Brewster, B.J.M., Miller T. Missed Opportunity in Mathematics Anxiety // International Electronic Journal of Mathematics Education. – 2020. – №15(3). – URL: https://clk.li/GidV (дата обращения: 30.09.2025).
7. Contributing Factors to the Rise in Adolescent Anxiety and Associated Mental Health Disorders: A Narrative Review of Current Literature / T. L. Anderson [Et al.] // Journal of child and adolescent psychiatric nursin: official publication of the Association of Child and Adolescent Psychiatric Nurses. – 2025. – № 38(1). – e70009. – URL: https://doi.org/10.1111/jcap.7000 (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 159.923.2

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Черных Л.А., д-р психол. наук, доц., ORCID 0000-0001-5562-7669
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
Larisa_pon@inbox.ru

В любом виде деятельности человек руководствуется своими потребностями, целями, мотивами, выбирает образ действий в соответствии с мировоззрением, убеждениями, усвоенными ценностями и личностными смыслами. Формируясь с раннего детства в процессе воспитания, обучения и развития, ценности и смыслы претерпевают изменения, кристаллизируясь в юношеском возрасте и трансформируясь в течение жизни под воздействием социальных отношений. В процессе формирования самосознания и его компонентов ключевую роль играет ценностно-смысловая сфера, в соответствии с которой развиваются те или иные черты характера, особенности познавательной, коммуникативной, эмоциональной, волевой и морально-нравственной сфер, поведенческие стереотипы. Нахождению личностных смыслов, согласованных с тем, что действительно ценно, человек посвящает иногда годы жизни, стремясь к самоактуализации.

Согласно пирамиде потребностей А. Маслоу, самоактуализация и самореализация относятся к высшим потребностям личности, которые анализируются, опираясь на значимые достижения в процессе личностного развития. К этому автор пришел, исследуя самоактуализацию личностей, внесших весомый вклад в историю американского общества [2]. Самоактуализация как психологический конструкт многогранна и многокомпонентна, зависит от множества социально-личностных факторов, ведущими из которых, безусловно, являются ценности («объекты, явления, их свойства, а также абстрактные идеи, воплощающие в себе общественные идеалы и выступающие благодаря этому как эталон должного» [3, с. 442]) и смыслы («возникают в деятельности, и только тогда становятся единицей человеческого сознания, когда осознается значение деятельности и ее результатов для личности и общества» [1, с. 466]).

Рассматривая ценности и смыслы, являющиеся ключевыми в процессе самоактуализации, обратимся к эмпирическому исследованию основных компонентов данного конструкта с помощью методики «Самоактуализационный тест (САТ) Э. Шострома». В исследовании приняли участие 118 студентов 2 курса (средний возраст 18 лет) направление подготовки «Филология», «Специальное (дефектологическое) образование» и «Химия. Биология» Луганского государственного педагогического университета.

Результаты исследования дают возможность констатировать, что ориентируются во времени на высоком уровне 64,4% респондентов, что способствует успешности их учебной деятельности, проживанию жизненных событий в настоящем моменте. В то же время живут прошлым или мечтами о будущих событиях 35,6%, а, следовательно, они не воспринимают свою жизнь как целостное событие, в котором неразрывно связано прошлое, настоящее и будущее.

Высокие баллы по шкале поддержки имеют только 39,8% студентов, они демонстрируют независимость в принятии решений, поступках, руководствуются собственными убеждениями, целями, мало подвержены внешнему влиянию. Но большинство респондентов выборки (60,2%) имеют высокую степень зависимости, конформности и несамостоятельности.

Шкала ценностной ориентации показывает, что ценности большинства второкурсников (82,2%) согласуются с ценностно-смысловой сферой самоактуализирующейся личности. Лишь 17,8% студентов не разделяет данные ценности.

Большинство респондентов выборки (72,9%) адекватно и гибко реагирует на возникающие ситуации при взаимодействии с окружающими людьми. Высокую степень ригидности показали 27,1% испытуемых.

Сензитивность к собственным чувствам на высоком уровне продемонстрировали 74,6% студентов, в то же время не отдают себе отчет в своих потребностях и чувствах, имеют низкий уровень рефлексии 25,4%.

При этом большинство респондентов (78%) не боится раскрыть свои чувства, открыто высказываться по тем или иным вопросам, остальные 22% не склонны к проявлению спонтанности, предпочитают просчитывать заранее свое поведение.

Самовосприятие человека раскрывается через самоуважение и самопринятие. И большая часть выборки демонстрирует высокий уровень данного показателя, причем ценят свои достоинства, положительные черты характера, уважают себя за них 91,5% опрошенных (против 8,5% не уважающих себя как личность), а принимают себя только 83% второкурсников, остальные 17% видят в себе больше недостатков, чем достоинств.

Среди концептуальных параметров личности следует выделить представление о природе человека и целостном восприятии мира. При этом положительно воспринимают природу человека, дихотомические отношения мужественности / женственности, рациональности / эмоциональности 81,4% студентов, лишь 18,6% воспринимают мир мрачным, враждебным, что, вероятно, связано с семейным воспитанием. Позитивно воспринимают гармонию телесного и духовного, мира и человека в нем 72,9% респондентов, в то же время 27,1% воспринимают мир фрагментарно, в зависимости от частных интересов.

Межличностная чувствительность была проанализирована с помощью принятия собственной агрессии и степени контактности при взаимодействии. Было выяснено, что замечают и принимают свою агрессию, раздражение, гнев 61% студентов, другие 39% агрессивное поведение по отношению к другим людям проявляют, но считают неприемлемым, хотя и не могут регулировать негативные эмоции. Глубокие, тесные, эмоционально насыщенные взаимоотношения с людьми стремятся устанавливать 74,6% опрошенных, при этом четверть студентов (25,4%) не считают это необходимым, вступая в коммуникативный контакт только по мере необходимости.

При изучении отношения к познанию учитывались познавательные потребности и креативность в процессе приобретения новых знаний. В данной выборке высокую степень выраженности стремления к приобретению знаний об окружающем мире показали только 41,5% студентов, у более, чем половины опрошенных (58,5%) познавательная потребность низкая. Что же касается творческой направленности личности, то большинство респондентов имеют высокий уровень креативности (74,6%), что не относится к познавательной деятельности, четвертая часть (25,4%) – не стремится к знаниям и проявлению творческого подхода к их приобретению.

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что большинство студентов второго курса педагогического вуза имеют высокий уровень личностной самоактуализации, ищут возможности для реализации их потенциала. Обращает на себя внимание их зависимость от значимых взрослых, наличие внешнего локуса контроля, несамостоятельность в выборе решений, а также низкий уровень познавательной активности, что не способствует приобретению глубоких профессиональных знаний в процессе обучения в вузе. Полученные результаты дают основание для проведения психокоррекционной работы в этом направлении.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 672 с. – (Большая университетская библиотека). – ISBN 978-5-93878-232-7.
2. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2017. – 448 с. – (Серия «Мастера психологии»). – ISBN: 978-5-496-02273-6.
3. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Политиздат, 1990. – 494 с. – ISBN 5-250-00364-8.

УДК 159.9

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ VS ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ

Чуканов Е.В., ORCID 0009-0003-0237-767X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.v.chukanov@mail.ru

В современном мире, характеризующемся быстрыми переменами и постоянной неопределенностью, вопросы психологического здоровья становятся особенно актуальными. Военные конфликты, экономические кризисы, глобальные пандемии и экологические угрозы вызывают у людей глубокие эмоциональные переживания, отсутствие ощущения стабильности и безопасности, что требует от человека поиска внутренних ресурсов для сохранения физического, психологического и социального благополучия. В этой ситуации особое значение приобретают понятия, которые описывают способность личности противостоять стрессам, адаптироваться к сложным условиям, сохраняя внутреннее равновесие, целостность, активную жизненную позицию и ценностные ориентиры. Жизнестойкость и жизнеспособность рассматриваются как важнейшие факторы сохранения здоровья, проявляющиеся не только в физической сфере, но и в духовной составляющих человеческого бытия.

Исходной точкой в исследовании жизнестойкости считаются работы С. Мадди и С. Кобаса, опубликованные в 1974 г. С. Кобаса обратила внимание на то, что при воздействии сильного стресса не все люди страдают от заболеваний. Это наблюдение позволило ей выдвинуть гипотезу о том, что люди, испытывающие высокий уровень стресса, но при этом сохранившие здоровье, отличаются от тех, кто в стрессовых ситуациях заболевает или жалуется на состояние здоровья. Результаты проведенных исследований продемонстрировали, что стрессовые события оказывают меньшее влияние на здоровье благодаря наличию определённых личностных, аффективных, когнитивных и поведенческих реакций. Эти реакции способствуют буферизации стрессоров и, как следствие, помогают поддерживать и даже улучшать общее состояние здоровья.

Социальное окружение способствует развитию жизнестойкости и позволяет сформировать установки контроля, вызова и преданности. Именно они лежат в основе экзистенциального мужества – готовности к защите себя от негативных последствий стресса, а также преобразованию себя и окружающего мира в процессе преодоления трудностей. Жизнестойкость обладает трансформационным потенциалом путем изменения стрессовых реакций посредством вовлеченности, контроля и готовности к риску. В данном контексте, жизнестойкость выступает

системным качеством личности, которая определяет способность к адаптации [6].

Говоря о жизнеспособности, как категории психологии, то впервые она используется в работе американского социального работника М. Скойвал 1942 г., в которой анализируются психологические особенности детей, пострадавших в годы Второй мировой войны.

Историческая ретроспектива, проведенная А.В. Махначем, на основе исследований Э. Мастен и Дж. Обрадович, позволяет выделить несколько волн в исследовании жизнеспособности. Исследования первой волны были сосредоточены на феноменологическом определении защитных факторов на уровне индивида, семьи и общества, влияющих на развитие ребёнка. Вторая волна характеризуется лонгитюдными исследованиями, в которых происходит переход от понятия «неуязвимость» к «жизнеспособности». Третья волна фокусируется на изучении ресурсов и факторов жизнеспособности. Исследования четвёртой волны акцентируют внимание на жизнеспособности как индивидуальной способности и признаке здоровья в культурном и социальном контекстах. Пятая волна фокусируется на исследованиях с учётом экономических, этнических и социальных факторов.

На современном этапе под жизнеспособностью понимается способность человека справляться с трудными жизненными ситуациями, восстанавливаться, используя внутренние и внешние ресурсы. Акцентируется внимание не просто на выживании, а на развитии, несмотря на негативные события. Жизнеспособность обеспечивает баланс между социальными требованиями и жизненным предназначением человека, выражаясь в субъективной удовлетворенности жизнью. Относясь к психическим свойствам, жизнеспособность является детерминантой жизнеосуществления человека и как любое свойство психического имеет определенную динамику становления [3, 4].

Несмотря на терминологическую схожесть, следует различать понятия жизнеспособности и жизнестойкости. Указывается, что в психологии равноправно существуют оба понятия, однако, семантически они различаются. Термин «жизнестойкость» понимается как стойкость по отношению к жизненным трудностям, а «жизнеспособность» – способность к функционированию, развитию и адаптации [2].

Так же мы можем обнаружить содержательные различия в терминах. Жизнеспособность является индивидуально-личностным свойством и может рассматриваться как способность управлять ресурсами в различных социокультурных условиях. Индикатором является удовлетворенность жизнью. Жизнеспособность относится к способности человека поддерживать нормальное функционирование в любых сложных условиях и оказывает положительное и защитное влияние до появления эмоциональных реакций и механизмов совладания [4, 7].

Жизнестойкость относится к направленности и проявляется в установках личности. Проявляясь в контексте жизненных трудностей, отражается в механизмах совладания и умении сопротивляться стрессовым факторам. Влияет на восприятие и оценку стрессовых событий, опосредует связь между копинг-стратегиями и результатами, при этом стили преодоления могут выступать в роли устойчивых защитных механизмов, смягчающих восприятие стрессовой ситуации [1, 5].

Можно предположить, что жизнестойкость складывается из различных факторов, способствующих развитию личных ресурсов и защищающих человека от негативных оценок стрессовых ситуаций. Жизнеспособность проявляется на нескольких уровнях: в оценке стрессоров, в метакогнитивных реакциях на возникающие эмоции и в выборе стратегий преодоления.

Список литературы

1. Борисов, Г. И. Жизнеспособность как условие профессионального развития личности [Электронный ресурс] / Г.И. Борисов, А.А. Печеркина // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 11. – С. 72-75.
2. Махнач, А. В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие / А. В. Махнач // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 6. – С. 84-98.
3. Махнач, А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. / А.В. Махнач. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 459 с.
4. Рыльская, Е. А. Психологическая структура жизнеспособности человека: синергетический контекст. / Е.А. Рыльская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 142 – С. 72-83.
5. Fletcher D. & Sarkar M. (2013). Psychological resilience: A review and critique of definitions, concepts, and theory. European Psychologist, 18(1), 12–23. – DOI: 10.1027/1016-9040/a000124
6. Maddi, S., & Khoshaba D. HardiTraining. Managing Stress for performance and health enhancement. Irvine: The Hardiness Institute. 2004.
7. Mancini A. D. & Bonanno G. A. (2009). Predictors and parameters of resilience to loss: Toward an individual differences model. Journal of Personality, 77, 1805–1832. – DOI: 10.1111/j.1467- 6494.2009.00601.x

УДК 159.9.072

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У СТУДЕНТОВ

Ярославцева И.В., д-р психол. наук, проф., ORCID 0009-0004-8992-7589,
Лутошлива Е.С., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0003-3188-1931,
Шахова И.С., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0003-1872-4365,
Десятова Н.К., ORCID 0009-0001-0948-1627
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
ya-irk@yandex.ru, eka3676@yandex.ru, shahova-irina@lenta.ru, niskalova@mail.ru

Введение. Исследование взаимосвязи отношения к смерти и психологического благополучия у студентов представляет актуальность в современном обществе. В данном возрастном периоде молодые люди активно формируют свои ценностные ориентации, задумываются о своём месте в этой жизни. В то же время возрастает основополагающая экзистенциальная дихотомия между жизнью и смертью.

Тема смерти может вызывать у них широкий спектр эмоций, от экзистенциального ужаса до смиренно-благоговейного принятия. Однако, вопросы конечности жизни может быть особенно трудными для молодых людей, испытывающих тревогу, в связи с неопределённостью будущего, неудовлетворённостью жизнью, непринятием себя, страхом старения и табуированности темы умирания в целом, находит своё воплощение в главном – страхе перед жизнью.

Исследование взаимосвязи отношения к смерти и психологического благополучия у студентов имеет существенное значение для понимания того, как именно студент способен выстраивать свою жизненную перспективу.

В современных условиях изменения в общественно-экономических и социокультурных аспектах жизнедеятельности человека создают определенный парадокс: с одной стороны, тема смерти является «нежелательной» или запретной для обсуждения, а с другой стороны, она широко представлена в массовой культуре (компьютерные игры, фильмы и сериалы…), став неотъемлемой частью современной жизни. Это приводит к «обезличиванию» неизбежного и неизменного аспекта человеческого существования. Факт неизбежности собственной смерти, заставляет молодых людей переосмыслить свой образ жизни, отношение к себе и близким. Отношение к смерти является чрезвычайно индивидуализированным, является одним из основополагающих аспектов психологической зрелости личности и зависит от уровня психологического благополучия [2, 3].

Психологическое благополучие, как интегральный феномен, включает в себя различные субъективные ощущения удовлетворенности человеком своей жизнью и находит свое отражение в таких когнитивных и эмоциональных оценках, как самопринятие, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, автономия, жизненные цели [1, 4, 5].

Отношение к смерти и уровень психологического благополучия являются важными детерминантами личности, которые определяют её активность, стремление к реализации внутреннего потенциала, а также удовлетворенность как жизнью в целом, так и собой в частности.

Проблема исследования взаимосвязей отношения к смерти и психологического благополучия у студентов остаётся мало изученной, что требует ее более детального рассмотрения. Практическая значимость изучения данной темы заключается в возможности использования результатов исследования, как психологами, так и преподавателями высших учебных заведений для построения комплекса психопрофилактических и психокоррекционных программ, направленных на повышение уровня психологического благополучия студентов, а также более осознанного и зрелого взгляда в отношении смерти.

Цель и методы исследования. Для выявления взаимосвязи отношения к смерти и психологического благополучия у студентов были использованы следующие методики: тест-опросник «Профиль аттитьюдов по отношению к смерти» П. Т. Вонга, Г. Т. Рикера, Дж. Гессера; тест-опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф. В исследовании приняли участие 30 студентов в возрасте от 20 до 23 лет. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет».

Результаты исследования. В ходе исследования было выявлено, что наиболее выраженными типами отношения к смерти у студентов оказались «Нейтральное принятие» (60%) и «Избегание темы смерти» (23,3%). Наименее выраженными оказались такие типы отношения к смерти как «Приближающееся принятие смерти» (13,3%) и «Страх смерти» (3,3%). Выбор того или иного типа отношения к смерти зависит от уровня психологического благополучия студента. Результаты, полученные на основе корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, позволяют говорить о том, что существует определенная взаимосвязь между предпочитаемыми типами отношения к смерти и уровнем психологического благополучия у студентов.

Так, для студентов, с отношением к смерти «Нейтральное принятие» и «Приближающееся принятие смерти», характерен высокий уровень психологического благополучия ($p \leq 0,01$) и таких его составляющих как «Управление окружением» ($p \leq 0,05$), «Личностный рост» ($p \leq 0,01$), «Цель в жизни» ($p \leq 0,01$), «Самопринятие» ($p \leq 0,05$). Данная категория студентов, обладая определенной степенью внутриличностной гармонии, способна

выстраивать наиболее позитивные и глубокие по своей содержательной наполненности взаимоотношения с окружающими, более открыта к новому опыту, неизвестность для них, коей также может выступать тема смерти, представляется не как останавливающий фактор, но как стимул для дальнейшего развития и нахождения ответов на интересующие вопросы.

Вместе с тем для студентов, предпочитающих такие типы отношения к смерти как «Избегание темы смерти» и «Страх смерти», характерен низкий уровень психологического благополучия ($p \leq 0,01$) и таких его компонентов как «Автономия» ($p \leq 0,05$), «Управление окружением» ($p \leq 0,05$), «Самопринятие» ($p \leq 0,01$). Для данной категории студентов, вероятнее всего, соприкосновение с довольно сложными экзистенциальными темами или нахождение в эпицентре трагических событий будет достаточно проблемной задачей. Определенные трудности могут возникать из-за чувства неуверенности в себе, ощущении потери контроля над ситуацией (факт смерти) и дальнейшей невозможности совладать с собой в ситуациях, требующих четкой и быстрой мобилизации сил для дальнейшей продуктивной работы.

Заключение. Таким образом, удалось выявить взаимосвязь и подтвердить поставленную гипотезу, что для студентов, испытывающих «Страх смерти» и «Избегание темы смерти», свойственен низкий уровень психологического благополучия, в то время как для студентов, склонных к «Нейтральному принятию смерти» и «Приближающему принятию смерти», характерен высокий уровень психологического благополучия.

Список литературы

1. Павлоцкая, Я. И. Психологическое благополучие в контексте системы отношений личности / Я. И. Павлоцкая // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 14. – С. 28–31.
2. Жукова, Н. Ю. Теоретический обзор современных зарубежных исследований отношения к смерти / Н. Ю. Жукова, Е. Л. Солдатова // Вестник ЮУрГУ. – 2018 – № 3 – С. 13–23.
3. Коровина, М. Ю. Влияние личностных факторов на отношение к смерти в юношеском возрасте / М. Ю. Коровина // Гуманитарные научные исследования. – 2019. – № 6. – С. 13–17.
4. Насырова, Д. Р. Взаимосвязь отношения к смерти с психологическим благополучием у студентов / Д. Р. Насырова // Молодой ученый. – 2022. – № 28 (423). – С. 61–62.
5. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие личности / Т. Д. Шевеленкова, Т. П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2015. – № 3. – С. 95–121.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО

Ярославцева И.В., д-р психол. наук, проф., ORCID 0009-0004-8992-7589,
Лутошлива Е.С., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0003-3188-1931,
Шахова И.С., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0003-1872-4365,
Лукаш М.А.*, ORCID 0009-0002-8326-3879*
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
ya-irk@yandex.ru, eka3676@yandex.ru, shahova-irina@lenta.ru

Введение. Влияние военных конфликтов на психику участников боевых действий активно изучается, однако значительно меньше внимания уделяется тому, как это отражается на психоэмоциональном состоянии членов семьи. Подростковый возраст представляет собой критический, сензитивный этап, в котором формируются и закрепляются устойчивые формы реагирования, включая агрессивное поведение. Агрессивность подростков обусловлена взаимодействием биологических, социальных и психологических факторов. Участие родителей в военных конфликтах, таких как специальная военная операция (СВО), выступает как мощный психотравмирующий фактор, оказывающий многоуровневое воздействие на формирующуюся личность ребёнка.

Хроническая тревожность, фрустрация, дефицит эмоциональной поддержки, недоступность родителей в результате нарушения семейной структуры и вторичная травматизация могут усиливать агрессивность подростков как формы защиты, протеста или компенсации чувства беспомощности [1, 3]. Агрессивность определяется как устойчивое личностное свойство, характеризующееся наличием деструктивных тенденций в сфере межличностных отношений и готовностью к агрессивным действиям в различных ситуациях. Агрессивность является многокомпонентным конструктом, включающим поведенческий, аффективный и когнитивный компоненты, а её проявления зависят от индивидуальных, семейных и социальных факторов.

Несмотря на обширные исследования, посвященные агрессивности как психологическому феномену и ее проявлениям в подростковом возрасте [2] комплексное представление об особенностях агрессивности подростков из семей участников СВО в настоящее время отсутствует, что затрудняет разработку целенаправленных программ профилактики и коррекции агрессивного поведения.

Цель и методы исследования. Исходя из понимания значимости формирования комплексного представления об особенностях агрессивности подростков из семей участников СВО проведено исследование, охватившее 60 подростков в возрасте от 14 до 17 лет. С целью выявления специфики

проявления агрессивности у подростков из семей участников СВО, в выборку вошли подростки, проживающие на территории закрытого военного городка и гражданской городской среде.

Исследование проводилось с использованием методики «Опросник исследования уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки». Обработка данных включала как качественный, так и количественный анализ с применением критерия Краскела–Уоллиса.

Результаты исследования. Анализ полученных данных показал, что по всем шкалам значения не превышают норму, однако имеются тенденции к различиям между группами подростков, один из родителей которых является участником СВО и подростков, члены семей которых не принимали участия в СВО (табл.).

Таблица

Средние значения по шкалам методики «Опросник исследования уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки»

Шкала	ВГ-С N10	ВГ-Б N20	И-С N10	И-Б N20
Физическая агрессия	5,2	4,7	4,7	5,6
Косвенная агрессия	4,1	3,1	4,1	4,3
Раздражение	5,2	3,9	5,8	5,4
Негативизм	1,6	1,8	2,8	2,6
Обида	2,8	2,5	3,7	3,3
Подозрительность	4,5	3,9	4,6	5,4
Вербальная агрессия	5,8	5,5	5,9	6,6
Чувство вины	4,2	4,3	4,5	4,4
Индекс агрессивности	20,3	17,3	20,5	21,9
Индекс враждебности	7,3	6,4	8,3	8,6

Условные обозначения: ВГ – военный городок, И – город Иркутск, С – с участником, Б – без участника.

Самые высокие показатели были зафиксированы у испытуемых из г. Иркутск. Так, в группе, включающей подростков, не имеющих в семье участников СВО, были зафиксированы наивысшие значения по шкалам физической агрессии, косвенной агрессии, подозрительность, вербальной агрессии, индексу агрессивности и индексу враждебности. А в группе, включающей подростков из семей участников СВО, зафиксированы наивысшие значения по шкалам, отражающим внутреннюю эмоциональную нестабильность и скрытые формы агрессивного поведения: раздражение, негативизм, обида и чувство вины. Это позволяет предположить, что у подростков из семей участников СВО, несмотря на потенциальную психологическую нагрузку, присутствуют механизмы регуляции внешних форм агрессии.

Подростки, проживающие в закрытом военном городке, демонстрируют наименьшие значения по большинству шкал. Высокий уровень структурированности жизни в военном городке, наличие

устойчивых норм и требований, вероятно, способствуют формированию у подростков навыков сдерживания и контроля агрессивных импульсов.

Подростки, проживающие в городской среде, характеризуются более выраженным уровнем как общей агрессивности, так и внутренней враждебности, что, возможно, связано с особенностями социальной атмосферы, меньшей социальной сплочённостью и более высоким уровнем информационного давления.

Статистически значимые различия по критерию Краскела-Уоллеса были выявлены только по шкале «негативизм» ($p = 0,03$). Это может свидетельствовать о том, что особенности социальной среды или семейного контекста (например, участие родителя в СВО) могут оказывать влияние именно на этот аспект агрессивного поведения подростков. По остальным шкалам различия между группами не достигли уровня статистической значимости ($p>0,05$), что позволяет говорить о схожести проявлений большинства форм агрессии и состояний у подростков, вне зависимости от принадлежности к исследуемым группам.

Заключение. В целом, качественный анализ полученных данных позволяет сделать вывод о наличии устойчивых различий в проявлениях агрессивности у подростков в зависимости от места проживания и наличия в семье участника СВО.

Подростки, проживающие в закрытом военном городке, демонстрируют более сдержанное поведение и низкий уровень агрессивности по сравнению со сверстниками из городской среды. При этом участие родителей в СВО влияет на характер агрессивности: у подростков из таких семей чаще проявляются скрытые, эмоционально окрашенные формы – негативизм, раздражение, обида, тогда как у подростков, не имеющих в составе семьи участника СВО, более выражены открытые формы агрессии.

В перспективе имеет смысл проведение лонгитюдного исследования для выявления динамики уровня агрессивности, тревожности и других показателей психоэмоционального состояния подростков во времени, в зависимости от изменений семейной ситуации.

Список литературы

1. Александрова, Л. А. Дети в условиях войны: обзор зарубежных исследований / Л. А. Александрова, С. О. Дмитриева // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 139–149.
2. Алиева, М. Б. Социальные факторы развития и формирования агрессивного поведения в подростковом возрасте / М. Б. Алиева, Е. Э. Магомедова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 6–2. – С. 173–176.
3. Ярославцева, И. В. Психическая депривация в детском и подростковом возрасте / И. В. Ярославцева ; Рецензенты: А. В. Глазков, А. П. Вяткин. – Иркутск : федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Иркутский государственный университет", 2014. – 190 с.

УДК 37.013.78

ПРИЧИНЫ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В РОССИИ

Алаторцева О.А., канд. экон. наук, доц.
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», г. Москва, г. Зеленоград, РФ
frololja@mail.ru

Введение. Социальное сиротство является одной из ключевых социальных проблем современного российского общества. Специалисты полагают, что 10-15% детей от общего числа сирот являются «круглыми сиротами», остальные – социальные сироты, то есть «дети при живых родителях» – лишённых по той или иной причине родительской опеки.

Цель. Для решения проблемы социального сиротства разберемся с причинами появления данного феномена.

Основная часть. Единую причину социального сиротства, устранив которую можно было бы решить данную проблему, назвать нельзя. Остановимся на некоторых из них.

Демографические причины. С одной стороны, большое количество детей в семье может статистически увеличить вероятность лишения родительского попечения в случае возникновения неблагоприятных обстоятельств, что соотносится с концепцией эффекта масштаба. С другой стороны, в регионах с повышенной рождаемостью и, соответственно, высокой долей детского населения, общественные установки и ценности могут быть сильнее ориентированы на поддержку и значимость детского воспитания. Это проявляется, например, в повышенном общественном признании женщин, посвящающих себя уходу за детьми.

Уровень смертности может оказывать существенное влияние на масштаб проблемы сиротства: более высокие показатели смертности в регионе способны приводить к увеличению числа детей, потерявших родителей. И, наконец, учитывая, что воспитание детей в полных семьях обычно связано с меньшими трудностями, уровень разводов в регионе играет важную роль в формировании проблемы социального сиротства.

Социально-экономические причины. Дети, лишенные родительской заботы, часто оказываются в ситуации социальной изоляции, когда сами родители не обладают достаточной социальной защищенностью. К этой категории относятся, например, одинокие матери, лишенные возможности вернуться в родной дом из-за страха осуждения со стороны родственников и последующей социальной изоляции, они вынуждены принимать тяжелые решения, такие как отказ от детей. [4] Также трудовые мигранты

сталкиваются с непростыми препятствиями, такие как языковой барьер, сложности в адаптации на территории другой страны, другая культура.

Особую группу риска составляют многодетные семьи, а также неполные семьи, где воспитание детей осуществляется одним родителем. Отсутствие экономических возможностей для обеспечения достойного уровня жизни семьи приводит к росту социальной незащищенности несовершеннолетних. Моральные трудности, подкрепленные тяжелым финансовым положением, не дают уверенности в будущем, что может привести к самым неблагоприятным для родителей и детей последствиям.

Для семей с небольшим достатком социальные выплаты служат поддержкой, позволяя сохранять привычный уровень жизни. Однако семьи со средним доходом сталкиваются с ощутимым снижением уровня жизни после появления ребенка. Декретный отпуск подразумевает получение около 40% от прежней зарплаты, и эти средства, как правило, полностью расходуются на ребенка. В результате родители вынуждены довольствоваться одним средним заработком. К тому же, женщина, находящаяся в декрете, рискует утратить квалификацию и упустить возможности карьерного роста. При отсутствии собственного жилья, наличие ипотеки или арендной платы существенно повышают риск попадания в категорию малоимущих.

Также наблюдается сокращение сети муниципальных спортивных секций и образовательных центров, ориентированных на развитие креативных способностей; прекращение функционирования учреждений дополнительного образования в связи с бюджетными ограничениями. Это оказывает прямое или косвенное воздействие на рост числа детей, подверженных риску.

Нежеланная беременность. Нередко это случается с молодыми девушками, к примеру, получающими высшее образование или строящими карьеру и не готовыми к материнству ни физически, ни психологически. При нежеланной беременности молодые матери часто сталкиваются с отсутствием поддержки со стороны семьи. Иногда отцы нежеланных детей просто исчезают и отказываются от общения с матерью ребенка, чтобы избежать ответственности.

В России отсутствует специализированная программа, направленная на социальную защиту и поддержку матерей-одиночек. Их права и гарантии закреплены в действующем Трудовом Кодексе, а также в Федеральном законе № 81-ФЗ от 19 мая 1995 года, который регламентирует государственные пособия для граждан, имеющих детей. [3]

Информационное воздействие. Современные электронные СМИ систематически демонстрируют сцены насилия и жестокости, что оказывает негативное влияние на психоэмоциональное состояние человека и формирование его картины мира.

Хронический алкоголизм или наркомания родителей. Данный фактор является самым распространенным. Почти в 50% случаев детей изымают из семьи по причине алкоголизма их родителей. После изъятия дети могут находиться в приютных учреждениях некоторое время, и в дальнейшем, после восстановления их родственников, вновь возвращаться к ним, но такое стечение обстоятельств происходит крайне редко. Родитель может навещать своего ребенка, но ситуация в регионах очень непростая: детей отправляют в определенных случаях далеко от дома, и у их опекунов нет физической и финансовой возможности их навещать. Такое положение дел с годами остается стабильным, ведь в стране нет четко регламентированной системы работы по реабилитации больных алкоголизмом или наркоманией.

Распространено мнение, что лишение родительских прав возможно только на основании судебного вердикта. Однако, статья 77 Семейного кодекса Российской Федерации допускает в исключительном случае изъятие ребенка из семьи при наличии «непосредственной угрозы жизни ребенка или его здоровью» [1]. Определение критериев, составляющих данную непосредственную угрозу, находится в компетенции органов опеки и попечительства. Примечательно, что в настоящее время отсутствует четко регламентированный перечень обстоятельств, квалифицируемых однозначно как непосредственная угроза [1, 2]. Это создает предпосылки для субъективной оценки ситуации представителями органов опеки.

Заключение. Основная проблема в России заключается в том, что органы опеки и попечительства зачастую отдают предпочтение передаче ребенка в опекунскую семью, нежели оказанию поддержки кровным родителям. Это создает дисбаланс в системе защиты прав детей. Нередко лишение родительских прав инициируется неблагоприятными жилищными условиями, тогда государственная помощь становится критически важной. Временное размещение ребенка в специализированном центре часто позволяет родителю решить возникшую проблему, однако судебные органы могут искать альтернативные основания для изъятия. Родитель, сталкиваясь с трудностями, попадает в замкнутый круг проблем и не может сохранить ребенка в семье, тратя время и нервы на протяжении нескольких лет. Ребенок взрослеет, а восстановление утерянных связей становится сложной задачей, часто приводящей к неудаче.

Список литературы

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 01.10.2025).
2. Постановление Правительства РФ от 1 мая 1996 г. N 542 «Об утверждении Перечня социальных показаний для лишения родительских прав». – URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-01051996-n-542/ (дата обращения 01.10.2025).

3. Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 N 81-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/ (дата обращения 01.10.2025).
4. Кандрина, Т. В. Основные проблемы матерей-одиночек в Российской Федерации и пути их решения / Т.В. Кандрина, М.Г. Заводова // Экономические науки. – 2019. – № 6(33). – С. 446 – 451.
5. Социальное сиротство в России//Редакция "Правмира", 12 февраля, 2012. – URL: https://www.pravmir.ru/socialnoe-sirotstvo/ (дата обращения 01.10.2025).

УДК 659.4

К ВОПРОСУ О СТИЛЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ PR-СПЕЦИАЛИСТА

Александрова Л.Ю., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-7522-7996
Чебоксарский институт (филиал) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», г. Чебоксары, РФ
ljudmila.a1exandrova@yandex.ru

Введение. PR-деятельность претерпевает изменения. Она многогранна и требует анализа и гибкости в применяемых подходах и стилях. В современных условиях цифровизации общества, открытости в коммуникациях бренда с аудиторией и активного диалога с нею, PR-специалист от роли искусного манипулятора, зачастую формирующего искаженное восприятие реальности, переходит на уровень эмпатичного проводника, умелого фасилитатора и надежного эксперта; от роли «мастера слова» он выходит на стратегический адаптивный уровень коммуникатора-менеджера. Это отражается в том, что результаты проведенного им анализа общественного мнения и специфики групп общественности становятся основой реализации не только определенного стиля профессиональной деятельности, но и их комбинации, трансформации. Изучение различных классификаций стилей деятельности и возможностей их совмещения становится важным направлением оптимизации работы PR-специалиста.

Целью исследования является выявление различных типов стилей его профессиональной деятельности и динамики их трансформации под влиянием внутренних и внешних факторов.

Основная часть. Профессиональный стиль PR-специалиста – совокупность личностных качеств, компетенций, ценностных ориентиров, этических принципов и поведенческих паттернов, проявляемых в его работе. Он определяет специфику принятия решения, взаимодействия с информацией, СМИ и аудиториями, коллегами и руководством [1].

Стиль формируется под влиянием всей совокупности факторов: образования и опыта самого профессионала, корпоративной культуры и

типа кадровой политики, др. Можно выделить различные типы стилей профессиональной деятельности PR-специалиста. Рассмотрим их.

1) Манипулятивный стиль. Его акцент: достижение цели через искажение фактов, частичное раскрытие информации, использование психологического давления [2]. Стиль проявляется в использовании «черного» PR против конкурентов, информационных «пузырях», скрывающих неудобные факты, использовании эмоциональных триггеров. В эпоху цифровой прозрачности и доступности информации такой стиль становится неэтичным, разрушающим деловую репутацию компании.

2) Технократический стиль. Фокус внимания в данном случае сосредоточен на системной работе с информацией, ее обработке, структурировании и распространении, то есть на обеспечении потока достоверной информации в необходимые каналы. Проявлением данного стиля являются: создание и рассылка пресс-релизов, подготовка информационных справок; эффективное управление базами СМИ [3]; мониторинг медиа-поля, анализ упоминаний; работа с данными и аналитикой. При всей внешней привлекательности и глубине (обеспечение порядка и системности в коммуникациях), технократический стиль может быть недостаточно гибким, эмоциональным и эмпатичным, что затрудняет построение глубоких долгосрочных взаимовыгодных отношений.

3) Экспертный стиль. PR-специалист выступает как авторитетный источник знаний [4] и генератор практических рекомендаций в своей области. Он погружен в тему, понимает специфику бизнеса клиента и предлагает стратегические решения, основанные на экспертном мнении. На практике это выражается в следующем: разработка комплексных PR-стратегий; выступления на конференциях, написание экспертных статей; консультирование руководства по вопросам деловой репутации и коммуникаций; создание контента, демонстрирующего глубокое понимание отрасли. Слабой стороной данного стиля может быть излишняя теоретизированность и недостаточное внимание человеческому фактору.

4) Медиасвязной стиль. Построение и поддержание прочных связей с ключевыми медиаресурсами и лидерами мнений позволяет PR-специалисту выступать в роли посредника, коммуникативно-информационного «мостика» между организацией и внешним информационным полем. Это проявляется в: активной работе с журналистами, блогерами; поиске информационных поводов и их предложение СМИ; организации интервью, пресс-туров; построении доверительных отношений с представителями медиа. Медиасвязной стиль также имеет свои преимущества (например, обеспечение «заслуженных» публикаций и позитивное освещение) и недостатки (может быть недостаточно сфокусирован на стратегическом видении или работе с другими аудиториями).

5) Эмпатичный стиль. Он «добавляет» к качествам второго, третьего и четвертого стилей высокий уровень эмпатии, умение слушать, строить

диалог и фасилитировать коммуникацию. PR-специалист видит свою роль в создании взаимопонимания между организацией и всеми ее стейкхолдерами [5]. Это находит отражение в активном слушании и понимании потребностей аудитории, построении открытых честных диалогов, управлении онлайн-сообществами и модерировании дискуссий, создании инклюзивной коммуникационной среды, направленной на восстановление доверия антикризисной коммуникации, стремлении к прозрачности и этичности во всех действиях и PR-мероприятиях. В совокупности это приводит к выстраиванию долгосрочных доверительных отношений и высокой адаптивности к внешней среде.

Заключение. В современной PR-среде доминирует тенденция перехода от манипулятивных и узкоинформационных стилей к более открытым, эмпатичным и стратегическим. PR-специалист в современных условиях – это не просто «мастер слова» и «пресс-релизный конвейер», а партнер, коммуникативный стратег и эмпатичный проводник, призванный строить и поддерживать надежные безопасные «мосты» взаимопонимания между организацией и внешним миром. Умение адаптировать свой стиль под конкретную задачу и аудиторию, сохраняя при этом этические принципы, является залогом успешной и долгосрочной карьеры в этой динамично развивающейся профессии.

Если раньше профессиональные стили воспринимались как статичные (выделяли архетипы «манипулятор», «эксперт» и другие, каждый из которых имел свой набор инструментов и свою зону ответственности), то в современных условиях цифровизации и появления новых коммуникационных платформ, границы между стилями «размываются». Это приводит к трансформации перечисленных выше стилей и совмещению стереотипных и креативных PR-решений (креативный PR-взгляд на стереотипы). Эволюция стилей деятельности PR-специалиста – непрерывный процесс, движимый происходящими изменениями.

Список литературы

1. Архангельская, И. Б. Теория и практика связей с общественностью: учебное пособие / И. Б. Архангельская, Ю. А. Мохова, М. Б. Ротанова. – Москва: Издательский Центр РИОР, 2025. – 162 с. – URL: https://riorpub.com/upload/4a704431a460bf5e4e83a493453bf007/ files/1b5bfa69140d0cee5aa8535b621af45c.pdf (дата обращения: 25.09.2025).
2. Александрова, О. С. Характеристики и приоритеты PR-деятельности с позиции ее двусторонней симметричной модели / О. С. Александрова, Л. Ю. Александрова // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2024. – № 8. – С. 8-14. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-i-prioritety-pr-deyatelnosti-s-pozitsii-ee-dvustoronney-simmetrichnoy-modeli (дата обращения: 29.09.2025).
3. Стриганкова, В. В. Специфика труда PR-специалиста / В. В. Стриганкова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. – № 1 (18). – С. 94-97. – URL: https://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/118/article-118-295.pdfи (дата обращения: 02.10.2025).

4. Шиканова, А. Н. Синергетический подход в формировании ценностных ориентаций / А. Н. Шиканова // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 25 января 2025 года. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2025. – С. 386-389. – EDN HROJCU.
5. Гурьянова, А. М. Деловая активность как фактор устойчивого развития предприятия / А. М. Гурьянова, Т. А. Медведева, С. П. Яковлев // Студенческая наука – первый шаг в академическую науку: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции с участием школьников 10-11 кл. – Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2025. – С. 1201-1203. – EDN ICCPRX.

УДК 304.42: 364.046.6

ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ПРИ СОПРОВОЖДАЕМОМ ПРОЖИВАНИИ

***Бочарова О.С.*[1],** канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-0449-8143,
***Шорникова А.А.*[2],** ORCID 0009-0001-1031-8253
[1]Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Минске, г. Минск, Республика Беларусь
[2]Университет Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь
nihil13@mail.ru, Shornikova15nastya@gmail.com

Введение. В XX веке значительно увеличилась продолжительность жизни человека и уже в первой половине XXI века доля пожилого населения, согласно прогнозам ООН, увеличится до 15 процентов в 2025 году. А в ближайшие 50 лет ожидается уже четырехкратное увеличение доли пожилого населения в которой большинство будут составлять лица 70-80 лет и старше [1]. На специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН были приняты цели, задачи и обязательства на всех уровнях, призванные способствовать улучшению социально-экономических и культурных условий жизни всех людей.

Целью работы является представление возможностей личности в системе социальных отношений через культуру сопровождаемого проживания.

Основная часть. Сопровождаемое проживание есть мировая практика, которая служит альтернативой психоневрологическим интернатам и домам престарелых. В отличие от закрытых учреждений, где одинокие пожилые люди и взрослые с нарушениями развития часто изолированы от общества, эта модель дает им возможность жить полноценной жизнью: работать, учиться в доступном формате, общаться с друзьями и свободно перемещаться за пределами резидентной территории.

В условиях современной жизни пожилые люди оказались исключены из активного участия в развитии общества, утратили свою значимую социально-экономическую роль и лишились традиционных систем поддержки, но для любого человека очень важным является возможность личностного роста, раскрытие творческого потенциала и возможность поделиться своими достижениями. А лица, для которых в силу обстоятельств внешний мир сужен до размеров комнаты, возможность проявить себя и развить свои способности к творчеству через различные проекты является возможностью открыть себя для окружающего мира. Эту возможность в Республике Беларусь предоставляет Дом сопровождаемого проживания.

Проект сопровождаемого проживания обеспечивает всестороннюю поддержку для людей с инвалидностью, даже для тех, кто ранее не имел опыта самостоятельной жизни и проживал с родителями или в интернате. В адаптации к новым условиям им помогает специалист по социальной работе, а при необходимости подключается социальный работник из территориального центра. Важную роль играет и взаимопомощь между самими жильцами: более старшее и опытное поколение с готовностью поддерживает молодежь, которая часто сталкивается с бытовыми трудностями, проблемами в планировании бюджета и другими вопросами. Этот процесс представляет собой взаимную адаптацию, где учатся все.

Кроме того, люди, выбравшие эту форму проживания, должны быть полноценной частью общества и иметь доступ к его культурной и духовной жизни. Для этого оптимальным решением является интеграция в их повседневность различных кружков и социально-культурных проектов.

В Доме сопровождаемого проживания создана разнообразная социально-культурная среда, направленная на всестороннее развитие и объединение жильцов. Работа ведется в нескольких ключевых направлениях. Для преодоления социальной изоляции реализуется проект «Скажем одиночеству – нет!», в рамках которого организуется насыщенный и интересный досуг. Большую поддержку оказывают добровольцы в рамках проекта «Доброе сердце»: активное участие в жизни дома принимают студенты, школьники и курсанты Академии МВД.

Физическому здоровью и активному долголетию способствует деятельность оздоровительного клуба «В здоровом теле – здоровый дух!». Его участники могут посещать тренажерный зал, играть в теннис, бильярд, а также совершенствовать свои навыки в клубе шахмат и шашек. Для творческой реализации работает художественная мастерская «Акварелька», где в рамках проекта «Уроки рисования» жильцы осваивают различные художественные техники. Кроме того, в доме действует творческий хоровой коллектив «Суседушки», объединяющий жильцов любовью к музыке и народной песне. Эта многогранная деятельность помогает наполнить жизнь новым смыслом, укрепить здоровье и раскрыть творческие способности.

С недавнего времени в Доме сопровождаемого проживания открылся новый кружок по интересам «Работа с соломкой». Его могут посещать

заинтересованные жильцы Дома с целью развития мелкой моторики рук, улучшения координации движений и внимания. Такой вид досуга помогает сохранять умственную активность, предоставляет возможность самовыражения и художественного творчества, а также способствует социальному взаимодействую между людьми, что положительно сказывается на их эмоциональном состоянии.

В Мадридском международном плане «…право на развитие, является необходимым условием создания социально интегрированного общества для людей всех возрастов, в жизни которого пожилые люди будут принимать полноправное участие без какой-либо дискриминации и на основе равенства. Борьба с возрастной дискриминацией и содействие защите достоинства пожилых людей имеют основополагающее значение для обеспечения уважения, которое заслуживают пожилые люди» [1], что полностью нашло свое отражение в Специальном доме, где функционируют клубы по интересам.

Важным направлением в жизни Дома сопровождаемого проживания является духовно-нравственное развитие его жильцов. Для воцерковленных лиц созданы все условия, позволяющие поддерживать и укреплять свою веру через проект «Домашняя церковь». Этот проект реализуется в тесном сотрудничестве с Минской Епархией и Собором Андрея Первозванного. Совместные мероприятия включают не только посещение храмов, но и организацию паломнических поездок и экскурсий по монастырям и святыням Беларуси, проведение душеполезных бесед и встреч со служителями церкви, а также совместные просмотры и обсуждения фильмов духовно-нравственного содержания. Таким образом, проект выходит за рамки простого посещения богослужений, создавая полноценную среду для общения, просвещения и глубокой интеграции духовной практики в повседневную жизнь, становясь для многих настоящей «домашней церковью» в самом широком смысле этого слова.

Заключение. Человек формируется как личность именно в системе социальных отношений, являясь одновременно их продуктом и активным создателем. Это развитие происходит через непрерывное взаимодействие с обществом, совместную деятельность и постоянное общение, а качества личности во многом определяются разнообразием её участия в жизни общества. Именно поэтому крайне важно, чтобы пожилые люди и лица с ограниченными возможностями не были исключены из этой системы, особенно из такой значимой её сферы, как культура и творчество. В Доме сопровождаемого проживания данному аспекту уделяется первостепенное внимание, и для всех жильцов создана насыщенная социально-культурная среда. Здесь они получают возможность для самореализации, творческого выражения и полноценного общения, что не только обогащает их внутренний мир, но и укрепляет их социальный статус, позволяя оставаться активными и востребованными членами общества.

Список литературы

1. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. – URL: http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=12655/#3 (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 159.923.2

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Буховцева О.В., канд. пед. наук, доц, ORCID 0000-0002-3428-6524,
Буховцев А.В.
ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»,
г. Биробиджан, Еврейская автономная обл., РФ
luxurygrase@mail.ru, mir198210@mail.ru

В современном российском обществе тема идентичности стала мейнстримом в социологических, педагогических и психологических исследованиях. В последние десятилетия в отечественной научной сфере активно дискутируют на тему государственной (гражданской) и территориальной идентичностей Россиян.

На фоне глобализации и внешнеполитической нестабильности проблематика идентичности в настоящее время испытывает второе рождение. Анализируя современные тенденции развития российского общества, отметим, что ориентиры, которыми ранее руководствовались люди, отодвинуты, однако, новые еще не сформулированы. В связи с этим, явной является проблема формирования гражданской идентичности, способной связать общество едиными целями и интересами. Молодежь является одним из важнейших стратегических ресурсов любого общества. Впитывая ценности и смыслы, активно отвечая на социальные и экономические изменения молодежь направляет импульсы для развития общества. Территориальная идентичность в свою очередь обладает мощным потенциалом, который может способствовать социально-экономическому развитию территории.

Идентичность относится к сфере интересов отечественных этнологов и антропологов Л.М. Дробижева, М.А. Жигунова, Н.В. Иванова и др., философов и культурологов Д.Г. Лавринов, И.В. Малыгина, Т.В. Спицына, психологов и этнопсихологов – С.Д. Гуриева, Н.М. Лебедева, С.В. Лурье, В.Ю. Хотинец и др., педагогов – Е.В. Беляева, О.И. Михалева, А.Б. Панькин и др.

Формирование территориальной идентичности выступает в современном обществе одним из важных направлений развития регионов. Решение этой проблемы является комплексным, включающим экономические

и социокультурные аспекты. В научных публикациях понятие «территориальная идентичность» рассматривают в контексте системы ценностей, определяющих отношение населения к территории. Формирование территориальной идентичности обеспечивает интеграцию и целостность самосознания личности как части сообщества дальневосточников на базе присвоения комплекса нравственных ценностей, свободу его самовыражения на основе учёта многообразия норм, ценностей и социальных установок.

Проблема территориальной идентичности в общественных науках является достаточно острой и находится в центре внимания исследователей. Дальневосточный регион представляет особый интерес для изучения в силу сложности этнокультурного ландшафта и разницы в экономико-географическом положении составных частей. Также при обращении к этой территории нельзя не заметить асимметричности в развитии региональных политических систем, из-за чего можно наблюдать различные их модели и различные типы гражданского поведения [1].

В последнее время в официальных дискуссиях российский Дальний Восток обозначается как приоритетная территория страны. Не случайно развитие Дальнего Востока является задачей «общенационального масштаба». В политической риторике широко используются географические и другие характеристики дальневосточных территорий, формируется представление о том, что на самом деле существует макрорегиональное пространство, которое именуется «Дальним Востоком» [2]. Однако для данной территории характерна высокая подвижность и слабая приживаемость населения, что обусловило специфику формирования отношений между местным сообществом и мигрантами.

Проблема объединения ментально разных регионов, входящих в границы Дальнего Востока, существует в силу пересечения разных идентификационных систем, значимых для жителей регионов. Говорить о Дальнем Востоке как о чем-то однородном с позиции макрорегиональной идентичности – ошибочно. Поэтому, обсуждая наполненность понятия «дальневосточник», эксперты ссылаются на мифы, связанные с образами Дальнего Востока: «миф о китайской экспансии, которой нет...».

Л.Е. Бляхер объясняет отсутствие взаимодействия между регионами Дальнего Востока через понятия «проточная культура», «проточная популяция». Проточная популяция означает постоянно изменяющееся, неустойчивое сообщество из-за миграции, которая становится причиной того, что формируется чрезвычайно слабое региональное ядро и складывается незавершенная культурная самоидентификация: «Я исхожу из того, что наши беды во многом связаны с тем, что здесь до сих пор нет постоянного населения… Люди не считают местность, на которой живут, своим постоянным местом жительства. Они все равно рассматривают вариант того, чтобы уехать». Проточность и непрерывная текучесть населения заложили характерные особенности регионального сообщества, прежде всего в психологическом контексте: с терпимостью в восприятии

элементов ее пополняющих; взаимной поддержкой в рамках сообщества и, с другой стороны, индивидуализмом и недоверием к властным институтам.

Значение имеет не столько факт проживания на территории, сколько то, что факт общего проживания становится важным для появления идентичности. В этом ракурсе территориальное сообщество рассматривается через призму культурной памяти, а также сложившегося представления о «себе» и «других», формирующие «воображаемое сообщество». Помимо конструирования макрорегиона извне, на процесс возникновения сообществ в регионах оказывают влияние особенности исторического развития, социально-экономическая близость и другие, в результате чего возникает чувство территориальной общности [2].

В настоящее время Дальний Восток все активнее вовлекается в экономические процессы, происходящие в Восточной и Юго-Восточной Азии. Поэтому одной из основных характеристик идентичности Дальнего Востока сегодня выступает представление, связанное с превращением Дальнего Востока в «ворота» Азиатско-Тихоокеанского региона, так как они примыкают к быстроразвивающимся азиатским центрам глобального масштаба. Вместе с тем, как пишет М.В. Назукина, утверждается новая мифологема, связанная с тем, что объединяющим для дальневосточных регионов моментом является функция, которую выполняет регион в России. Вся территория до Чукотки – это форпост и плацдарм, своеобразный «мост» России в Азию. В констатации этой функции фиксируется важная проблема – расхождение целей Москвы и региона: «С точки зрения Москвы – мы форпост, плацдарм, мост. Однако люди не хотят жить «на мосту», и возникает проблема. Почему проваливаются все программы по развитию Дальнего Востока? Потому что они нацелены не на развитие территории, как места для проживания, а на использование территории и живущих на ней людей, как инструментов для решения каких-то общенациональных задач» [2].

В завершении приведем пример важного посыла, который относится к теоретическому наследию Э. Эриксона, выделявшего три уровня идентичности: индивидный, персональный и социальный. Идентичность не является раз и навсегда данной, она динамична и требует постоянных усилий по её формированию. Процесс идентификации – это механизм, способствующий формированию идентичности; последняя является результатом данного процесса.

Список литературы

1. Казанцев, Д. А. Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего востока / Д.А. Казанцев, Д.А. Качусов // Социальные и гуманитарные знания. – 2021. – Т. 7. – № 2 (26). – С. 134-145.
2. Назукина, М. В. Мифы и реальность дальневосточного регионализма: внешний образ и идентичность макрорегиона / М.В. Назукина // Известия РАН. Серия географическая, - 2021. – Т. 85. – № 2. – С. 195-204.

УДК 159.99:316.62

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ СО СВЕРСТНИКАМИ

Кольцова И.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0001-8945-9368,
Бушкова Л.С.
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ставрополь, РФ
kycher-1979@mail.ru, *ludmilapetriseva204@gmail.com*

В рамках данного исследования рассматриваются принципы экзистенциальной педагогики, которые могут служить ориентиром при организации социального воспитания подростков в школе, позволяя решать различные психолого-педагогические задачи, включая формирование у подростков способности конструктивно улаживать конфликтные ситуации со сверстниками [3]. Особые принципы, изученные нами, представляют собой ключевые особенности психолого-педагогического сопровождения подростков в конфликтных ситуациях с ровесниками. Эти принципы, опирающиеся на рефлексивно-прогностический подход, раскрывают технологическую составляющую данного сопровождения [1].

В данной работе мы рассматриваем общепедагогические принципы, предложенные в исследованиях М.И. Рожкова и Т.Н. Сапожниковой, как ключевые основания для психолого-педагогического сопровождения подростков, оказавшихся в конфликтных ситуациях со сверстниками.

Принцип персонификации предполагает при организации деятельности субъектами воспитания учитывать возрастные и личностные особенности подростков. Раскрывать потенциал личности по средствам включения их в разнообразные виды деятельности как в учебной, так и во внеурочной работе, предоставляя возможность каждому обучающему реализовать свой потенциал.

Принцип социального закаливания обеспечивает включение учащихся в различные ситуации, требующие волевого усилия для преодоления негативных воздействий социума. Необходимо формировать у подростков навыки овладения определенными способами преодоления противоречий, социального иммунитета, стрессоустойчивости, рефлексивной позиции. Данные социальные компетенции способствуют подросткам осуществлять выбор конструктивной стратегии поведения в конфликтных ситуациях.

Педагог-психолог способствует приобретению подростками определенных социальных действий, навыков преодоления препятствий и возможности реализации себя. Формируются навыки социального поведения - такие, как: регулятивные и рефлексивные способности, устойчивость к неблагоприятным факторам, гибкость поведения, высокий

уровень самостоятельности [4]. Социальное закаливание способствует усвоению подростками взаимоотношений со сверстниками, позволяет сохранить свой собственный статус в конфликтных ситуациях.

Принцип эмпатийного взаимодействия предполагает создание такого пространства события сопровождающего и сопровождаемого, в условиях которого формируется система социально одобряемых ценностных ориентаций подростков, расширяется их субъективный образ мира, осваиваются продуктивные способы взаимодействия с социумом. Педагог-психолог способствует формированию готовности подростка к конструктивному поведению в конфликтной ситуации, которое проявляется в принятии и осознании позиции другого человека.

Принцип оптимистической стратегии предполагает, что субъекты психолого-педагогического сопровождения конфликтных ситуаций подростков являются носителями позитивного жизненного опыта. Педагог-психолог способствует формированию у воспитанников положительного отношения к конфликтным ситуациям, тем самым переводя их в конструктивное русло.

Принципы психолого-педагогического сопровождения школьников-подростков в конфликтных ситуациях со сверстниками, основанного на рефлексивно-прогностическом подходе, дополняют и инструментируют общепсихологические.

Принцип стимулирования рефлексии предполагает психолого-педагогическое сопровождение конфликтных ситуаций, основанное на рефлексивно-ценностном осмыслении позиций всех участников конфликта, а также на стимулировании подростков к рефлексии происходящего. Рефлексивное осмысление побуждает перевести поведение оппонентов с эмоционально-реактивного уровня на личностно-смысловой и направить конфликт в конструктивное русло.

Принцип развивающей социальной интеракции направлен на стимулирование и самосовершенствование подростками сущностных сфер личности, которые способствуют выбору конструктивной стратегии поведения в конфликтной ситуации. При возникновении противоречий в процессе взаимодействия подростков со сверстниками расширяется жизненный опыт и проявляется рефлексивная деятельность происходящего [5], формируются навыки гибкого социального поведения, а также знания стратегий поведения в конфликтных ситуациях и умения делать самостоятельный выбор.

Принцип формирования антиципации (опережающего отражения своего будущего) направлен на формирование у подростков готовности совершать самостоятельный выбор конструктивной стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Принцип формирования мотивационной перспективы как логическое продолжение предыдущего предполагает деятельность по стимулированию

осознания и рефлексивно-ценностного осмысления подростком себя, своих поступков в контексте объективно-существующих взаимоотношений и сознательного отражения будущего.

Процесс психолого-педагогического сопровождения школьников-подростков в конфликтных ситуациях со сверстниками всегда социально обусловлен и осуществляется в различных видах деятельности на нескольких уровнях [2]: в учебной деятельности педагогами-предметниками через содержание учебного материала (прежде всего гуманитарного содержания) и использования особых педагогических технологий; во время воспитательной работы классным руководителем, социальным педагогом и педагогом-психологом школьник включается в социально значимую деятельность. Кроме того, для подготовки подростков к разрешению конфликтных ситуаций со сверстниками могут быть организованы специальные социально-психологические элективные курсы и факультативы.

В качестве основы разработки данного блока процесса психолого-педагогического сопровождения подростков в конфликтных ситуациях со сверстниками положен рефлексивно-прогностический подход (Т.Н. Сапожникова), предполагающий подготовку подростков к рефлексии и прогнозированию как способности действовать и принимать решения на основе размышлений над собственными переживаниями, самопонимания и понимания другого человека.

Таким образом, данные принципы подчеркивают важность комплексного подхода к психолого-педагогическому сопровождению подростков в конфликтных ситуациях, который включает, как общие психолого-педагогические установки, так и специфические технологические приемы, направленные на развитие у подростков навыков конструктивного взаимодействия со сверстниками и саморегуляции.

Список литературы

1. Рожков, М. И. Теория и методика воспитания: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования / М.И. Рожков, Л.В. Байбородова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2012. – 415 с. – ISBN 978-5-87555-831-3.
2. Рожков, М. И. Социальные пробы как фактор социализации учащихся / М.И. Рожков. – Ярославский педагогический вестник. – 1994. – № 1. – С. 3-14.
3. Рожков, М. И. Концепция экзистенциальной педагогики / М.И. Рожков. – Текст: электронный // Большая электронная библиотека: официальный сайт. – 2025. – URL: https://www.rc-p.ru/psixologiya_pedagogika/koncepciya_ekzistencionalnoj_pedagogiki.html (дата обращения: 30.09.2025.
4. Сапожникова, Т. Н. Педагогическое сопровождение жизненного самоопределения старшеклассников: спец. 13.00.1 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореф. дисс… д-ра пед. наук / Сапожникова Татьяна Николаевна. – Кострома, 2010. – 46 с.
5. Реан, А. А. Психология изучения личности: учебное пособие / А.А. Реан. – Спб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 288 с. – ISBN 5-8016-0044-2.

УДК 316.6

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Дроздов А.Е., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0001-6095-7184
Северодонецкий технологический институт – филиал ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Северодонецк, ЛНР, РФ
Artem.Drozdov@inbox.ru

Институт семьи претерпевает значительные трансформации под воздействием социально-культурных, политических и экономических изменений. Эти процессы влияют на традиции и ценности, что вызывает необходимость их изучения. Понимание исторического развития семейных ценностей помогает выявить их эволюцию и современные особенности [2, с. 8-9]. В современном обществе глобализация, технологический прогресс и миграция создают новые условия для формирования и сохранения семейных традиций. Исследование этих процессов важно для разработки стратегий поддержки семейных ценностей, обеспечения стабильности и гармонии внутри семейных отношений.

Объектом исследования являются семейные отношения, предмет – влияние трансформаций в социокультурной среде на семейные традиции и ценности.

Историческая перспектива показывает, что семья – древнейший институт, меняющийся в зависимости от эпохи. В древности семья была основой выживания, ориентированной на хранение рода и передачу культуры. В средние века – важнейшая экономическая ячейка, нацеленная на сохранение имущества и социальный статус. [3, с. 2]. В эпоху индустриализации появились ценности равенства, уважения личных прав, любви и поддержки. Современная семья характеризуется индивидуализацией, уважением к личности и свободой выбора, что отражает изменения в обществе и культуре.

История показывает, что семейные ценности подвержены влиянию войн, революций, политического режима. Например, в эпоху индустриализации изменились структуры семей, выросла мобильность, что привело к разрушению традиционных форм. Были также настроены движения за права женщин и детей, что снизило жесткость традиционных ролей и расширило возможности для личностного развития [4, с. 33-35].

Религия – важный фактор формирования семейных ценностей. В христианстве и исламе семья считается священным союзом. Брак – важная религиозная обрядовая и моральная ценность, закрепляющая институт

семьи. В современное время религия продолжает оказывать значительное влияние на семейное поведение и традиции, несмотря на растущее разнообразие вероучений и культур.

Социальные сети оказывают двойственное влияние. Они способствуют поддержанию связей между членами семьи, особенно при длительном разлучении, помогают обмениваться новостями и поздравлениями. Однако чрезмерное использование снижает качество межличностного общения, вызывает конфликты и недопонимания, снижая уровень семейной сплоченности [1, с. 27-29].

Гендерные роли и стереотипы претерпевают изменения: появляются новые модели поведения, изменяются традиционные представления о роли мужчин и женщин. Миграция и глобализация поощряют обмен культурными ценностями, что влияет на сохранение или изменение семейных традиций [4, с. 16-19].

Изменения в законодательстве, уровень доходов, экономическая нестабильность оказывают влияние на стабильность семьи и её ценностные ориентации. В условиях кризисов возрастает риск конфликтов и разрывов. Законодательство всё активнее регулирует семейные отношения, закрепляя права и обязанности супругов, развивая институт брака и защиты прав детей. Это влияет на развитие новых форм семейных объединений, уменьшение традиционных ролей [1, с. 106-107].

Современные семьи – это не только классические брачные союзы, но и однополые союзы, совместное воспитание детей. Эти формы требуют переосмысления ценностей и норм, что создаёт новые конфликты и вызовы. Традиции и ценности передаются из поколения в поколение, формируя моральные и этические установки детей. В условиях модернизации возникают конфликтные ситуации между традиционной и современной культурой. Важная роль в этом процессе отводится семье, где происходит формирование личности, морали и социальной ответственности.

Обзор показывает, что семейные традиции и ценности находятся под давлением глобальных изменений. В целом, они продолжают меняться, адаптируясь к новым условиям, что требует аккуратного балансирования между традициями и инновациями. Для сохранения семейных ценностей необходимы системные усилия со стороны государства, общества и самих семей.

Современные технологии играют важную роль в трансформации семейных отношений и традиций. С одной стороны, развитие цифровых коммуникаций способствует поддержанию контактов между членами семьи, особенно в условиях географической удалённости или миграции [1, с. 76-77]. Родители и дети имеют возможность обмениваться информацией,

эмоционально поддерживать друг друга через мессенджеры, социальные сети и видеозвонки, что ранее было затруднительно. Таким образом, технологии выступают инструментом сохранения семейных традиций, способствуя укреплению внутрисемейных связей. С другой стороны, чрезмерное увлечение гаджетами и виртуальными платформами порой ведёт к снижению качества личного общения внутри семьи, разобщённости, а также способствует формированию конфликтов и непонимания между поколениями. Например, молодёжь, погружённая в цифровую среду, может испытывать трудности с усвоением традиционных ценностей и норм поведения, что способствует возникновению «поколенческого разрыва». Это требует осознанного и сбалансированного подхода к использованию технологий в семейной жизни.

Важным аспектом является также влияние современных технологий на воспитание детей и подростков. Родители сталкиваются с вызовами по контролю за контентом и поведением детей в цифровой среде, что обуславливает необходимость формирования новых навыков и знаний в области медиаобразования для всей семьи [3, с. 2]. Смещение акцента в сторону цифровых коммуникаций изменяет традиционные формы передачи знаний и моральных ценностей, которые ранее передавались преимущественно в рамках семейных ритуалов и устных традиций.

Таким образом, интеграция современных технологий в семейную жизнь является двойственным процессом, который может как способствовать сохранению, так и трансформации традиций и ценностей. Для успешного балансирования требуется системное просвещение, поддержка семей со стороны государства и общественных институтов, а также развитие семейной культуры, учитывающей реалии цифровой эпохи.

Список литературы

1. Бурмистрова, Е. А. Современная семья. Психология отношений / Е.А. Бурмистрова. – Москва : Дарь, 2020. – 544 с. – ISBN 978-5-485-00548-1.
2. Дроздов, А. Е. Семейные традиции и ценности в условиях трансформации института семьи / А.Е. Дроздов // Знанио. – Северодонецк, 2024. – URL: https://znanio.ru/media/nauchno---issledovatelskaya-rabota-semejnye-traditsii-i-tsennosti-v-usloviyah-transformatsii-instituta-semi-2931747 (дата обращения: 17.09.2025).
3. Палибина, А. С. Значимость православных ценностей для современной российской семьи / А. С. Палибина // Регионология. – 2010. – № 4. – С. 204–213. – ISSN 0131-5706.
4. Петров, В. М. История семьи в истории России / В.М. Петров. –Московский обл. общественный фонд «Наследие», 2015. – 35 с. – НЭБ 000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010750509.

УДК 159.9.075

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАТЕРЕЙ С ДОШКОЛЬНИКАМИ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ

Насыртдинова А.В.[1], ORCID 0000-0002-8967-7805,
Славутская Е.В. [2], д-р психол. наук, проф., ORCID 0000-0002-3759-6288
[1]МБОУ «Гимназия №20 «Гармония»», г. Казань, Республика Татарстан, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», г. Чебоксары, РФ
anyav3571@mail.ru, slavutskayaev@gmail.com

Введение. Исследование детско-родительских взаимоотношений родителей с дошкольниками, особенно матерей (с учетом семейного полного или неполного статуса) является актуальной проблемой, соответствующей социальному запросу, что связанно как с малым количеством исследований проблемы, так и наличием достаточно большого количества неполных семей в Российской Федерации, где дошкольник воспитывается одним родителем (чаще всего матерью).

Целью является: выделение основных теоретико-методологических аспектов исследования детско-родительских взаимоотношений матерей с дошкольниками в полных и неполных семьях; определение отличия и взаимосвязи стиля воспитания, особенностей эмоционально-личностного контакта матерей с дошкольниками в полных и неполных семьях, а также выявление способов развития и возможностей коррекции в неполных семьях.

Основная часть. В российском современном обществе проблема неполных семей является актуальной. В ней наблюдается тенденция к увеличению роста их количества и, по последним данным переписи населения от 2021 года, неполные семьи в России составляют 38,5% от количества всех семей. В исследовании детско-родительских отношений в полных и неполных семьях в предмете исследования мы указываем на взаимоотношения именно матерей с детьми, т.к. в неполных семьях преобладает воспитание детей одинокими матерями, что по статистике, составляет 81,1% от количества всех неполных семей в населении РФ [3].

Статус полной или неполной семьи определяется наличием одного или двух родителей, отца и матери в ней, к неполному статусу семьи могут приводить разводы, смерть одного из супругов и другие обстоятельства. Несмотря на то, что полный или неполный семейный статус является положением меняемым и непостоянным, где возможен повторный брак в случае неполного статуса семьи или развод при полном семейном статусе, мы выделяем взаимоотношения матери с дошкольником (4-7 лет). Это тот возраст, при котором наиболее активно формируются первичные

социальные задатки личности ребенка, а опосредованное и прямое влияние родителя наиболее существенно для формирования его личности [2].

Детско-родительские отношения – это система взаимоотношений родителя и ребенка в условиях семейной среды, они характеризуются различными аспектами, которые и определяют их. К качественным характеристикам детско-родительских взаимоотношений относятся: стиль воспитания, выбранный родителем и реакция ребенка на него, взаимная привязанность, уровень коммуникации между ребенком и родителем, правила поведения и распределения семейных ролей в иерархии, позиция родителя в отношении ребенка и другие [5]. В исследовании детско-родительских взаимоотношений матерей с дошкольниками важно выбрать те качественные характеристики, которые должны учитывать особенности дошкольного возраста и должны соответствовать целям исследования детско-родительских отношений (матерей с дошкольниками) именно в полных и неполных семьях.

Для исследования детско-родительских взаимоотношений матерей с дошкольниками в полных и неполных семьях мы выбрали такие характеристики, как степень эмоционального контакта матери и ребенка, уровень эмоциональной дистанции между ними, показатель концентрации матери на ребенке, выбранный матерью стиль воспитания дошкольника. В исследовании выбранных характеристик детско-родительских отношений матерей с дошкольниками были использованы методики «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) авторов Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис, методика PARI (Е.С. Шефер и Р.К. Белл, в адаптации Т.В. Нещерет). На основе результатов этих методик были сделаны выводы об особенностях, взаимосвязях и различиях детско-родительских взаимоотношений матерей с дошкольниками в полных и неполных семьях, а также разработана коррекционная программа «Семья – единая система» [1].

По результатам исследования и их математической обработки мы можем заключить, что детско-родительские взаимоотношения матерей с дошкольниками в полных и неполных семьях по выбранным признакам отличаются скорее качественно, чем количественно. Наиболее близкий к зоне значимости различий результат наблюдается в характеристике эмоциональной дистанции матери с ребенком. В неполных семьях большее количество результатов по этой шкале ниже нормы. Преобладающим стилем воспитания дошкольника среди матерей, как в полных, так и неполных семьях является гиперпротекция (Г+) и потворствование (У+) [4].

Для разработки программы коррекции характеристик детско-родительских взаимоотношений матерей с дошкольниками по результатам исследования вне зависимости от полного или неполного семейного статуса требуется уделить внимание методам коррекции эмоционально-личностного контакта матери с дошкольником. Данную цель можно достичь опосредованно, через развитие у матерей навыка распознавания

собственных эмоциональных состояний и разграничение своих и эмоциональных состояний ребенка, умения у матерей выстраивать коммуникацию с дошкольником, как с отдельной развивающей личностью (с учетом его возрастных особенностей).

Заключение. Родители, которые занимаются воспитанием ребенка в одиночку (неполная семья), чаще являются матери. Важно исследовать детско-родительские отношения в полных и неполных семьях матерей именно с дошкольниками, так как в этом возрасте активно формируется личность дошкольника, и формирование в норме зависит от характеристик и качества этих взаимоотношений. В детско-родительских взаимоотношениях (матери с дошкольниками) в исследовании требуется уделить внимание таким признакам, как эмоциональный контакт, эмоциональная дистанция, степень концентрации матери на ребенке и выбранный ей стиль воспитания. По результатам наших исследований в неполных семьях преобладает эмоциональная дистанция, в обеих типах семей – стили воспитания гипо- и гиперпротекция. Для гармоничного воспитания личности дошкольника важно наличие двух родителей. В полных и неполных семьях, в первую очередь, нужно уделить внимание рассмотрению качества эмоционально-личностного контакта матери с дошкольником и его коррекции в случае необходимости.

Список литературы

1. Павлова, А. В. Сравнительный анализ детско-родительских отношений в полных и неполных семьях дошкольников / А. В. Павлова, Е. В. Славутская // Russian Journal of Education and Psychology, 2022. – Т. 13. – № 6. – С. 120-134. – DOI: 10.12731/2658-4034-2022-13-6-120-134.
2. Пронина, А. Н. Выявление различий эмоциональной сферы современных дошкольников из полных и неполных семей / А. Н. Пронина, Л. Н. Мартынова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27. – №3. – С. 106-117.
3. Садыков, Р.М. Социальное положение неполных семей в России: вызовы и меры их поддержки / Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – №3. – С.196-208. – DOI 10.47309/2713-2358- 2024-3- 198-208.
4. Славутская, Е. В. Взаимосвязь родительских установок и семейных взаимоотношений у родителей дошкольников разных возрастных групп / Е. В. Славутская, А. В. Павлова // Казанский Педагогический журнал. – 2023. – №1. – С. 257-265. – DOI: 10.51379/KPJ.2023.158.1.030.
5. Чуева, Е. Н. Трансформация сценариев семейных отношений в современных социокультурных условиях / Е. Н. Чуева // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – №1(31). – С. 59-65.

УДК 159.9.072.432

ВЫЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И УРОВНЯ АГРЕССИВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Постникова А.Е., ORCID 0009-0005-2680-0422,
Кузьменкова Л.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3903-4438
СПБ ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы»,
г. Санкт-Петербург, РФ
anastasija.postnikowa@yandex.ru, sondy@mail.ru

Введение. В настоящее время в России значительное количество научных работ посвящено теме профессионального выгорания, профилактике выгорания и способам выхода из этих состояний [3-6].

Особо уязвимой категорией профессий является тип «человек-человек», ее работники наиболее подверженных выгоранию. К этой категории трудового населения относятся и сотрудники правоохранительных органов, что обусловлено особенностями их повседневной деятельности.

Цель исследования – выявление закономерностей формирования симптомов выгорания и уровня агрессивности и враждебности по отношению к окружающим.

Основная часть. В исследовании приняли участие 40 человек личного состава подразделения МЧС РФ по городу Санкт-Петербургу, в возрасте от 23 до 65 лет: 25 офицеров внутренней службы и 15 федеральных государственных гражданских служащих. Средний возраст испытуемых – 42 года.

Для исследования профессионального выгорания использовалась методика «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой). Согласно модели авторов [2], профессиональное выгорание развивается в три этапа, которые постепенно усиливают друг друга: 1. эмоциональное истощение; 2. деперсонализация; 3. редукция личных достижений. Эти этапы легли в основу трех шкал, по которым оценивается уровень профессионального выгорания. Интегральный показатель профессионального выгорания высчитан по формуле, на основании данных, полученных по 3 названным шкалам.

Для исследования агрессивности был использован опросник А. Басса и А. Дарки, стандартизированный на русском языке А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым и Ю.А. Кузнецовой. Опросник разработан для оценки различных форм агрессивного поведения [1] и охватывает восемь ключевых категорий: физическая агрессия (ФА); косвенная агрессия (КА); раздражение (Р), негативизм (Н); обидчивость (О); подозрительность (П);

вербальная агрессия (ВА); чувство вины (ЧВ) Враждебность (В) = О + П; Агрессивность (А) = ФА + Р + ВА.

Для обработки полученных результатов применялся корреляционный анализ по методу Спирмена. Критические значения для n=40 составляют 0,31 для уровня значимости 5% и 0,4 для уровня значимости 1%.

Результаты исследования (см. табл.).

Таблица

Результаты корреляционного анализа

	ФА	КА	Р	Н	О	П	ВА	ЧВ	В	А
Эмоц. ист-ние	0,02	0,28	0,63 **	0,56 **	0,59 **	0,31 *	0,14	0,32 *	0,52 **	0,19
Деперсонализация	-0,02	0,3	0,59 **	0,6 *	0,48 **	0,45 **	0,07	0,28	0,58 **	0,15
Редукция личн. дост-ний	0,08	-0,3	-0,54 **	-0,36 *	-0,62 **	-0,23	0,04	-0,29	-0,49 **	-0,04

По результатам корреляционного анализа, наиболее значимые связи выявлены на уровне $p \leq 0,01$, что подтверждает их статистическую надежность:

1. Эмоциональное истощение имеет устойчивую корреляционную взаимосвязь с раздражением (r=0,63). Истощение эмоциональных ресурсов напрямую провоцирует вспышки гнева и злости. Чем сильнее усталость, тем ниже способность к самоконтролю.

2. Деперсонализация взаимосвязана с негативизмом (r=0,6) и враждебностью (r=0,58). Потеря эмпатии и формализация отношений приводят к открытому сопротивлению нормам, саботажу требований и восприятию окружающих как «угрозы», провоцируя конфликты.

3. Редукция личных достижений показывает наибольшую корреляцию с раздражением (r=0,64). Чем больше человек сомневается в своей компетентности, тем острее он реагирует на неудачи, что проявляется в гневе и фрустрации.

4. Интегральный показатель выгорания наиболее связан с обидчивостью (r=0,62). Следовательно, общее состояние выгорания усиливает склонность воспринимать действия других как враждебные, даже если они нейтральны.

Результаты анализа также выявили значимые обратные корреляционные связи ($p \leq 0,01$) между компонентами профессионального выгорания и агрессивными реакциями, что указывает на неоднозначность их взаимовлияния в зависимости от стадии и выраженности выгорания.

1. Редукция личных достижений демонстрирует отрицательную связь с обидчивостью (r=-0,62) и умеренную – с враждебностью (r=-0,49). На этапе глубокого разочарования в своих успехах человек перестает

воспринимать окружение как источник угрозы, его реакция может смещаться от агрессии к апатии.

2. Интегральный показатель выгорания отрицательно коррелирует с раздражением (r=-0,53). На поздних стадиях выгорания эмоциональное истощение достигает критического уровня, и у человека просто не остается сил на вспышки гнева.

Обратные связи подчеркивают, что агрессивные реакции (обида, враждебность, раздражение) могут ослабевать по мере углубления выгорания. Если на ранних стадиях истощение провоцирует всплески эмоций, то на поздних – ресурсы для активных реакций иссякают. Вместо агрессии возникает апатия, что маскирует проблему, делая ее менее заметной, но не менее разрушительной для личности.

Заключение. Результаты проведенного исследования показали, что профессиональное выгорание повышает уровень агрессии на ранних этапах, и апатии — на поздних. Профилактика требует дифференцированного подхода: работа с эмоциональным интеллектом на начальных стадиях и восстановление ресурсов — при хронизации. Снижение агрессии может маскировать прогрессирующее выгорание, что требует внимания к косвенным маркерам (цинизм, эмоциональная отстраненность).

Список литературы

1. Васильев, В. В. Понятие агрессии и классификация агрессивного поведения по Бассу-Дарки / В. В. Васильев // Научно-практический подход. – 2025. – № S1. – С. 52-56. – EDN GGHBFV.
2. Водопьянова, Н. Е. Психология управления персоналом. Психическое выгорание : учебник для вузов / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 299 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-07711-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/562958 (дата обращения: 28.09.2025).
3. Пацакула, И. И. Особенности эмоционального выгорания сотрудников правоохранительных органов / И. И. Пацакула // Ученые записки Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Калуга : ИП Стрельцов Илья Анатольевич, 2023. – С. 128-132. – EDN HVFFTG.
4. Савинков, С. Н. Психологические условия формирования надежности сотрудников МЧС России / С. Н. Савинков // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 3. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/37PSMN322.pd (дата обращения: 28.09.2025).
5. Судариков, И. Д. Проблема профессионального выгорания сотрудников правоохранительных органов / И. Д. Судариков // Актуальные вопросы юридической науки, права и правосудия : материалы Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23.04.2023. – Нижний Новгород: Б. и., 2023. – С. 832-834. – EDN WMVKUO.
6. Хрипунова, С. В. Выявление взаимосвязи социальной фрустрированности и профессионального выгорания сотрудников кризисных центров МЧС России // Перспективы науки и образования. – 2021. – №4(52). – С. 404-417. – DOI: 10.32744/pse.2021.4.27.

УДК 159.99

КОМПЛЕКСНАЯ МОДЕЛЬ РЕСУРСНОГО ПОДХОДА К ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ЧЕЛОВЕКУ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Самотаева Э.А., канд. психол. наук, ORCID 0009-0001-6207-8730
Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Донецк, РФ
samella2012@maill.ru

Настоящее время – время потока информации, трансформаций в самых разных сферах жизнедеятельности, политической нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, – можно охарактеризовать как время неопределенности, а, соответственно, и повышенной стрессогенности. Не удивительно, что все больше количество людей оказываются в сложной жизненной ситуации и нуждаются в помощи специалистов. Следует отметить, что такая помощь будет более эффективна, если в ее основу положить ресурсный подход. Ресурсному подходу уделяется все большее внимание в разных сферах научной деятельности, в частности, в психологии и социологии. Также он становится все более признанным и популярным в практике оказания психологической и социальной помощи.

Мы также попробовали внести свой посильный вклад в развитие и внедрение в практику ресурсного подхода и, опираясь на анализ публикаций в области изучения ресурсного потенциала личности [3, 4], и ее социальной компетентности [1, 2], разработали комплексную модель ресурсного подхода к оказанию помощи (социальной, психологической) человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации. Основой данной модели и ее центральным компонентом является ресурсный потенциал самого специалиста помогающих профессий (рис.).

Ресурсный подход противоположен другому подходу – «дефицитарному» и значительно эффективнее последнего в практике оказания социальной или психологической помощи. Процесс оказания помощи клиенту, если он проходит в ракурсе ресурсной модели, способствует тому, что клиент приобретает новые знания о себе и своей ситуации, что, в свою очередь, дает ему возможность развить свои потенциальные способности, и, самое главное – осознать и реализовать намерение к саморазвитию – сначала с помощью специалиста, а затем и самостоятельно [5]. В основу разработанной нами модели был положен субъект-субъектный подход к оказанию помощи клиенту. Следует отметить, что модель, в основном, ориентирована на оказание социально-психологической помощи в рамках социальной работы с населением. Развитие ресурсного потенциала специалиста в области социальной работы,

повышает его эффективность как профессионала в субъект-субъектном взаимодействии с клиентами.

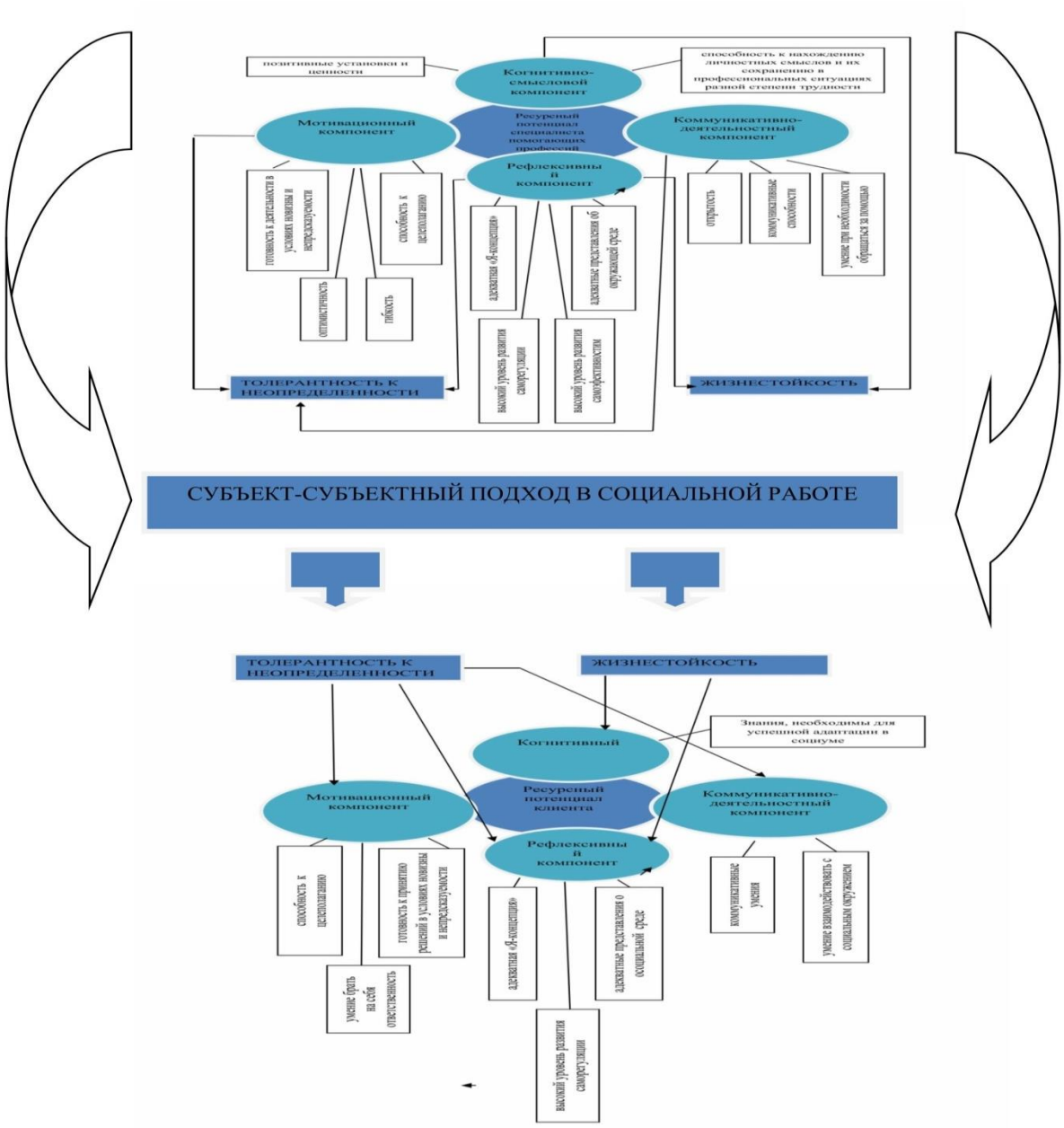

Рис. Комплексная модель ресурсного подхода к оказанию помощи человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации

В процессе такого взаимодействия, направленного на формирование интегральных ресурсных свойств личности – толерантности к неопределенности и жизнестойкости [6, 7], повышается ресурсный потенциал клиента, включающий четыре основные компонента: мотивационный, когнитивный, коммуникативно-деятельностный и рефлексивный. Развитие всех этих компонентов способствует повышению социальной компетентности клиента, и, следовательно, повышению

качества его жизни. Покажем действие модели на примере оказания помощи людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Интегральное ресурсное качество специалиста – жизнестойкость при оказании помощи клиенту с ОВЗ, способствует нахождению личностных смыслов в непростой для себя ситуации взаимодействия с человеком с ОВЗ, в особенности – с ребенком с ОВЗ и реализации гуманистических ценностей самой профессии. Интегральное ресурсное качество специалиста помогающих профессий – толерантность к неопределенности, позволяет специалисту, преодолевая ощущения неопределенности и барьер собственной неуверенности, ставить конкретные задачи, направленные на оценку ресурсного потенциала клиента с ОВЗ на уровне микросоциума, (семья, референтная группа и т.п.), а также на уровне личности (индивидуально-личностные ресурсы человека с ОВЗ), на анализ условий и факторов ограниченности ресурсов. Высокий уровень самоэффективности и оптимистичный настрой специалиста помогающих профессий способствуют более продуктивному определению стратегий эффективного использования актуальных ресурсов самим клиентом, а также определению условий и факторов оптимизации ресурсов для его выхода из трудной жизненной ситуации.

Список литературы

1. Абенова, И. А. Характеристика понятия «социальная компетентность» / И. А. Абенова // Вестник науки и образования. – 2021. – Часть 1. – № 10 (113). – С. 68-72. – DOI: 10.24411/2312-8089-2021-11002. – EDN: ENREIW.
2. Бейлина, Н. С. Сущность понятия «социальная компетентность» / Н. С. Бейлина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 3. – Т. 2. – С. 97-99. – EDN: OIBTOX.
3. Маклаков, А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г.Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т.22. - №1. – С. 16-24.
4. Леонтьев, Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал / Д. А. Леонтьев // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62 – С. 18-37. – DOI: 10.17223/17267080/62/3.
5. Разенкова, Ю. А. Ресурсный подход в психолого-педагогических исследованиях и практике помощи семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья / Ю. А. Розенкова, О. В. Югова // Вестник педагогических инноваций. – 2023. – №4 (72). – С. 38 - 49. – DOI: 10.15293/1812-9463.2304.03. – EDN: LRQPJ.
6. Самотаева, Э. А. Взаимосвязь толерантности к неопределённости и жизнестойкости у студенческой молодёжи ДНР / Э. А. Самотаева // Психология человека и общества. – 2023. – Вып. № 13 (64). – С. 53-60. – EDN: CNJUZ.
7. Самотаева, Э. А. Толерантность к неопределенности как копинг-стратегия / Э. А. Самотаева // Российско-белорусский научно-практический журнал «Человеческий капитал». – 2024. – № 6 (186) – С. 191-198. – EDN: QOKRRK.

УДК 331

КОРПОРАТИВНАЯ ПОДДЕРЖКА СОТРУДНИКОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

Седых О.Г., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0003-6413-9124
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, РФ
SedyhOG@bgu.ru

Введение. В современных условиях рынок труда характеризуется высокой конкуренцией, что обуславливает необходимость компаниям разрабатывать эффективные механизмы привлечения и удержания специалистов. В данном контексте корпоративная поддержка приобретает стратегическое значение, выступая не просто элементом социальной политики, а действенным инструментом управления человеческими ресурсами. В связи с этим, важной задачей является повышение эффективности мер корпоративной поддержки сотрудников, и как фактор повышения качества трудовой жизни работников организации. В данном контексте корпоративная культура рассматривается не только как средство внутренней консолидации коллектива, но и как стратегический актив, способствующий формированию устойчивых конкурентных преимуществ.

Основная часть. Кардинальные изменения, произошедшие в социальной и экономической сферах современного общества, обусловили трансформацию подходов к управлению организационными структурами и трудовыми коллективами. Эти изменения стали катализатором для активизации научного и практического интереса к феномену корпоративной культуры. Важность этого явления подчеркивается стремлением руководителей использовать потенциал корпоративной культуры для повышения производительности труда, оптимизации внутренних процессов и гармонизации отношений внутри коллектива. Именно поэтому владение эффективными механизмами управления корпоративной культурой, а также умение применять их на практике, становится неотъемлемым требованием к современным лидерам, ориентированным на достижение стратегических целей.

Корпоративная культура рассматривается как многоуровневая система, включающая совокупность материальных и нематериальных ценностей, норм и традиций, формирующих поведенческую модель сотрудников и определяющих стратегическое развитие организации [1]. Именно корпоративной поддержка в данном контексте приобретает стратегическое значение, выступая не просто элементом социальной политики, а действенным инструментом управления человеческими ресурсами, так как включает в себя такие элементы, как программы охраны здоровья, профессиональное обучение, развитие корпоративного

благополучия и социальные льготы. Важно подчеркнуть, что в условиях современной экономики сотрудники ориентируются в выборе места работы не только на уровень заработной платы, но и на систему нематериальной поддержки, характеризующуюся в мерах корпоративной поддержки, направленных на профессиональный рост, психологический комфорт и обеспечение стабильности сотрудников в различных сфера жизни. Исследования показывают, что сотрудники, работающие в организациях с развитой системой корпоративной поддержки, демонстрируют более высокий уровень производительности труда и вовлеченности в работу. У них складывается четкое определение своего места в организации, они чувствуют себя ценными членами коллектива, что мотивирует их работать лучше и достигать высоких результатов. Таким образом, корпоративная поддержка напрямую связана с повышением эффективности компании.

По данным Росстата в 2024 г. текучесть кадров по России составила 37 %. Высокая текучесть кадров является серьезной проблемой для работодателей, так как она сопряжена со значительными финансовыми и организационными издержками, что в современных социально-экономических условиях становится значительным «ударом» по бюджету организаций [2]. В рамках теории мотивации данная система становится ключевым фактором создания благоприятного морально-психологического климата внутри организации. Постоянное развитие корпоративной культуры, основанное на принципах социальной ответственности и гуманного управления человеческими ресурсами, формирует условия для оптимизации производственных процессов и обеспечивает успешное функционирование предприятия в целом.

Анализ этих явлений с точки зрения психологии и социологии труда показывает, что обеспечение социальной защиты и гарантий на рабочем месте имеет двойственную природу: помимо удовлетворения базовых потребностей работников, оно выступает важным элементом стратегического развития самой компании. Социальная защита позволяет минимизировать конфликтные ситуации на рабочем месте, снижает уровень текучести кадров и существенно повышает лояльность сотрудников по отношению к организации. Эти эффекты достигаются за счет создания системы стабильных социальных обязательств, которые воспринимаются работниками как важнейший компонент их профессиональной жизни. Она представляет собой комплекс целенаправленных мероприятий, направленных на создание благоприятных условий труда, повышение уровня социальной защищенности и обеспечение возможностей для профессионального развития работников. Реализация в организации программ корпоративной поддержки охватывает широкий спектр направлений: от внедрения гибких форм занятости и предоставления финансовой помощи до реализации программ медицинского страхования, профессионального обучения и мер, способствующих сохранению

физического и психоэмоционального благополучия сотрудников. Данные инициативы способствуют формированию высокой степени вовлеченности персонала, укрепляют мотивационные механизмы и способствуют снижению текучести кадров. Таким образом, корпоративная поддержка персонала выполняет ключевую функцию в повышении качества трудовой жизни, обеспечивая не только лояльность работников, но и положительно влияя на уровень производительности труда. В долгосрочной перспективе системный подход к вопросам корпоративной поддержки становится важным фактором повышения организационной эффективности, что подчеркивает необходимость ее стратегической интеграции в корпоративную политику современных компаний.

Заключение. Важно отметить, что обеспечение социальной защиты и гарантий на рабочем месте имеет двойственную природу: помимо удовлетворения базовых потребностей работников, оно выступает важным элементом стратегического развития самой компании. Социальная защита позволяет минимизировать конфликтные ситуации на рабочем месте, снижает уровень текучести кадров и существенно повышает лояльность сотрудников по отношению к организации. Эти эффекты достигаются за счет создания системы стабильных социальных обязательств, которые воспринимаются работниками как важнейший компонент их профессиональной жизни. В связи с этим руководство должно обладать навыками эффективного использования ресурсов корпоративной культуры, обеспечивая их реализацию для достижения стратегических целей компании.

Список литературы

1. Шеляпин, В. Н. Формирование корпоративной культуры организации: теоретический аспект / В. Н. Шеляпин, Г. А. Федотова // Вестник НовГУ. – 2012. – № 70. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-korporativnoy-kultury-organizatsii-teoreticheskiy-aspekt (дата обращения 25.09.2025).
2. Мальков, Д. Э. Корпоративная социальная ответственность как один из основных элементов стратегии развития предприятий нефтегазового комплекса / Д. Э. Мальков, А. В. Комарова //Московский экономический журнал. – 2023. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost-kak-odin-iz-osnovnyh-elementov-strategii-razvitiya-predpriyatiy-neftegazovogo-kompleksa (дата обращения 25.09.2025).

УДК 37.01

ДИАГНОСТИКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Суржикова А.А., Тимофеев К.А.,
Ширин А.Г., д-р пед. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,
г. Великий Новгород, РФ
Anastasiya.Surzhikova@novsu.ru

Введение. В условиях динамично меняющегося социума проблема формирования у подрастающего поколения способности к эффективному социальному взаимодействию приобретает особую актуальность. Социальная компетентность выступает как интегративное качество личности, позволяющее человеку успешно выполнять различные социальные роли, адаптироваться к изменениям и выстраивать конструктивные отношения с окружающими. Обобщая подходы ряда отечественных исследователей, мы определяем социальную компетентность как *готовность и способность личности выстраивать стратегии взаимодействия с людьми, принимать адекватные ситуации решения и нести ответственность за личное благополучие и благополучие общества.* Особую значимость ее развитие приобретает в подростковом возрасте (14-15 лет), который, согласно ученому Д.Б. Эльконину, является сензитивным для формирования «чувства взрослости», самоопределения и освоения норм социального поведения. Как справедливо отмечает российский исследователь Н.В. Калинина, «именно ответственность является основой для развития социальной компетентности» [1]. Однако практика показывает, что стихийное развитие данного качества не всегда приводит к желаемым результатам.

Целью нашего исследования являлась диагностика актуального уровня и структурных особенностей социальной компетентности у подростков для выявления ключевых проблемных зон и последующей разработки научно-обоснованной модели развития данной компетентности.

Основная часть. В качестве теоретической рамки была принята структура социальной компетентности А.В. Стрелковой, включающая компоненты целеполагания, ориентации на другого и социальной мобильности [2]. Особого внимания заслуживает определение, данное ученым Е.И. Фастовой, которая рассматривает социальную компетентность как «гуманитарно-целостное новообразование личности, включающее комплекс индивидуально-личностных... и социально-ценных... свойств, определяющих высокий уровень готовности подростка жить в современном

социуме» [3]. Данный подход конкретизируется в работах российского ученого А.О. Кургаевой, которая выделяет в структуре социальной компетентности подростка ключевые, базовые, специальные и оценочные компетенции, подчеркивая, что «важность конкретизации компетенций состоит в том, чтобы помочь подросткам развить их и пользоваться ими как средствами достижения личностно значимых целей в социуме» [4].

Для диагностики уровня развития социальной компетентности у подростков-школьников, нами было проведено эмпирическое исследование на базе МАОУ «Гимназия «Гармония» г. Великий Новгород. В выборку вошли 25 учащихся 8 класса (14-15 лет). Был использован комплекс валидных методик: опросник «Цель, средства, результат» А.А. Карманова, методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко и «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» Т.В. Корнилова.

Проведенная диагностика позволила получить развернутую картину и выявить ряд тревожных тенденций.

1. Дефицит в развитии компонента целеполагания. Данные по методике А.А. Карманова показали, что этот компонент находится на низком уровне у подавляющего большинства подростков. Это проявляется в том, что цели, которые ставят перед собой учащиеся, часто не обоснованы, ситуативны, легко принимаются извне. Наблюдается склонность к непродуктивному времяпрепровождению и трудности с волевой мобилизацией для начала деятельности. Лишь 12% опрошенных (3 чел.) продемонстрировали способность ставить перед собой реалистичные, достижимые цели.

2. Низкий уровень развития компонента ориентации на другого. Диагностика эмпатических способностей по В.В. Бойко дала наиболее однозначные результаты: практически у всего класса (с суммарными показателями в 9–14 баллов) зафиксирован очень низкий уровень эмпатии. Подростки не проявляют наблюдательности по отношению к другим людям, не умеют считывать и понимать их эмоциональные состояния, не способны к сопереживанию.

3. Амбивалентность компонента социальной мобильности и активности. По методике Т.В. Корнилова был выявлен преимущественно средний уровень развития данного компонента. Для подростков характерно с одной стороны, стремление к новизне, а с другой – острая потребность в ясности и упорядоченности.

Обобщая результаты диагностики, хочется отметить, что комплексный анализ данных показал: общий уровень развития социальной компетентности у подростков-респондентов является низким (36%). Эмпирически верифицирована ключевая проблема: при среднем уровне готовности к активности, у современных подростков крайне слабо развиты

внутренние регуляторы социального поведения – способность к осознанному целеполаганию и эмпатическому взаимодействию.

Выявленные в ходе констатирующего исследования системные дефициты доказывают недостаточность традиционных форм воспитательной работы и обуславливают необходимость создания специальной, целенаправленной педагогической системы. В качестве такой системы нами была разработана структурно-функциональная модель развития социальной компетентности подростков.

Модель носит комплексный характер и состоит из пяти взаимосвязанных блоков: концептуального, содержательного, организационно-деятельностного, технологического и результативно-диагностического. Ее ключевая задача — создание в образовательной организации условий для преодоления выявленных дефицитов через вовлечение подростков в разработку и реализацию социальных проектов, систематическое использование интерактивных форм в процессе обучения (тренинги, кейс-стади, деловые игры) и расширение социального партнерства школы. Предложенная модель является научно-обоснованным ответом на конкретные, диагностически подтвержденные проблемы современных подростков.

Заключение. Проведенное исследование позволило эмпирически зафиксировать и детально охарактеризовать уровень развития социальной компетентности у учащихся 8-х классов, который проявляется прежде всего в дефиците навыков целеполагания и эмпатии. Разработанная на основе анализа диагностических данных педагогическая модель представляет собой перспективный инструмент для целенаправленного формирования недостающих компонентов и развития имеющихся аспектов.

Список литературы

1. Калинина, Н. В. Формирование социальной компетентности как механизм укрепления психического здоровья подрастающего поколения / Н.В. Калинина // Психологическая наука и образование. – 2001. – № 4. – С. 1-8.
2. Стрелкова, А. В. Модель формирования социальной компетентности подростков с использованием кейс-метода // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 1. – С. 130-139.
3. Фастова, Е. И. Становление социальной компетентности подростка в культурно-образовательной среде общеобразовательной организации: модель концепции // Известия ВГПУ. – 2013. – № 10 (85). – С. 58-62.
4. Кургаева, А. О. Диагностика уровня сформированности социальной компетентности подростков // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза : Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 15 декабря 2023 г.). – Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2024. – С. 152-154.

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПЕРИОД ОТРОЧЕСТВА

Таран В.Н., ORCID 0009-0005-2764-6113
ФГБОУ ВО «Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки», г. Луганск, РФ
valentinataran117@mail.ru

Введение. Проблема аутоагрессивного поведения в период отрочества на протяжении последних десятилетий является предметом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Усиление социальной нестабильности, трансформация института семьи, рост девиантных форм взаимодействия в отрочестве и воздействие медиапространства способствуют актуализации этой проблемы. Аутоагрессия рассматривается не только как личностный феномен, но и как отражение неблагоприятных социальных условий, которые создают дополнительные риски для становления личности в переходный возраст. В научной литературе социальные факторы рассматриваются как триггеры, способные усиливать либо смягчать предрасположенность к аутоагрессии. В отечественных исследованиях (Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, А.В. Петровский) подчёркивается роль социальной детерминации в развитии личности подростка. Зарубежные авторы (А. Бандура, Р. Баумейстер, Т. Джойнер) связывают аутоагрессию с семейной дисфункцией, межличностными конфликтами и социальной дезадаптацией. Современные работы (Т.П. Автономова, Д.Н. Бикбулатова, Й. Клаас, Г.Р. Фаттахова, К. Хоутон, М.А. Шаталина) показывают, что её возникновение определяется не только внутренними кризисами личности, но и деструктивным характером социальных взаимодействий.

Цель исследования – изучение социальных факторов, определяющих специфику аутоагрессивного поведения в период отрочества.

Основная часть. Социальные факторы занимают особое место в детерминации аутоагрессивного поведения в период отрочества. Именно они формируют условия, в которых протекает развитие личности, опосредуя становление самооценки, эмоциональной устойчивости и способов совладания с внутренними конфликтами. В этом возрасте подросток оказывается особенно чувствителен к влиянию семьи, образовательной среды, группы сверстников и медиапространства, что делает социальный контекст ключевым условием риска или защиты.

Одним из ключевых социальных факторов, влияющих на формирование аутоагрессивного поведения в период отрочества, является характер детско-родительских отношений. Эмоциональная поддержка,

теплоту и безусловное принятие со стороны родителей способствуют формированию устойчивого самоотношения и положительной самооценки. Напротив, чрезмерная критика, контроль и эмоциональная дистанция могут способствовать формированию негативного образа «Я» и поиску компенсаторных стратегий поведения, включая аутоагрессию. Дефицит родительской поддержки коррелирует с повышенной тревожностью, импульсивностью и фрустрацией, что подтверждается эмпирическими данными: «подростки с высокой степенью аутоагрессии характеризуются более напряжёнными взаимоотношениями с родителями, высоким уровнем тревожности, импульсивности и фрустрации» [3, с. 46]. Так, качество детско-родительских взаимодействий может выступать как фактор защиты или риска в развитии аутоагрессивных тенденций.

Не менее значимым социальным фактором является положение подростка в структуре сверстнических взаимоотношений: в период отрочества потребность в принадлежности и признании возрастает, и отвержение со стороны ровесников выступает мощным триггером эмоционального дистресса. В исследовании, посвящённом социальной адаптации школьников, отмечается: «принятие одноклассниками имеет прямую связь с поощрением автономности и удовлетворением потребностей; при его отсутствии самопринятие и самооценка резко снижаются» [1, с. 115]. Так, поддержка сверстников играет роль защитного фактора, а социальная изоляция – триггера аутоагрессивного поведения.

Связующим звеном между социальной средой и аутоагрессией является самоотношение подростка. Сложность заключается в том, что именно в отрочестве происходит активное становление «Я-концепции», чувствительной к внешним оценкам. Как отмечают Е.А. Екимова с соавторами, «позитивное самоотношение и высокая устойчивая самооценка являются важнейшими факторами личностного развития и успешной социализации подростка» [2, с. 170]. В ситуации, когда социальные условия способствуют хронической самокритике и ощущению неполноценности, вероятность аутоагрессивных проявлений значительно возрастает.

Школьная среда выступает важным социальным контекстом формирования личности подростка и одновременно может являться фактором риска развития аутоагрессивного поведения. Поддерживающая педагогическая позиция, основанная на уважении и признании индивидуальности, способствует укреплению самооценки и развитию адаптивных форм саморегуляции. Однако избыточные академические требования, авторитарный стиль взаимодействия педагогов, акцент на сравнение с другими учащимися и отсутствие эмоциональной поддержки приводят к формированию хронического напряжения и чувства несоответствия. При этом неблагоприятный школьный климат и ощущение несправедливого отношения со стороны педагогов усиливают риск

формирования негативного образа «Я» и закрепления аутоагрессивных стратегий поведения [5, с. 142].

В современных условиях медиасреда стала одним из наиболее значимых социальных факторов, влияющих на поведение подростков. С одной стороны, цифровое пространство предоставляет возможности для расширения социальных контактов, поиска поддержки и самовыражения. С другой – оно может транслировать деструктивные модели поведения, включая романтизацию самоповреждений и формирование позитивного образа боли и страдания. Как отмечают исследователи, «цифровая среда, в особенности социальные сети, не только отражает, но и активно конструирует новые формы идентичности и самовыражения подростков» [4, с. 24]. Так, медиапространство выполняет двойственную функцию: оно может быть, как источником психологической поддержки и социальной интеграции, так и фактором, усиливающим аутоагрессивные тенденции.

Заключение. Таким образом, анализ социальных факторов аутоагрессивного поведения в период отрочества позволяет заключить, что именно социальная среда задаёт ключевые условия для формирования или преодоления личностной уязвимости подростков. Аутоагрессивное поведение в отрочестве выступает результатом сложного взаимодействия социальных факторов, которые либо усиливают личностную уязвимость, либо формируют защитные ресурсы. Изучение этих условий имеет принципиальное значение для понимания механизмов личностного развития и детерминации деструктивных форм поведения в период отрочества и требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Алиев, Н. Р. Взаимоотношения со сверстниками как важный фактор формирования личности подростка / Н.Р. Алиев // International scientific review. – 2020. – С. 114-116.
2. Екимова, В. И. Агрессия и аутоагрессия в зеркале самоотношения подростков / В.И. Екимова, Т.Ю. Голик, А.В. Левченко // Экстремальная психология и безопасность личности. – 2025. – № 2 (2). – С. 170–189. – DOI: 10.17759/epps.2025020210.
3. Комарова, О.Н. Социально-психологические детерминанты семейной среды и их влияние на аутодеструктивные проявления подросткового поведения / О.Н. Комарова, А.Л. Рассказова // Системная психология и социология. – 2024. – № 4 (52). – С. 32-49. – DOI: 10.24412/2223-6872-2024-452-32-49.
4. Мешкова, Л. Н. Современная цифровая среда как средство социокультурного становления личности подростка / Л.Н. Мешкова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Т. 10. – № 4А. С. 23-32. – DOI: 10.34670/AR.2021.62.17.003.
5. Ташбулатова, Г. Ш. Аутоагрессивное поведение детей и подростков как социальная и психолого-педагогическая проблема / Г.Ш. Ташбулатова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2020. – С. 137-146.

УДК 159.9

МАТЕРИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Устинов Д.В., ORCID 0000-0001-6627-7916
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
d.ustinov.dongu@mail.ru

Актуальность. Проблема преступности несовершеннолетних в современном мире считается тем социальным явлением, которое, так или иначе, вызывает интерес у каждого представителя общества. Вызывая у граждан личную тревогу о будущем своих потомков, состояние преступности несовершеннолетних демонстрирует качество исполнения государственных функций в социальной, правоохранительной, воспитательно-образовательной сферах. В связи с этим актуальности не теряют все исследования детской преступности, если они в конечном итоге направлены на противодействие правонарушениям несовершеннолетних, профилактику криминального и антиобщественного поведения подростков и юношей. Согласно ежегодной статистике (2025 год – 55 %; 2024 – 63 %; 2023 – 74 %; 2023 – 71 %; 2022 – 79 %) подавляющее большинство преступлений, совершаемых несовершеннолетними – это преступления против собственности. И при всем многообразии внутриличностных причин, вызывающих у подростков и юношей желание совершить хищения [1], побуждения удовлетворить материально ориентированные потребности остаются преобладающими в структуре преступной мотивации несовершеннолетних правонарушителей [2]. В то же время, остается неустановленным, какие именно особенности потребностно-мотивационной сферы отличают несовершеннолетних правонарушителей от законопослушных несовершеннолетних и могут выступать факторами, стимулирующими удовлетворение материально ориентированных потребностей противоправным способом.

Целью исследования является установление особенностей материально ориентированных компонентов потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей, ранее совершавших преступления против собственности.

Инструментарий и результаты исследования. В ходе исследования была проведена процедура психодиагностики в отношении 42 несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ОВД за совершение преступлений против собственности, а также 57 несовершеннолетних, обучающихся в общеобразовательных школах города Донецка (Донецкая Народная Республика), в отношении которых нет информации о совершении правонарушений.

Для диагностики применялись методика «Пирамида потребностей» (авторы В. В. Скворцов и И. А. Акиндинова), метод измерения мотивационной структуры личности (автор В.Э. Мильман), методика диагностики потенциальных мотивов делинквентного имущественного поведения несовершеннолетних (МДИП). При этом необходимо отметить, что и методика «Пирамида потребностей», и метод измерения мотивационной структуры личности основаны на получении прямых ответов на прямые вопросы, что с учетом особенностей группы несовершеннолетних правонарушителей и их склонности ко лжи, не может не отразиться на достоверности ответов, но дает основания для оптимизации индивидуальной профилактической работы.

Применение методики «Пирамида потребностей» показало, что частные потребности «Покупать хорошие вещи» (ранг 5 среди представленных частных потребностей), «Обеспечить себе материальный комфорт» (ранг 7), «Зарабатывать на жизнь» (ранг 10) «Обеспечить себе будущее» (ранг 11), формирующие уровень материальных потребностей, не являются ведущими в мотивационной структуре личности правонарушителей, а также не находятся ни в состоянии наибольшей актуализации, ни в состоянии полной удовлетворенности. Несовершеннолетние правонарушители в сравнении с законопослушными несовершеннолетними значительно больше стремятся обладать качественными материальными благами, «покупая хорошие вещи» ($t = 2,18$; $p < 0,05$), и значительно меньше желают финансовой стабильности и запаса на перспективу, «обеспечивая себе будущее» ($t = 3,4$; $p < 0,001$). Выраженность частных потребностей «Обеспечить себе материальный комфорт» (ранг 7), «Зарабатывать на жизнь» (ранг 10) в двух группах не имеет значимых различий.

Результаты применения метода измерения мотивационной структуры личности показывают, что согласно групповому обобщенному мотивационному профилю приоритетной у несовершеннолетних правонарушителей, в отличие от законопослушных подростков и юношей, является «мотивация поддержания жизнеобеспечения» (ранг 1), отражающая стремление к простым, примитивным материальным жизненным ресурсам, побуждения к удовлетворению неприхотливых насущных потребностей, превосходя также материально ориентированную «мотивацию комфорта и безопасности» (ранг 2), отражающую заботу в более развитой форме о средствах к существованию, и материальные стремления, приносящие больше удовольствия, чем просто необходимые. Показатели упрощенной материальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей значительно превосходят ($t = 3,87$; $p < 0,001$), соответствующие показатели группы законопослушных несовершеннолетних, которые, также демонстрируя стремления к удовлетворению материальных потребностей, обозначили приоритет более

совершенных форм материального достатка в виде «мотивации комфорта и безопасности» (ранг 1).

В процессе психодиагностики с применением методики МДИП несовершеннолетние правонарушители проявили преобладание потенциального корыстного преступного мотива, как во внутригрупповой структуре противоправной имущественной мотивации (ранг 1), так и в сравнении с законопослушными несовершеннолетними (показатель частоты проявления (встречаемости): $t = 3,12$; $p < 0,01$ и показатель силы проявления (интенсивности): $t = 3,46$; $p < 0,001$). При этом несовершеннолетние правонарушители стремились к удовлетворению различных по характеру материальной выгоды потребностей: потребность в личном пользовании вещью; потребность в получении денежных средств, раскрывающая более широкие перспективы удовлетворения иных потребностей; потребность избежать обязательных материальных затрат; потребность получения дальнейшей материальной выгоды.

Комплексный анализ результатов исследования демонстрирует, что несовершеннолетним правонарушителям, как и их законопослушным сверстникам, в общем процессе жизнедеятельности характерна актуализация материально ориентированных потребностей. В то же время материально ориентированные побуждения правонарушителей характеризуются направленностью на их реализацию в более примитивных, неприхотливых жизненных сферах, обладают краткосрочной перспективой без дальнейшего планирования, в том числе на реализацию посредством противоправных посягательств на имущество, которая повлечет негативные последствия.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования для решения задач профилактики правонарушений несовершеннолетних при проведении индивидуальной профилактической работы всеми органами и учреждениями системы профилактики в отношении несовершеннолетних, ранее совершавших правонарушения против собственности, а также несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений.

Список литературы

1. Устинов Д. В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов протиовправного имущественного поведения детей / Д. В. Устинов // Психология и право. – 2018. – Т 8, № 1. – С. 63-76. – DOI: 10/17759/psylaw/2018080105. – ISSN 2222-5196
2. Устинов Д. В. Исследование мотивации противоправного имущественного поведения несовершеннолетних правонарушителей / Д. В. Устинов // Прикладная психология и педагогика. – 2023. – Т 8, № 3. – С. 211-220. – DOI: 10.12737/2500-0543-2023-8-3-211-220. – ISSN 2500-0543

УДК 159.9

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «БУЛЛИНГ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Хвасько Н.С., ORCID 0009-0001-0231-0737
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
khvasko.natali@ya.ru

Введение. В условиях современного социума особую актуальность приобретает изучение агрессивных форм межличностного взаимодействия в различных социальных институтах, в частности в образовательной среде. Одной из таких форм является буллинг – систематическое агрессивное поведение одного человека или группы лиц по отношению к другому с целью причинения психологического или физического вреда. Несмотря на широкое распространение термина, в психологической науке до настоящего времени отсутствует единое и общепринятое определение понятия «буллинг». Исследователи опираются на различные трактовки, исходя из контекста изучения – педагогического, социально-психологического, клинического и др. В ряде случаев буллинг рассматривается как разновидность насилия, в других – как форма деструктивного взаимодействия или способ установления неформальной иерархии в группе. Также различаются подходы к выделению ролей в ситуации буллинга и к пониманию его последствий для психического здоровья личности.

Актуальность проблемы обусловлена широким распространением буллинга среди детей, подростков и студентов, а также значительным негативным влиянием на эмоциональное благополучие, успеваемость, самооценку и личностное развитие пострадавших. Кроме того, с развитием цифровых технологий появляется всё больше форм виртуального преследования – кибербуллинга, требующего отдельного анализа.

Целью данной работы является анализ существующих подходов к определению понятия «буллинг» в психологической науке, выявление ключевых характеристик данного явления, а также рассмотрение его соотношения с близкими по смыслу терминами. Проведем обзор основных трактовок понятия «буллинг» в отечественной и зарубежной научной литературе, с целью уточнения его содержания и определения места в системе психологических понятий.

Основная часть. Феномен буллинга стал предметом изучения зарубежных учёных ещё во второй половине XX века. Классическими считаются работы Д. Ольвеуса, который первым систематизировал признаки школьного буллинга и предложил его типологию. Согласно Ольвеусу, буллинг – это преднамеренное, агрессивное поведение,

повторяющееся во времени и характеризующееся дисбалансом сил между агрессором и жертвой [1].

Параллельно с этим в психологии развивались смежные понятия, описывающие агрессивные и девиантные формы взаимодействия:

- моббинг (Х. Лейманн) – групповая травля, преимущественно в профессиональной среде, направленная на вытеснение жертвы из коллектива [7];
- насилие (Дж. Гиллиган) – более широкое понятие, включающее в себя как физическое, так и психологическое принуждение, и агрессию [7];
- травля (Е. Н. Волкова) – термин, близкий к буллингу, но чаще используется в контексте обыденного описания агрессивных действий без чёткого выделения структурных компонентов и ролевых позиций, характерных для научного понимания буллинга [4].

Рассмотрим наиболее значимые подходы к определению буллинга. В рамках социальной психологии буллинг трактуется как форма групповой динамики, направленная на исключение, унижение или подчинение отдельного индивида. Буллинг здесь рассматривается не только как поведение агрессора, но и как процесс, включающий жертву, наблюдателей и социальный контекст (И. С. Кон, Т. А. Мерцалова, С. В. Кривцова). Согласно социально-когнитивному буллинг-поведение агрессора является результатом социального научения, поведением, которое вознаграждается в его социальной среде и является типичным. Психоаналитическая традиция интерпретирует буллинг как проекцию внутренних конфликтов агрессора на внешние объекты – чаще всего слабых, уязвимых или отличающихся от большинства индивидов [2].

В отечественной психологии исследованию буллинга уделяют внимание с начала 2000-х годов. В работах Е. Н. Волковой, Л. А. Цветковой, И. В. Волковой буллинг рассматривается как форма насилия, нарушающая базовые психологические потребности ребёнка – в безопасности, принятии и принадлежности. Е. Н. Волкова определяет буллинг как неоднократное умышленное нанесение вреда одним подростком или группой другому подростку, который в данной ситуации оказывается не способным себя защитить и лишён возможности её покинуть [5].

Д. Олвеус выделяет ролевую структуру буллинга, выделяя основные позиции: агрессор, жертва, помощники агрессора, защитники жертвы и наблюдатели. Такой подход позволяет анализировать буллинг как социально-ролевой феномен [6].

Отдельного внимания заслуживают исследования буллинга в интернет-пространстве – кибербуллинга. Современные учёные (П. К. Смит, Дж. Патчин, С. Хиндуджа) подчёркивают специфику виртуальной травли, связанную с анонимностью, круглосуточной доступностью и высокой скоростью распространения агрессии [3].

В психологической литературе также представлены различные классификации буллинга: по форме (физический, вербальный, социальный, кибербуллинг), по направленности (личностный, этнический, гендерный), по последствиям (острая, хроническая травматизация).

Заключение. Таким образом, на современном этапе в психологической науке буллинг рассматривается как многогранный феномен, охватывающий личностные, межличностные и социокультурные аспекты. Несмотря на разнообразие трактовок, большинство исследователей сходятся во мнении, что ключевыми признаками буллинга являются: систематичность, намеренность, деструктивность и неравенство сил.

Для построения обобщённого определения буллинга в психологическом контексте можно использовать следующий вариант: буллинг – это устойчивое агрессивное поведение, совершаемое одним или несколькими субъектами по отношению к другому человеку в целях его психологического или физического подавления, сопровождающееся дисбалансом власти и ролей.

Список литературы

1. Байгазанова, Р. Т. Буллинг в контексте коммуникативных процессов / Р.Т. Байгазанова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №6 (144). – С. 1–12. – DOI: 10.60797/IRJ.2024.144.140.
2. Белеева, И. Д. Буллинг как социально-психологическое явление: анализ теоретических подходов и эмпирических исследований / И.Д. Белеева, Т.А. Заглодина и др. // Педагогическое образование в России. – 2020. – №5. – С. 131–136.
3. Бобровникова, Н. С. Кибербуллинг: виды и особенности проявления / Н.С. Бобровникова // МНИЖ. – 2022. – №11 (125). – С. 1–4.
4. Волкова, Е. Н. Институты социализации современных подростков и их влияние на подростковый буллинг: системный анализ / Е.Н. Волкова // Системная психология и социология. – 2021. – № 4 (40). – С. 35–47. – DOI: 10.25688/2223-6872. 2021.40.4.3.
5. Волкова, Е. Н. Методологические основания для разработки программ профилактики подросткового буллинга / Е.Н. Волкова, Л.А. Цветкова, И.В. Волкова // СПЖ. – 2019. – №74. – С. 88–100.
6. Лучинкина, И. С. Психологические особенности личности с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре / И. С. Лучинкина, А. Э. Фазилова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – №4. – С. 1–9.
7. Роговская, Н. И. Феномен моббинга XXI века в педагогическом коллективе высшей школы / Н. И. Роговская, М. Б. Дюжева // ЕГИ. – 2025. – №1 (57). – С. 691–694.

Клиническая и кризисная психология: опыт решения проблем и перспективы исследований

УДК 61;122

ОБЩЕНАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ И «АНТАГОНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД» В МЕДИЦИНЕ

Александровская В.Н., д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф.,
ORCID 0009-0006-7805-0317
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет
имени М. Горького», г. Донецк, РФ
adjon@yandex.ru

Актуальность. Феномен антагонистической саморегуляции функций биоорганизма стал изучаться в западной медицине около 200 лет назад и продолжал исследоваться в течение XX века в СССР. В XXI веке в связи с развитием теории общей патологии, основанной на общетеоретической (диалектико-материалистической) методологии познания, проблема изучения антагонистической регуляции функций в биоорганизме резко актуализировалась. Исследователь этих процессов, физиолог Д.С. Саркисов описывает эту ситуацию следующим образом: «Как только обнаруживают какое-либо новое биологически активное вещество, вырабатываемое определенным типом клеток, обязательно в скором времени находят и его антагониста. Это стало настолько закономерным, что теперь уже исследователь, установивший какое-либо неизвестное ранее влияние на процессы жизнедеятельности, может (и должен!) смело искать антагониста этого влияния и ту структуру, которая является его источником» (2, с. 206).

В связи с этим **цель** нашего исследования – показать параметры использования «антагонистического подхода» в клинической и экспериментальной медицине. Задача работы – обозначить дальнейшие перспективы его практического использования в диагностике и терапии.

Основное содержание работы. Речь идет о деятельности сложной системы различных групп организма – клеток, органов, функциональных систем. Эти группы от рождения и до конца жизни осуществляют непрерывные диалектически противоположные и взаимодополняемые «стимулирующие» и «тормозные» действия, обеспечивают «баланс» и «равновесие» системы «гиперфункция-гипофункция» в антагонистических биопроцессах организма. Экспериментально доказаны две клинических идеи: первая – каждая клетка организма синтезирует матрицы (с функцией катализаторов) и антиматрицы (с функцией ингибиторов); вторая – эти антагонистические отношения являются абсолютно естественными.

Именно этот антагонистический механизм, как показали исследования, обеспечивает жизнь, которая без него сразу же останавливается. Непрерывное балансирование этих противоположно направленных биопроцессов обеспечивает оптимальное функционирование организма. Современные биохимические и токсикологическое лабораторные исследования показали большое значение антагонистического механизма в нормальной деятельности организма.

Приведем примеры действия антагонистического подхода в функциональных системах биоорганизма.

1. Противоречивая регуляция сахара в крови (бета-клетки и альфа-клетки вырабатывают инсулин и контринсулярный гормон).
2. Противоречивая регуляция кальция в крови (клетки околощитовидной железы при их усилении повышают кальций в крови, а С-клетки той же щитовидной железы снижают его уровень).
3. Противоречивая выработка соляной кислоты (гастриновые клетки желудка и S-клетки 12-перстной кишки это оппозиционеры в выработке соляной кислоты).
4. Противоречия в системе свертывания крови (тромбоциты – гепарин).
5. Противоречивое регулирование гомеостаза (свертывающая – противосвертывающая система крови).
6. Противоречивая деятельности аппарата почек (гипертензивный – гипотензивный эффект).
7. Противоречия в системе костной ткани (остеобласт – остеокласт поддерживают структурно-функциональный гомеостаз костной ткани).
8. Противоречивая регуляция гормонов (диоретический, т.е. продуцирующий, – антидиоретический).
9. Противоречивая регуляция в иммунных реакциях (Т-хелперы, т.е. помогающие, – Т-супрессоры, т.е. подавляющие).
10. Мышцы-антиподы (обеспечивающие двигательную активность биоорганизма [1, с. 16-24].

Более того, ученые-медики полагают, что наличие антагонистического механизма действия – это естественный кибернетический процесс, в котором работают саморегуляция, самоорганизация, самовоспроизводство и свидетельством тому является наличие в организме «анти-тела» и «анти-рецептора» против каждого данного антитела и каждого специфического рецептора в организме [2, с. 207].

Нарушение антагонистической саморегуляции лежит в основе расстройств и серьезных заболеваний организма – вплоть до самовоспроизводства и роста злокачественных опухолей. Используя в своих методиках, антагонистический подход, медики добились большого достижения в области онкологии – открыли не только онкогены, вызывающие развитие опухоли, но и одновременное существование генов-

«ракоподавителей», функция которых – тормозить движение онкогенов и предупреждать раковое поражение клеток. Без этого антагонистического механизма открывается путь для онкологического роста и развития. Онкологи показали, что потеря антионкогенов (или генов супрессии, т.е. подавления рака) является важным фактором развития опухоли. Было доказано, что не только «онкогенная группа» генетического аппарата, но и вся его сложнейшая киберсистема работают по принципу самоконтроля и саморегуляции антагонистических отношений. То же самое относится к склерозу и другим болезням.

Выводы. Изучение специальной литературы по заявленной проблематике подвело нас к ряду выводов: во-первых, в современной клинической медицине антагонистический подход – это главный принцип антагонистической регуляции функций в биоорганизме, кибернетический механизм сохранения, равновесия и постоянства его внутренней среды в норме и при патологии; во-вторых, гносеологическими корнями антагонистического принципа в медицине является диалектико-материалистический закон противоречия как фундаментальная бинарная матрица мироздания, окружающей среды, материи; в-третьих, законы функционирования биоорганизма как биологической формы материи естественным образом подчиняются общенаучным законам мироздания, являясь их частно-научным воплощением; в-четвертых, бинарная природа мироздания, всех его форм и субъектов, выраженная в первом законе диалектики (в законе противоречия) и на этом основании (по родовому принципу), т.е. по категориальной линии «целая часть», «общее специфическое» синтезированы в общенаучную (диалектико-материалистическую) методологию познания и в частно-научные медицинские методы исследования. Диалектический закон противоречия интерпретирован как антагонистический принцип исследования болезней в медицине.

Список литературы

1. Вайнберг, Р.А. Поиск антионкогенов / Р.А. Вайнберг // В мире науки. – 1988. – № 11. – С. 16-24.
2. Саркисов, Д. С. Очерки истории общей патологии / Д. С. Саркисов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Медицина, 1993. – 511 с. – ISBN 5-225-02263-4.

УДК 159.9

РОЛЬ ФАКТОРОВ СОВЛАДАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ПРЕОДОЛЕНИИ СТРЕССА У ПАЦИЕНТОВ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ И КАРДИОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Будик С. А., ORCID 0009-0007-7820-1370,
Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0007-2513-213X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
budiksofiya@yandex.ru

Актуальность. Результаты обширного ряда медико-психологических исследований подтверждают вывод о том, что стресс является одной из основных причин развития значительного числа заболеваний, включая онкологические и кардиологические. У онкологических больных хронический стресс и нарушения психологической адаптации могут влиять на иммунную функцию, прогрессирование заболевания и эффективность лечения. Постоянная активация стрессовых реакций может приводить к ослаблению иммунной системы, что, в свою очередь, способствует прогрессированию патологий, метастазированию и снижению ответа на терапию. Хронический стресс оказывает разрушительное воздействие и на сердечнососудистую систему, вызывая аномалии артериального давления, увеличение уровня холестерина и инициируя воспалительные процессы в кровеносных сосудах и лимфатической системе. Эти патологические процессы способствуют развитию атеросклероза, ишемической болезни сердца, повышению рисков инфарктов и инсультов. Для противодействия стрессу и минимизации его влияния у больных на бессознательном уровне запускаются защитные механизмы снижения психологической нагрузки [1], и активизируются психолого-поведенческие стратегии совладания, направленные на преодоление сложных жизненных обстоятельств посредством целенаправленных и осознанных действий [2]. В этом контексте, более целостное понимание и дальнейшее углубленное изучение индивидуальных особенностей совладающего поведения и задействования защитных механизмов является крайне актуальной задачей разработки стратегий обеспечения стрессоустойчивости в процессах борьбы с патологиями.

Целью исследования является изучение психологических особенностей проявлений защитных механизмов и совладания у кардиологических и онкологических больных.

Методика и результаты исследования. Экспериментальное исследование было осуществлено на базе городской больницы № 2 «Восточная», г. Макеевка, ДНР. В качестве респондентов выступили две

группы пациентов: 45 человек с кардиологическими заболеваниями (возрастной диапазон 30-75 лет) и 45 человек с онкологическими заболеваниями (возрастной диапазон 40-80 лет). Инструментарий исследования включал следующие психодиагностические методы: тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана. С целью выявления особенностей стрессоустойчивости использовались: методика «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т. Холмса и Р. Раге, тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона и тест на стрессоустойчивость К. Шнайера.

Опросник «Индекс жизненного стиля» показал, что пациенты с кардиологическими заболеваниями чаще всего используют отрицание (27%) и гиперкомпенсацию (22%), в то время как онкологические больные склонны к компенсации (29%) и регрессии (24%). Согласно опроснику «Способы совладающего поведения», неадаптивные стратегии, такие как дистанцирование (22%) и конфронтация (20%), преобладают у кардиологических больных. Для онкологических пациентов также характерны дистанцирование (31%) и бегство-избегание (20%), но они также часто прибегают к адаптивной стратегии поиска социальной поддержки (22%). Методика «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» выявила, что большинство кардиологических (64%) и онкологических (54%) больных имеют низкую сопротивляемость стрессу. Тесты самооценки и устойчивости к стрессу показали, что 65% кардиологических больных испытывают трудности в повседневной жизни и обладают, в основном, низким уровнем стрессоустойчивости (45%). У онкологических больных 56% также сталкиваются с проблемами в борьбе со стрессом. Однако, по данным теста К. Шнайера, 54% онкологических больных обладают высоким уровнем стрессоустойчивости.

Для статистической проверки полученных результатов был использован линейный коэффициент корреляции Пирсона и U-критерий Манна-Уитни. В результате корреляционного анализа по методике «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т. Холмса и Р. Раге, в выборке кардиологических больных была выявлена прямая значимая на 5 % уровне связь между уровнем сопротивляемости стрессу и защитными механизмами «отрицание» и «проекция». Связь на 1% уровне, выявлена с вытеснением, регрессией, компенсацией, замещением и реактивным образованием. У онкологических больных выявлена значимая 1% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и копинг-стратегией «планирование решений». В результате корреляционного анализа показателей кардиологических больных по тесту самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона, была выявлена прямая значимая на 5 % уровне связь между уровнем сопротивляемости стрессу и

защитным механизмом «реактивное образование». Связь на 1% уровне, выявлена с вытеснением, регрессией, компенсацией, проекцией и замещением. Также была выявлена значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и копинг-стратегиями «конфронтация», «дистанцирование», «самоконтроль» и «поиск социальной поддержки». Связь на 1% уровне, выявлена со стратегией «бегство-избегание». У онкологических больных выявлена значимая на 1% уровне обратная связь между показателями стрессоустойчивости и защитными механизмами «отрицание» и «замещение», копинг-стратегией «конфронтация». Обратная связь на 1% уровне выявлена с копинг-стратегией «принятие ответственности». В результате корреляционного анализа по тесту на стрессоустойчивость К. Шнайера у кардиологических больных была выявлена значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и защитными механизмами «вытеснение», «регрессия» и «компенсация». Выявлена и значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и копинг-стратегией «дистанцирование». У онкобольных выявлены значимая на 5% уровне связь между уровнем стрессоустойчивости и механизмами «регрессия», «проекция» и «рационализация»; на 1% уровне – связь с защитными механизмами «компенсация» и «замещение»; значимая на 5% уровне связь уровня стрессоустойчивости и копинг-стратегии «конфронтация».

Исходя из результатов сравнительного анализа с помощью U-критерия Манна-Уитни были выявлены следующие различия:

1. Кардиологическим больным в большей степени характерен защитный механизм «отрицание», различия значимы на 5% уровне.

2. Больным с кардиологическими патологиями в большей степени свойственно преодолевать трудности с помощью копинг-стратегий «конфронтация», «дистанцирование», «принятие ответственности» и «бегство-избегание», различия значимы на 5% уровне.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы для профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с людьми, имеющими кардиологические и онкологические заболевания.

Список литературы

1. Долгова, В. И. Психологическая защита / В.И Долгова, О.А. Кондратьева. – Москва: Перо, 2014. – 160 с. – ISBN 978-5-91940-941-0.
2. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Ин-т психологии РАН; под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – Москва: Ин-т. психологии РАН, 2008. – 472 с. – ISBN 978-5-9270-0141-5.

УДК 159.9

ПРОФИЛАКТИКА ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ У БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ

Гороховодацкая А.С., ORCID 0009-0002-7640-5613,
Попельчук Г.А., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-0763-1855
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», г. Херсон, РФ
gorohovodatskaya@yandex.ru, HalynaDidenkopsy@yandex.ru

Введение. Депрессивные расстройства у беременных женщин представляют собой актуальную проблему в перинатальной психологии, поскольку они связаны с рисками для материнского здоровья, внутриутробного развития плода и возможным возникновением постнатальных осложнений. Современные исследования показывают, что уровень депрессивных симптомов на разных сроках беременности достигает 7-20%, а у более чем половины женщин проявляется в форме соматических нарушений, таких как хроническая усталость и бессонница.

В последние годы особое внимание уделяется внедрению онлайн-форматов профилактики, которые обеспечивают постоянный психоэмоциональный мониторинг и доступность психологической поддержки. По нашему мнению, эти подходы позволяют сгладить влияние ключевых стрессоров, повысить уровень осведомленности женщин о собственном эмоциональном состоянии и снизить вероятность развития как клинически выраженной депрессии, так и ее перехода в послеродовой этап.

Целью статьи является анализ современных подходов к онлайн-профилактике депрессивных состояний у беременных женщин и обоснование ее эффективности как инструмента, повышающего доступность помощи и персонализирующего вмешательства в перинатальном периоде.

Основная часть. Депрессивные состояния у беременных характеризуются устойчивым снижением настроения, аноэдонией и когнитивными нарушениями, соответствующими диагностическим критериям большого депрессивного эпизода. М. В. Наэль-Прупес и соавторы (2024) отмечают стабильную динамику симптомов в течение беременности, Распространённость депрессии по Шкале депрессии Бека (BDI) при постановке на учёт по беременности – 19,1%, в третьем триместре – 18,3%, на 2-6-й неделе после родов – 15,4% (по Эдинбургской шкале постнатальной депрессии (EPDS) – 21,2%) [3]. Это согласуется с выводами О. В. Аникиной и коллег (2021), которые указывают на предиктивную роль предшествующей депрессии для клинически значимых проявлений во время беременности, с повышением риска в два раза под влиянием стресса [1].

Т. А. Жигулина (2025) подчеркивает нейробиологические и психосоциальные механизмы, где психические расстройства влияют на эмоциональную регуляцию, увеличивая риск для плода через гормональные дисбалансы и поведенческие факторы [4]. И. Б. Назарова и Н. Е. Русанова (2025) отмечает, современный репродуктивный выбор сопровождается эмоциональными проблемами на всех его этапах: от принятия решения о будущем рождении до послеродового периода, где тревожные и депрессивные проявления тесно связаны с социальными стрессорами, в частности с отсутствием поддержки со стороны близких. А. О. Николаевская (2025), рассматривая влияние вспомогательных репродуктивных технологий, показывает, что депрессивная симптоматика может усиливаться в процессе таких процедур, как ЭКО, что фиксируется при оценке по шкалам Гамильтона. Изначально лёгкая депрессия (63,6% случаев) и тревога (65,6%) чаще наблюдались у женщин с неудачным ЭКО, что способствовало ухудшению этих показателей. В группе женщин с удачным исходом ЭКО изначально депрессия отмечалась у 26,7%, тревога – у 33,3%. Благополучные роды привели к стабилизации эмоционального состояния: депрессия сохранилась у 6,7% женщин, тревога – у 13,3%. Оба исследования подчеркивают важность учета психосоциальных факторов, включая семейное окружение, для более глубокого понимания причин и механизмов развития депрессии у женщин в период беременности.

Современные онлайн-форматы профилактики строятся на использовании цифровых платформ, которые позволяют организовать психотерапевтические вмешательства без необходимости личного присутствия специалиста. S. Goldman-Mellor и соавторы (2025) в своем исследовании подчеркивают повышенный суицидальный риск у беременных женщин с историей психических расстройств, отмечая, что частота попыток суицида достигает 0,13% в перинатальный период и возрастает в 4-30 раз при наличии факторов, таких как рекуррентная депрессия или злоупотребление алкоголем [6]. Авторы рекомендуют интеграцию онлайн-мониторинга и виртуальных кризисных интервенций для своевременного выявления и снижения этих рисков, что особенно актуально для групп с предшествующими обращениями за психиатрической помощью. Это дополняет существующие стратегии, подчеркивая роль цифровых платформ в предотвращении экстремальных исходов депрессивных состояний.

В. О. Аникина и соавторы (2021) отмечают, что эффективность онлайн-скрининга и консультативных программ связана с возможностью постоянного мониторинга эмоционального состояния и предоставления женщинам инструментов самопомощи, что снижает уровень тревоги и депрессии независимо от внешних обстоятельств [1]. Т. А. Жигулина (2025) рекомендует стратегии ведения, включая онлайн-программы когнитивно-поведенческой терапии, которые минимизируют риски расстройств через регулярные сессии и групповые взаимодействия [4]. Н. Е. Русанова (2025)

предлагает интегрировать онлайн-методы для регуляции психоэмоционального состояния на репродуктивных этапах, с акцентом на профилактику через виртуальные консультации и упражнения на релаксацию [5]. В исследованиях 2022 года подчеркивается роль семейного подхода в онлайн-психотерапии, где модули фокусируются на разрыве циклов зависимости от стрессоров, снижая симптомы депрессии у трети женщин. А. О. Николаевская (2025) указывает на потенциал онлайн-оценки динамики состояний, адаптированной для беременных с репродуктивными вызовами, что улучшает исходы через персонализированные рекомендации. Ученые единодушны в том, что такие методы, включая скрининг по шкалам EPDS, повышают доступность профилактики и снижают распространенность послеродовой депрессии [4].

Заключение. Теоретический обзор подтверждает, что онлайн-форматы профилактики депрессивных состояний у беременных женщин являются перспективным направлением, интегрирующим скрининг, когнитивно-поведенческие техники и семейную поддержку для минимизации рисков. Ученые подчеркивают необходимость ранней диагностики и персонализированных виртуальных программ, которые снижают эмоциональную нагрузку и предотвращают переход в послеродовую депрессию, улучшая перинатальные исходы. Однако для повышения эффективности требуется дальнейшее развитие стандартов онлайн-вмешательств, включая оценку долгосрочных эффектов и интеграцию с традиционной медицинской помощью, что позволит оптимизировать психическое здоровье в репродуктивный период.

Список литературы

1. Аникина, В. О. Психическое здоровье женщин в период беременности в условиях пандемии коронавируса COVID-19: обзор зарубежных исследований / В.О. Аникина, М.Е. Блох, С.С. Савенышева // Современная зарубежная психология. – 2021. – Т. 10. – №1. – С. 70-78. – DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100107.
2. Взаимосвязь и взаимовлияние психического состояния и репродуктивной функции женщин с бесплодием, проходящих терапию методом экстракорпорального оплодотворения / А. О. Николаевская [и др.] // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2025. – №17(3). – С. 26-32. – DOI: 10.14412/2074-2711-2025-3-26-32.
3. Динамика депрессивного состояния у женщин в антенатальный и постнатальный период / М. В. Наэль-Прупес [и др.] // Клиническая и специальная психология. – 2024. – №13(3). – С. 205-215.
4. Жигулина, Т. А. Психические расстройства во время беременности: диагностика, риски и стратегии ведения / Т.А. Жигулина, Куранов Д.С., К.В. Степанова // Биология и интегративная медицина. – 2025. – №SV(73). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskie-rasstroystva-vo-vremya-beremennosti-diagnostika-riski-i-strategii-vedeniya (дата обращения: 16.09.2025).
5. Назарова, И. Б. Эмоциональные проблемы на этапах репродуктивного выбора: от планирования до послеродовой депрессии / И.Б. Назарова, Н.Е. Русанова // Народонаселение. – 2025. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-

problemy-na-etapah-reproduktivnogo-vybora-ot-planirovaniya-do-poslerodovoy-depressii (дата обращения: 16.09.2025).
6. Incidence and Risk Factors for Suicide Attempt During Pregnancy and the Postpartum Period / S. Goldman-Mellor [et al.] // Journal of clinical psychiatry. – 2025. – №86(2). 24m15633. – DOI: https://doi.org/10.4088/JCP.24m15633.

УДК 159.9.07

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОТЕРАПИИ И ПСИХОКОРРЕКЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ РАССТРОЙСТВ ЛИЧНОСТИ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, КОМБАТАНТОВ И ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ

Ковальчишина С.В., канд., психол. наук, доц., ORCID 0009-0002-1541-8904
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.kovalchishina.dongu@mail.ru

Введение. Негативным наследием любого военного периода является рост числа соматических и психических заболеваний среди населения. Полученные в ходе войны психические травмы оказывают на психику человека дестабилизирующее воздействие. Среди психических отклонений наибольшее распространение имеют расстройства аффективного спектра, с которыми зачастую сопряжены такие соматические заболевания как диабет первого и второго типа, инфаркты, инсульты, расстройство щитовидной железы и желудочно-кишечного тракта. В результате развития заболевания личность испытывает значительные затруднения в адаптации, социализации и творческой самореализации [2, 4].

Цель статьи: рассмотреть актуальные проблемы психотерапии и коррекции пограничных расстройств личности у военнослужащих, комбатантов и демобилизованных, а также возможные подходы к их решению.

Основная часть. Особую группу риска составляют военнослужащие, комбатанты и демобилизованные (далее ВКД), которые под воздействием ненормальных жизненных обстоятельств, хронического боевого стресса и боевой травматизации быстро теряют психические ресурсы адаптации. В следствии этого ВКД негативно воспринимают окружающую среду и себя. Анализ последних исследований по данному вопросу указывает на то, что степень и вид психического расстройства у ВКД определяется исходным конституциональным диапазоном [1]. Преобладающее большинство расстройств относятся к пограничному расстройству личности (в 75% случаев) реже к невротическому (в 13%) и постравматическому стрессовому расстройству (12%). Пограничные расстройства личности (далее ПРЛ)

характеризуются нестабильностью в межличностных отношениях, самооценке и эмоциональном состоянии. Это сказывается на взаимоотношениях в семьях, служебных коллективах, а также готовности к оказанию психологической помощи. Сопротивление участников военных действий работе с психологом может объясняться относительной несущественностью имеющихся психологических отклонений и неосознаванием личной ответственности ВКД за последствия своего неадаптивного поведения в различных отраслях жизни. Опыт взаимодействия с данной категорией клиентов показывает, что первичная реакция на показания к психологической поддержке либо работе по профилактике ПТСР является раздражительный отказ, обесценивание данного вида работы, игнорирование и избегание контакта со специалистами, либо агрессия в адрес близких на их рекомендации к психотерапии и психокоррекции [2, 3].

Традиционно ВКД осознают нарушения психики, когда сталкиваются с психотическим уровнем (галлюцинации, психоз) или отдельными психотическими симптомами пограничного уровня (обсессии, эпизоды дереализации, фобии и панические атаки) [1, 3]. Такие симптомы как аддикции, агрессивное или делинквентное поведение, отчужденность и уход в себя, формальность в межличностных отношениях либо повышенная раздражительность, депрессивная симптоматика и астения не мотивируют ВКД самостоятельно обратиться за психологической помощью. Кроме того, военнослужащие могут испытывать трудности в выражении своих эмоций и поиске поддержки из-за культурных и социальных стереотипов о мужественности и стойкости. Опасность данного явления заключается в том, что возрастает вероятность перехода таких расстройств в патологические и хронические формы, когда психотерапия и психокоррекция очень затруднена. Со временем неадаптивный паттерн закрепляется на психосоматическом и нейронном уровне, нейронные связи по обеспечению сформированной дезадаптивной реакции укрепляются и в процессе психотерапии и психокоррекции психолог сталкивается в работе с сильными психологическими защитами, на трансформацию которых требуется много усилий как со стороны психотерапевта, так и клиента.

Для коррекции расстройства невротического спектра (расстройство настроения, тревожность, нарушение сна и обострение внутриличностных конфликтов) может уйти от 3-х до 6-ти месяцев регулярного психотерапевтического сопровождения. У ВКД данного уровня больше адекватной динамичности и системности в личностной структуре и стереотипе поведения. Они более дисциплинированные в процессе оказания психологической помощи и показывают хорошие результаты выздоровления. Диапазон пограничной организации личности отличается слабостью конституциональных компенсаторных и адаптационных механизмов и низкой способностью к осознаванию, сниженной стрессоустойчивостью и гибкостью

в выборе адаптивных моделей поведения. Психотерапия и психокоррекция ПРЛ у ВКД может продолжаться от 1 года до 3-х лет, с пожизненной поддержкой раз в 2 месяца для поддержания достигнутых в психотерапии результатов, так как в устойчивая адаптивность при ухудшении жизненных обстоятельств может снижаться и дезадаптивные формы психической адаптации опять проявят себя.

Для решения этих проблем необходимо внедрение комплексного подхода в вопросах психологического просвещения, своевременной диагностики, коррекции и профилактике психических расстройств у военнослужащих с целью сохранения их здоровья и повышения боеспособности. Среди методов, положительно зарекомендовавших себя в психотерапии и психокоррекции ПРЛ у ВКД, можно отметить следующие: когнитивно-поведенческую терапию, которая помогает пациентам осознать и изменить деструктивные паттерны мышления и поведения; гештальт-подход, который повышает осознанность клиента и укрепляет его эго-функцию по выбору наиболее подходящих моделей адаптации, а также формирует положительное и бережное отношение к себе; терапию принятия и ответственности, которая помогает принять и усвоить травматический опыт и стать активным субъектом собственной жизни; групповая терапия и тренинги навыков саморегуляции помогают ВКД почувствовать поддержку и понимание со стороны сослуживцев, что способствует снижению чувства изоляции и одиночества; кризисная интервенция обеспечивает возможность быстрого реагирования на кризисные ситуации. Она помогает предотвратить ухудшение состояния военнослужащего и обеспечить необходимую поддержку.

Заключение. Таким образом в психотерапии и коррекции ПРЛ у ВКД необходимо учитывать такие аспекты как конституционально-континуальный диапазон личности клиента, военные традиции, нормы и ценности, которые могут влиять на восприятие психического здоровья и обращения за помощью. Важно осуществлять профилактику пренебрежительного отношения к психическому здоровью у ВКД и изменять негативный стереотип о том, что к психологической помощи прибегают только слабые люди. Подобные установки ведут к усугублению имеющегося расстройства и затрудняют процесс психотерапии и коррекции. Для успешной работы необходимо учитывать культурные и этические аспекты, а также обеспечивать поддержку со стороны коллег и руководства. Обеспечение доступа к качественной психотерапевтической помощи должно стать приоритетом в системе военного здравоохранения.

Список литературы

1. Боев, О. И. Пограничные психические и личностные расстройства у военнослужащих-комбатантов в мирное время / О.И. Боев // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2024. – №1. – С. 47-49. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pogranichnye-psihicheskie-

i-lichnostnye-rasstroystva-u-voennosluzhaschih-kombatantov-v-mirnoe-vremya (дата обращения: 01.10.2025).
2. Белая, Е. И. Потребность в психологической помощи участников военных действий / Е.И. Белая // Актуальные проблемы медико-социальной экспертизы и реабилитации ветеранов войн: сборник докладов межгосударственного научно-практического семинара, Минск, 13-14 декабря 2001 г. / под общей редакцией А. Л. Пушкарева. – Минск : БГЭУ , 2002. – С. 63-66.
3. Королёв, С. А. Вопросы патоморфоза пограничных психических расстройств в клинической и военной психиатрии (обзор литературы) / С.А. Королёв, В.В. Нечипоренко // Российский психиатрический журнал. – 2009. – №2. – С. 40-46. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-patomorfoza-pogranichnyh-psihicheskih-rasstroystv-v-klinicheskoy-i-voennoy-psihiatrii-obzor-literatury (дата обращения: 01.10.2025).
4. Ковальчишина, С. В. Изменение эмоционального состояния населения в условиях длительной угрозы жизни / С.В. Ковальчишина // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). – Том 9: Философские и психологические науки // под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 140-142.

УДК 159.964

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ТЕРАПИИ ТРЕВОЖНЫХ РАССТРОЙСТВ

Конов Д.В., канд. полит. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
konov@mail.ru

Введение. Распространённость проблемы доступной терапии тревожных расстройств особенно актуальна в регионах, близких к территориям проведения СВО, так как количество граждан, психически пострадавших от последствий боевых действий, исчисляется сотнями тысяч человек. Применение технических средств терапии тревожных расстройств, в том числе в рамках телемедицинских сервисов особенно важно в условиях ограниченного доступа к очным формам медико-психологической помощи.

Основная часть. Тревожные расстройства и посттравматическое стрессовое расстройство занимают лидирующие позиции среди психических расстройств во всём мире. Последние десятилетия они являются одними из наиболее социально значимых психических заболеваний, поскольку оказывают значительное влияние на качество жизни пациентов и их социальную адаптацию. Тревожные расстройства объединяют широкий спектр клинических форм, включая генерализованное тревожное расстройство, панические атаки, фобии, социальное тревожное расстройство и ПТСР [DSM-5, 2013].

Патологическая тревога всегда приводит к подавлению адаптационных возможностей организма, поэтому фиксируется высокая коморбидность

тревожных состояний с соматическими заболеваниями (до 60 %) и депрессией, что существенно снижает качество жизни пациентов, усложняет терапию и требует комплексного подхода к лечению и реабилитации. [1]

В лечении тревожных расстройств распространены и доступны традиционные методы: фармакотерапия, когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), десенсибилизация и переработка движением глаз (ДПДГ), нейростимуляция (rTMS, tDCS) и тренинги с использованием биологической обратной связи (БОС).

Современные подходы к терапии предусматривают компонентный психотерапевтический подход, учитывающий индивидуальные особенности человека, комплексный характер травмы, что позволяет комбинировать терапевтические методы и применять современные технические средства на основе искусственного интеллекта, среди которых самыми популярными на сегодня являются:

- Иммерсивные VR и AR-системы для экспозиционной терапии
- Биологическая обратная связь и нейрофидбек устройства
- Носимые устройства постоянного мониторинга и роботизированные помощники.

Каждая из них выполняет специфические функции: VR создаёт контролируемую терапевтическую среду, БОС позволяет тренировать физиологическую регуляцию; носимые устройства обеспечивают постоянное воздействие, мониторинг и мотивирование пользователя.

Виртуальная реальность (VR) как метод терапии и реабилитации ПТСР демонстрирует значительный положительный эффект. Клинические исследования показывают, что у 90 % пациентов симптомы ПТСР существенно снижаются после курса VR-терапии, при этом серьезных осложнений не зарегистрировано. [2, 3].

VR-терапия широко применяется для экспозиционной терапии и тренировки навыков эмоциональной регуляции, снижая симптомы тревоги и ПТСР. Пациенты погружаются в заранее подготовленные терапевтические сценарии, ситуации, имитирующие и адаптированные под травматический опыт, что формирует новые ассоциативные связи и паттерны поведения. [4]

По сравнению с "живой" экспозиционной или когнитивно-поведенческой терапией (КПТ) результаты могут быть схожими или чуть ниже: например, в ряде исследований VR уступала по отдалённому эффекту традиционной КПТ и долгосрочной экспозиционной терапии, но превосходила простое консультирование и контрольные группы. [5]

VR-программы позволяют переработать травматические воспоминания, улучшить когнитивные функции и снизить избегающее поведение.

Биологическая обратная связь (БОС) позволяет пациентам осознанно влиять на физиологические параметры своего организма в режиме реального времени. БОС устройства измеряют ЧСС, КГР, ЭЭГ, HRV и т.д., возвращают эту информацию пациенту через визуальные или аудиосигналы, что помогает пациенту осознать и научиться контролировать

физиологические реакции. Таким образом, формируются навыки саморегуляции, и способность самостоятельно снижать уровень тревожности.

Многочисленные исследования на пациентах с неврологическими и психиатрическими диагнозами, подтверждают значимое снижение симптомов ПТСР и тревоги после применения БОС. [6]

Преимущества БОС включают неинвазивность, безопасность, отсутствие системных побочных эффектов и высокий уровень комплаентности, что особенно важно для пациентов с тяжелой психотравматизацией. [7]

Перспективы использования. Разработки новых мобильных устройств с интеграцией искусственного интеллекта для персонализации терапии и дистанционного мониторинга, робототехника и сенсорные интерфейсы будут играть большую роль в комплексной психореабилитации, обеспечивая адекватное сопровождение и мотивацию пациента.

Цифровизация, искусственный интеллект (ИИ), персонализация терапии и интеграция дисциплинарных подходов являются ключевыми факторами прогресса. Будущее — в гибридных системах, объединяющих VR-тренинги, БОС-терапию, нейростимуляция (rTMS и tDCS) и телемедицину.

Представляется перспективным развитие терапии тревожных расстройств при помощи комбинации многомодальных VR-систем, интегрирующих БОС, нейростимуляцию и майндфулнесс-интервенции, что позволит глубже моделировать и корректировать терапию. Благодаря облачным технологиям, контроль и коррекции психофизиологических параметров доступны в любое время и на любой территории.

Современные VR-программы развиваются всё более адаптированными, реалистичными и интерактивными. С внедрением в VR-гарнитуры сенсорных реакций становится возможным их применение для передачи пациенту тактильных ощущений, что повысит реалистичность иммерсивной среды. Наряду с этим развитие носимых устройств контроля эмоциональных и физиологических реакций пользователя технологии AR и VR получают возможность не просто реалистично воспроизводить ситуации, но и динамически изменять их под состояние пациента.

Развитие массовой культуры использования электронных устройств позволяет применять в терапии развитые и широко внедренные паттерны взаимодействия с техническими устройствами: геймификация для мотивирования, электронные помощники, аудио и видеоинструкции используются как AI-наставники. Многие подходы уже используют данные биомониторинга, получаемые посредством мобильных приложений, а роботизированные помощники развивают мотивацию к сотрудничеству и самостоятельности в терапевтической работе.

Список литературы

1. Котова О.В., Беляев А.А., Акарачкова Е.С. Современные методы диагностики и лечения тревожных и депрессивных расстройств // РМЖ. Медицинское обозрение. – 2021. – Т. 5, № 10. – С. 648-653. – DOI: 10.32364/2587-6821-2021-5-10-648-653.

2. Риццо, А. «Скип» и Шиллинг, Р. Клинические инструменты виртуальной реальности для улучшения профилактики, оценки и лечения ПТСР // Европейский журнал психотравматологии. – 2017. – Т. 8, вып. 5.
3. Маринова, М.М. Влияние VR-среды на уровень тревожности // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 49–58. https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150204
4. Котгасснер, О.Д., Горайс, А., Кафка, Дж.К., Ван Эйкельс, Р.Л., Пленер, П.Л., и Фельнхофер, А. Терапия виртуальной реальности при посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР): метаанализ // Европейский журнал психотравматологии. – 2019. – Т. 10, № 1. – https://doi.org/10.1080/20008198.2019.1654782
5. Мурашко А.А. Возможности применения виртуальной реальности в психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. – 2021. – Т. 31, № 2. – URL: https://psychiatr.ru/files/magazines/2021_08_scp_2096.pdf
6. Можейко Е.Ю., Петряева О.В. Обзор исследований использования БОС-терапии при реабилитации и восстановительном лечении пациентов неврологического профиля. // Доктор.Ру. – 2021. – Т. 20, № 9. – С. 43–47. – DOI: 10.31550/1727-2378-2021-20-9-43-47 URL: https://journaldoctor.ru/upload/iblock/f23/Doctor.Ru_Neurology_Psychiatry_Vol_20_No_9_2021_8.pdf
7. Галушка М.С., Вишневецкий В.Ю. Обзор методов биологической обратной связи в реабилитации посттравматического стрессового расстройства // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. – 2024. – Т. 12, № 3. – URL: https://moitvivt.ru/ru/journal/pdf? id=1566 DOI: 10.26102/2310-6018/2024.46.3.025

УДК 159.964

МЕХАНИЗМЫ ПОДРОСТКОВОЙ САМОДЕСТРУКЦИИ (ИЗ ОПЫТА ПСИХОТЕРАПЕВТА)

Максименко Е.Г., д-р психол. наук, доц., ORCID 0009-0002-0931-0980
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.maksimenko@donnu.ru

Военный конфликт связан с переживанием неизбежного в человеческой судьбе: столкновением со смертью и переживанием утраты. Потери, к сожалению, происходят в жизни каждого человека, устанавливая значимые вехи. Война же концентрирует их во временном аспекте, создавая ситуацию, наполненную постоянно существующей опасности. Однако, война способна и к фильтрации, отбрасыванию тех лишений, которые в мирное время вызвали бы сильнейшие переживания. Сталкиваясь ежедневно с утратой жизни и здоровья, лишаясь дома, работы, имущества человек меняет свои ценности и смыслы. То, что было ценно до вхождения в период военного конфликта, становится менее значимым. Детские мечты, профессиональные стремления, особые требования к партнерским отношениям уходят во второй план, замещаясь темы вещами и событиями, в которых главное – это жизнь, сама по себе. Человек учится любить жизнь, во всей ее полноте, просто за то, что она есть, не всегда оценивая то, что она предлагает с морально-нравственной позиции.

Именно эта особенность способна влиять на выбор человека в каждом конкретном случае. Выбор, который человек делает в концентрированной атмосфере опасности. Он не планирует свою жизнь в далекой перспективе, не ставит цели своего развития. Он живет здесь и сейчас, что звучит очень терапевтично, с одной стороны, однако, что будет завтра-послезавтра, через год перестает быть важным. Особенно ярко данная тенденция проявляется у подростков, для которых и так характерна возрастная сепаративная депрессивность или агрессивность в связи со сменой значимых объектов, но в ситуации военного конфликта, у многих вчерашних детей будущее не рассматривается как нечто, ради которого сегодня нужно что-то делать, учиться, например.

Описанное выше можно объяснить действием особых механизмов психологической защиты, основанных на двойном способе мышления. Отрицание никогда не бывает абсолютно успешным, а расщепление позволяет индивидууму знать и не знать одновременно. Человек присутствует и отсутствует в одно и то же время. В этом его защита от страха смерти, спасение от чрезмерных переживаний. Но какой ценой? Как будет проявляться защитная стратегия в конкретных жизненных ситуациях? В воспитании детей, например. Родители есть физически, но способны ли они жить жизнью ребенка, чувствовать его ритм, понимать и осознавать его потребности?

В последние два-три года участились случаи обращения за психологической помощью родителей подростков в связи с их самодеструктивным поведением. В запросах родителей: ребенок не учится («спит днем»), отчуждение от родителей («не разговаривает с нами», «не слышит нас»), алкогольные опьянения, уход из дома в ночь, странные друзья, не следит за собой, своими вещами, комнатой. В беседе с ребенком выявляются не просто суицидальные тенденции, а готовность умереть к достижению периода ранней взрослости, т.е. к 20-24 годам, а то и раньше. Подросток не собирается жить жизнью своих родителей, учиться профессии, работать. «Зачем? Разве это кому-то нужно?». Наряду с отсутствием планов на будущую взрослость, подростки, собираясь в группы, воспроизводят «взрослое» поведение в том виде, которое им доступно уже сегодня. А именно поведение праздно прожигающего жизнь взрослого: алкоголь, наркотики, ранние сексуальные отношения. К 14-15 годам подростки, формируя определенный образ жизни взрослых, считают, что жизнь можно уже и завершать, мы все о ней знаем, смысла в ней нет.

Психотерапия подростков в психодинамической модальности показывает глубокую травму, связанную с переживанием ненужности родителям. В психоанализе концепт влечения к смерти собирает в себя весь арсенал защит, который включается, когда жизнь воспринимается психикой как опасная. Тогда уход назад (тенденция «в утробу», в безмятежное состояние) есть спасение. Формы, в которых влечение к смерти себя

проявляет очень много, от аутичности, депрессии до аддиктивных и асоциальных форм поведения, крайним вариантом является суицид.

Андре Грин [2] писал, о работе негатива как элемента детского «нет», который необходим на пути к самосознанию своего «Я», своих границ. Для того, чтобы ребенок мог сказать: «Нет», нужно эмпатичное, достаточно надежное окружение для поддержки, которое может помочь справится как маленькому ребенку, так и подростку с персекуторными тревогами (страх враждебного объекта) и снизить интенсивность переживаемого страха.

Базовые влечения к жизни и смерти, описанные З. Фрейдом, могут быть познаны нами только через их психические репрезентанты. Влечение к жизни проявляется через стремление к развитию в учебной, личной, семейной, профессиональной сферах. Направленность поведения человека природосообразно, экологично для себя и окружающих, желание иметь детей – пример маркера влечения к жизни. Влечение к смерти, напротив, маркируется парадоксальным поведением против природы человека, общества. По З. Фрейду, самодеструкция является его основной формой. Имеет место и деструктивность проявленная вовне (гетеродеструктивность) также организующая попытку снятия внутреннего напряжения.

Возможен и сплав влечений, который проявляется в различного рода девиантностях, промискуитетного поведения, например, в которых любовь замещается физическим эквивалентом в виде сильных ощущений и чувств по большей части негативного знака (боли, ревности, переживания разрыва) или в партнерских, профессиональных, где будет доминировать соперничество, интриги, конкуренция, борьба за власть, работа на износ, до выгорания вместо сотрудничества. Ребенок, развивающийся рядом со взрослыми с подобными установками, внутренне отрицающий их, в результате научается такому же парадоксальному (против природы и разумности) поведению, проявляя свой протест и несогласие через доступные ему формы самодеструкции.

Психотерапия детей подросткового возраста должна учитывать следующие моменты. Во-первых, понимание, что подростковый возраст является психобиологической репетицией процесса горевания [1]. Подростки, ослабляя связи с родителями, не осознанно переносят свою привязанность на сверстников. Взрослая модель переживаний, в том числе горевания, формируется после успешного завершения подросткового возраста. Во-вторых, в переживании ненужности для родителей ребенок чувствует себя виноватым и может или вытеснить это чувство вины, или увязнуть в нем. В-третьих, подростки, эмоционально потерявшие родителей и не обретя хороших заместителей родителей, рискуют стать вечноскорбящими по этой утрате. Поэтому первым шагом в психотерапии должно быть возвращение доверия к взрослому и чувства безопасности в психотерапевтическом пространстве через искренний интерес и внимательное слушание, поддержку в оценке событий, в которые попадает

ребенок и его друзья без критики, с уважением к их попыткам быть взрослыми. По сути, психотерапевт должен стать хорошим заместителем родительской фигуры, снять чувство вины за происходящее в семье через прояснение родительской ответственности и, конечно, параллельно корректировать родительские практики, оказывать им помощь в выстраивании дружеских отношений с их взрослеющим ребенком.

В заключении отметим, что существует связь между переживанием горя и творчеством, эта связь всегда завораживала психоаналитиков. Любая творческая работа отражает различные аспекты переживания художника: борьбу чувств, страданий, победу над гореванием и т.д. Данная особенность легла в основу арт-терапевтических технологий. Горюющий подросток, вовлеченный в творческий акт, получает возможность высказаться без слов рядом со взрослым, который сможет объяснить ему смысл его переживаний.

Информация о финансовой поддержке: *Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РНФ №25-18-00895 (номер госрегистрации 125082509872-1).*

Список литературы

1. Волкан, В. Жизнь после утраты: Психология горевания / В. Волкан, Э. Зинтл. // Пер. с англ. – 2-е стереотип, изд. – Москва: Когито-Центр, 2014. – 160 с. – ISBN 978-5-89353-418-4.
2. Грин, А. Работа негатива. Психоаналитическая работа, фокусированная на концепте негатива / А. Грин. – Издательство ВРБ, 2022. – 488 с. – ISBN 978-617-784-002-1.

УДК 159.9.07

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДНР О ТРАВМЕ

Набатова С.В., ORCID 0009-0004-7114-1481
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sofya.nabatova@yandex.ru

Повторные тревожные переживания в ситуации «здесь и сейчас» в форме флэшбеков, повторяющиеся сновидения и кошмары, гнев, злость, чувство вины и безнадёжности, стремление избегать внутренние и внешние стимулы, ассоциирующиеся со стрессором – всё перечисленное относится к симптомам переживания психической травмы (в том числе – посттравматического стрессового расстройства как крайнего варианта) [2].

Жители Донбасса ежедневно сталкиваются со стрессорами, которые могут выступить в роли психотравмирующих факторов, например такими как обстрелы и разрушение гражданской инфраструктуры, атаки мирного населения с использованием беспилотных летательных аппаратов,

нарушение базовых потребностей в безопасности и комфортном жилье (отсутствие водоснабжения) и т.д. Длительность военного конфликта и, соответственно, пребывания мирных жителей прифронтовых районов в состоянии хронического стресса свидетельствует о важности исследования подобного долгосрочного деструктивного воздействия на психику человека, которое может быть объяснено с помощью понятия «психическая травма».

Таким образом, анализ социальных представлений жителей Донбасса о психической травме является важным для понимания механизмов восприятия, категоризации и отношения людей к собственным психологическим состояниям, что, в свою очередь, влияет на способ совладания с последствиями травмирующих событий, а также на вероятность обращения за профессиональной психологической помощью и ход дальнейшей социально-психологической адаптации к мирной жизни.

С целью исследования социальных представлений о психической травме было проведено анкетирование. В качестве респондентов выступили 66 человек (41 женщина и 25 мужчин) в возрасте от 17 до 55 лет, проживающие в городах ДНР, в условиях проведения военных действий, и не имеющие психологического образования. Большинство респондентов (79%) указали, что они непосредственно сталкивались с ситуациями, угрожающими жизни и здоровью в ходе военного конфликта.

Контент-анализ свободных ассоциаций респондентов на слово-стимул «травма» позволил выделить следующие категории ответов: боль (26% всех ответов), физический ущерб («порез», «перелом», «синяк», «ушиб» и пр. – 21%), насилие («война», «нанесение увечий», «обстрел», «психологическое и физическое насилие» и т.д. – 17%), части тела («ноги», «коленка» и т.д. – 8%), больница (8%), эмоции и чувства («горе», «слёзы», «печаль» – 7%), кровь (5%), детский опыт («родители», «детская травма», «болезнь бабушки» и пр. – 5%), разрыв отношений (5%), рана (5%), нарушение целостности («поломка», «надлом» – 3%). Так, у опрошенных жителей Донбасса в опыте закреплены не только связь травмы с соматическими проявлениями, но и связи травмы с психическими состояниями и особенностями межличностных взаимоотношений. При этом установлено, что аффективный компонент социальных представлений травмы (тяжёлые эмоциональные переживания) наиболее выражен в группе респондентов зрелого возраста.

Применение метода прототипического анализа П. Вержеса позволило выявить структуру социальных представлений о травме, состоящую из ядра (наиболее частотные и первичные ассоциации) и периферии. Ядро представления составили ассоциации: «боль», «война», «потеря», «страх», что отражает как универсальное понимание травмы (боль, страх), так и специфические для данного региона контексты травматизации (война, потеря). Периферическая система представлений включает более

индивидуализированные и менее согласованные элементы: «утрата», «насилие», «тревога», «беспомощность», «шрамы», «память», «изменение жизни» и др. Эти элементы выполняют функцию защиты ядра представления и адаптации его к изменяющимся условиям и индивидуальному опыту.

Своими знаниями о травме в широком смысле (когнитивный уровень) респонденты поделились, составляя определение данному понятию. Анализ ответов показал, что почти треть опрошенных (32%) имеют представления как о физической травме, так и о психической (давали два определения травмы). Следовательно, неверно считать, что в массовом сознании психическая травма чаще воспринимается лишь через призму телесных повреждений в связи с недостаточной информированностью. В определениях половины респондентов (55%) встречается упоминание «повреждения» (тела, психики, души), а также фиксируется внешнее воздействие. Если обобщить результаты, то можно вывести следующее определение: «травма – это урон, нанесенный организму или психике, и выраженный в форме повреждения».

Треть респондентов (33%) при определении понятия «психическая травма» упоминали её последствия: «взгляд на окружающий мир кардинально изменился», «травма, которая оставила след в памяти», «это след, оставленный после какого-то травмирующего события», «события, несущие негативные последствия в жизни человека», «… человек не прежний после какого-то события» и т.д. К тому же некоторые опрошенные приравнивали психотравму к опыту. 27% респондентов обязательными составляющими психической травмы также отметили негативные эмоции и стресс. Эти данные согласуются с современными представлениями о ПТСР, где ключевую роль играют именно последствия травматического события для психики и поведения человека [1; 3; 4].

Благодаря ответам испытуемых удалось выделить собирательный образ «травмированного человека»: запуганный, тихий в большинстве случаев и агрессивный, раздражительный, когда задевают за больное, замкнутый из-за страха быть непонятым, избегающий контактов, тревожный, зажатый, грустный и апатичный страдалец, несчастный человек, который может «прятаться за улыбкой» или «заглушать боль» чрезмерной оживлённостью.

В процессе анализа образа травмированного человека у респондентов можно заметить, что он имеет выраженную эмоциональную окраску и характеризуется амбивалентностью: с одной стороны, такой человек вызывает сочувствие и желание помочь, с другой – страх и неловкость, связанные с неуверенностью в том, как правильно взаимодействовать с таким человеком. Эта амбивалентность может лежать в основе стигматизации людей с психическими травмами и избегания обращения за профессиональной психологической помощью, что подчёркивает необходимость психологического просвещения населения.

Проведённое исследование внесло определённый вклад в понимание социальных представлений о психической травме в контексте длительного военного конфликта. Знание о том, как люди, проживающие в зоне проведения боевых действий, понимают и концептуализируют психическую травму, может быть использовано при разработке программ психологической помощи и мероприятий, направленных на профилактику и преодоление негативных последствий травматического опыта.

Список литературы

1. Казенная, Е. В. Современные зарубежные исследования посттравматического стрессового расстройства и его лечения эффективными психотерапевтическими методами у взрослых [Электронный ресурс] / Е. В. Казенная // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 110–119. – DOI: 10.17759/jmfp.2020090410. – URL: https://jmfp.psy.msu.ru/article/70/info (дата обращения: 05.09.2025).
2. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. (2019). – URL: https://mkb-10.com/ (дата обращения: 05.09.2025).
3. Падун, М. А. Социокультурные факторы в переживании посттравматического стресса / М. А. Падун // Мир науки. Педагогика и психология. – 2018. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-faktory-v-perezhivanii-posttravmaticheskogo-stressa (дата обращения: 13.09.2025).
4. Таукенова, Л. М. Распространенность ПТСР у мирных жителей ДНР / Л. М. Таукенова, В. В. Кащенко // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2024. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranennost-ptsr-u-mirnyh-zhiteley-dnr . – (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 159.9+316.6

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ СПАСАТЕЛЕЙ МЧС С РАЗЛИЧНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ ЛИЧНОСТИ

Некрасова И.Н., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0000-7510-0848
Дубровкина Е.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ,
inn1769@mail.ru, katiadubrovkina@rambler.ru

Постановка проблемы. Проблема типологических особенностей личности спасателя как фактора успешности его профессиональной деятельности в современной психологии труда разработана недостаточно [1-3]. Изучение профпригодности и надежности работы сотрудника МЧС в контексте прогнозирования и оценки его функционального состояния при

выполнении профессиональной деятельности рассматриваются как важные научные задачи, что и определяет *актуальность* статьи. *Прикладная значимость* исследования обусловлена возможностями внутренней профессиональной дифференциации работников экстремального профиля на основе понимания регулирующей роли их профессионально важных качеств (ПВК) 1-го (типологические свойства нервной системы) и 2-го (мотивационно-потребностный профиль) уровней [6;7]. Согласно Ю.В. Бессоновой, А.К. Марковой, П.А. Молодченко и др. [3;5-7], несовпадение ПВК 1 и 2 уровней не всегда может рассматриваться как основание для формирования профессиональной неуспешности.

Теоретико-методологический базис исследования. Поскольку профессионализация в сфере МЧС может иметь различную специальную направленность (в структуре МЧС востребованы не только оперативники-спасатели, но и сотрудники внутренних ведомств), *цель* исследования: изучить отличия в мотивационно-потребностной сфере у сотрудников МЧС с различной типологической структурой их личности и профессиональной направленностью. Типологические особенности личности – это ее устойчивые паттерны мышления, ценностно-смысловых ориентаций, а также эмоциональных реакций и поведения, которые формируются под влиянием как врождённых, так и приобретённых факторов. Поэтому мы использовали комбинированный *комплексный подход* к изучению типологии и в качестве исследуемых *маркеров типологической структуры* мы выделили уровень нейротизма, уровень экстраверсии-интроверсии, уровень личностной тревожности, а также психологические свойства темперамента: ригидность-пластичность, лабильность, скорость и сила нервных процессов. Диагностический инструментарий: Опросник типологических нервно-психических и темпераментальных свойств личности Г. Айзенка (в модификации Г. Резапкиной), Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина), Методика Б.Н. Смирнова «Определение психологических характеристик темперамента (психологической структуры)», Опросник социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной, Опросник выявления уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера, Анкета для оценки уровня профессиональной успешности сотрудников МЧС Ж.Ю. Данковой. Использовали процедуру кластерного анализа, непараметрический критерий сравнения критерий-U Манна-Уитни и корреляционный анализ. Численность выборки 80 человек (сотрудники различных подразделов МЧС от 25-ти до 55-ти лет).

Выкладка результатов исследования. По результатам кластеризации мы получили возможность разбить испытуемых на две группы: *Кластер 1 «Продуктивные эмоционально стабильные сотрудники»* – члены данного кластера (49 человек) обладают амбивертированной (примерно одинаково и сбалансировано выражены как

черты интровертов, так и черты экстравертов) или же выраженной экстравертированной структурой личности, это расширяет их адаптационный потенциал, делает их одинаково успешными там, где требуется учитывать как свой внутренний личностный настрой, так и принимать во внимание настроения и чувства окружающих. Это люди с хорошим социальным интеллектом, в работе они надежные, устойчивы эмоционально, исполнительны, работоспособны, обладают хорошей эмоционально-волевой саморегуляцией. Их поведение пластично и предсказуемо, в ситуации стресса они не теряют темп активности при выполнении трудовых действий. Обладают низкой тревожностью, выраженным интернальным локус-контролем поведения.

Кластер 2 «Ригидные неустойчивые сотрудники», объединяет работников МЧС (31 человек), которые плохо приспосабливаются к стрессам, перегрузкам в своей профессиональной деятельности. Они обладают выраженной интроверсивной структурой личности с высокой эмоциональной неустойчивостью, с высокими показателями личностной и ситуативной тревожности, плохо приспосабливаются к командным видам деятельности, склонны избегать персональной ответственности в критических ситуациях. Им лучше удается профессиональная деятельность, связанная с умственным анализом, где требуется концентрация внимания, планирование решения по этапам, точность. Данный вывод подтверждается использованием критерия-U: установлены значимые (p=0,001) различия между кластерами 1 и 2 по характеристикам мотивационно-потребностных ориентаций, уровня и направленности локус-контроля. Так, можно утверждать, что сотрудники с разными типологическими особенностями личности будут по-разному относиться к работе, будут выделять в ней разные мотиваторы и приоритеты. Для кластера 1 в большей мере выражены мотивационно-потребностные ориентации в сферах «результат» (Z-adjusted=7,6001, U=4,5), «труд» (Z-adjusted=5,675, U=201,0), «лидерство» (Z-adjusted=2,869, U=474,5), по показателям «власть» (Z-adjusted=0,434, U=716,5 при p=0,67) и «свобода» (Z-adjusted=-1,68, U=594,01 при p=0,1). Различий между кластерами не выявлено, обнаружен одинаково низкий уровень выраженности данных ориентаций для всех испытуемых. Поэтому среди членов кластера 1 много сотрудников с хорошими лидерскими и организаторскими способностями с повышенной склонностью к риску, предпочитающих работу в экстремальных ситуациях. Для кластера 2 характерно преобладание мотивационно-потребностных ориентаций в сферах «труд» (Z-adjusted=5,675, U=201,0), «творчество» (Z-adjusted=7,897, U=109,0) и «процесс» (Z-adjusted=-4,582, U=300,5) при $p \leq 0{,}00005$. Поэтому, среди лиц кластера 2 много сотрудников с выраженными аналитическими способностями, склонных к творческому планированию, к монотонному труду, с развитым социальным интеллектом и высокой эмпатийностью.

Критерий Манна-Уитни показал отсутствие различий между кластерными группами 1 и 2 по таким мотивационно-потребностным ориентациям как «альтруизм», «деньги» и «власть» ($p \leq 0{,}00005$): независимо от различий в типологических свойствах сотрудники МЧС одинаково в высокой степени ориентированы на альтруизм и взаимопомощь, для них одинаково важны безопасность и ценность человеческой жизни, выражена готовность оказывать помощь, преобладают ориентации на добросовестное отношение к труду и на самоотдачу. Мотивы, потребности и ценностные ориентации сотрудника МЧС могут компенсировать нежелательные для работы типологические особенности его личности. Эти характеристики взаимосвязаны с волевой саморегуляцией ($К=0{,}465$ $p=0{,}001$ для показателя «альтруизм»), рефлексивностью ($К=0{,}608$ $p=0{,}001$ для показателя «результат») и самоконтролем ($К=0{,}387$ $p=0{,}001$ для показателя «труд»), при этом, уровень самоорганизации как способность поддерживать оптимальную работоспособность в экстремальных условиях оказался значимо положительно взаимосвязан с такими показателями как «лидерство», «труд», «результат», «процесс», «пластичность», «скорость реакций», и отрицательно с показателями «тревожность», «эмоциональная неустойчивость» ($p=0{,}0001$).

Выводы. Типологические характеристики личности (интроверсия, экстраверсия, нейротизм, уровень личностной тревожности и свойства темперамента) определяют индивидуальный профессиональный профиль сотрудника МЧС. Оптимальный уровень профпригодности проявляется как гармоничный профиль сочетания психофизиологических и личностно-психологических типологических характеристик. Профессионально пригодны сотрудники с высокой мотивированностью на работу в МЧС при недостаточно выраженных для профессии экстремального профиля типологических свойствах личности, что компенсируется мотивационно-потребностными и ценностными ориентациями сотрудника МЧС.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. О взаимосвязях в развитии способностей и характера / Б.Г. Ананьев // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. – Москва: АПН РСФСР. – 1956 – С. 93-97.
2. Бессонова, Ю. В. Психологическое благополучие у представителей опасных профессий / Ю.В. Бессонова, Г.Г. Броневицкий // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2016. – С. 327-351.
3. Братусь, Б. С. Смысловая сфера личности / Б.С.Братусь // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб: Издательство «Питер». – 2010. – С. 130-138.
4. Звоников, В. М. К вопросу о психологическом отборе профессионалов / В.М. Звоников, В.А. Пономаренко, В.И. Цуварев // Психологический журнал. – 1988. – Т.9. – №3. – С. 27-34.
5. Кирпота, В. Г. Типологические модели профессионализма: генетика и социально-культурные аспекты формирования / В.Г. Кирпота, П.А. Молодченко. – Кишинев: Изд. «Лабиринт-ПРЕСС». – 2016. – С. 87-93.

6. Климов, Е. А. Социальное и биологическое в контексте проблемы формирования профессиональной пригодности / Е.А. Климов // Соотношение биологического и социального в человеке. (Материалы к симпозиуму в г. Москве, сентябрь, 1975 г.). – Москва: Всеросс. научн. общество невропатологов и психиатров, НИИ психологии АН СССР. – 1975. – С. 210-220.
7. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – Москва: Междунар. гуманитар. фонд «Знание». – 1996. – 308 с.

УДК 159.9.072+88.93

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАДАПТАЦИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Некрасова И.И., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0000-7510-0848
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inn1769@mail.ru

Постановка проблемы. Осужденные, это люди, совершившие поступки особой асоциальной направленности, с искаженными ценностными ориентациями, требующие внимания не только правоохранительных органов, но и общественности [2]. Социально-бытовая неустроенность, поиск работы, трудности социальных взаимодействий после освобождения – перечень проблем, затрудняющих полноценную ресоциализацию осужденного. Так как рост рецидивной преступности находится в прямой зависимости от уровня социально-психологической дезадаптации в изменившихся условиях жизни ранее осужденных лиц [2], а социально-психологическая реадаптация осужденных рассматривается как важное практическое направление пенитенциарной психологии, что и определяет *актуальность* исследования. Социально-психологическая адаптация является важным фактором предупреждения преступности, поэтому изучение мотивационно-потребностной и смысловой сферы осужденных как характеристик их адаптационного ресурса и основы реадаптации определяет *цель* исследования.

Теоретическая платформа исследования. Успех социально-психологической адаптации во многом зависит от определяемого индивидом первоначального самоидентифицированного положения в системе общественной иерархии в соответствии с самоопределением (сопоставление содержания внутреннего субъектного (ментального) пространства и изменившихся смыслов социальной среды) [4-6]. Эффект ценностно-смысловой аномии – фактор риска преступного рецидива и деструктивной социализации освободившихся осужденных [1-3]. Поэтому

успешная ресоциализация личности осужденного всегда должна быть созвучна социальным, духовным и морально-этическим условиям жизни общества [7], а сама адаптация рассматривается как приспособление на основе активации уже имеющихся адекватных новым условиям резервов личности, сформированных в период отбывания наказания. Освободившиеся осужденные проходят четыре этапа социализации: *приспособительный* как поиск разрешения витальных базовых проблемы работы и жилья, *ролевой* как освоение новых статусов жизни «на свободе» и преодоления моральных и духовных проблем после освобождения, *правовой* в форме усвоения полезных правовых норм и социальных принципов (что начинается еще в момент отбывания наказания в колонии) и *ассимиляции*, когда индивид прочно усваивает новую систему ценностно-смысловых ориентиров в рамках нормы общественной жизни [2;3;7]. Успех социализации всегда опосредован некой субъективной готовностью осужденного к началу «новой» жизни. Социально-психологическая адаптация осужденного сопряжена с модификацией старой модели его жизненных отношений, где в качестве «опорных» точек «перестройки» личности всегда выступает социально ценная система его сохранившихся ведущих жизненных смыслов [2;3;7]. С точки зрения системно-деятельностного подхода, адаптация всегда осуществляется при активном участии рефлексивной функции сознания человека и его активного деятельностного опосредования через социально ценный поступок при включении в общественно полезный труд [6;7].

Результаты исследования. Диагностический инструментарий: методика ПЖС и опросник СЖО (Д.А. Леонтьева); структурированные самоотчеты, оборудованные оценочными шкалами; опросник социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной; многоуровневый опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. Для оптимизации результатов использовали: кластерный и корреляционный анализ, критерий-Н Краскела-Уоллеса. Объем выборки 55 человек от 35-ти до 55-ти лет, осужденные в прошлом или отбывающие наказание по различным статьям УК на срок от 2-х до 10-ти лет лишения свободы. Сопоставительный анализ кластерных различий содержательно-динамических характеристик ценностно-смысловой иерархии личности осужденных в прошлом и отбывающих наказание в настоящем позволяет выделить определенные коррекционные закономерности воздействия на их личность с целью изменения старой непродуктивной модели жизненных отношений. Начинать надо с коррекции тех смысловых приоритетов, содержательно-динамические показатели которых отличаются наименьшей сопротивляемостью по отношению к новым условиям колонии/ресоциализации (базовые ментальные ценности и смыслы: физическая безопасность, доступ к необходимы материальным ресурсам и к труду) (критерий Н на уровне значимости p=0,05 не обнаружил значимых различий у успешно ресоциализированных осужденных (кластер 1

«Успешная ресоциализация») и осужденных из других кластерных групп (кластер 2 «Неустойчивая ресоциализация» и кластер 3 «Склонность к рецидиву»). Как смысловые приоритеты, это ценности одинакового уровня значимости для осужденного как «до», так и «после» совершения преступления, а, следовательно, они будут руководить поведением осужденного в процессе ресоциализации, как в период нахождения в колонии, так и после освобождения (Chi-Square=76,598, p=00,1 при df=2). Поэтому, необходимо начинать с активного, а иногда и принудительного, включения осужденного в процесс социально ценной общественно-трудовой деятельности с ориентацией на удовлетворение именно этих сохранных морально-ценных приоритетов. При этом, ценности и смыслы, обслуживающие актуальную социально ценную деятельность, всегда будут созвучны перечисленным выше «краевым» смысловым ориентирам личности заключенного, что позволит им выступать в качестве средств формирования новых жизненных стратегий уже в рамках правового поля еще в момент отбывания наказания (корреляции данных структурированных самоотчетов и методик СЖО Д.А. Леонтьева и «Адаптивность» А.Г. Маклакова, опросника О.Ф. Потемкиной на уровне p=0,001). Сопоставление результатов критерия-Н и корреляций показало, что социально-психологическая адаптация осужденных это процесс их нравственной, психологической подготовки к жизни еще в местах лишения свободы. Это требует психологической трансформации модели жизненных отношений на основе ценностно-смысловых образований социально продуктивного сохранного ментального ресурса заключенного. Психологическая предпосылка социально-психологической адаптации – смена модели жизненных отношений, что диагностировалось в исследовании на основе значимых корреляций ($p \leq 0{,}0005$) между опросниками и результатами самоотчетов. Успешность социально-психологической реадаптации зависит от саморегуляторных навыков (Ккорр=0,3645), от индивидуальной нервно-психической устойчивости осужденного (Ккорр=0,465), моральной адаптивности (сохранности моральных императивов) (Ккорр=0,676) приобретаемых еще в условиях исполнения наказания. В основе изменения модели жизненных отношений осужденного находится пересмотр иерархии собственных ценностно-смысловых приоритетов, поэтому социально-психологическая адаптация это смыслотворческий и эмоционально затратный процесс (Ккорр=0,576, «моральная нормативность-цели жизни», Ккорр=0,403, «нервно-психическая устойчивость-Локус-контроль Я» и Ккорр=0,513, $p \leq 0{,}0005$ «моральная нормативность-Локус-контроль жизни»), требующий перестройки глубинных, инертных жизненных смыслов личности. Сопоставительный анализ психологических проблем адаптации у осужденных из разных кластеров позволяет выделить *протофактор преступного рецидива*: потребительское («меновое») отношение к значимому «другому».

Выводы. Критериями субъективной готовности осужденного к успешной ресоциализации являются: остро осознаваемое чувство субъективной неудовлетворенности жизнью во всех ее сферах, способность к смыслотворчеству, развитая рефлексия и ориентация на новые социально ценные модели поведения в обществе. «Меновое» (потребительское) отношение осужденного к другому является индикатором его субъективной неготовности к освобождению и дальнейшей успешной ресоциализации.

Список литературы

1. Братусь, Б. С. Аномалии личности [Текст] / Б. С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – 304 с. – ISBN 5-244-00008-X.
2. Трубников, В. М. Социальная адаптация освобожденных от отбывания наказания / В.М. Трубников. – Харьков : Основа, 1990. – 171 с. – ISBN 5-11-001033-1.
3. Воробьев, А. М. О некоторых причинах рецидивной преступности / А.М. Воробьев, В.А. Дубовцев // Социологические исследования. – 1991. – № 5. – С. 13-17.
4. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность : учебное пособие / А.Н. Леонтьев. – Москва : Смысл : Академия, 2005. – 352 с. – ISBN 5-89357-153-3.
5. Ковалев, В. И. Мотивационная сфера личности как проявление совокупности общественных отношений / В.И.Ковалев // Психол. журн. – 1984. – Т.5 (№ 4). – С. 3.
6. Пешков, И. В. М.М.Бахтин: от философии поступка к риторике поступка / И.В. Пешков. – Москва: Изд-во «Лабиринт», 1996. – 176 с.
7. Татидинова, Т. Г. Социальная адаптация бывших заключенных. Социологические исследования / Т.Г. Татидинова. – Москва: «Прайт», 1993. – № 13. – С. 53-54.

УДК 159.923

СПЕЦИФИКА СИМПТОМАТИКИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА ВОЕННЫХ МЕДИКОВ

Полякова О.Б., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0003-2581-5516
АНО «Центр психологии развития», г. Москва, РФ
pob-70@mail.ru

Введение. Стрессогенность профессиональной деятельности военных медиков при оказании помощи военнослужащим и ветеранам – фактор возникновения у медработников посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [1, 2].

Цель – определить специфику симптоматики ПТСР военных медиков путем мета-анализа статей Scopus 2024 платформы Science Direct.

Основная часть. Распространенность и детерминанты ПТСР, тревожности (ТР) и депрессии (ДЕ) среди врачей и фельдшеров в военных действиях, описанные P. Rzońca, M. Podgórski, M. Łazarewicz,

R. Gałązkowski, E. Rzońca, O. Detsyk & D. Włodarczyk [6], сфокусированы на том, что использовались опросники: список жизненных событий, список ПТСР для DSM-5, опросник по травмам (МКБ-11), генерализованное ТР расстройство – 7, опросник здоровья пациента – 9, таблица оценки инвалидности ВОЗ 2.0. 61,1 % участников указали боевые действия или пребывание в зоне боевых действий как наиболее неприятные события в их опыте. Врачи и фельдшеры не различались по распространенности ПТСР по диагностическому правилу DSM-5 и ДЕ (критериям соответствовали 14,5 % и 9 % участников соответственно). Врачи чаще, чем фельдшеры, соответствовали критериям ПТСР по диагностическому правилу МКБ-11 (5,1 % против 1,2 %) и ТР (16,5 % против 10 %). Факторами риска развития проблем с психическим здоровьем были личный боевой опыт, общая травматическая нагрузка, наличие детей и экономическое положение.

Влияние инцидентов с массовыми жертвами на тревожность (ТР), депрессию (ДЕ) и ПТСР среди врачей и медсестер, установленное H. Uddin, M.K. Hasan, T. Cuartas-Alvarez & R. Castro-Delgado [7], свидетельствует о том, что использованы инструменты оценки качества Национальных институтов здравоохранения и список Программы навыков критической оценки для измерения оценки качества включенных исследований, а также включены 19 исследований. Медсестры сообщали о более частых психических расстройствах, особенно ПТСР. Выявлены 2 набора факторов риска (личные и производственные), связанных с ТР, ДЕ и ПТСР. Легкие когнитивные нарушения оказывают значительное влияние на психическое здоровье (ПЗ) работников скорой медицинской помощи. Профилактические меры следует разрабатывать с учетом групп высокого риска, личных и организационных факторов риска, влияющих на ПЗ.

Рассмотрение морального дистресса (МДС) как устойчивого фактора риска нарушения психического здоровья (ПЗ), в частности ПТСР, среди медработников, представленное A. Fattori, A. Comotti, P. Brambilla & M. Bonzini [3], констатирует, 990 работников здравоохранения прошли оценку ПЗ в период с июля 2020 г. по июль 2021 г. (время 1), сообщая о частоте МДС и психологического дистресса, ПТСР и тревожных симптомов; через 1 г. (июль 2021 г. – июль 2022 г.; время 2) 310 участников повторили психологическую оценку. О частых эпизодах МДС сообщали медсестры (24 %), врачи (22 %), молодые сотрудники (<40 лет; 23 %). Медработники отделений неотложной помощи / реанимации сообщили о самой высокой частоте случаев МДС (29 %). Показано усиление всех психологических симптомов по мере учащения эпизодов МДС. МДС, перенесенный в момент времени 1, привел к постоянному риску ухудшения ПЗ в следующем году со стабильным отношением шансов (OR) для ПТСР симптомов (OR в момент времени 1 = 7,8, 95 % CI = (5,3, 11,6) и OR во время 2 = 6,6, 95 % CI = (2,9, 15,7).

Феноменологический анализ стратегий выживания (СВ) и симптоматики ПТСР военных медсестер в Бангладеш, осуществленный M.

R. Parvin, P. D. Sharmi, I. Kayesh & M. K. K. Rony [5], базируется на том, что в исследовании использовался фреймворк феноменологии практики, разработанный М. ван Маненом. Для участия отобраны 14 военных медсестер. Полуструктурированные онлайн-интервью проводились в 3 дивизионных (Дакка, Читтагонг и Силхет) военных госпиталях. Разработано 8 тем: самостоятельные СВ медсестер, коллег, руководителей медсестер, работодателей, правительства, членов семьи, социальных работников; отношение к этическим ценностям сестринского дела; Исследование призывает медсестер развивать СВ, чтобы избежать ПТСР, депрессию, страх и тревогу, а также научиться справляться со стресс-ситуациями, связанными с работой.

Выявление ПТСР у военных хирургических бригад (ВХБ) (в количестве 142 медработников), развернутых в составе вооруженных сил Дании, Нидерландов или Финляндии, выполненное F. Haverkamp, T. Van Dongen, M. Edwards, T. Boel, A. Pöyhönen, E. Tan & R. Hoencamp [4], опирается на то, что основная конечная точка самооценки оценок готовности и данные о потребностях в обучении, опыте развертывания и воздействии после развертывания сравнивались между профессиями и странами. Респондентами были 35 хирургов, 25 анестезиологов и 39 сотрудников вспомогательного персонала, с частотой ответов 69,7 % (99 / 142). Самооценка готовности к развертыванию оценена медианой 4 (межквартильный размах 4–4; шкала: 1 [совершенно не готов] – 5 [более чем достаточно]). Различий между профессиями и странами обнаружено не было. Навыки, которые хирурги оценили ниже среднего (медиана <6; шкала: 1 [низкая] – 10 [высокая]), включали лечение тропических болезней и челюстно-лицевую, неврологическую, гинекологическую, офтальмологическую и нервную хирургию. Нагрузка на развертывание сообщалась как <1 случай в неделю (41 / 99, 41,4 %). Потребность в профессиональной психологической помощи оценена медианой 1 (межквартильный размах 1–1; шкала: 1 [совсем не готов] – 5 [очень готов]). ВХБ сообщают об общей адекватной готовности к развертыванию. Остаются проблемы с созданием бригад с широким набором навыков из-за низкой нагрузки на развертывание и продолжающейся первичной специализации. Необходимость в специализированном обучении следует решать с помощью специализированных программ подготовки к командированию и упреждения симптоматики ПТСР.

Заключение. Специфика симптоматики ПТСР военных медиков характеризуется: воспоминаниями и повторениями травматический событий; гипервозбудимостью; когнитивными сложностями; повышенной стресс-чувствительностью; симптомами физиологического вида (мигренью, нарушениями пищеварения, телесными болями).

Список литературы

1. Бонкало Т. И. Особенности посттравматического стресса медицинских работников: анализ эмпирических статей Scopus 2024 / Т. И. Бонкало, О. Б. Полякова // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика (22-23.05.2025). – Москва: ИП РАН, 2025. – С. 551-555. – EDN: JIMGWX.
2. Бонкало, Т. И. Психология профессионального здоровья / Т.И. Бонкало, О.Б. Полякова. – Москва: НИИОЗММ ДЗМ, 2025. – 72 с. – EDN: FPGUSA.
3. Fattori, A. Moral distress as a persistent risk factor for impaired mental health among healthcare / A. Fattori, A. Comotti, P. Brambilla, M. Bonzini // Journal of Affective Disorders Reports. – 2024. – V. 17. – P. 100817. – DOI: 10.1016/j.jadr.2024.100817.
4. Haverkamp, F. European military surgical teams in combat theater: a survey study on deployment preparation and experience / F. Haverkamp, T. Van Dongen, M. Edwards, T. Boel, A. Pöyhönen, E. Tan, R. Hoencamp // Injury. – 2024. – V. 55(5). – P. 111320. – DOI: 10.1016/j.injury.2024.111320.
5. Parvin, M. R. Patient dignity can be ensured by providing adequate health care: A phenomenological analysis on survival strategies of military nurses / M. R. Parvin, P. D. Sharmi, I. Kayesh, M. K. K. Rony // Heliyon. – 2024. – V. 10(4). – P. e25893. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e25893.
6. Rzońca, P. The prevalence and determinants of PTSD, anxiety, and depression in Ukrainian civilian physicians and paramedics in wartime–An observational cross-sectional study six months after outbreak / P. Rzońca, M. Podgórski, M. Łazarewicz, R. Gałązkowski, E. Rzońca, O. Detsyk, D. Włodarczyk // Psychiatry Research. – 2024. – V. 334. – P. 115836. – DOI: 10.1016/j.psychres.2024.115836.
7. Uddin, H. Effects of mass casualty incidents on anxiety, depression, and post-traumatic stress disorder among doctors and nurses: a systematic review / H. Uddin, M.K. Hasan, T. Cuartas-Alvarez, R. Castro-Delgado // Public Health. – 2024. – V. 234. – P. 132-142. – DOI: 10.1016/j.puhe.2024.06.001.

УДК 159.96

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СИТУАЦИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Пузь И.В.[1,2], канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3697-1637,
Муханова И.Ф.[2], канд. психол. наук, ORCID 0000-0003-3666-4581
[1] ГБУ ДНР «Республиканский центр профпатологии и реабилитации», г. Донецк, РФ
[2] ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького», г. Донецк, РФ
i.puz2025@mail.ru, mukhanovai@mail.ru

Введение. Общеизвестным является тот факт, что война, являясь экстремальной ситуацией, которая выходит за пределы обычного нормального опыта человека, выступает одним их мощнейших психотравмирующих факторов. Под действием регулярных и достаточно

интенсивных отрицательных переживаний у человека происходит качественная трансформация его системы ценностей, убеждений, мировоззрения в целом. Следует отметить, что во время активных военных действий реакции психики могут быть непредсказуемыми: от умеренного стресса до тяжелых психических травм, которые имеют серьезные негативные последствия для здоровья и дальнейшего функционирования личности. Длительное пребывание в такой ситуации изнуряет физически и психологически не только взрослых, но и детей, особенно младшего школьного возраста.

Анализ результатов исследований и консультативного опыта свидетельствует о том, что у детей данной возрастной категории, имеющих опыт пребывания в зоне активных боевых действий, отмечается развитие тревожных и депрессивных расстройств, посттравматическое стрессовое расстройство, диссоциативные расстройства в виде склонности к социальной изоляции, деперсонализации, а также диагностируются различного рода нарушения поведения [1; 2]. При этом, чем дольше ребенок находится в опасных условиях, тем серьезнее будут последствия для его психики. Учитывая вышеизложенное, становится очевидным, что вопросы, связанные с исследованием проблемы сохранения психологического здоровья младших школьников в условиях военных действий являются актуальными и социально значимыми, поскольку именно благополучие детей является одним из главных индикаторов стабильной жизни общества.

Цель – провести теоретический анализ проблемы сохранения психологического здоровья детей младшего школьного возраста в ситуации военных действий.

Основная часть. Психологическое здоровье ребенка определяется как состояние его эмоционального комфорта, чувство защищенности собственного «Я». Главным признаком благополучной жизнедеятельности детей является их всестороннее гармоничное развитие, адаптивность, эмоциональная устойчивость и стабильность, открытость к общению и взаимодействию. Характерными особенностями младших школьников, которые оказались в сложной жизненной ситуации вследствие пребывания в стрессовой ситуации, являются переживания различного рода негативных эмоций, интенсивность которых зависит от действия ряда факторов, в частности это отсутствие возможностей для удовлетворения базовых потребностей нарушение внутрисемейных отношений (разлука с родителями, потеря близких); стигматизация и дискриминация в результате переезда на новое место жительства [1]. Находясь в опасных условиях, ребенок испытывает реальную угрозу для собственной жизни, поскольку не всегда понимает, что его ждет в ближайшее время. В большинстве случаев наличие такого опыта приводит к возникновению нарушений в психоэмоциональной сфере независимо от пола и возраста, что чаще всего проявляется в виде посттравматического стрессового расстройства,

ведущими симптомами которого являются нарушение сна, кошмары, энурезы; появление страхов, фобий; возникновение психосоматических расстройств, нарушение пищевого поведения; снижение уровня когнитивных процессов; нарушение коммуникаций с родителями, друзьями; замещение социальных ролей, мальчики становятся «отцами», «главными» в семье; проявление неконтролируемой агрессии, аутоагрессии, гиперактивности либо напротив апатии, пассивности [2].

Рассматривая проблему переживания детьми военной ситуации, необходимо отметить, что особенности реагирования на происходящие события во много зависит от реакций окружающих взрослых. Своими эмоциями и способом реагирования родители могут как повысить, так и снизить уровень травматических переживаний. Именно поэтому важным является соблюдения родителями следующих практических рекомендаций: 1) создание относительно безопасного места пребывания; 2) поддержания родителями собственных ресурсов, демонстрация уравновешенного, спокойного поведения; 3) выполнение совместной деятельности; 4) сохранение активного общения, активизация ребенка через творчество, игру, обучение; 5) избегание излишней сепарации с ребенком, увеличения телесных контактов, укрепление эмоциональной близости.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, чтобы снизить риск возникновения нарушений у детей младшего школьного возраста вследствие переживания ими стрессовых ситуаций, вызванных военными действиями, важным является оказание необходимой поддержки со стороны значимых близких. Следует помнить, что дети умеют чувствовать настроение родителей, копировать их поведение. При этом не следует игнорировать возможность обращения к квалифицированным специалистам, благодаря которым возможна стабилизация психоэмоционального состояния ребенка, восстановление ресурсов его личности, создание условий для дальнейшего гармоничного развития.

Список литературы

1. Александрова, Л. А. Дети в условиях войны: обзор зарубежных исследований / Л. А. Александрова // Электронный журнал «Современная зарубежная психология». – 2024. – Т. 13. – №1. – С.139-149. – DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130113. – ISSN: 2304-4977.
2. Ковалевская, А. П. Влияние экстремальной ситуации военного конфликта на эмоциональное состояние детей дошкольного возраста / А. П. Ковалевская // Вестник Вятского государственного университета. – 2020 – №2(136) – С. 142-149. – DOI: 10.25730/VSU.7606.20.033 – ISSN: 2541–7606.

УДК 159.922.86:616.89-008.454

ДЕПРЕССИВНЫЕ СОСТОЯНИЯ КАК ОДНА ИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Раевский С.Н., ORCID 0009-0002-5706-6265
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, Р.Ф.
rayevskiy.serezha@mail.ru

Введение. Данная работа посвящена изучению психологических особенностей юношеского возраста как важного и одновременно кризисного этапа развития личности. В современных условиях социально-политической нестабильности, экономических трудностей и межэтнических противоречий, сопровождающихся ростом тревожности и эмоциональной неустойчивости в обществе, особое внимание следует уделять молодым людям. В отличие от взрослых, они ещё не обладают достаточной эмоциональной зрелостью и жизненным опытом, что затрудняет самостоятельное преодоление интенсивных эмоциональных переживаний.

Целью исследования является теоретическое обоснование и эмпирическое выявление особенностей проявления депрессивных состояний в юношеском возрасте, а также определение различий в уровне депрессивности юношей и девушек.

Основная часть. Депрессивные состояния в юношеском возрасте проявляются в устойчивом снижении настроения, потере интереса и удовлетворения от ранее значимых видов деятельности, ослаблении мотивации. Этот период связан с переходом к взрослой жизни, который затрагивает физическую, психологическую и социальную сферы. В юношеском возрасте происходят существенные качественные изменения: перестройка организма и физиологические сдвиги, трансформация прежних психологических структур и формирование новых, более зрелых переосмыслений, отношений со взрослыми и сверстниками, изменение интересов, мотивов, моральных и ценностных ориентаций, освоение форм социального взаимодействия, характерных для взрослого общества.

В Книге Г. Крайга «Психология развития» депрессивность определяется как «(от лат. dermino «давить», «подавить»), состояние, которое характеризуется пониженным настроением (гипотомией), торможением интеллектуальной и моторной деятельностью, снижением витальных побуждений, пессимизмом в плане оценки себя и своего положения в окружающей действительности» [1, с. 633].

Юношеский возраст является этапом формирования личностной идентичности, когда в результате рефлексивности, самопознания и мировоззрения молодые люди достигают подлинной самостоятельности,

обретая способность к осознанному выбору, самоопределению и самореализации [3, с. 150].

Современные исследования показывают, что на развитие депрессивных состояний у молодых людей влияют такие факторы как: негативное восприятие собственного тела, повышенная критичность в оценке будущего, семейные трудности, низкий социальный статус среди сверстников, а также низкая школьная успеваемость [2, с. 34].

Теоретический анализ проблемы депрессивных состояний в юношеском возрасте обусловил необходимость их эмпирического изучения. Цель исследования заключалась в выявлении особенностей проявления депрессивности у молодых людей. В качестве диагностического инструмента был применён «Опросник депрессивности CES-D». Выборку составили 50 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет, которая была разделена на две группы: юноши (25 человек) и девушки (25 человек).

Результаты исследования по методикам «опросник депрессивности CES – D», представлены в таблице.

Таблица

Группа респондентов	Шкала опросник депрессивности CES – D			
	Норма	Легкая депрессивность	Депрессивность средней тяжести	Депрессивность тяжелой тяжести
Юноши	52%	40%	8%	0%
Девушки	24%	48%	28%	0%

Из данных, представленных в таблице, следует, что в группе юношей у 52% (13 чел.) депрессивные состояния не выявлены, тогда как в группе девушек их отсутствие отмечено лишь у 24% (6 чел.). Лёгкий уровень депрессивности зафиксирован в обеих выборках с незначительной разницей: у 40% (10 чел.) юношей и у 48% (12 чел.) девушек. Депрессивность средней тяжести обнаружена у 7% (2 чел.) юношей и у 28% (7 чел.) девушек.

Таким образом, результаты исследования показывают, что отсутствие депрессивных проявлений в большей степени характерно для юношей, чем для девушек. В обеих группах преобладает лёгкий уровень депрессивности, однако депрессивность средней тяжести значительно чаще встречается у девушек по сравнению с юношами.

В заключении можно отметить, что теоретический анализ показал, что юношеский возраст является критическим этапом, повышающим риск формирования депрессивных состояний, а эмпирическое исследование показало, что девушки в большей степени подвержены депрессивным проявлениям, чем юноши. Полученные результаты подчеркивают важность разработки психологических программ, направленных на профилактику и снижение уровня депрессивности у молодых людей. Перспективы дальнейшего исследования данной темы связаны с более глубоким изучением влияния социальных, семейных и личностных факторов на

проявление депрессивных состояний, а также с расширением выборки для выявления возрастных и культурных различий.

Список литературы

1. Кон, И. С. Психология старшеклассника. [Текст] / И.С. Кон – Москва, 2010. – 267 с.
2. Крайг, Г. Психология развития [Текст] / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2012. – 944 с.
3. Молчанов С. В. Психология подросткового и юношеского возраста / С.В. Молчанова. – Учебник. – Москва: Юрайт, 2017. – 351 с.

УДК 373.2

ПРИМЕНЕНИЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В РАБОТЕ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Руднева Е.С., ORCID 0009-0003-4893-1859,
Кацеро А.А., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-6398-7610
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
г. Тула, РФ
rudneva1721@yandex.ru, katsero@list.ru

На сегодняшний день возрастает значимость развития коммуникации у детей с аутизмом. Согласно данным Федерального ресурсного центра «Аутизм», численность таких детей в Российской Федерации продолжает увеличиваться [1]. РАС, как специфическое нарушение психического развития, затрудняет или даже делает невозможным полноценное общение ребенка с окружающими [3]. Это нарушение в развитии психики, при котором у человека наблюдаются выраженные трудности в установлении социальных связей, восприятии и понимании эмоций других людей, а также в формировании устойчивого и продуктивного взаимодействия [2].

У детей с аутизмом процесс формирования коммуникативных умений протекает с большими затруднениями. Им сложно улавливать контекст ситуации и самого процесса общения, подражать действиям и поведению собеседника, понимать вербальные и невербальные способы взаимодействия и применять их в конкретных коммуникативных ситуациях [4].

Цель данного исследования заключалась в выявлении уровня сформированности коммуникативных умений у школьников с расстройствами аутистического спектра, а также в разработке и реализации коррекционно-развивающей программы на основе полученных результатов. Для понимания особенностей коммуникативного развития использовались «Оценка коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра» А.В. Хаустова; Методика исследования

особенностей коммуникации у младших школьников с РАС Н.В Кустовой; «Матрица коммуникации» Ч. Роуленд. В исследовании приняли участие дети в возрасте от 7 до 9 лет с РАС.

В ходе анализа результатов констатирующей части работы были сделаны следующие выводы. Установлено, что значительная часть детей с расстройствами аутистического спектра демонстрирует низкий уровень сформированности базовых коммуникативных умений – недостаточно развиты: умение выражать просьбы и требования, умение реагировать, умение называть и комментировать события и явления, умение привлекать внимание, задавать вопросы и др. (рисунок 1).

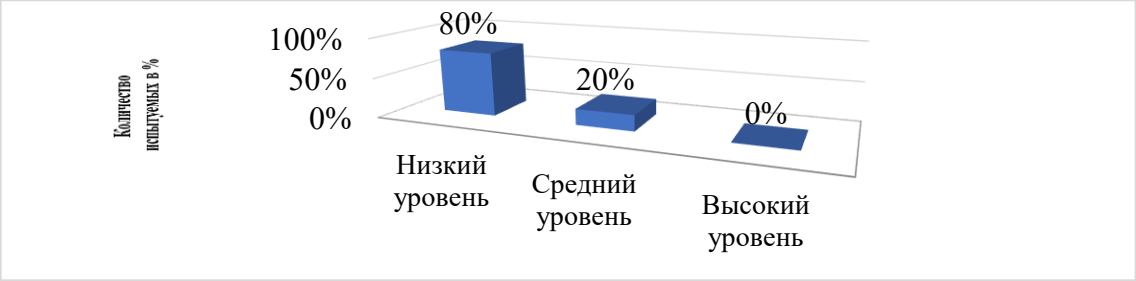

Рис. 1. Процентное соотношение показателя уровня сформированности базовых коммуникативных умений (констатирующий этап)

Выявлено, что большинство (60%) детей с РАС почти не используют вербальные средства реализации коммуникативных умений, а чаще всего применяют невербальные средства коммуникации, такими как: жесты, мимика, позы, звукокомплексы. Некоторые дети (20%) применяют альтернативные средства коммуникации в процессе коммуникативной деятельности, что свидетельствует о компенсаторных стратегиях взаимодействия с окружающими.

Установлено, что большинство детей младшего школьного возраста с расстройствами аутистического спектра (60%) достигли уровня конкретных и абстрактных символов. Это свидетельствует о том, что дети в процессе общения используют символы, которые физически напоминают какой-либо существующий объект или используют абстрактный жест, графический символ, печатное слово, которое не напоминает конкретный предмет или объект. Многие дети (80%) не достигли уровня языка, что свидетельствует о неспособности составлять сочетания из двух и более слов с помощью речи, жестов или печатных слов и символов.

Исходя из результатов исследования, была выявлена потребность в проведении коррекционно-развивающей работы, ориентированной на формирование коммуникативных умений у младших школьников с РАС.

Программа включала в себя арт-терапевтические методы работы с детьми. Были использованы элементы изотерапии (пример – дорисовывание кляксы), музыкотерапии (активная – с использованием ксилофона, колокольчика), песочной терапии (совместное создание песочного замка),

пластилинографии (пример - взаимодействие при изображении цветочной поляны на картоне) и др. Занятия проводились с учетом ключевых принципов коррекционно-развивающего обучения: системный подход к коррекционным задачам (исправление или уменьшение отклонений в развитии, преодоление трудностей), профилактическим мерам (предотвращение отклонений и проблем в развитии) и развивающим задачам (стимулирование, обогащение развития, опора на зону ближайшего развития).

Показателем успешности коррекционно-развивающей работы послужило формирование базовых коммуникативных умений, использование различных средств реализации коммуникативных умений и навыков использования коммуникативных умений при различных видах коммуникативного поведения. Так дети с РАС стали лучше реагировать на речь взрослых. У них иногда появлялись желания повторять фразу, имитируя ее, периодически использовать мимику и жесты, задавать вопросы осмысленного характера (рисунок 2).

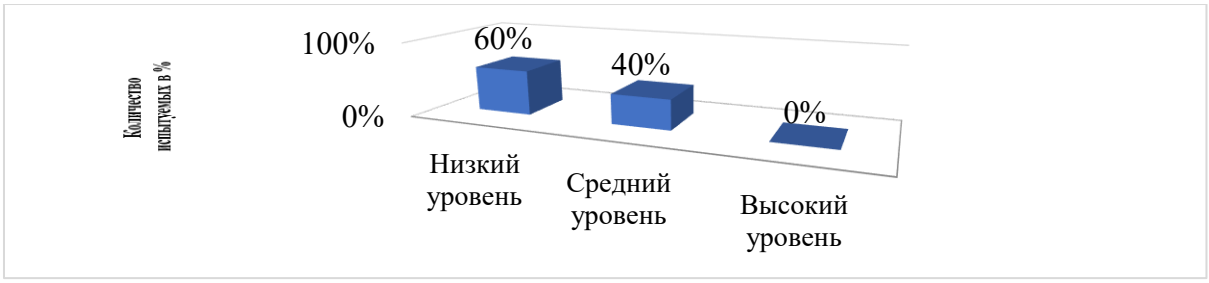

Рис. 2. Процентное соотношение показателя уровня сформированности базовых коммуникативных умений (контрольный этап)

Таким образом, составленная коррекционно-развивающая программа с элементами арт-терапевтичекого подхода позволила решать следующие задачи: формирование базовых коммуникативных умений (установление контакта, умение привлекать внимание, умение выражать желания и просьбы и др.), формирование умения использовать средства вербальной, невербальной и альтернативной коммуникации, формирование умения использовать абстрактные символы, пиктограммы, жесты и составлять с их помощью словосочетания и предложения.

Применение данной коррекционно-развивающей программы оказало положительное влияние на развитие коммуникативных умений у младших школьников с РАС. При этом следует признать, что динамика формирования замедлена, фрагментарна – младшим школьникам с РАС необходимо более длительное коррекционное воздействие.

Список литературы

1. Информационно-аналитический отчет о реализации субъектами Российской Федерации Межведомственного комплексного плана мероприятий по развитию инклюзивного общего и дополнительного образования, детского отдыха, созданию специальных

условий для обучающихся с инвалидностью, с ограниченными возможностями здоровья на долгосрочный период (до 2030 года) в 2023 году. – URL: https://autismfrc.ru/education/monitoring/1509 (дата обращения: 12.09.2025).
2. Никольская, О. С. Аутичный ребенок. Пути помощи / О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг. – Москва: Теревинф, 2007. – 148 с. – ISBN 978-5-901599-16-7.
3. Лиходедова, Л. Н. Особенности формирования коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра / Л.Н. Лиходедова // Специальное образование. – 2023. – №1(69). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-kommunikativnyh-navykov-u-detey-s-rasstroystvami-autisticheskogo-spektra (дата обращения: 12.09.2025).
4. Филатова, И. А. Технологии социально-коммуникативной реабилитации и реабилитации детей с тяжёлыми и множественными нарушениями развития / И.А. Филатова Е.В. Каракулова, составители И.А. Филатова Е.В. Каракулова; под ред. Н.Н. Сергеевой. Екатеринбург; УрГПУ, 2019. – 134 с.

УДК 159.96

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Русецкая Д.В., канд. психол. наук., ORCID 0000-0003-1256-123,
Базырова Д.А.
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Москва, РФ
dasha_rusik@mail.ru, darina160922@gmail.com

Психологическое сопровождение – это комплексный процесс взаимодействия психолога и клиента. Его главная цель – помочь человеку справиться с трудностями, оказать поддержку и найти решения психологических проблем. В эту работу входит диагностика, коррекция и развитие, консультации, а также просвещение, профилактика и организационные вопросы.

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации сопряжена с психическими, физическими и интеллектуальными нагрузками, спецификой задач, поставленных перед ними. Сотрудники правоохранительных органов нередко сталкиваются с трудностями при выполнении своих служебных обязанностей. Министерство внутренних дел акцентирует внимание на подготовке и тщательном подборе кадров, морально-психологическом обеспечении и развитии дисциплины личного состава. Таким образом, необходимость в квалифицированном психологическом обеспечении объясняется необходимостью укрепления психического состояния сотрудника и обеспечение ему комфортной среды для качественного выполнения своих профессиональных и служебных обязанностей.

Психологическое сопровождение, оно же и психологическая поддержка, психологическое обеспечение, психологическая поддержка в деятельности сотрудников полиции является неотъемлемой частью службы в органах внутренних дел. Забродин Ю.М. считает, что задачей психологического сопровождения в профессиональной деятельности заключается в том, чтобы, с учетом всех психологических и физических особенностей человека, обеспечить ему комфортные условия для выполнения своих профессиональных обязанностей и ускорить процесс освоения необходимых знаний и умений для повышения уровня работоспособности [3].

Согласно Никифорову Г.С., психологическое сопровождение должно проводиться, от начала и до конца профессиональной деятельности человека через решение крупных психологических и педагогических проблем, последовательно сменяющих друг друга [2].

Крылов А.А. наиболее важным в обеспечении профессионального становления считает учет всех психических особенностей человека посредством психологических исследований и их результатов, которые будут использоваться не только специалистами в области психологии, но и руководителями, воспитателями и другими специалистами [4].

Служба в органах внутренних дел связана с политическими, общественными и экономическими проблемами в стране, необходимостью обеспечения общественной безопасности и порядка. Сотрудники полиции нередко сталкиваются с такими проблемами, как дискриминация обществом, конфликты в коллективе и множество других факторов, которые способствуют повышению стресса, прогрессии выгорания и профессиональной деформации. Несмотря на обеспеченную сотрудникам квалифицированную психологическую помощь, многие избегают возможности самостоятельно обратиться к специалисту психологу из-за собственных убеждений, выработанных в связи с давлением общества, что так же является одной из проблем профессиональной деятельности.

Рассматривая трудности, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел, нельзя с точностью сказать какая из них встречается чаще, так как это зависит от индивидуальных особенностей личности сотрудника полиции. В данной статье мы рассмотрим одну из множества вытекающих в последствии несения службы проблем, которые являются препятствием в служебной деятельности, а именно – синдром эмоционального выгорания.

Американский психиатр Х.Дж. Фрейденбергер впервые ввел термин «эмоциональное выгорание», что означает психическое состояние здоровых людей, находящихся в частом и тесном взаимодействии с различными личностями в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи [5].

Деятельность сотрудников органов внутренних дел находится в прямой зависимости от контакта с обществом, сотрудники полиции нередко сталкиваются с самыми различными категориями граждан, что может способствовать развитию синдрома эмоционального выгорания. Эмоциональное выгорание проблематично тем, что его сложно заметить. Симптомы синдрома эмоционального выгорания описали К. Маслач и С. Джексон, в которые входят такие признаки как эмоциональное истощение, деперсонализация и цинизм, ощущение профессиональной несостоятельности или недостаточность продуктивности [1]. Эмоциональное выгорание влечет за собой ряд вытекающих последствий, например, моральное и физическое истощение, ухудшение здоровья, потеря контакта с другими людьми, что ведет к ощущению одиночества.

Для предотвращения развития эмоционального выгорания сотрудников полиции следует проводить профилактические мероприятия, направленные в первую очередь на устранение факторов, влияющих на психологическое состояние сотрудника. К примеру, необходимо развивать в сотрудниках полиции осознанное чувство долга и понимание смысла своей деятельности, повышать уровень культуры и морали, формировать рациональное поведение в стрессовых ситуациях. Путем проведения регулярных тренингов и профилактических бесед требуется развить в сотрудниках полиции эти качества.

Список литературы

1. Аверьянов, А. И. Синдром эмоционального выгорания: попытка логотерапевтического объяснения / А.И. Аверьянов // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Материалы XXV Международного симпозиума, Москва, 15-16 апреля 2020 года. - Москва: Психологический институт РАО, 2020. – С. 217-221.
2. Водопьянова, Н. Е. Теоретические аспекты профилактики и коррекции профессионального выгорания / Н.Е. Водопьянова, Г.С. Никифоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 2. – С. 4-13.
3. Забродин, Ю. М. Психологическое консультирование: учебное пособие / Ю.М. Забродин. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 286 с.
4. Практикум по инженерной психологии и психологии труда: Учебное пособие / Отв. ред. А.А. Крылов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 207 с.
5. Шишкова, И. М. Сравнительное изучение эмоционального выгорания в профессиональной деятельности (на примере врачей и педагогов) И.М. Шишкова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2013. – №3. – С. 112-117.

УДК 159.9.072.59

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К РАБОТЕ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Сарычева О.В., ORCID 0009-0006-1696-9336
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sarycheva_olga@internet.ru

Введение. Современные условия работы психологов отличаются высокой степенью динамичности и неопределенности, а также требуют от специалиста выполнения профессиональных задач в условиях стресса и повышенных эмоциональных нагрузок. Особенно ярко данная проблема обнаруживается в сферах, где специалистам приходится взаимодействовать с людьми, находящимися в кризисных, травматических или экстремальных ситуациях. В подобных обстоятельствах от психолога ожидается не только высокий уровень профессиональных умений и навыков, но и развитая способность к саморегуляции, эмоциональной и моральной устойчивости, а также эффективному управлению собственным психическим состоянием.

Стрессоустойчивость и саморегуляция психолога в служебной деятельности выступают важными личностными качествами, обеспечивающими их психологическую стабильность, способность сохранять эффективность выполняемой деятельности, избегать профессионального выгорания, оказывать квалифицированную помощь населению в сложных условиях, в связи с чем исследование этих факторов представляется важным направлением в контексте подготовки будущих психологов к работе в экстремальных и чрезвычайных ситуациях.

Цель данной статьи – провести анализ роли стрессоустойчивости и саморегуляции как ключевых факторов профессиональной готовности будущих психологов служебной деятельности к работе в экстремальных условиях [4].

Основная часть. Эмоционально-волевая устойчивость как свойство личности уже давно является одной из самых привлекательных тем для исследования, хотя теоретически и эмпирически изучена недостаточно. В научной литературе обсуждаются концепции реактивности и стрессоустойчивости, однако лишь недавно появились эмпирические данные, подтверждающие их важность при работе в экстремальных условиях (в частности, для спасателей, психологов служебной деятельности, сотрудников экстренных служб и служб быстрого реагирования) [1, 2, 3, 5, 6].

Эмоционально-волевая устойчивость привлекает внимание исследователей прикладной и организационной психологии, поскольку

стресс имеет значение во многих областях профессиональной деятельности, связанных с угрозой как физическому, так и психическому здоровью, в том числе для специалистов помогающих профессий. Особые условия данной профессиональной деятельности – источники сильнейших стрессовых факторов: опасность и неопределённость, связанные с высоким эмоциональным, физическим и психическим напряжением и потребностью в оперативном принятии решений [3].

Работа психологов экстренных служб имеет особенности по сравнению с другими профессионалами. Они часто работают в опасных, непредсказуемых условиях. Даже текущая работа связана со стрессами из-за ненормированного рабочего дня, необходимости быстро приспосабливаться к новым ситуациям в условиях давления и быть готовыми к работе в чрезвычайных ситуациях [1]. Требования к компетентности психологов экстремальных служб реагирования включают не только знания и умения, но и психологическую готовность. Успех профессиональной деятельности в экстремальных условиях во многом зависит от уровня эмоциональной устойчивости и силы воли, то есть от того, насколько психолог способен контролировать свои чувства, выдерживать большие психологические и физические нагрузки, сохраняя ясность ума и работоспособность даже в состояниях повышенной нервозности [5].

Эмоциональная стабильность подразумевает контроль над выражением своих эмоций в стрессовых ситуациях, преодоление внутреннего напряжения, поддержание мотивации и концентрации, а также поддержание продуктивности и четкого выполнения профессиональных задач. Навыки самодиагностики, самокоррекции и самопрофилактики крайне существенны. Немаловажными личностными характеристиками выступают адекватная самооценка, внутренний контроль и устойчивость к негативным эмоциям [3].

Недавние исследования доказывают, что не все методы контроля эмоций одинаково эффективны: например, в выборочном исследовании немецких психологов и специалистов экстремальной сферы руминация (возвращение к навязчивым мыслям) и подавление эмоций коррелировали с уровнем профессионального стресса, вызывая больше симптомов тревожности; однако принятие эмоционального состояния коррелировало с меньшей выраженностью реакций на стресс [5].

Практические исследования показывают, что тренинги по саморегуляции помогают уменьшать проявления ПТСР и депрессивные симптомы, а также повышают общее настроение и снижают психологический дискомфорт у специалистов после прохождения специальной профессиональной подготовки [6]. Особый интерес представляет опыт работы психологов в условиях изолированных и экстремальных сред: проявление автономии, внутренняя локализация контроля, способность моделировать и оценивать свои действия позволяют

адаптироваться к стрессовым условиям и сохранять работоспособность и психическое здоровье [1; 2].

Тем не менее, несмотря на признание важности эмоционально-волевой устойчивости и саморегуляции, остаются нерешёнными некоторые аспекты, касающиеся структуры этих атрибутов, их взаимодействия, динамики во время длительного воздействия экстремальных ситуаций, а также наиболее эффективные способы профессиональной подготовки психологов к работе в экстремальных и чрезвычайных ситуациях [3].

Заключение. Стрессоустойчивость и саморегуляция – ключевые факторы готовности психологов к работе в экстремальных ситуациях, обеспечивающие контроль эмоций и продуктивность под воздействием стресса. Эффективность зависит от личностных характеристик и целенаправленной подготовки. Дальнейшие исследования необходимо сфокусировать на оценке эмоционально-волевой устойчивости и разработке программ подготовки психологов служебной деятельности к выполнению профессиональных задач в экстремальных ситуациях.

Список литературы

1. Берсенёва, Л. В. Мотивационная готовность психологов к оказанию экстренной психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях / Л.В. Берсенёва, Е.А. Редина // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2021. – №1. – С. 107–115. – DOI: 10.25016/2541-7487-2021-0-1-107-115. – EDN: BERS2021.
2. Кабанова, Т. Н. Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности / Т.Н. Кабанова, Е.А. Плешакова, А.А. Васильченко // Психология и право. – 2017. – Т.7, №1. – С. 89–105. – DOI: 10.17759/psylaw.2017070108. — EDN: KAB2017.
3. Морозова, М. И. Методы психологической саморегуляции как средства профилактики неблагоприятных состояний в служебной деятельности / М.И. Морозова, К.В. Купчик, М.Ю. Яшнева // Экстремальная психология и безопасность личности. – 2024. – Т.1. – № 4. – С. 52–64. – DOI: 10.17759/epps.2024010404. – EDN: IMTXKR.
4. Сарычева, О. В. Проблемы и перспективы формирования готовности будущих психологов служебной деятельности к работе в условиях чрезвычайных ситуаций: постановка задач для проектирования модели подготовки. Научный потенциал / О.В. Сарычева, Д.А. Чернышев. – 2025. – № 2-2(49). – С. 49-51.
5. Gärtner, M., Holzel, F., & Ruch, W. Emotion regulation strategies and occupational stress in rescue workers: A cross-sectional study // Frontiers in Psychology. – 2019. – Vol. 9. – Article 2744. – DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02744. – URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.02744/full.
6. Lee, J.-S. Perceived social support functions as a resilience in buffering the impact of trauma exposure on PTSD symptoms via intrusive rumination and entrapment in firefighters // PLOS ONE. – 2019. – Vol. 14, No. 8. – Article e0220454. – DOI: 10.1371/journal.pone.0220454. – URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220454.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОДРОСТКАМИ ИЗ ЗОН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Светличная Н.В.[1], ORCID 0009-0006-7265-9244,
Баалбаки Ж.Д.[2], ORCID 0009-0009-5769-6559
[1]ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского», г. Санкт-Петербург, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, РФ
svetlichnaya_nata@inbox.ru, st112810@student.spbu.ru

Введение. В условиях боевых действий подростки подвергаются интенсивным стрессовым воздействиям, что может влиять на их стратегии эмоциональной регуляции и, как следствие, нарушать социальную адаптацию и ухудшать общее психологическое состояние. Настоящее исследование направлено на анализ особенностей проявления стратегий эмоциональной регуляции у подростков, проживающих в зонах, приближенным к боевым действиям.

Цель: изучение особенностей эмоциональной регуляции у подростков, проживающих в зоне боевых действий.

Основная часть. Регуляция является одним из основных этапов обеспечения психической активности человека и позволяет адаптировать внутренние стремления и поведение под внешние условия, обеспечивая тем самым адекватную деятельность в рамках многоуровневой и динамической системы окружающего мира [1] Эмоциональная регуляция представляет собой ключевой механизм регуляции психической деятельности индивида. Она проявляется в ответ на воздействие жизненно значимых обстоятельств и, в зависимости от личностных особенностей человека и специфики ситуации, может как стимулировать, так и подавлять его активность [2]. Эмоциональная регуляция также включает способность контролировать свои эмоции и адаптировать реакции в зависимости от условий, что особенно важно в стрессовых ситуациях [3]. В настоящей работе рассматривается аспект эмоциональной регуляции, связанный с управлением поведением в стрессовых ситуациях, что особенно актуально для подростков, проживающих в зонах боевых действий, так как они регулярно сталкиваются с травматическим опытом и высоким уровнем стресса.

Травматический опыт имеет множество определений. Так, Дж. Герман определяет его как событие, которое разрушает чувство безопасности, вызывает беспомощность и нарушает базовые убеждения о себе и мире [4]. Если последствия подобного опыта не корректировать,

ребенок может интериоризировать неадаптивные и деструктивные модели регуляции.

Эмоциональная регуляция играет важную роль в осмыслении и переработке травматического опыта, который нередко сопровождается деструктивными изменениями личности, чувством утраты и нарушением функциональности. Согласно Н. Гарнефски, стратегии эмоциональной регуляции подразделяются на адаптивные (принятие произошедшего, позитивная перефокусировка, планирование, позитивная переоценка, рассмотрение ситуации в перспективе) и дезадаптивные (самообвинение, руминация, катастрофизация, обвинение других) [5].

В данном исследовании для изучения эмоциональной регуляции подростков из зон боевых действий использован ERQ – Опросник эмоциональной регуляции J.Gross в адаптации Н. Ю. Перевой. Математико-статистическая обработка данных включала качественный анализ, расчет первичных описательных статистик, факторный анализ, а также корреляционный анализ с применением коэффициента Спирмана. Обработка данных осуществлялась с использованием статистического программного обеспечения JASP. В рамках исследования предполагалось, что у подростков, проживающих в зонах боевых действий, преобладает стратегия подавления экспрессии. В исследовании приняли участие 191 подростков в возрасте от 13 до 16 лет, проживающих в городах Донецк, Макеевка и Горловка.

Результаты. Среднее значение по использованию стратегии подавления экспрессии (19,628) оказалось ниже, чем среднее значение по когнитивной переоценке (21,702). Обе стратегии находятся в диапазоне средней степени выраженности, что свидетельствует о том, что они периодически проявляются в поведении подростков, но не являются взаимоисключающими. Результаты факторного анализа показали отсутствие статистически значимых различий по уровню подавления экспрессии в зависимости от фактора «возраст» (p = 0,553). Вместе с тем, были выявлены достоверные различия по фактору «город проживания» (p = 0,003), что указывает на различия уровня подавления экспрессии среди подростков, проживающих в разных городах Донецкой области.

Факторный анализ когнитивной переоценки не выявил статистически значимой связи ни с фактором «город проживания» (p = 0,919), ни с фактором «возраст» (p = 0,732).

Таблица

Положительная значимость подавления экспрессии и когнитивной переоценки

	Когнитивная переоценка	
Подавление экспрессии	Pearsons’r	0.324
	p-value	<0.001

Корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную корреляцию умеренной силы между показателями «подавление экспрессии» и «когнитивная переоценка». Это указывает на то, что использование одной стратегии эмоциональной регуляции способствует применению другой.

Заключение. Подростки, склонные использовать одну из этих стратегий эмоциональной регуляции, с большей вероятностью применяют и другую. При этом когнитивная переоценка используется чаще, чем подавление экспрессии. Частота столкновения с травматическим опытом больше влияет на использование стратегии подавления экспрессии, что подтверждается результатами факторного анализа между показателем «город проживания» и уровнем подавления экспрессии.

Подростки, проживающие в зонах боевых действий, чаще пытаются переосмыслить ситуацию с целью изменить её эмоциональное воздействие, нежели подавлять свои эмоции, что является менее адаптивной стратегией. Такой подход может рассматриваться как способ нормализации частых столкновений с боевыми действиями и сохранения ресурсов для продолжения повседневной жизнедеятельности. В случае неуспеха когнитивной переоценки подростки прибегают к подавлению эмоциональных переживаний.

Таким образом, гипотеза о преобладании подавления экспрессии не подтвердилась: выявлена противоположная тенденция, при которой когнитивная переоценка выступает основной стратегией эмоциональной регуляции.

Список литературы

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва: Мастера психологии; Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 720 с. – ISBN 5-314-00016-4.
2. Селютина, Н. В. Эмоциональная регуляция поведения: области изучения, компоненты и функции / Н.В. Селютина // Психологическая наука и образование. – 2007. – Т. 12. – № 5. – С. 267–274.
3. Holl, J., Barnow, S. Relevance of Functional Emotion Regulation Processes for Sustaining Mental Health After History of Early Trauma // Frontiers in Psychology. – 2017.
4. Carver, C. S., Scheier, M. F. On the self-regulation of behaviour / C. S. Carver, M. F. Scheier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
5. Кашкарова, И. В. Когнитивная регуляция эмоций и ценностные ориентации студентов педагогического университета / И.В. Кашакарова, О.Г. Холодкова // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 71–81.

УДК 615.849

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Усачева М.А., Асмаловская О.А.,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
mari.usacheva.2017@mail.ru, oksana.as@mail.ru

Речь как инструмент общения возникает на определенном этапе развития человека. Формирование речевой функции – это сложный и многогранный процесс взаимодействия индивида с обществом, который осуществляется с помощью материальных и языковых средств. Речь не является естественным свойством человека, а формируется при его интеграции в социальную среду. Появление и развитие речи обусловлено коммуникативными потребностями и жизнью человека. Конфликты и противоречия в общении стимулируют развитие языковых способностей, расширение арсенала речевых средств и форм. Этот процесс происходит в рамках сотрудничества между ребенком и взрослым, учитывая возрастные и психофизиологические особенности индивида.

Особого внимания при формировании связной речи заслуживают два расстройства, наиболее влияющих на овладение коммуникативной функцией – расстройства аутистического спектра и задержка психического развития. Нарушения речевой деятельности при задержке психического развития является основной проблемой, отражающей основную специфику ЗПР – несформированность коммуникативного поведения.

Р. Е. Левина определяет задержку психического развития (ЗПР) как «синдром временного отставания развития психики в целом или отдельных ее функций, замедление темпа реализации потенциальных возможностей организма, часто обнаруживается при поступлении в школу и выражается в недостаточности общего запаса знаний, ограниченности представлений, незрелости мышления, малой интеллектуальной целенаправленностью, преобладании игровых интересов, быстрой пересыщаемости в интеллектуальной деятельности» [3, с. 4].

На основе многих исследований в специальной педагогике и психологии можно отметить, что обязательным нарушением у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития будет выступать нарушение коммуникативной функции речи. А также большинство исследователей отмечают несовместимость акустической и смысловой стороны речи с речевыми нарушениями, а также дефицит психической активности. С. Г. Шевченко отмечает, что «характерными признаками нарушений является: замедленный темп речевого развития,

сложность речевой патологии, наличие комплекса речевых нарушений, сочетание различных дефектов речи. У большинства детей с ЗПР имеются нарушения: как импрессивной (понимание), так и экспрессивной (произношение) речи, нарушения устной и письменной речи, неполноценность не только спонтанной (самостоятельной), но и отраженной (повтор за взрослым) речи» [5, с. 85]. Устная речь детей, страдающих задержкой психического развития (ЗПР), позволяет им поддерживать повседневное общение. Однако она отличается нечеткой дикцией, примитивностью грамматического и синтаксического оформления. В случае нарушения связной речи дети склонны активно использовать жестикуляцию, что свидетельствует о недостатке лексического запаса. В повествованиях они не указывают имена ключевых персонажей, локацию и временные рамки событий, часто возвращаются к уже озвученному и повторяют одни и те же идеи. В рассуждениях детей с ЗПР сложно выделить основную мысль.

Р. И. Лалаева пишет «одной из характерных черт задержки психического развития (ЗПР) является неравномерность развития различных аспектов психической деятельности у детей. Исследования показывают, что у всех детей с ЗПР наблюдается снижение уровня внимания и работоспособности. У некоторых детей максимальная концентрация внимания отмечается в начале выполнения задания, после чего происходит постепенное снижение. Другие дети могут сосредотачиваться только после выполнения части задания. Также существуют дети с ЗПР, у которых наблюдается нестабильность внимания, проявляющаяся в периодических изменениях его уровня» [2, с. 164].

При пересказе текстов дети с ЗПР допускают ошибки в логической последовательности изложения, пропускают значимые детали и теряют действующих лиц. Их рассказы поверхностны, причинно-следственные связи остаются неопознанными. Дети не всегда адекватно интерпретируют прочитанное, упуская существенные элементы, нарушая хронологию изложения, повторяясь или добавляя избыточную информацию. Описательные рассказы детей с ЗПР характеризуются лексической бедностью и повторами; некоторые дети не могут следовать предложенному плану, ограничиваясь простым перечислением характеристик любимой игрушки или знакомого предмета.

Речевые характеристики детей с ЗПР также имеют свои особенности. Их активный словарный запас существенно ограничен, а понятийный аппарат недостаточно точен. В их речи зачастую отсутствуют некоторые грамматические категории, что может свидетельствовать о нарушениях в формировании языковой компетенции.

Н.Ю. Борякова описывает отличительную особенность задержки психического развития как «множественные аграмматизмы (ошибки в согласовании числительных с существительными, прилагательных с существительными в роде, числе, падеже; большое количество ошибок

наблюдается в использовании как простых, так и сложных предлогов). Развернутые смысловые высказывания отличаются отсутствием четкости, последовательности изложения, отрывочностью» [1, с. 25]. В свободных высказываниях преобладают простые распространенные предложения, почти не употребляются сложные конструкции. Для речи детей с задержкой психического развития характерны неосознанность и непроизвольность построения фразы как высказывания в целом, дети не дают развернутого ответа на вопрос взрослого, часто в ответах основная мысль перебивается посторонними мыслями и суждениями. Е. О. Смирнова пишет «наглядно-образное мышление у детей с задержкой психического развития (ЗПР) характеризуется значительным дефицитом. Образы-представления у данной категории детей отличаются недостаточной подвижностью и гибкостью. Обычно дети с ЗПР демонстрируют удовлетворительные результаты при выполнении задач, которые могут быть объяснены вербально и тесно связаны с их жизненным опытом. Однако простые задания, даже если они базируются на визуальном материале, отсутствующем в их личном опыте, вызывают у них значительные затруднения» [4, с. 147].

Таким образом, на основании анализа педагогической и психологической литературы установлено, что развитие связной монологической речи у старшего дошкольного возраста представляет собой существенную научно-методическую проблему. Данная тема сохраняет высокую актуальность. Для обеспечения успешного образовательного процесса необходимо проведение специализированных коррекционных мероприятий, направленных на формирование навыков построения связных речевых конструкций у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития.

В связи с этим требуется модернизация традиционных методов и приемов, а также продолжение поиска более эффективных научно обоснованных подходов к развитию связной речи у указанной категории детей.

Список литературы

1. Борякова, Н. Ю. Ступеньки развития. Ранняя диагностика и коррекция задержки психического развития / Н.Ю. Борякова. – Москва: «Гном-Пресс», 2002. – 64 с.– ISBN 5-89334-128-7.
2. Лалаева, Р. И. Логопедическая работа в коррекционных классах / Р.И. Лалаева. – Москва: ВЛАДОС, 1998. – 220 с. – ISBN 5-691-00137-Х.
3. Левина, Р. Е. Нарушения речи и письма у детей / Р.Е. Левина. – Москва: АРКТИ, 2005. – 221 с. – ISBN 5-89415-462-6.
4. Смирнова, Е. О. Детская психология: учебник для студ. сред. и высш. учеб. заведений / Е.О. Смирнова. – Москва: КНОРУС, 2016. – 280 с. – ISBN 978-5-406-05076-7.
5. Шевченко, С. Г. Диагностика и коррекция задержки психического развития: Пособие для учителей и специалистов коррекционно-развивающего обучения. / Под ред. С.Г. Шевченко. – Москва: Аркти, 2001. – 224 с. – 18ВК 5-89415-205-4.

УДК 159.9

НЕЗАВЕРШЕННАЯ СЕПАРАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОЯВЛЕНИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ У ПОДРОСТКОВ

Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2483-4355,
Худякова А.Д.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» г. Нижний Новгород, РФ
julia82.06@mail.ru, hudiakowa.lina@yandex.ru

Введение. Подростковый возраст является одним из наиболее значимых и одновременно сложных этапов в жизни человека. В этом возрасте открывается множество возможностей для развития личности, но в то же время возникают серьезные проблемы, связанные с обретением автономии, поиском идентичности и построением отношений с миром. Центральное место в данном процессе занимает психологическая сепарация – отделение от родительских фигур, необходимое для полноценного личностного становления. Однако, как показывают исследования этот процесс не всегда протекает гармонично. Незавершенная или дисфункциональная сепарация, особенно в контексте неблагоприятных семейных факторов, может стать мощным фактором, определяющим возникновение депрессивных состояний у подростков.

Основное содержание. Психологическая сепарация является многомерным и динамичным процессом, который начинается в детстве и продолжается на протяжении всей жизни. В подростковом возрасте он приобретает статус кризиса развития, поскольку требует от индивида радикальной перестройки отношений с внешним миром и формирования нового самовосприятия. В контексте психологии сепарация – это процесс психологического разделения родительских фигур, который приводит к обретению самостоятельности, индивидуальности и формированию собственной идентичности. Речь идет не только о физическом дистанцировании, но и о глубокой внутренней перестройке.

Сепарация представляет собой последовательную смену видов отделения, каждый из которых может стать кризисной точкой: внутриутробная сепарация, биотическая сепарация, двигательная сепарация, коммуникативная сепарация, когнитивная сепарация и, наконец, социальная сепарация, связанная с отдельным проживанием, материальной независимостью, построением собственной семьи и профессиональной деятельности. Нормативная сепарация, при которой подросток успешно проходит эти этапы, является залогом формирования здоровой и уверенной в себе личности. Однако, как отмечают А.Ю. Бабкина и Н.Н. Поскребышева, нарушения этого процесса, особенно в условиях

ригидных семейных систем, могут привести к снижению автономии, страху потери суверенитета и, как следствие, к депрессивным состояниям [2].

Подростковая депрессия имеет ряд особенностей, отличающих её от депрессивных расстройств у взрослых. Ее симптоматика часто маскируется и может проявляться нетипичным образом. Среди типичных проявлений можно выделить повышенную раздражительность и апатию вместо выраженной грусти, снижение интереса к ранее любимым занятиям, социальную пассивность. Часто наблюдается социальная изоляция, отказ от общения со сверстниками, уход в себя, трудности в установлении и поддержании контактов. Соматические жалобы, такие как головные боли, нарушения сна и пищевого поведения, хроническая усталость, также могут быть проявлениями скрытой депрессии. В таком состоянии отмечается снижение самооценки, чувство беспомощности, неуверенность в себе, неспособность решать проблемы самостоятельно, что нередко сказывается и на академической успеваемости [4].

Ключевыми факторами, способствующими развитию депрессии у подростков, являются также генетическая предрасположенность и биологические факторы, неблагоприятные жизненные события (развод родителей, смерть близких, травматический опыт), а также дисгармоничные стили воспитания, включая гиперопеку, чрезмерный контроль, эмоциональное отвержение и отсутствие принятия личностных особенностей подростка.

Взаимосвязь между незавершенной сепарацией и депрессивными состояниями у подростков объясняется несколькими теоретическими подходами. Модель привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт) рассматривает нарушения в формировании безопасной привязанности в раннем детстве как основную предпосылку к трудностям сепарации в подростковом возрасте. Дети, выросшие без надежной базы, склонны к тревожному или избегающему типу привязанности, что препятствует формированию автономности и может способствовать развитию депрессивных переживаний [1].

Психоаналитические подходы (М. Малер, От. Кернберг) указывают, что незавершенная сепарация приводит к фиксации на родительских фигурах, нарушению формирования собственной идентичности и склонности к депрессивным переживаниям [6]. Подросток, остающийся в симбиотических отношениях с родителями, не способен дифференцировать себя, это приводит к чувству внутренней пустоты, сепарационной тревоге и, как следствие, к депрессии.

Когнитивно-поведенческие модели (L.Y. Abramson, M.E. Seligman, J.D. Teasdale) полагают, что незавершенная сепарация способствует формированию негативных когнитивных схем и диспозиций. Подросток, который не смог обрести самостоятельность, может развить чувство беспомощности, приписывая негативные события внутренним, глобальным

и стабильным причинам. Это, в свою очередь, ведет к появлению депрессивных мыслей [5].

Семейные системные подходы (А.Ю. Бабкина, Н.Н. Поскребышева и др.), подчеркивают, что дисфункциональные семейные паттерны, такие как строгие правила, недоверительные отношения внутри семьи, чрезмерный контроль, эмоциональная дистанция и отсутствие принятия подростка, негативно влияют на сепарационные процессы [3]. Подростки из таких семей часто испытывают страх потери суверенитета, поддаются эмоциональному влиянию в отношениях со значимыми людьми и склонны к отрицанию зависимости, что, в свою очередь, приводит к возникновению депрессии.

Выводы. Незавершенная психологическая сепарация в подростковом возрасте является серьезным фактором риска для развития депрессивных состояний. Для профилактики подростковой депрессии необходима комплексная психологическая работа, направленная на поддержку развития всех аспектов автономии (когнитивной, поведенческой, ценностной, эмоциональной); трансформацию детско-родительских отношений в партнерские, способствующие самостоятельности подростка; развитие эмоциональной дифференциации, умения отделять свои чувства от чувств других; помощь подростку в преодолении страха потери суверенитета и формировании реалистичного восприятия себя и мира; а также оказание комплексной помощи семьям с ригидными системами и неблагоприятным эмоциональным климатом. Такой подход позволит подросткам успешно завершить процесс сепарации, ведь от этого зависят здоровое развитие личности и благополучие во взрослой жизни.

Список литературы

1. Калмыкова, Е. С. Ранняя привязанность и ее влияние на устойчивость к психической травме: постановка проблемы / Е.С. Калмыкова, М.А. Падун // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 5. – С. 88-105.
2. Маленова, А. Ю. Зрелость личности и её критерии как предикторы изучения ситуации сепарации / А.Ю. Маленова, Ю.В. Потапова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2014. – № 2. – С. 21–29.
3. Поскребышева, Н. Н., Бабкина А.Ю. Семейные факторы развития автономии и сепарационных процессов у подростков / Н.Н. Поскребышева, А.Ю. Бабкина // Вестник Московского университета. Психология. – 2020. – №3 – С. 120–146. – DOI: 10.11621/vsp.2020.03.06.
4. Харламенкова, Н. Е. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы / Н.Е. Харламенкова, Е.В. Кумыкова, А.К. Рубченко. – Москва: Институт психологии РАН, 2015. – 367 с. – ISBN 978-5-9270-0298-6.
5. Abramson, L. Y., Seligman, M. E. P., Teasdale, J. D. Learned helplessness in human: critique and reformulation. Journal of Abnormal Psychology. – 1978. – V. 87. – P. 49-74. DOI:10.1037/0021-843X.87.1.49.
6. Mahler, M. S., Pine, F., Bergman, A. The psychological birth of the human infant: Symbiosis and individuation. – New York: Basic Books, 1975. – 320 p.

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2483-4355,
Шармен Д.Х.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» г. Нижний Новгород, РФ
julia82.06@mail.ru, hudiakowa.lina@yandex.ru

Введение. Социальная тревожность может оказывать существенное негативное влияние на процессы социальной и эмоциональной адаптации подростков, а также на качество их жизни, в том числе повышая риск суицида у учащихся подросткового возраста. Зачастую с социальной тревожностью могут быть тесно связаны такие факторы, как депривация сна, истощение, академическая задолженность, трудности с самоорганизацией и отсутствие конструктивных стратегий совладания, отсутствие социальной поддержки, сложные семейные обстоятельства, социальный стресс, неспособность обеспечить собственную жизнь и другие факторы, которые часто способствуют эмоциональной дезадаптации и психическим расстройствам среди учащихся.

Основное содержание. На современном этапе понятие «социальная тревожность» является актуальным и многоаспектно представлено в работах как зарубежных, так и отечественных ученых (В.В. Краснова, И.В. Никитина, А.Б. Холмогорова; Х. Арковитс, А. Зимбардо, Дж. Керан, Дж. Кларк, А. Лири, Д. Уотсон, Р. Френд, П. Пилконис, С. Хофман, Дж. Уилсон, Р. Рэппи).

Подростковый возраст – это демонстрация разных моделей поведения в стрессовых ситуациях в зависимости от биологических, социальных и культурных факторов. Доказательные последствия социальной тревожности в подростковом возрасте включают: физические заболевания; внутренние противоречия, связанные в основном с оценкой индивидом успешности себя в различных аспектах жизни; проблемы в отношениях между детьми и родителями; нарушение связи с учителями и одноклассниками, подросток социально не вписывается в общество, в котором он живет. (А.М. Борисова, С.В. Велиева, А.М. Голик, И.А. Мазурок; E. Leigh, D.M. Clark, M.R. Mohammadi).

Интерес вызывает исследование, которое проводилось в Саудовской Аравии (Даммам, Саудовская Аравия, 2014) среди подростков в возрасте с 12 до 18 лет. Оно показывает, что социальная тревожность среди подростков выше у мальчиков, чем у девочек. Определенные характеристики (низкий социально-экономический статус, наличие более одного брата или сестры в одной семье) влияют на низкий уровень социальной тревожности [6].

В исследовании, которое было проведено в Иране (2020) среди учащихся 8-18 лет были оценены социально-демографические характеристики, переменные риска социальной тревожности, основанные на родительских психологических расстройствах и особенностях личности. Кроме того, исследование показало влияние социальной тревожности на снижение успеваемости подростков.

Согласно исследованию, проведенному в Португалии (северные и центральные регионы Португалии, 2022), среди подростков в возрасте от 15 до 18 лет установлено, что социальная среда (друзья и сверстники) оказывает большое влияние на снижение социальной тревожности у подростков. Исследование показывает, что подростки с социальной тревожностью принимают помощь или вмешательство со стороны своих близких [7].

По мнению Л.С. Выготского, межличностное общение может усилить социальное взаимодействие, поддержка семьи и сверстников способствует социальному улучшению, которое может повлиять на развитие подростков. И наоборот, пренебрежение социальной поддержкой может быть фактором повышенной социальной тревожности. Кроме того, пребывание в социальной ситуации может ускорить дисбаланс между характеристиками этого переходного периода [2].

С.Л. Рубинштейн охарактеризовал социальную тревожность как склонность человека испытывать эмоциональное состояние в обстоятельствах, которые представляют неизвестную угрозу и проявляются в неблагоприятном, предсказуемом исходе. Среди основных причин социальной тревожности у подростков он выделял риск физической травмы, дискомфорта, опасности; страх потерять признание или любовь; чувство вины, которое может сопровождаться раздражительностью или самоупреком; неспособность контролировать ситуацию, когда человек осознает, что не может справиться с трудностью, которая встает у него на пути [5].

Э. Эриксон подчеркивает, что подросткам важно найти свою идентичность, однако они зачастую сталкиваются с физиологическими (изменения тела) и социальными (давление со стороны сверстников) проблемами по мере развития своей идентичности. Все эти факторы могут повлиять на появление социальной тревожности в целом.

Исследования В.О. Моховой и Е.А. Кондратович показывают, что неспособность подростков справляться со своими чувствами и контролировать их может быть также основной причиной стойкой социальной тревожности, что снижает жизненный тонус, культивирует пассивность и пессимизм [4].

Среди главных причин социальной тревожности у подростков исследователи выделяют резкие перемены, например, переход с одной ступени обучения на более высокую, из одного класса в другой

(С.В. Велиева, Н.С. Зайцева); неблагоприятные отношения с родителями и неправильный подход взрослых к воспитанию (А.О. Иванова, К.В. Завязкина), в частности характер материнского отношения (Н.С. Борзилова, А.Г. Ткаченко); общение в социальных сетях, особенно связанные со сравнением и оценкой внешности (O.O. Mikhailova).

Выводы. Социальная тревожность у подростков оказывает глубокое влияние практически на все аспекты жизни, с негативными краткосрочными и долгосрочными последствиями. Социально тревожным подросткам трудно формировать и поддерживать социальные отношения. Они избегают взаимодействия, что приводит к изоляции, одиночеству и снижению социальных навыков. В результате возникают препятствия, которые мешают нормальной групповой интеграции и интеграции в общество в целом. Социальная тревожность может перейти в хроническое тревожное расстройство, затрудняющее жизненное и профессиональное самоопределение. Это явление необходимо своевременно корректировать, чтобы обеспечить успешную социализацию и психическое благополучие в подростковой среде.

Список литературы

1. Борисова, А. М. Выявление взаимосвязи между социальной тревожностью и уровнем общения подростков / А.М. Борисова. – 2025. – С. 114-123. – DOI: 10.18137/RNU.V925X.21.05.P.114.
2. Выготский, Л. С. Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка / Л.С. Выготский. – Питер: Мастера психологии, 2023. – 224 с. – ISBN 978-5-4461-1469-6.
3. Голик, А. М. Социальная тревожность подростков как объект педагогической деятельности / А.М. Голик; науч. рук. И.А. Мазурок // Дни студенческой науки: материалы LI студенческой научно-практической конференции (Гомель, 19–20 мая 2022 года): в 2 ч. / ред. коллегия: Р.В. Бородич [и др.]; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – Ч. 2. – С. 46.
4. Мохова, В. О. Особенности тревожности в период ранней зрелости / В.О. Мохова, Кондратович // Нижегородский психологический альманах. – 2024. – № 2. – URL: psykaf417.esrae.ru/ru/40-484 (дата обращения: 01.10.2025).
5. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологи / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2017. – 718 с. – ISBN 5-314-00016-4.
6. Alkhathamia, S., Kaviania, H., Shorta, E. Social anxiety among adolescents and its relation to quality of life. Conference paper presented at The Annual International Conference on Cognitive-Social, and Behavioural Sciences icCSBs, 14-17 May 2014, Mersin, Turkey. – p. 227.
7. Alves, F., Figueiredo, D.V., Vagos, P. The prevalence of adolescent social fears and social anxiety disorder in school contexts. International journal of environmental research and public health. – 2022. – Vol. 19. – P. 7-8.

УДК 159.9

ПТСР КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ

Шульга В.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0007-2408-8018
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
shulga55@rambler.ru

Введение. Население в Донецкой и Луганской областях уже более десяти лет живет в условиях непрекращающегося вооруженного конфликта, постоянно приспосабливаясь к угрозам своим жизням. Негативные психологические состояния стали привычным явлением в жизни дончан, что отрицательно сказывается на их общем благополучии, приводит к долгосрочным тяжелым последствиям,

Цель – провести анализ феномена эмоциональных зависимостей, возникающий в условиях войны между всеми участниками военного конфликта и являющийся малоизученной проблемой.

Основная часть. По мнению В.Д. Москаленко эмоциональная зависимость – это влечение человека к людям, в отсутствии которых он испытывает психологический дискомфорт, чувствует постоянную необходимость в эмоциональной поддержке со стороны другого, и даже ставит свою жизнь в зависимость от своих отношений с ним [1].

Главный аспект эмоциональной зависимости жителей Донбасса связан с общим негативным травматическим опытом, сформировавшимся в результате происходящих военных действий, и высоким уровнем переживаемого стресса и негативных эмоций; страх, и постоянное напряжение становятся их ежедневной реальностью.

Вовлеченность индивида в психотравмирующую ситуацию может быть различной и зависит от степени участия его в происходящих событиях. По этому критерию выделяют: наблюдателей, свидетелей и участников.

Наблюдатель – это человек, который находится рядом с ситуацией, но не принимает в ней непосредственного участия, остается в стороне от неё. Он может испытывать чувство беспомощности, ужаса, страха за себя и других; возможно чувство вины выжившего, и переживает глубокий когнитивный диссонанс от осознания произошедшего. Эмоциональный отклик наблюдателя менее интенсивный, чем у свидетеля или участника, но все же он способен вызвать долгосрочные негативные последствия, особенно в случае, если ситуация воспринимается личностью как несправедливая, жестокая или связанная со смертельной угрозой. Всех наблюдателей можно отнести к категории пострадавших.

Свидетели – люди, которые становятся прямыми участниками психотравмирующей ситуации, но не являются основными субъектами событий. Оказавшись под обстрелами, видя страдания других людей и смерть близких, человек испытывает негативные чувства, эмоциональный спектр которых расширяется – добавляются гнев, ярость, сочувствие к жертвам. Возрастает риск развития ПТСР из-за пережитого шока.

Участник (в контексте статьи) – военный, непосредственно вовлеченный в стрессовую ситуацию, связанную с постоянной угрозой смерти и необходимостью применения силы, он часто испытывают сильные эмоции, физические и психические последствия которых требуют реабилитации и восстановлении. Пережитый личный боевой опыт неизбежно приводит военнослужащих к нарушениям их эмоциональной и психической жизни. Именно у участников наиболее высок риск развития ПТСР и других сопутствующих психологических проблем.

Степень вовлеченности в психотравмирующую ситуацию не является статичной и может меняться со временем, поскольку перечисленные позиции достаточно подвижны в силу специфических условий Донбасса: человек в одних ситуациях может быть наблюдателем, в других – свидетелем, а затем стать непосредственным участником военного эпизода. При этом, каждая степень вовлеченности может иметь свои уникальные особенности и требовать адекватной помощи и поддержки.

Эмоциональную зависимость друг от друга испытывают все социальные группы Донбасса, объединенные общей локацией, общими событиями и общим эмоциональным полем. Военные, участвующие в столкновениях и штурмах, всегда помнят и знают, для кого они претерпевают трудности военных будней; защита своих близких, своих домов и того образа жизни, который они отстаивают, – является мощнейшим мотиватором их действий. Гражданское население испытывает постоянную угнетающую тревогу за жизнь своих мужей, сыновей, отцов и братьев, которые защищают их жизнь на передовой. Зависимость между всеми сторонами военного конфликта сопровождается эмоциональным симбиозом, неспособностью существовать вне этих отношений.

ПТСР, как одна из составляющих этой зависимости, в разной степени выраженности присуща как военным, так и гражданскому населению, сосуществующих в условиях военных действий. Для диагностики ПТСР причина возникновения расстройства не суть важна. Различия проявятся на индивидуальном уровне в том, что человек будет видеть во флешбэках и кошмарах: сцены боя или пережитую бомбежку [2]. Симптомы ПТСР одинаковы для военных и гражданских: навязчивые мысли, повторное «переживание» ситуации; избегание мыслей, воспоминаний и любых разговоров о событии; приступы паники и тревоги; бессонница и кошмарные сновидения; подавленность, эмоциональная холодность, апатия; суицидальные мысли и наклонности; тяга к алкоголю и наркотикам.

Важный аспект эмоциональной зависимости касается самых активных участников конфликта – военнослужащих, которые ощущают тесную связь с теми, кто живет и сражается рядом с ними. Природа этой связи основана на общей для всех цели и на естественном стремлении человека выжить в условиях боевых действий. Эти связи могут перерасти в зависимость, когда эмоциональное состояние одного человека в большой степени зависит от другого. ПТСР, как последствие боевых действий, усиливает эту тенденцию. Участники СВО часто испытывают: чувство вины за то, что остались живы, или за то, что не смогли оказать помощь тем, кто нуждался; страх одиночества, что побуждает их стремиться к созданию прочных связей с другими военнослужащими.

Подобные переживания обуславливают потребность в эмоциональной поддержке со стороны окружающих, которая становится жизненно важной и заставляет воинов искать утешения и понимания исключительно в своем кругу, что формирует замкнутую эмоциональную зависимость.

Возникновение феномена эмоциональной зависимости, как мощной адаптационной стратегии сознания в условиях экстремальных угроз и ситуаций, объективно: страх смерти, гибель людей, ощущение потери контроля над происходящим детерминируют формирование психологических защит, среди которых доминируют: потребность в принадлежности к ингруппе, приверженность её ценностям, сплоченность с другими членами группы, противопоставление «своих» и «чужих» и т.д. В этом проявляется сплачивающая функция эмоциональной зависимости — формирование и поддержка доверия и взаимопомощи членов группы.

Заключение. Исследование эмоциональной зависимости между всеми сторонами военного конфликта, а также влияние ПТСР на их эмоциональное состояние и отношения, является важным моментом, влияющим на реабилитацию и улучшение качества жизни не только военнослужащих, но и всех субъектов СВО. Улучшение их эмоционального состояния будет служить минимизации рисков для всех сторон и поможет устранить осложнения, что, в свою очередь, приведет к снижению числа пострадавших.

Список литературы

1. Москаленко, В. Д. Созависимость: характеристики и практика преодоления / В.Д. Москаленко. – URL: https://arhangel.su/wp-content/uploads/2021/07/sozavisimost-i-praktiki-preodoleniya-v-moskalenko.pdf (дата обращения - 01.10.2025).
2. Цыба, И. В. Организация работы с участниками специальной военной операции и членами их семей на базе учреждений социального обслуживания населения»: методическое пособие для специалистов учреждений социального обслуживания населения / И.В. Цыба. – Красноярск: КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения», 2023. – 112 с.

УДК 81'23

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ СТЕНДАП-КОМЕДИИ)

Антонова Д.Ю.
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
darya_a35@mail.ru

Виртуальные средства коммуникации занимают устойчивое положение в жизни человека. Они дают возможность не только обмениваться информацией, но и становятся развлекательной платформой. В современном медиапространстве доля юмористического материала неуклонно увеличивается – появляются различные жанры (стендап-комедия, «прожарка», «ванлайн», шоу с вовлечением зрителя), выходит разнообразная репрезентация юмора (мемы, рилсы). Особый исследовательский интерес представляет стендап-комедия, он обусловлен социальными факторами: ростом вовлеченности зрителей (увеличением числа просмотров видеоматериала со стендап-комиками), гастрольной активностью по регионам России с концертной юмористической программой, открытием стендап-клубов по всей стране. За рубежом стендап-комедию изучают представители разнообразных областей: лингвисты, социологи, психологи, антропологи, культурологи. В отечественной науке исследования стендап-комедии сосредоточены в лингвистической области [3] и социальных науках [2]. Изучение психологического потенциала стендап-комедии выступает целью исследования.

Стендап-комедия рассматривается как креолизованный текст, под которым понимается «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [5]. Для эффективной коммуникации и вызова смеховой реакции говорящий использует различные каналы передачи информации. Для достижения смехового эффекта недостаточно только устной речи, необходимо использовать мимику, жесты, пантомиму. У зарубежных и отечественных исследований в области юмора интерес был направлен на изучение мономодального текста, где невербальная составляющая не была полноправным исследовательским объектом. Основываясь на рассмотрении стендап-комедии как креолизованного текста, мы решали задачу определения способов сочетания вербальных и паралингвистических кодов

для достижения смехового эффекта в русскоязычной стендап-комедии, определения психологического потенциала юмористического выступления. исследование мультимодального подхода в стендап-комедии представлено в работе M. Lamidi, который на примере нигерийского стендапа анализировал сочетание различных каналов передачи информации в юмористических выступлениях разнообразной репрезентации [6].

Стендап-комедия как вид юмористического дискурса отличается речевой простотой исполнения, которую сопровождает и подчеркивает неформальный, свободный внешний вид артиста. Анализируя выступления медийных стендаперов России, важно отметить, что за каждым юмористом изначально закрепляются «злободневные» темы, транслирование которых усиливается «типажностью» стендап-комедианта. Ярким примером служат выступления русскоязычного стендап-комика И. Абрамова. В одном из выступлений артист указал на наличие «ярлыка интеллигентного комика[1]». Все монологи выступающего подкрепляются соответствующим внешним видом: деловой костюм, опрятность, элегантность. Материалом исследования особенностей взаимодействия вербального и паралингвистического кодов выступил видеоролик стендап-монолога И.Абрамова под названием «Совесть замучает, если…[2]». Данный монолог популярен (на платформе Rutube 46,6 тыс. просмотров), в выступлении использованы паралингвистические коды.

Выступление длится 1 минуту 58 секунд, за это время артист представляет тему сохранения семейно-брачных ценностей. Стендапер в юмористической форме осуждает неверность в браке. Монолог начинается с обращения, провоцирующего обратную связь в виде аплодисментов: «*Мужики, поаплодируйте те, кто пришел на концерт со своими женами… а теперь поаплодируйте те, кто ни разу не изменил своей жене*». Сочетание вербального текста и паралингвистического кода в данном отрывке находится в отношениях дополнения, но смеховая реакция зрителя вызвана комментарием по поводу усиления аплодисментов на второй вопрос. в этой части монолога использование паралингвистического кода выступает «посредником» в передаче информации. преднамеренное паралингвистическое усиление вербального текста раскрывает смысл предыдущего высказывания. Данный прием стендап-комик использует целенаправленно, для интерпретации шутки в доминирующей модальности, что усиливает транслируемые смыслы – высмеивание супружеской измены.

Одним из ярких эпизодов сочетания вербального и паралингвистического кодов стал следующий вербальный отрывок монолога: «*… я недавно выступал, и в переднем ряду сидела пара: муж и его женщина; я говорю: «Поаплодируйте, мужики, кто пришел со своей*

[1] https://vk.com/video-54387561_456241132
[2] https://ya.ru/video/preview/10562828616728742836

женой, (демонстрация аплодисментов) мужик радостно аплодирует, типа интерактив начался – Я». Потом говорю, поаплодируйте те, кто ни разу не изменил своей жене, мужик тоже радостно аплодирует и вот так смотрит его жена (демонстрация взгляда жены) и он перестает аплодировать (смеховая реакция)». В данном отрывке паралингвистические средства коммуникации (аплодисменты, взгляд) дополнили вербальный текст. Использование паралингвистической модальности раскрыло истинное взаимоотношение между супругами, показав доминирующую роль жены в браке и неверность супруга. В процессе выступления возникла ситуация, в которой вербальный текст вызвал не ожидаемую реакцию зрителя (аплодисменты): «*Я вот уже со своей женой 8 лет вместе, и вот за эти 8 лет (аплодисменты у зрителя, удивление у артиста) я ей ни разу не изменил*». Выражение эмоционального состояния артиста (удивление) в ответ на аплодисменты зрителя, которые выражали поддержку и восхищение долгосрочным брачным союзом, еще раз подкрепляет позицию комика о ценности семейно-брачных отношений. Ее транслирование усиливается вербальным текстом, осуждающим друзей, которые были уличены в измене.

Анализ выступления И. Абрамова показал мультимодальное сопряжение и дополнение семантических кодов в креолизованном тексте. Мультимодальный анализ стендап-комедии позволяет определить стратегии создания смехового эффекта и транслируемые артистом смыслы, то есть выявить психологический потенциал стендапа. Можно заключить, что представленный монолог актуализирует у зрителя положительный образа семьи и осуждение неверности, то есть выполняет функцию укрепления традиционных ценностей.

Список литературы

1. Кыштымова, И. М. Полимодальная трансформация прецедентной ситуации домашнего насилия в юмористическом дискурсе (на примере стендап-комедии) / И.М. Кыштымова, Д.Ю. Антонова // Организационная психолингвистика. – 2025. – №2(30). – С. 89-109.
2. Омельченко, Д. А. Переходя границы. Российский стендап: локальные и глобальные смыслы / Д.А. Омельченко // Антропологический форум. – 2024. – №60. – С. 71–101.
3. Решетарова, А. М. Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии / А.М. Решетарова // Вестник Донецкого Национального Университета. Серия Д: филология и психология. – 2020. – №2. – С. 108-111.
4. Тарасов, Е. Ф. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – Москва: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.
5. M. Lamidi_Multimodal Code-pairing and Switching of Visual-verbal Texts in Selected Nigerian Stand-up Comedy Performances // *Legon Journal of the Humanities*. – Vol. 28. – No. 2. – 2017. – P. 105-129.

УДК 316.272

ПСИХИКА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ОБЩЕСТВА

Арсанукаева П.М., ORCID -0009-0003-9135-8496
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
peti.ars@mail.ru

Развитие современного общества характеризуется всё возрастающим потоком информации, а информационное поле становится неотъемлемой составляющей человеческой жизни. Под информационным полем общества понимается совокупность процессов передачи, хранения и обработки информации в различных социальных, технологических и культурных контекстах.

Психика являет собой многоуровневую структуру, включающую когнитивные, эмоциональные, мотивационные компоненты. Цель данной статьи – раскрыть взаимосвязи между психикой и информационным полем общества, определить механизмы адаптации человека к меняющемуся информационному ландшафту, рассмотреть риски и возможности такого взаимодействия.

Психика человека исторически развивалась как адаптивная система, направленная на обработку поступающих сигналов из окружающей среды и поддержание внутренней стабильности. С классических позиций психология рассматривает психику как совокупность психических процессов – восприятия, памяти, мышления, эмоций и воли, которые обеспечивают осознанное и бессознательное реагирование на стимулы [1]. В условиях современной информационной среды психика сталкивается с многозадачным режимом функционирования. Согласно когнитивным моделям, информация проходит через ряд фильтров: сенсорный (восприятие), когнитивный (осмысление, анализ), эмоциональный (оценка чувства) и интегративный (объединение с предыдущим опытом). Чем интенсивнее информационный поток, тем выше нагрузка на эти фильтры, увеличивается вероятность когнитивного и эмоционального стресса, информационного шума и сниженной эффективности переработки данных.

Особое место занимает вопрос «информационной гигиены» — умения психологически справляться с избытком новостей, сообщений, цифрового контента. Исследования последних лет показывают, что постоянное присутствие в информационном поле приводит к появлению новых форм тревожности, рассеянности внимания, изменений нейрофизиологических функций мозга [2].

Информационное поле общества – категория междисциплинарная, объединяющая принципы социологии, философии, психологии и информационных технологий. Содержательно поле разделяется на

структурированные источники (СМИ, научные базы данных, образовательные ресурсы) и неструктурированные (социальные сети, форумы, мессенджеры, слухи.

Современные технологии радикально изменяют структуру информационного поля: существенная часть коммуникации переходит в цифровую среду, происходят процессы ускорения обмена данными, снижается порог вхождения в глобальные сети. Важным является феномен информационной избыточности, когда количество сообщений превосходит возможности психики воспринимать, анализировать и осмыслять их.

Общество, выступая коллективным субъектом, вырабатывает механизмы саморегуляции: формируются тренды, мемы, виртуальные сообщество, распространяются ценности и нормы [3]. На индивидуальном уровне человек подвергается постоянному воздействию разнообразной информации, что становится фактором формирования его картины мира, ценностных ориентаций и даже биологических реакций организма (например, уровень стресса при опасных новостях).

Групповое поведение людей подчиняется законам социальной психологии: распространение слухов, эффект толпы, феномены конформизма и заражения усиливаются под воздействием массовых коммуникаций. Современные исследования социальных сетей показывают, что скорость распространения аффективно заряженных сообщений превосходит традиционные способы коммуникации, вызывая коллективные реакции, порой бесконтрольные.

Индивид может выработать стратегию взаимодействия с информационным полем: критическое мышление, фильтрация ненадёжных источников, использование цифровых инструментов управления вниманием (например, медиа-детокс, настройки приватности, выбор подписок). Однако эффективность этих стратегий зависит от уровня образованности, развитости личностных качеств, а также способности формировать адаптивные копинг-стили.

Взаимодействие психики с информационным полем создаёт ряд рисков, среди которых наиболее заметными являются информационная перегрузка, развитие новых форм зависимости, манипулятивное влияние, социализация на базе фрагментарных знаний [4].

Одновременно информационное поле даёт возможности для личностного роста, образования, социализации, творческого самовыражения и интеграции в мировое сообщество. Создание культурных, образовательных, терапевтических онлайн-пространств повышает уровень доступности знаний и услуг. Вводятся элементы искусственного интеллекта и системы персонализации, ориентированные на поддержку психического здоровья пользователей [5].

Адаптация психики к информационному полю предполагает развитие медиа-грамотности, освоение цифровых навыков, формирование установки

на критическое осмысление поступающих данных. Важным является междисциплинарный подход – интеграция технологий, психологии, педагогики и этики для создания безопасных и развивающих цифровых сред обитания человека [6].

Психика человека и информационное поле общества находятся в состоянии постоянного диалога. Функционирование психики в современную эпоху определяется интенсивностью, структурой и качественными характеристиками поступающей информации, а также способностью индивида и коллектива осознанно рефлексировать над содержанием коммуникационного пространства [7].

Ключевой задачей для науки становится поиск баланса между открытостью и критичностью, адаптацией и саморегуляцией, индивидуальным и коллективным опытом во взаимодействии с информационными потоками. Формируется новый тип психики – цифровая, обладающая уникальными особенностями восприятия, мышления и поведения. Создание безопасной, поддерживающей и развивающей информационной среды общества требует междисциплинарных усилий, направленных на гармоничную интеграцию технологий и человеческой природы.

Список литературы

1. Асанович, В. Я. Информационная безопасность: анализ и прогноз информационного воздействия / В.Я. Асанович, Г.Г. Маньшин. – Минск : Амалфея, 2021. – 320 с.
2. Бабаева, Ю. Д. Психологические последствия информатизации / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский // Психологический журнал. – 1998. – №1. – С. 89-100.
3. Белоножкин, В. И. Информационные аспекты противодействия терроризму / В.И. Белоножкин, Г.А. Остапенко. – Москва: Горячая линия-Телеком, 2022. – 112 с.
4. Влияние TV и компьютеров на душу ребенка [Электронный ресурс]. – URL: http://medicinform.net/comp/comp_psych1.htm (дата обращения: 10.09.2025).
5. Высокотехнологический терроризм : материалы рос.-амер. семинара. – Москва : Российская академия наук, 2022. – 320 с.
6. Галицкий, Е. Б. Опросы «Интернет в России», 2022 [Электронный ресурс]. – URL: www.fom.ru/reports/frames/body/o0209241.html (дата обращения: 10.09.2025).
7. Жичкина, А. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста [Электронный ресурс]. – URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 316.472

ДУМСКРОЛЛИНГ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

Вилюжанина Т.А., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0002-9808-1699
ФГБОУ ВО «Донецкая государственная музыкальная академия
имени С.С. Прокофьева», г. Донецк, РФ
vilyuzhanina@mail.ru

Введение. В эпоху планетарной нестабильности феномен думскроллинга является очень важной проблемой в цифровом пространстве. Думскроллинг в последнее время стал настолько распространенным, что Оксфордский словарь английского языка назвал это понятие в 2020 году одним из слов года. И в настоящее время думскроллинг остается актуальной исследовательской темой.

Цель – анализ феномена думскроллинга в контексте синдромного подхода.

Основная часть. Для постановки психологического диагноза недостаточно зафиксировать отдельные «психологические симптомы». Необходимо установить логику взаимосвязей между ними, обозначить линии возможных трансформаций, чтобы отобразить целостную картину психической жизни субъекта. Как вариант, психологический диагноз может быть представлен в форме «психологического синдрома» [1].

Психологический синдром – это устойчивое сочетание взаимосвязанных проявлений (симптомов), которые характеризуются единым механизмом формирования. Другими словами, синдром представляет собой комплекс поведенческих, когнитивных и эмоциональных особенностей, объединённых общими механизмом и факторами возникновения, не являющихся непременными признаками болезни/патологии [3].

К сожалению, синдромный подход, доказавший свою высокую эффективность в патопсихологии и нейропсихологии, все еще остается относительно новым для практической психологии, а ведь знание причин и механизмов возникновения тех или иных психологических синдромов служит основой для построения профилактической работы, предупреждающей их появление. В настоящее время изучены механизмы, проявления, причины возникновения различных психологических синдромов – *синдром белого кролика, синдром Отелло, синдром Питера Пэна, синдром Мюнгхаузена, синдром Дориана Грея, Стокгольмский синдром, синдром самозванца, синдром отличника, синдром Пигмалиона* и др. Особое место в этом ряду занимает *синдром думскроллинга*.

Термин «думскроллинг» (DS) (от англ. doom – гибель, судьба, рок, судный день, scrolling – листание, прокрутка), обозначающий склонность к

листанию негативного новостного контента, болезненное погружение в новостную ленту и нездоровую зависимость от нее, появился на фоне пандемии коронавируса [3]. Но думскроллинг распространяется на любые события, которые могут вызвать у человека беспокойство или тревогу, и тесно связан с увеличением доступности информации разного рода. Согласно исследованиям, в последнее время просмотр новостных источников и социальных медиа стал лидирующим способом проведения людьми свободного времени во многих странах [4].

В течение последних нескольких лет мир погрузился в бездну «плохих новостей»: COVID, проведение специальной военной операции на территории Украины, антироссийские санкции и т.д. Новостные потоки 24/7 прямых эфиров, новостные онлайн-сайты и обновления в социальных сетях представляют для пользователей постоянную возможность следить за новостями, при этом трансформируют обычные ритмы повседневной деятельности в деструктивные. На этом фоне ученые констатируют появление феномена так называемого «информационного загрязнения» социума (англ. «information pollution», «infollution») в связи с информационной перегрузкой [4]. Сегодня все сталкиваются с информационной перегрузкой, но не все способны ей противостоять, что может привести к *инфодемическому думскроллингу,* под которым понимается «вовлеченность в листание новостной ленты негативного контента на фоне информационной пандемии» [2, с.130]. Многие постоянно обновляют свои новостные ленты, чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь плохого, теряют счет времени, что приводит к постоянной усталости, проблемам с концентрацией внимания и принятием решений. Такой обсессивный, навязчивый поиск и чтение больших объемов негативной информации в интернете способствует катастрофизации. Катастрофизация – это когнитивное искажение, которое заключается в том, что человек ожидает самого худшего сценария развития событий и сомневается в своей способности справиться с ним [2]. Помимо катастрофизации, думскроллинг может иметь серьезные последствия для психического (тревожность, депрессия, постоянный стресс, беспокойство, чувство беспомощности) и физического (нарушение сна, головные боли, проблемы с пищеварением, повышенное артериальное давление, ослабление иммунной системы) здоровья.

У лиц, подверженных думскроллингу, может появиться травма свидетеля, посттравматическое стрессовое расстройство, тяжелое психосоматическое состояние [4]. Думскроллинг снижает продуктивность, отрицательно воздействует на эффективность человека в различных сферах жизнедеятельности – работе/учебе, общении и личных/профессиональных отношениях; подавляет креативность, препятствует рациональному и творческому мышлению, блокирует поиск новых идей, мешает принятию важных решений.

Результаты воздействия думскроллинга варьируются в соответствии с индивидуальными факторами. Предикторами данного психологического синдрома выступают самые разнообразные параметры: личностные особенности субъекта, биографические события, жизненные ситуации, модальность взаимоотношений с другими людьми и т. п. «Жертвами» думскроллинга (DS) становятся люди с низкой стрессоустойчивостью, повышенной тревожностью, неадекватной самооценкой, неудовлетворенные жизнью, подверженные фрустрации и т.п. [4].

В недавнем эмпирическом исследовании были выявлены личностные корреляты думскроллинга. С выраженностью DS статистически достоверно отрицательно связаны экстраверсия, добросовестность, открытость новому опыту, эмоциональная стабильность, критичность мышления, а с эмоциональной лабильностью (нейротизмом) и доверчивостью обнаружена положительная связь [2]. В результате другого исследования были получены данные, что в подростковой среде в последнее время наблюдается тенденция к думскроллингу [3]. Для подростков бесконтрольное пролистывание новостного контента в интернете представляет существенную угрозу их физическому и ментальному здоровью.

Заключение. Таким образом, думскроллинг – широко распространенный психологический синдром, тенденция к которому обнаружена даже в подростковой среде. Рост научного интереса к думскроллингу отражает культурную и практическую значимость этого явления, актуализирует необходимость дальнейшего изучения его психологических и технологических аспектов для разработки не только общей стратегии преодоления последствий, но и коррекционных программ с учетом индивидуальных факторов возникновения.

Список литературы

1. Венгер, А. Л. Психологические синдромы: подходы к построению содержательной диагностики развития / А.Л. Венгер // Культурно-историческая психология. – 2014. – №1. – С. 20–25. – URL: https://psyjournals.ru/kip/2014/n1/67597.shtml (дата обращения: 11.09.2025).
2. Максименко, А. А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян / А.А. Максименко, О.С. Дейнека, И.А. Мортикова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 12. – С. 129-136. – URL: https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20 (дата обращения: 14.09.2025). – DOI: 10.24158/SPP.2022.12.20.
3. Ускова, Е. В. Думскроллинг, или бесконтрольное изучение «плохих новостей» в подростковой среде / Е.В. Ускова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 10. – С. 82-86. – URL: https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.12. (дата обращения: 03.09.2025). – DOI:10.24158/SPP.2022.10.12.
4. Brita, Y.-A. Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown / Y.-A. Brita, M. Hallvard // Journalism Studies. – 2021. – Vol. 22, iss. 13. – P. 1739-1755. URL: https://doi.org/10.1080/1461670x.2021.1952475. (дата обращения: 11.09.2025). – DOI: 10.1080/1461670X.2021.1952475.

УДК 159.9

ВОСПРИЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1720-0466,
Антонио Е.Д., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ekaterina.antonio@mail.ru, a.valer@mail.ru

Введение. Влияние искусственного интеллекта на личность проявляется в растущей зависимости от умных устройств и в изменении структуры рынка труда вследствие автоматизации, потенциально ведущей к неравенству. Проблемы этичности и безопасности в использовании ИИ, а также возможность потери стимула к творческому труду из-за всеобщей компьютеризации, требуют пристального внимания и ответственного развития технологии [4]. Само понимание влияния ИИ на личность, восприятие образа ИИ поможет обеспечить более эффективное и ответственное развитие этой технологии, с учетом интересов и прав человека. Вклад в исследование развития искусственного интеллекта вносят различные ученые, чьи работы охватывают широкий спектр аспектов, от правовых до педагогических. Так, А.А. Васильев и Д. Шпопер рассматривают правовые аспекты развития ИИ, что является важным в контексте широкого внедрения данных технологий [2].

О.Н. Филатова и К.С. Сябитова [5] акцентируют внимание на применении цифровых платформ в образовании, в частности, в профессиональных образовательных организациях.

Цель исследования – изучить особенности восприятия искусственного интеллекта представителей различных возрастных групп.

Основная часть. В исследовании приняло участие 191 человек, из них 104 студента в возрасте от 17 до 20 лет, 58 школьников в возрасте от 12 до 16 лет, а также 29 представителей среднего поколения в возрасте от 31 до 50 лет. Важно отметить, что все участники исследования имели опыт использования технологий искусственного интеллекта в своей повседневной жизни.

Для оценки и анализа опыта использования ИИ была использована авторская анкета. Результаты опроса демонстрируют значительные различия в частоте использования ИИ между группами (табл. 1). Школьники и студенты значимо чаще, чем взрослые, используют ИИ ежедневно (47%, 51% и 7% соответственно). Это может быть связано с разным уровнем доступа к технологиям и потребностями в их использовании в учебной и профессиональной деятельности. Отношение к контролю над ИИ также различается. Большинство студентов (81%) и взрослых (72%) считают контроль над ИИ важным, в то время как среди школьников этот показатель

значительно ниже (29%). Это свидетельствует о более зрелом понимании потенциальных рисков и последствий неконтролируемого развития ИИ. По отношению к замене человека ИИ также выделяется группа школьников, которые гораздо менее негативно относятся к такому развитию ИИ (28%), по сравнению со студентами (74%) и взрослыми (72%). Вероятно, что на ответы более взрослой категории могли повлиять опасение за сокращение рынка труда и потери рабочих мест из-за ИИ.

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы анкеты

Вопросы	*Ответы*	*Школьники (%)*	*Студенты (%)*	*Взрослые (%)*
Частота использования ИИ	Ежедневно	47	51	7
Контроль над ИИ	Важен	29	81	72
Отношение к замене человека ИИ	Положительное	18	15	28
	Нейтральное	34	11	0
	Негативное	28	74	72

В результате контент-анализа ответов на вопрос: «Искусственный интеллект – кто он?» (получено 3233 дескрипторов) было выделено девять следующих категорий: 1 – субъектность, 2 – объектность, 3 – социальные роли, 4 – профессии, 5 –личностные оценки, 6 – ИИ-лидер, 7 – ИИ-исполнитель, 8 – эмоции положительные, 9 – эмоции отрицательные [3].

Таблица 2

Средние показатели категорий образа ИИ

Категории	**Школ.**	**Студ.**	**Взрос.**	**Категории**	**Школ.**	**Студ.**	**Взрос.**
Субъкт.	3,61	3,64	3,83	ИИ-лидер	0,97	1,48	0,45
Объект.	3,95	5,38	3,59	ИИ-испол.	0,76	0,67	1,03
Соц. роли	2,32	2,21	2,34	Эмоции +	0,92	1,09	1,07
Профессии	1,53	1,71	1,28	Эмоции –	2,36	1,08	2,62
Личн. оцен.	1,7	1,84	1,28				

В целом, анализ полученных данных (табл. 2), выполненный с помощью критерия Манна-Уитни показал отсутствие значимых различий в большинстве категорий. Это может быть обусловлено тем, что образ ИИ формируется у испытуемых всех категорий под влиянием средств массовой информации и общедоступных источников.

Однако, можно отметить и различия в восприятии ИИ. Так, студенты в большей степени относятся к ИИ как к объекту, но в то же время больше его персонифицируют, наделяя личностными характеристиками, профессиональными качествами и отдавая ему лидерство при общении.

Школьники также наделяют ИИ личностными характеристиками, но у них не так выражено лидерство искусственного интеллекта, как у студентов. Взрослые в меньшей степени персонифицируют ИИ, они больше всех воспринимают ИИ в качестве исполнителя. Школьники и взрослые, в большей степени, чем студенты, испытывают от взаимодействия с искусственным интеллектом негативные эмоции.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование выявило различия в восприятии и использовании технологий искусственного интеллекта среди представителей разных возрастных групп. Установлено, что школьники и студенты чаще используют ИИ в повседневной жизни по сравнению со средним поколением. Есть различия в восприятии ИИ. Все испытуемые в той или иной степени воспринимают ИИ как личность, но в большей степени это выражено у молодого поколения. Представители среднего поколения в большей степени воспринимают искусственный интеллект как исполнителя того, что задумал человек.

Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейших исследований в области восприятия и использования ИИ различными группами населения.

Список литературы

1. Васильев, А. А. Искусственный интеллект: правовые аспекты / А.А. Васильев, Д. Шпопер // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 6 (104). – С. 23–26.
2. Гордеева, А. В. Представления о виртуальном общении и их взаимосвязь с личностными особенностями пользователей / А.В. Гордеева, И.А. Кононенко // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2023. – Т. 46, № 3. – С. 11–31. https://doi.org/10.11621/LPJ-23-25.
3. Новикова, Н. И. Искусственный интеллект: риски и угрозы / Н.И. Новикова // Информационные системы и технологии в моделировании и управлении : сб. статей по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – 2019. – С. 41–44.
4. Сябитова, К. С. Искусственный интеллект в системе профессионального образования / К.С. Сябитова, О.Н. Филатова // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы. – 2023. – С. 132–134.

УДК 159.92

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Иванченко В.Я., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-3373-0467,
Московская Т.В., ORCID 0009-0000-8699-9801
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
vikuc2763@mail.ru

Введение. Социальные сети как популярный в информационную эпоху инструмент коммуникации, безусловно, воздействуют (далеко не всегда позитивно) на формирующееся сознание и поведенческие стандарты подрастающего поколения. Общение с помощью вэб-технологий становится обычной практикой с раннего возраста. У подростков быстро формируется информационная зависимость.

Цель работы – проследить психологические изменения, происходящие в сознании подростков под воздействием информационного пространства.

Основная часть. Подростки – наиболее подверженная влиянию разнообразных факторов социальная группа, имеющая минимальный жизненный опыт, но стремящаяся к самоутверждению и самоактуализации. Кроме того, в подростковом возрасте особенно обостряются внутренние противоречия, вызванные столкновением разного рода интересов и увлечений, запросов и потребностей, мнений и суждений как в межличностном пространстве, так и во внутриличностной зоне. Стойкие внутренние противоречия могут перерасти в будущем в глубокие внутренние конфликты.

В этот возрастной период особенно острой становится проблема идентичности. Подростки пытаются осознать свою индивидуальность. Специфической чертой тинейджеров является желание подражать тому образу, который воплощает для подростка идеал. Копировать идеальный образ проще всего в виртуальном пространстве. Сайты социальных сетей, отличающиеся от реальности отсутствием тех или иных условностей, дают возможность казаться для других более значимым, тем самым самоутверждаясь без особых усилий. Создавая контент, тинейджеры, как правило, «изъясняются в свете личных интересов, действуют без оглядки на регламент, субординацию, следуя собственным интенциям» [1, с. 545].

Квинтэссенция социальных сетей строится на слиянии коммуникации и развлечения, при этом отсутствует естественное поощрение или наказание, что в подростковый период чревато нивелированием духовности и исключением интеллектуальной затратности. Вместе с тем, несмотря на

односторонность общения, коммуникация в интернет-сети имеет ряд весомых плюсов, среди которых возможность связи, на любом расстоянии и в любое время. Интернет-пространство создает «своеобразную сетевую культуру и специфический язык … принципиально новые модели социального и межличностного взаимодействия» [2, с. 102].

В современной России у подростков 12-17 лет особой популярностью пользуется мессенджер Telegram, на следующей позиции находится «ВКонтакте» (данные Mediascope).

Проведенное нами исследование показало, что более 50% школьников 12-17 лет, проживающих в г. Донецке (ДНР, РФ), проводят в сетевых сообществах до 9 часов в день. Среди 800 объектов исследования не оказалось ни одного, кто бы не пользовался соцсетями. Мотивацией для подростка-пользователя коммуникационных платформ, прежде всего является поиск виртуальных друзей для общения (часто с использованием неконтролируемого потока информации). В реальной жизни многие донецкие подростки одиноки и замкнуты, они не умеют выстраивать отношения со сверстниками. Качество общения уступает место количественному показателю: все сводится к подсчету числа «лайков». На сайтах соцсетей взаимоотношения поверхностные, их можно в любой момент прекратить, заблокировав неугодного виртуального собеседника.

Чрезмерная погруженность в виртуальную иллюзию социальных сетей неблагоприятно отражается на психике подростка. По данным многих исследований ведущих ученых-психологов, виртуальное общение дает больше негативных, чем позитивных эмоций и впечатлений.

Социальные сети – потенциальная угроза обществу, ведь, с раннего возраста получив от родителей гаджет, ребенок не получает всестороннего развития, не может отличить виртуальное пространство от подлинной жизни, не учится строить социальные связи. Кроме того, неокрепшая психика подростка не готова к «ответственности за собственную жизнь и жизнь общества, в котором они живут» [3, с. 208]. Большое количество времени пользователи тратят на просмотр чужих аккаунтов, где чаще всего видят идеализированный контент версии жизни их авторов. С одной стороны, такой контент вызывает положительные эмоции. С другой стороны, это порождает нереалистичные ожидания и может обусловить снижение самооценки, привести к отчуждению, разочарованию собственной жизнью, ввести в состояние фрустрации. Нереализованные желания становятся источником психологических проблем, замкнутости, что, в конечном счете, ведет к девиантному поведению.

Безусловно, для подростков социальная сеть стала инструментом самовыражения. Желание быть услышанным, потребность обратить на себя внимание других, в то же время бесконтрольность, отсутствие цензуры ведут к стиранию моральных барьеров, непониманию этических принципов, гипертрофированной фокусировке на собственной персоне. Вместе с тем,

пользователь свободно может присвоить себе любое имя, приписать себе любые действия, ограничивая реальную информацию о себе и своем окружении. Используя симулякры, подростки неосознанно запускают в сознание состояние отчуждения, считая, что под маской они становятся неузнаваемыми, следовательно, можно находиться в полной безопасности. А значит, допустимым становится асоциальное поведение, например, кибербуллинг или видео с агрессивным сюжетом.

Также нельзя не отметить, снижение общего уровня интеллекта у активных пользователей социальных сетей, ведь даже кратковременные, но регулярные отвлечения на просмотр аккаунтов понижают продуктивность учебной деятельности, быстро ощущается усталость, ослабляется концентрация, рассеивается внимание.

Социальные сети чаще всего подразумевают пассивное потребление контента – скроллинг ленты с бесконечной информацией без какого-либо осмысления. Подобное взаимодействие не способствует развитию критического мышления и навыков анализа информации. Дети превращаются в потребителей готовых мнений и фактов, не прилагая усилий для их проверки и осознания.

Следует заметить, что социальные сети сегодня отнимают большую часть свободного времени. Самостоятельно используя ресурсы сети Интернет, молодые люди с еще не сформированным мировоззрением, не определившиеся со значимыми позициями, принципами и установками, оказываются один на один с неконтролируемым потоком информации или, что еще страшнее, контролируемым и направленным на достижение сугубо негативных целей.

Заключение. Проведенное исследование показало, что виртуальное пространство социальных сетей отрицательно влияет на формирование сознания подрастающего поколения. Подростки воспринимают окружающий мир через призму онлайн-пространства. Ощущение анонимности и полной безнаказанности ведет к развитию асоциальных поведенческих моделей. Кроме того, через социальные сети сознание подростка легко подвергается манипуляциям. Требует дальнейшего тщательного изучения развитие причинно-следственных связей между влиянием контента социальных сетей и изменениями в сознании подрастающего поколения.

Список литературы

1. Джура, Г. С. Особенности влияния цифровизации на психику личности молодого человека / Г.С. Джура, В.Я. Иванченко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – № 4. – С. 543-555. – DOI 10.17072/2078-7898/2024-4-543-555. – EDN ZKHRPN.
2. Зарицкая, И. Н. Эмодзи и эмотиконы как вид речевой коммуникации молодежи в Интернет-среде / И.Н. Зарицкая, Т.В. Московская // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII

Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 102-104. – EDN LJXWBR.
3. Рогач, О. В. Анализ влияния социальных сетей на современных подростков: ключевые проблемы и деструктивные последствия / О.В. Рогач, Е.В. Фролова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 2. – С. 305-314. – DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-305-314. – EDN: JRNDER.

УДК 159.9.072

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Карелина Н.Л., ORCID 0009-0000-8980-9129
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
karelina.info@mail.ru

Введение. В настоящее время виртуальные социальные сети составляют важную часть коммуникативного пространства, в котором происходит становление и развитие личности современных детей и подростков. Особенности влияния виртуальной среды на юных пользователей являются предметом исследований многих ученых. Негативные последствия использования социальных сетей рассматриваются исследователями в контексте чрезмерности взаимодействия, что может приводить к проблемам в реальной жизни, в том числе к ухудшению здоровья, профессиональным и учебным сложностям [1]. Вопрос о том, относится ли чрезмерное использование социальных сетей к группе поведенческих зависимостей в настоящий момент является дискуссионным [2]. При этом большинство ученых сходятся во мнении, что частое использование Интернета, в том числе, социальных сетей, приводит к негативным личным и профессиональным последствиям для пользователя [3]. Кроме этого, исследователи отмечают еще один аспект негативного воздействия социальных сетей, который заключается в их влиянии на образ тела и пищевое поведение [4]. Воздействие средств массовой информации на расстройства пищевого поведения изучается давно [5]. Однако социальные сети выступают в качестве нового медиа, которое также служит источником информации об «идеалах красоты». Ввиду особенностей коммуникативного пространства социальные сети могут оказывать более выраженное влияние на восприятие диктуемых внешних стандартов, в отличие от традиционных видов медиа. Важной отличительной особенностью новых медиа является интерактивность, возможность

размещения контента любым пользователем, что приводит к большому массиву информации, используемому для социального сравнения. Кроме того, цифровые технологии предлагают большое количество инструментов для корректировки внешности, исправления тех аспектов, которые вызывают неудовлетворенность и не соответствуют транслируемым идеалам. Положительная обратная связь в виде лайков и комментариев может еще больше подкреплять такое поведение. Таким образом, виртуальный телесный образ Я становится все отдаленнее от реального и формирует недостижимые идеалы и стандарты. [6] Исследования показывают, что просмотр большого количества профилей с привлекательным телесным изображением связан с увеличением количества патологий пищевого поведения [7]. В особенности этому влиянию подвержены подростки, которые находятся в процессе формирования идентичности [8]. Исходя из этого, мы полагаем, что проблемное использование социальных сетей может быть связано с нарушениями пищевого поведения у юных пользователей.

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении взаимосвязи между компонентами проблемного использования социальных сетей и типами пищевого поведения пользователей.

Основная часть. В исследовании приняли участие 180 человек в возрасте от 15 до 18 лет (M=15,78). Для выявления компонентов проблемного использования социальных сетей был применен опросник в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского, А.В. Ялтонской. В целях исследования особенностей пищевого поведения был использован голландский опросник пищевого поведения, который позволяет определить тип пищевого поведения (ограничительный, эмоциональный, экстернальный). Полученные данные были обработаны методом описательной статистики, коэффициента корреляции Спирмена.

Таблица

Взаимосвязь компонентов проблемного использования социальных сетей с типом пищевого поведения

	Ограничительное пищевое поведение	Эмоциональное пищевое поведение	Экстернальное пищевое поведение
Предпочтение социальных сетей в качестве способа общения	0,182*	0,082	-0,014
Использование социальных сетей с целью регуляции эмоций	0,254**	0,301**	-0,030
Когнитивная поглощенность	0,358**	0,148*	-0,070
Компульсивность	0,402**	0,184*	0,009
Негативные последствия использования	0,437**	0,177*	0-,009

Результаты проведенного исследования показали наличие положительной корреляции между ограничительным пищевым поведением и такими компонентами проблемного использования социальных сетей как: регуляция эмоций, поглощенность, компульсивность и негативными последствиями. Взаимозависимость большинства компонентов проблемного использования с ограничительным пищевым поведением может быть обусловлена тем, что пользователь сталкивается с большим количеством контента, содержащим идеализированные образы других людей. Социальное сравнение с нереалистично привлекательными образами других людей может сопровождаться неудовлетворенностью собственным внешним видом и, как следствие, вести к ограничительному типу поведения с целью соответствия стандартам картинки из социальной сети.

Заключение. Результаты исследования взаимосвязи компонентов проблемного использования социальных сетей и типами пищевого поведения актуализируют необходимость медиапросвещения юных пользователей с целью формирования адекватных стратегий медиапотребления.

Список литературы

1. Huang, C. A. Meta-analysis of the problematic social media use and mental health / C. A. Huang // Int J Soc Psychiatry. – 2022. – Vol. 68. – No 1. – P. 12-33. – DOI 10.1177/0020764020978434.
2. Зотова, Д. В. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей – анализ с позиций феноменологии аддиктивного поведения / Д. В. Зотова, В. А. Розанов // Вестник Санкт- Петербургского университета. Психология. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 158-163. – DOI 10.21638/ spbu16.2020.204.
3. Манчук, В. Т. Проблемное использование социальных сетей: терминология, распространенность, психосоциальные факторы риска и соматическая коморбидность / В. Т. Манчук, С. Ю. Терещенко, М. В. Шубина // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15. – № 2. – С. 28–46. – DOI 10.17759/sps.2024150203.
4. Meier, P. E. Facebook photo activity associated with body image disturbance in adolescent girls / P.E. Meier, J. Gray // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. – 2014. – № 17. – P. 199-206. – DOI 10.1089/cyber.2013.0305.
5. Martinez-Gonzalez, M. A. Parental Factors, Mass Media Influences, and the Onset of Eating Disorders in a Prospective Population-Based Cohort / M. A. Martinez-Gonzalez, P. Gual, [и др.] // PEDIATRICS. – 2003. – № 111(2). – С. 315-320. – DOI 10.1542/peds.111.2.315.
6. Кыштымова, И. М. Семантическая структура образа Я старшеклассников – пользователей социальных сетей / И.М. Кыштымова, Н.Л. Карелина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2024. – Т. 48. – С. 58-69. – DOI 10.26516/2304-1226.2024.48.58.
7. Wick, M. R. Posting edited photos of the self: Increasing eating disorder risk or harmless behavior? / M. R. Wick, P. K. Keel // International Journal of Eating Disorders. – 2020. – № 53(6). – С. 864–872. – DOI 10.1002/eat.23263.
8. Капустина, В. А. Взаимосвязь оценки собственной внешности и Я-концепции подростков (в контексте профилактики расстройств пищевого поведения в подростковом возрасте) / В. А. Капустина. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – № 6. – С. 84-89.

УДК 615.849

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Смолова Л.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-3463-2618
СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы», г. Санкт-Петербург, РФ
Lidia_smolova@mail.ru

В последнее время появляется все больше статей, посвященных теме цифровизации и, связанной с ней, психологической трансформации человека, произошедшей на протяжении последних 50 лет. Однако вопрос об осмыслении цифровизации как исторического периода и встраивании ее в процесс историко-эволюционного формирования человека, остается по-прежнему открытым.

В докладе цифровизация рассматривается как эволюционный этап развития человечества, продолжающий линию традиционно выделяемых этапов периодизации истории: Первобытный период, Древний Мир, Средневековье, Новое время, Новейшее время, Цифровизация.

Можно предположить, что на каждом этапе человек вставал перед необходимостью *разрешения определенных эволюционно-бытийных задач*, которые вначале были связаны с выживанием, увеличением ареала обитания, повышением жизнеспособности в природной и социальной средах, а впоследствии — с утверждением в социуме, развитии в нем, стремлением управлять внешней средой, решать метафизические и иные вопросы.

Для решения эволюционно-бытийных задач применялись уникальные способы познания бытия, при которых человечество или отдельный человек задействовало максимум для данного эволюционно-исторического этапа возможностей, проявляющихся на всех уровнях его существования: биологическом, физиологическом, психологическом, философском, социальном, культурном, духовном и многих других. Решение эволюционно-бытийных задач способствовало формированию принципиально новых качеств, свойств, умений, навыков, компетенций.

В наших предыдущих изысканиях [1], была предложена идея ***эволюционных Начал***, под которыми мы понимаем возможность, необходимость, вершину познания человечеством бытия на определенном эволюционном этапе. Эти Начала имеют эволюционно-бытийную природу, поскольку формировались на определенном этапе эволюционного и исторического развития, и были призваны решить бытийную задачу отношений человека с миром, включая его самого. Это Движение, Ощущение, Чувство, Мысль, Смысл, Суть, Идея.

Нами было сделано допущение о том, что историю человечества на различных этапах его становления, можно рассмотреть, как историю его бытия, как историю познания его бытия, и как историю развития и освоения эволюционных Начал.

В *ранней истории человечества* основным способом установления контакта с миром было Движение. В период *Античности* на первый план выходит развитие Ощущений; в *Средние века* особое значение приобретают Чувства; в эпоху *Просвещения* – Мысль; для XX века характерна актуализация темы Смысла.

Ведущим фактором, меняющим жизнь людей конца XX – начала XXI века, стала ***цифровизация*** – процесс глубокого внедрения цифровых технологий и данных в различные сферы жизни, от бизнеса и промышленности – до государственного управления и повседневного быта, с целью преобразования существующих моделей, процессов и услуг для повышения их эффективности, создания новых источников ценностей и улучшения взаимодействия.

Однако наряду с достижениями, улучшением качества жизни граждан, быстрыми внедрениями инноваций и т.д., цифровизация проявила совершенно иную реальность, обернувшись серьезными вызовами: непредсказуемостью, скоростью процессов, к которым приспособиться крайне сложно; необходимостью принятия быстрых решений в условиях множественности задач; обилием информации разного качества, ценность которой неочевидна; размыванием границ между реальностью и иллюзией; умалением стандартов во всех областях жизни; попытками расчеловечивания Человека, утратой однозначного понимания морально-нравственных категорией и многим другим.

Жизнь в этом неустойчивом, противоречивом мире требует принципиально иного способа его освоения и познания. Для постижения происходящего на данном этапе явно недостаточным является просто Движение, или активация самого проникновенного Ощущения, или управление Чувствами, или способности рождения Мысли. Поиск Смыслов – как ответов на вопросы о том, зачем происходят те или иные события с каждым конкретным человеком и в человечестве в целом – также нередко не приводит к желаемому результату: люди просто не в состоянии выстроить причинно-следственные связи (чаще такие связи выстраиваются в контексте формальной логики, но для масштабного постижения действительности требуется системное осмысление и многомерная логика).

Примечательно, что в логотерапии считается, что некоторых случаях смысл искать бесперспективно. Нередко жизнь разворачивает перед человеком данность: будет так. Принципиально важной в этих условиях неопределенности является способность занять осознанную и ответственную *позицию* относительно происходящего, определить собственное отношение к действительности, в котором человек станет уверенным и устойчивым.

Однако для этого необходимо сопоставить разворачивающуюся перед человеком реальность – с имеющейся у него *картиной мира* и назвать происходящее «своими именами». Картина мира, таким образом, становится ключевым явлением, в соотнесенности с которым человек смотрит на мир, высказывает любое суждение, совершает поступки. Тем более высокими становятся требования, предъявляемые к ней.

Существенное значение для ее формирования будет иметь мышление**,** выходящее за пределы формально-логического – но способное охватить планетарные процессы, обнаружить и синтезировать явления различного иерархического уровня. И в подобном глобальном, объемном, системном мышлении – выйти из индивидуальных субъективных суждений, желаний, выгод, стремления увидеть только то, что хочется и присуще – на максимально непредубежденный, объективный уровень. Важным становится и глубокое осознание ценностей как фундаментальных основ, на которых зиждется картина мира. Одной из жизненно необходимых задач, таким образом, становится синтезирование максимально масштабной картины мира, к которой человек на данное время готов.

Способ познания на данном этапе связан с различением, отличением главного от второстепенного, выявлением *Сути* – обозначения главного, отвечающего на вопрос: что есть что? кто есть кто? Иерархически это более высокое и сложное эволюционное Начало, чем Смысл, ведь в нем заложено стремление видеть действительность объективно (мерой своей компетентности, подготовки и развитости своего внутреннего мира). Способ познания бытия Сутью требует непредубежденности, активации мировоззрения каждого, интеллектуальной развитости, сообразительности, осознанности, способности занять гражданскую позицию и т.д.

Задача не из легких. Однако обратим внимание на то, что человек уже обладает всем необходимым для этого потенциалом. Выйдя в космос, он стал *Человеком Метагалактики* со всеми последствиями осознания действительности космического масштаба.

Подводя итоги вышесказанному, утвердим, что условия, развертываемые цифровизацией, можно рассматривать как вызовы наработкам новых качеств, свойств, компетенций, совершенствованию внутреннего мира человека, представляющий собой очередной этап развития человечества.

Список литературы

1. Смолова, Л. В. Психология личности. Смыслообразование и подходы к выявлению смыслов человека : учебное пособие для вузов / Л. В. Смолова. – Санкт-Петербург. Лань, 2024. – 648 с.

УДК 37.013.77

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ ПРИМЕРОВ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Соломаха А.Д., ORCID 0009-0005-5405-8296
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь
solomakhaanastasia@yandex.by

Развитие патриотического сознания у подростков сопровождается интенсивным формированием у них системы ценностей и основ гражданской идентичности. В условиях цифровизации и глобализации осуществление данного процесса имеет свои особенности. Учащиеся среднего школьного возраста, проживая период самоидентификации, часто сталкиваются с противоречиями между общепринятыми установками, транслируемыми семьей и школой, и новыми идеалами, которые предлагает массовая культура. Патриотическое воспитание, направленное на укрепление связи молодого поколения с историей и культурой своей страны, в своем традиционном формате нередко оказывается малоэффективным именно из-за несоответствия предлагаемых образов для подражания актуальным запросам подростков.

Для подросткового возраста как периода активного копирования моделей поведения значимых фигур характерной является потребность в идентификации себя с теми, кто обладает авторитетом, харизмой или соответствует их представлениям об успехе [1, с. 50]. Однако патриотические ориентиры в лице исторических героев или государственных деятелей, зачастую воспринимаются подростками как абстрактные и далекие от их повседневной жизни, что создает разрыв между формальным воспитанием и реальными ценностями, которые усваиваются через соцсети, видеоблоги или зарубежную культуру. Современная цифровая среда усиливает этот дисбаланс, предлагая универсальные, но обезличенные идеалы, вытесняющие национальную специфику. Патриотизм транслируется зачастую через символы и ритуалы (флаги, гимны, парады) без глубокого погружения во внутренний мир тех, кого представляют в качестве примеров. Подростки, воспитанные в эпоху клипового мышления, не всегда готовы принимать на веру истории о великих полководцах, если они не видят в них человеческого измерения: борьбы с сомнениями, преодоления трудностей, этических выборов [2, с. 129]. Формальный подход к патриотическому воспитанию, игнорирующий эмоциональный отклик, использование современных технологии и критическое мышление, приводит к поверхностному усвоению ценностей или даже к их отторжению.

Значимые исторические или современные деятели, чьи жизненные принципы и достижения воплощают идеи патриотизма, могут стать связующим звеном между абстрактными ценностями патриотизма и личным опытом подростков. Чтобы эти образы не оставались формальными символами, их выбор и подача должны строиться на принципах многомерности и актуальности. Идеализированные портреты «безупречных героев» вызывают недоверие у поколения, выросшего в эпоху соцсетей, где ценится искренность и несовершенство. Например, рассказ о полководце может включать не только описание его побед, но и размышления о моральной цене решений, принятых на поле боя, что позволит подросткам воспринимать героя не как недосягаемый идеал, а как человека, чей опыт можно осмыслить и применить в собственной жизни. В частности, анимированный дневник молодого солдата, где он делится не только героизмом, но и страхом, тоской по дому, делает историю эмоционально близкой. Такие форматы могут конкурировать с медийными кумирами, возвращая национальным героям актуальность и авторитет. Даже исторические личности могут «говорить» на языке современности через проекцию их принципов на актуальные темы: экологические кризисы, социальное неравенство, технологические прорывы. Так, наследие учёного-изобретателя можно связать с современными стартапами, демонстрируя, как его идеи продолжают влиять на развитие общества, такая связь времён помогает подросткам увидеть патриотизм не как верность прошлому, а как активное участие в строительстве будущего.

Перспективным направлением видится использование геймификации в патриотическом воспитании. Создание образовательных квестов, основанных на исторических событиях, или стратегий, где необходимо принимать морально-этические решения, позволяет подросткам не просто изучать, а «проживать» историю. Такой опыт формирует глубокую эмоциональную привязанность к историческому наследию и развивает критическое мышление.

Для преодоления разрыва между формальным воспитанием и реальными ценностями необходимо вовлекать подростков в диалоговые форматы [3, с. 115]. Вместо монологов о «великих людях» эффективнее обсуждать этические дилеммы, с которыми сталкивались герои. Вопросы вроде «Как бы вы поступили на их месте?» стимулируют критическое мышление, связывая историю с личными ценностями и показывая, что патриотизм – процесс постоянного нравственного выбора.

Цифровые технологии становятся мощным инструментом адаптации патриотических идеалов к языку современного поколения. Виртуальные реконструкции событий, подкасты с «голосами из прошлого», интерактивные комиксы – всё это помогает говорить с подростками на одном языке.

Особое значение имеют герои малой родины – учителя, врачи, волонтёры, чьи достижения связаны с родным городом. Их истории подчёркивают, что патриотизм проявляется не только в глобальных свершениях, но и в повседневных действиях. Встречи с такими людьми или документальные проекты об их работе разрушают миф о том, что для проявления любви к родине нужны исключительные обстоятельства.

Таким образом, процесс формирования патриотического сознания подростков в контексте цифровой образовательной среды требует изменений с акцентом на диалоговые форматы и приобщение к культурно-историческому наследию, побуждение к эмоциональному сопереживанию через личные истории представителей различных поколений, национальных героев и современных носителей духовно-нравственных ценностей. Важнейшим итогом такого подхода становится не просто усвоение информации, а формирование устойчивой эмоционально-ценностной связи – когда любовь к Родине воспринимается не как дань традиции, а как лично значимый ориентир, проявляющийся в повседневных поступках, критическом осмыслении истории и активном участии в строительстве будущего. Синтез цифровых технологий, персонализированного подхода и акцента на многомерность исторических образов позволяет создать экосистему патриотического воспитания, отвечающую вызовам цифровой эпохи и способную сформировать осознанную гражданскую идентичность у современного поколения.

Список литературы

1. Смирнов, С. Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. пособие для слушателей фак-тов и ин-тов повышения квалификации преподавателей вузов и аспирантов / С.Д. Смирнов. – Москва: Аспект Пресс, 1995. – 271 с.
2. Тард, Ж. Г. Законы подражания / Ж.Г. Тард. - Москва: Академический проект, 2011. – 304 с.
3. Леонтьев, В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования: монография / В. Г. Леонтьев. – Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2002. – 264 с.

УДК 159.9.01

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Турова А.О., ORCID 0000-0001-5173-7684
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.gnutova.dongu@mail.ru

Введение. Современное общество переживает период интенсивной цифровизации, характеризующийся стремительным развитием электронных технологий и повсеместным распространением устройств с доступом к интернету. Наблюдается впечатляющий рост количества онлайн-ресурсов и объема информации, потребляемой пользователями, что стало определяющей чертой современного информационного пространства.

По данным исследований, среднестатистический пользователь проводит в интернете более 6-8 часов ежедневно, что существенно влияет на его поведенческие паттерны и психологическое состояние. Цифровая трансформация затрагивает все сферы жизни: от образования до профессиональной деятельности.

Интернет предоставляет пользователям широкий спектр возможностей: от поиска необходимой информации до совершения покупок, получения образовательных услуг, общения в социальных сетях, заказа услуг и развлечений. Однако такое многообразие функций нередко приводит к формированию неконтролируемой зависимости от цифровых технологий.

Цель исследования заключается в анализе концепции цифровой среды с позиции психологической науки и изучении её социально-психологических характеристик.

Основная часть. Цифровая среда представляет собой особую форму пространства, где происходит взаимодействие человека с различными цифровыми технологиями, включая социальные платформы, мобильные приложения и виртуальные миры. Данное понятие тесно связано с цифровой психологией, интегрирующей классические психологические теории с современными технологическими достижениями [2].

Цифровая среда существенно трансформирует процессы социализации, меняет социальные роли, механизмы самопрезентации и формирования личностной идентичности. Исследователи по-разному оценивают влияние цифрового пространства на личность. В работах Н.В. Чудовой, М.А. Евлампиевой и Н.А. Рахимовой рассматривается взаимосвязь между виртуальной средой и формированием образа «Я» [3]. И.В. Романов анализирует интернет как фактор, влияющий на межличностное взаимодействие. Зарубежные исследования, например, работы Р. Краута, фокусируются на изменениях социальной интеграции под воздействием цифровых технологий [1].

Многие учёные выражают обеспокоенность негативным влиянием цифровой среды на восприятие мира и психологию как отдельных личностей, так и общества в целом. Е.Р. Южанинова указывает на подмену истинных ценностей потребительскими установками, где человек и его отношения становятся товаром. А.В. Чижик подчёркивает манипулятивный потенциал СМИ, формирующих искажённое восприятие реальности через создание устойчивых ассоциаций и стереотипов.

Психологические особенности взаимодействия в цифровой среде включают:

- анонимность и невидимость участников коммуникации;
- многообразие коммуникативных сред и способов самовыражения;
- относительную свободу поведения и нарушение традиционных социальных иерархий;
- культурное разнообразие, формируемое различными ценностными системами онлайн-сообществ;
- изменение восприятия времени и пространства;
- формирование новых форм идентичности.

Социально-психологические аспекты цифровой среды:

- появление феномена цифрового двойника личности;
- трансформация механизмов социального контроля;
- возникновение новых форм групповой динамики;
- изменение паттернов межличностного взаимодействия [4].

Цифровая среда создаёт как новые возможности, так и риски.

Позитивные аспекты:

- свободный доступ к образовательным ресурсам;
- возможность создания нового контента;
- расширение социальных связей;
- поиск единомышленников;
- развитие новых профессиональных навыков;
- доступ к психологической поддержке.

Негативные последствия:

- девальвация реального мира;
- ослабление реальных социальных связей;
- размывание этических норм;
- усиление социальной изоляции;
- утрата традиционных ценностей;
- развитие цифрового выгорания;
- формирование информационной зависимости.

Заключение. Цифровая среда формирует новое поколение с изменёнными паттернами социального взаимодействия и ценностными ориентациями. Развитие цифровых технологий способствует формированию особого типа восприятия информации – клипового мышления, что влияет на процессы социализации.

Перспективы исследования связаны с разработкой новых методов психологической поддержки в цифровой среде, созданием эффективных механизмов защиты психического здоровья, формированием цифровой грамотности населения, развитием новых форм психологической помощи. Трансформация социокультурной реальности под воздействием цифровых технологий приводит к изменению поведенческих норм, мировоззрения и жизненных установок личности. Важно найти баланс между преимуществами цифровизации и сохранением психического здоровья общества.

Информация о финансовой поддержке: *Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РНФ №25-18-00895 (номер госрегистрации 125082509872-1).*

Список литературы

1. Безгодова, С. А. Цифровые трансформации психологии человека / С.А. Безгодова, А.В. Микляева. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. – С. 121-122.
2. Лазар, М. Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением / М.Г. Лазар // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – № 4 (34). – С. 170–181.
3. Чудова, Н. В., Евлампиева, М.А., Рахимова, Н.А. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета / Н.В. Чудова, М.А. Евлампиева, Н.А. Рахимова // Проблемы медиапсихологии : материалы секции «Медиапсихология» междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития». Москва : МГУ, 2001. – URL: http://evartist.narod.ru/text7/ 47.htm. (Дата обращения 01.01.2025).
4. Южанинова, Е. Р. Интернет и СМИ как факторы ценностных изменений в общественном бытии / Е.Р. Южанинова // Вестник Оренбургского государственного университета. Философия. – 2012. – № 7 (143). – С. 185–189.

УДК 159.9:17

ОБ ОДНОЙ ИЗ ОСНОВ МОРАЛИЗАТОРСТВА ЗАПАДА ПО ПОВОДУ ДЕЙСТВИЙ РОССИИ В СВО

Яновский М.И., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000- 0002-9265-6917
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.i.yanovsky@mail.ru

Введение. В информационной войне, развернутой Украиной и Западом после реализации в Киеве фашистского государственного переворота, есть аспект, требующий внимательного анализа. Украина и Запад посредством пропаганды преподносят свои позицию и действия как моральные, действия оппонентов – как аморальные. Несмотря на

абсурдность такого нарратива (что очевидно, если не игнорировать хотя бы события 2 мая в Одессе), в мире среди множества как государственных субъектов, так и частных лиц, он достаточно распространен и даже закрепился после начала СВО в 2022 г.

Цель: проанализировать образ жертвы и мотив жалости, используемые Украиной и Западом для преподнесения своей позиции как моральной.

Основная часть. Один из ключевых нарративов, используемых западной пропагандой – образ Украины как жертвы. Украина выступает как «слабый», по отношению к которому «сильный», то есть Россия, совершает агрессивные действия. Этот образ, продвигаемый не с 2022 г., а с 2014-го, а отчасти и ранее, является эффективным, а порой, безотказным рычагом давления на общественное мнение. Психологической ядром эффекта воздействия этого образа на общественное сознание является сопряженное с ним чувство жалости. Жалость выступает как опорный элемент конструируемой западной пропагандой «правильной» позиции к Украине, в контексте ее отношений с Россией. Жалость во многом и используется как «неотразимое» доказательство моральности позиции Запада. Попробуем дать этому психологический анализ.

Житейский опыт показывает нередкое использование данного чувства манипуляторами, например, при мошенничестве. Частота таких случаев наводит на вопрос: не содержится ли в самом чувстве жалости особенностей, которые делают его удобным инструментом аморальных действий? Косвенным свидетельством в пользу такого предположения является исследование, обнаружившее парадоксальную корреляцию близкого к жалости явления, эмпатии, с чертами личности, содействующими принятию фашистской идеологии [2].

Феноменологически образ жертвы можно охарактеризовать как образ-ловушку. Из него трудно выбраться, он действует как психологическая воронка, в которой происходит отрыв Я от социальных связей, блокировка сознания причинно-следственных связей между действиями Я и средой. В образе жертвы человек ни в чем не виноват, ни за что не несет ответственность.

Но образ жертвы – это не только явление самосознания, но и особое когнитивное явление. Это не образ в обычном смысле слова, поскольку имеет определенную степень обобщенности. Но это и не понятие, – в силу значительного эмоционально-оценочного наполнения. Если использовать терминологию Л.С. Выготского, данный образ следовало бы отнести к такой допонятийной единице мышления как «синкрет» [1]. Синкрет характеризуется диффузией (смешением) субъективно-эмоциональных и объективных элементов, аморфностью, недифференцированностью структуры. Это отменяет логические или причинно-следственные соотношения вокруг этого образа, саму возможность оперирования ими.

Неизбирательность синкрета приводит к тому, что он может быть присоединен, «приклеен» к чему угодно, и к нему может «приклеиться» что угодно. В этом смысле синкрет в сознании взрослого человека – своего рода локальное паразитическое инертное образование, «черная дыра». Аморфность и «прилипчивость» синкрета затрудняет, вплоть до блокировки, рефлексию. Сознание, переходящее от понятий к синкретам, по сути, в той или иной степени деградирует.

В силу перечисленных особенностей синкрета, применяя образ жертвы к себе или к кому-либо, субъект совершает акт мысленного разрушения структуры объекта, приведения его в аморфное состояние. В этом смысле акт создания образа жертвы по отношению к конкретному человеку несет в себе элемент мысленной агрессии, нигилизма. Но образ жертвы создается жалостью. Следовательно, жалость – особая форма ментальной агрессии. Что же такое сама жалость?

Жалость можно охарактеризовать как разновидность ментальной операции охватывания (жалостью мы мысленно охватываем жалеемый объект). Ж. Пиаже рассматривал операцию охватывания как характерную для эгоцентрического сознания, которая при применении при взаимодействии с миром продуцирует понимание окружающего пространства как «пространства мест» [4]. «Пространство мест» – это мир как бессвязный набор ячеек возможного пребывания каких-либо объектов. Существенное свойство такого пространства – отсутствие единой меры, т.е. разнородность. Но по этой причине в таком пространстве (если это социальное пространство, или психологическое пространство личности) норма неотличима от деформации. Ведь учитывая, что мораль (в прямом смысле слова) предполагает наличие общих мерок для оценки чьего-либо действия, в мире, структурированном как вариант пространства мест, в силу принципиального отсутствия мерок мораль невозможна. Невозможна реализация основы морали – принципа «не делай другому то, что бы ты не хотел, чтобы делали тебе». Это значит, что жалость – чувство псевдоморальное.

Действительно, жалость – это реакция на представление о страдании кого-либо. Жалость похожа на сострадание, однако в отличие от него является реакцией, близкой к рефлексу. Само по себе это не плохо, но мораль – это духовный уровень, а не рефлекторный. Неслучайно авторитетный исследователь психологии морали Л. Кольберг, различавший уровни развития морального сознания, к действительно моральному относил тот, на котором появляется способность применять или индивидуальные, или общечеловеческие принципы (мерки) морали к оценке поступков. Как квазиморальные (доморальные) формы оценок он квалифицировал такие, основой которых является получение положительных или отрицательных эмоций (положительные или отрицательные стимульные подкрепления), условные нормы социума, или авторитет [3].

Жалость – эмоциональная реакция на представление о лишении объекта жалости положительных эмоций, представление о произошедшем его как бы умалении. При этом жалость – чувство захватывающее, поэтому к нему легко приобретает свойство безысходности. Объяснимо это свойствами образа мира, привносимого жалостью (как и образом жертвы): пространство мест – это мир как набор разъединенных ячеек. Жалость – мысленное растворение себя в жалеемом объекте, заполнение собой его как некоего места-ячейки, исход из которого или невозможен, или возможен только как перетекание в соседнее место. Так происходит вовлечение в жалость всем, кто рядом, а окружению, которое не ассимилируется «растекающейся» жалостью, автоматически приписывается враждебность. Поэтому такая фрустрированная жалость легко трансформируется в обвинение. Жалость – это смесь желания защитить с желанием наказать. Смешение этих двух аспектов, если оно адресуется одному объекту (одному – потому что жалость обезличивает свой объект и становится неизбирательной), продуцирует действие мысленной парализации объекта.

Жалость, таким образом, выглядя как очевидное проявление моральности, несет в себе потенциал деструктивности. Таково, на наш взгляд, морально-психологическое содержание данного чувства. Это дает понимание причин удобства его применения в агрессивных или манипулятивных действиях, в т.ч. в современных информационных войнах.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с. – ISBN 5-87604-097-5.
2. Смирнов, А. А. Взаимосвязь подверженности фашизму и каналов эмпатии у студентов / А.А. Смирнов, Е.В. Соловьева // Вестник Костромского государственного университета. – Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, – 2021. – № 27(1). – С. 71-76. – DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76. – EDN: IOUJGV.
3. Kohlberg, L. Essays on Moral Development. Volume II. The Psychology of Moral Development. The Nature and Validity of Moral Stages. – San Francisco: Harper & Row, 1981. – 423 p.
4. Piaget, J., Inhelder, B. La représentation de l’espace chez l’enfent. – Paris: Presses universitaires de France, 1948. – 581 p.

УДК 159.922.7

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОФИЛАКТИКЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Байтуманова З.Н., ORCID 0009-0008-1927-3830
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»,
г. Элиста, РФ
zandab@mail.ru

Введение. В последние годы наблюдается рост случаев агрессивного поведения среди детей старшего дошкольного возраста, что делает проблему профилактики агрессии крайне актуальной. Проявляясь в различных формах – от вербальных до физических и косвенных актов, агрессия негативно сказывается на психическом состоянии детей, их социализации и взаимодействии с окружающими. Работа с детьми, проявляющими агрессию, предполагает два основных подхода: превенцию (предупреждение и профилактику) и интервенцию (преодоление, коррекция и реабилитация).

Цель статьи – рассмотреть современные подходы к профилактике агрессивного поведения старших дошкольников

Основная часть. Т.Г. Харитонова рассматривает психологическую профилактику как отдельную деятельность специалиста-психолога, направленную на решение и предотвращение трудностей, связанных с психологическим здоровьем личности. Одновременно она подчеркивает, что психопрофилактика является значимой частью общей работы психологической службы, обеспечивая условия для полноценного развития личности [5, с. 262].

Своевременное выявление поведенческих нарушений у ребенка, глубокий анализ причин их появления и грамотная коррекционно-воспитательная деятельность позволяют избежать социальной дезадаптации в дальнейшем. Дошкольный возраст – идеальный период для начала профилактики детской агрессивности. Основные задачи такой работы с агрессивными дошкольниками в детских садах включают устранение причин агрессивного поведения, обучение методам самоконтроля, развитие эмпатии и доверия, формирование чувства принадлежности к группе сверстников, снижение внешних проявлений агрессии, обучение конструктивным способам выражения гнева, помощь в установлении контактов со сверстниками, обучение разрешению конфликтов и взаимодействие с родителями.

Демко Е.В., проведя тщательный анализ, выделила несколько ключевых особенностей процесса профилактики и коррекции агрессивного поведения у дошкольников и младших школьников:

1. Эффективность профилактических и коррекционных мероприятий напрямую связана с активностью участия самих детей в процессе.

2. Результаты зависят от характера проводимых профилактических мероприятий.

3. Успех профилактики и коррекции во многом определяется разнообразием подходов, учитывающих половые, возрастные и индивидуальные психологические особенности детей, а также квалификацию специалистов.

Автор также раскрывает принципы профилактики и коррекции агрессивности у данной возрастной группы через требования, правила и нормы, которым должна соответствовать содержание, формы и методы профилактической и коррекционной работы [1].

Одним из важнейших элементов профилактической работы являются социально-игровые занятия. Как отмечает А. А. Костюнина, стандартные методики, направленные на формирование личностного самосознания, оказываются недостаточно действенными при взаимодействии с агрессивными детьми. Более того, соревновательные элементы могут лишь усугубить ситуацию, провоцируя вспышки раздражения. Наиболее результативными подходами в профилактике агрессии считаются игровые виды деятельности, включая ролевые игры, а также различные расслабляющие упражнения и методы аутотренинга [2].

Второе направление работы сосредоточено на обучении детей управлению своими эмоциями. Важно, чтобы ребёнок осознал и понял природу своего гнева, научился анализировать ситуации и делать осознанный выбор между открытым проявлением агрессии и социально приемлемыми реакциями. Для достижения этой цели рекомендуется использовать разнообразные педагогические подходы. Среди основных методов профилактики выделяются информирование, выполнение тренинговых упражнений, ролевых игр, моделирование эффективных социальных реакций, а также применение психотерапевтических методик [4].

Способность понимать свои эмоции является основой психического благополучия. Вместо того чтобы запрещать ребёнку испытывать подобные эмоции, важно научить его справляться с ними социально приемлемыми способами. Управляемая агрессия не обязательно ведёт к разрушительным последствиям; напротив, она может стать источником энергии, направляемой на созидание. Взрослая задача – научить ребёнка контролировать свою агрессию и использовать её мирным образом. В этом контексте особенно полезными оказываются игры с установленными правилами, поскольку они помогают развивать самоконтроль. Важно

поддерживать желательное поведение ребёнка личным примером, вниманием и позитивным отношением [3, с. 15].

При проведении профилактики детской агрессии необходимо уделять внимание и работе с педагогами, формируя у них понимание агрессии как предмета педагогического внимания. Воспитателям и специалистам (логопедам, психологам и др.) важно осознать необходимость проведения подобной работы на педагогическом уровне в тесном сотрудничестве всех структур дошкольных учреждений, как внутри самих организаций, так и между различными ступенями образовательной системы.

Заключение. Профилактика агрессивного поведения у детей старшего дошкольного возраста представляет собой комплексный и системный процесс, направленный на предупреждение деструктивных моделей поведения через выявление причин, обучение самоконтролю и формирование социально приемлемых способов выражения эмоций. Эффективность работы зависит от сочетания разнообразных методов: игротерапии, поведенческих техник, обучения эмпатии, а также вовлечения родителей и педагогов в единую систему взаимодействия. Такой подход позволяет снизить риски социальной дезадаптации, трансформировать агрессию в созидательную энергию и сформировать у детей навыки конструктивного разрешения конфликтов.

Список литературы

1. Демко, Е. В. Организационно-педагогические условия профилактики и коррекции агрессивности детей 6-7 лет / Е. В. Демко // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 287-289. – EDN VBOAOT.
2. Костюнина, А. А. Формы и методы работы воспитателя по профилактике агрессивного поведения детей дошкольного возраста / А. А. Костюнина, Л. Н. Горох // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества : Материалы Межрегиональной научной конференции, Горно-Алтайск, 14 декабря 2017 года / Под ред. Г. Ю. Лизуновой. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. – С. 263-268. – EDN LBMLFJ.
3. Рубашевская, Р. Р. Детская агрессия: причины и предупреждение / Р. Р. Рубашевская, Н. П. Анохина, И. В. Ковалева // Педагогический опыт: от теории к практике : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 18 октября 2019 года / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»; Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2019. – С. 15-17. – EDN AMLNXX.
4. Соломонова, Н. А. Психологическая профилактика девиантного поведения детей и подростков / Н. А. Соломонова, Л. С. Неверова, С. А. Перышкова // Наука и Образование. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 269. – EDN ABDCZT.
5. Харитонова, Т. Г. Взаимосвязь психопрофилактики и других видов деятельности практического психолога / Т.Г. Харитонова // Приволжский научный журнал. – 2014. – № 3(31). – С. 262-268. – EDN SNZLIT.

УДК 159.947

ВОЛЕВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ И УСПЕШНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0006-2901-6120
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
S.Vildgrube@mail.ru

Актуальность темы. В современных условиях развития общества возрастают требования к качеству профессионального образования личности, которые во многом определяются способностью обучающегося к саморегуляции и саморазвитию. В связи с этим особую значимость приобретают такие личностные ресурсы студентов, как самоконтроль и волевые свойства. Качество учебного процесса в вузе во многом зависит от сформированности волевой регуляции и волевых свойств как одних из критериев развития личности, которые обеспечивают планирование студентами их собственной деятельности, ее организацию, осуществление контроля и самоконтроля, успешность обучения в вузе. При этом, учебная деятельность, как одна из самых сложных и специфичных видов деятельности, очень важна в плане развития личности, в раскрытии ее внутренних потенциалов (резервов). Необходимо отметить, что оптимальное соотношение возможностей индивида с определенными условиями обучения является базисом для благоприятной самоактуализации человека. В этой связи особенно актуальными становятся проблемы волевой регуляции в процессе самообучения и самовоспитания.

Изучением влияния волевой регуляции на качество процесса обучения занимались такие ученые как: Е.Р. Алимова, М.Я. Басов, А.В. Быков, Н.А. Илларионова, Д.Е. Василенко, Г.А. Виленская, Л.С. Выготский, З.В. Диянова, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, В.И. Селиванов, В.К. Калин, Е.П. Ильин, Т.А. Макаренко, О.Б. Полякова, Т.Н. Шульга, О.Н. Яцков и многие другие.

В своей работе мы опирались на определение волевой регуляции, предложенное О.А. Конопкиным: волевая регуляция – это сознательная, целенаправленная психическая активность, направленная на преодоление препятствий и достижение поставленной цели, основанная на осознании мотивов и целей деятельности [4].

Цель исследования – исследование влияния волевой регуляции на успешность обучения студентов в вузе.

Объект исследования – волевая сфера личности.

Предмет исследования – взаимосвязь волевой регуляции и успешности обучения студентов в вузе.

Гипотезы исследования: существует взаимосвязь между волевой регуляцией и успешностью обучения студентов в вузе.

Методы исследования: анализ и синтез; качественный метод; тест «Самооценка силы воли» (Н.Н. Обозов); опросник волевого самоконтроля (ВСК) А.Г. Зверков)), Е.В. Эйдман; опросник «Волевые качества личности» (М.В. Чумаков); шкала самоэффективности (Р. Шварцер, М. Ерсулин); опросник мотивации к обучению (А.М. Прихожан). Корреляционный анализ Пирсона.

Выборка исследования: эмпирическое исследование проходило среди студентов второго курса специальности «Психология». Выборку составили 30 студентов возрастом 19-21 года, среди которых 24 девушки и 6 юношей.

Результаты диагностики самооценки силы воли, волевого самоконтроля, волевых качеств личности, мотивации к обучению и самоэффективности позволили выявить важные закономерности, влияющие на учебный процесс. Большинство студентов имеют низкий уровень самооценки силы воли, что указывает на трудности в контроле своих действий и принятии решений. Студенты с высоким уровнем самооценки силы воли демонстрируют уверенность и способность к преодолению трудностей, что способствует их успехам в учебе. Анализ волевого самоконтроля показал, что студенты обладают средней степенью самоорганизации и способны контролировать свои действия и эмоции. Выявленные показатели настойчивости и самообладания указывают на наличие потенциала для дальнейшего развития в этих областях. Результаты анализа мотивации к обучению продемонстрировали, что значительная часть студентов демонстрирует продуктивную мотивацию и положительное отношение к учебе.

Корреляционный анализ показал, значимую прямую связь между уровнем успешности обучения и проявлением силы воли студентов *(r =0,380, p ≤0,05)*. Полученная связь говорит о том, что студенты с более сильной волей более успешны в обучении. Также выявлена прямая значимая связь между успешностью обучения студентов и целеустремленностью *(r =0,406, p≤0,05)*, что свидетельствует о том, что студенты, которые имеют четкие цели и стремящиеся к их достижению, имеют больше шансов на успех в обучении. Мотивация к обучению и самоэффективность оказывают значительное влияние на волевую регуляцию и успешность обучения студентов. Значительные положительные корреляции были выявлены между мотивацией к обучению и такими показателями волевой регуляции, как проявление силы воли *(r = 0,452, значимость на 5% уровне)* и целеустремленность *(r = 0,481, значимость на 1% уровне)*. Положительные корреляции, хотя и менее значительные, были также обнаружены между мотивацией к обучению и индексом волевой саморегуляции (*r = 0,315)*, индексом настойчивости *(r = 0,228)*, ответственностью *(r = 0,311)* и внимательностью *(r = 0,265)*. Эти результаты указывают на то, что

мотивация к обучению способствует развитию различных аспектов волевой регуляции, что положительно влияет на учебный процесс. Отрицательные корреляции наблюдаются у таких показателей, как индекс самообладания *(r = -0,154)*, самостоятельность *(r = -0,202)* и настойчивость *(r = -0,164)*. Эти результаты могут свидетельствовать о том, что высоко мотивированные студенты могут иногда испытывать трудности в данных областях, и им может быть полезна дополнительная поддержка. Анализ влияния самоэффективности показал, что существует значительная положительная корреляция между самоэффективностью и проявлением силы воли *(r = 0,387, значимость на 5% уровне)*, а также целеустремленностью *(r = 0,415, значимость на 5% уровне)*. Это указывает на то, что студенты с высокой самоэффективностью демонстрируют высокую силу воли и целеустремленность, что способствует их успешному обучению и адаптации к образовательной среде. Отрицательные корреляции были выявлены у таких показателей, как индекс самообладания *(r = -0,110)*, самостоятельность *(r = -0,148)* и настойчивость *(r = -0,145)*, что указывает на потребность в дополнительной поддержке и укреплении данных качеств у студентов.

Таким образом, результаты исследования подтверждают взаимосвязь между волевой регуляцией и успешностью обучения студентов в вузе. Для улучшения учебной деятельности и повышения академической успеваемости рекомендуется уделять особое внимание поддержке и развитию волевых качеств, мотивации и самоэффективности у студентов.

Список литературы

1. Алимова, Е. Р. Взаимосвязь когнитивных, волевых и регуляторных свойств личности и их влияние на профессиональную деятельность / Е.Р. Алимова, Т.И. Печенкина, Е.А. Филимонова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – №1 (127). – URL: https://research-journal.org/archive/ (дата обращения: 17.04.2024).
2. Вильдгрубе, С. А. Стрессоустойчивость и особенности саморегуляции у студентов / С.А. Вильдгрубе // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Донецк, 2022. – С. 184-187. – EDN: HYRWUB
3. Гарданова, Ж. Р. Анализ взаимосвязи уровня саморегуляции поведения и способности к преодолению психологических барьеров у студентов / Ж.Р. Гарданова, В.А. Манина // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2021. – Т. 9. – № 1 (32). – С. 67–75. DOI:10.23888/humJ2021167-75.
4. Конопкин, О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности [Текст] / О.А. Конопкин ; Российская акад. образования, Психологический ин-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: URSS: Ленанд, 2010. – 316 с. – ISBN 978-5-9710-0321-2.

УДК159.99

РОЛЬ СКАЗКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Громова А.В., ORCID 0009-0006-9381-4119,
Кольцова И.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0001-8945-9368
ГБОУ ВО «Ставропольский педагогический институт», г. Ставрополь, РФ
anna.korovajzima@mail.ru

В современных условиях информационные каналы и технологические инновации формируют качественно новые основы общественной организации, приводя к трансформации социальных моделей и поведенческих стандартов. Постепенное угасание традиционных мотивов и ослабление влияния культурного наследия, таких как элементы народной культуры – становятся все заметнее в повседневной жизни. Несмотря на это, богатство педагогических практик и методов прошлого, внедрённых в народные традиции, продолжает сохранять актуальность в настоящее время. Фольклорные произведения, прежде всего сказки, аккумулируют богатый нравственный опыт предыдущих поколений, который сквозь время был передан последующим. Рассмотрение роли сказочного жанра в формировании ценностей у учащихся младших классов подчеркивает исключительную значимость этих форм для внедрения ценностных ориентиров и формирования этических установок. Следовательно, акцент на нравственной составляющей становится фундаментальным в развитии гармоничной личности в условиях глобальных социокультурных изменений.

Сказка, согласно взглядам В. А. Сухомлинского, занимает уникальное положение в педагогической системе, обеспечивая не только стимуляцию мыслительной деятельности детей, но и комплексное развитие их личности [1]. Исследователь подчеркивал, что произведения этого жанра должны интегрироваться в образовательную практику не только с целью ознакомления детей с фольклорными персонажами или сюжетной канвой, но и как средство обеспечения их интеллектуального, морального, эстетического становления и воображения.

Советский литератор Чингиз Айтматов, рассматривая вопрос о нравственных перспективах, связанных со сказками, проводил параллель между этими произведениями устного народного творчества и архитектурными реликвиями, оставленными предками [4]. По его суждению, именно через сказочные истории в деликатной форме формируется ощущение воспитанности и устойчивых моральных установок у подрастающего поколения.

Совокупность форм духовно-нравственного развития общества оказывает существенное влияние на процесс формирования личности

индивида, находящегося в стадии развития. Освоение и интериоризация универсальных, индивидуальных и гражданских ценностей составляют ядро воспитательной деятельности, которая осуществляется через развитие ключевых элементов культуры личности. Такое воспитание направлено на поэтапное усвоение культурных норм и формирование ценностных ориентаций, определяющих характер социального взаимодействия.

Основу формирования личностной культуры закладывают примеры поведения героев в сказочных нарративах. Через поступки персонажей последующим поколениям адресуется специфический социокультурный опыт. Дидактический потенциал сказочных сюжетов сохраняет свою актуальность доныне, что подтверждается их устойчивым влиянием на процессы воспитания [3].

Мотивы и образы, заложенные в сказочной плоскости повествования, формируют у подрастающего поколения представления о допустимых и недопустимых поступках. Благодаря особенностям сказочного мира ребенок, поэтапно сопоставляя себя с героями и ситуациями, приобретает ценностный опыт, позже отражающийся в реальных взаимоотношениях с окружающими. Именно этот особый символический пласт становится существенным звеном в процессе трансляции и закрепления моральных ориентиров в культуре данного этноса.

Каждая разновидность сказочных произведений обладает уникальным потенциалом воздействия, обусловленным спецификой фольклорного жанра. Так, сказки, в центре которых находятся животные, служат эффективной площадкой для косвенного освоения нравственных норм: персонажи-антропоморфы наделяются чертами человеческого характера, что облегчает ребенку процесс сопереживания и морального сопоставления. В свою очередь, повествования, сосредоточенные на взаимодействии между людьми и животными, демонстрируют сложные этические дилеммы – такие произведения развивают эмпатию, учат принятию ответственности за поступки, а также знакомят с понятием взаимопомощи.

В структуре притчи важнейшее значение приобретает аллегорическая форма подачи ценностей, где посредством лаконичного сюжета иллюстрируются фундаментальные нравственные максимы, ориентированные на формирование у школьников склонности к этическому самоанализу и критическому осмыслению ситуации. Сказки, в которых отражаются бытовые мотивы, транслируют модели повседневного поведения, закрепляют представления о социальных ролях, порядочности, бережливости или трудолюбии, оказывая влияние на закрепление желательных форм межличностных отношений.

Мировой фольклор также сохранил немало устрашающих сказок, которые служат своеобразными иллюстрациями общественных табу, передавая юному поколению образец того, с чем социум не приемлет

мириться. Жанр страшилок, несмотря на кажущуюся простоту сюжета, выполняет функцию своеобразного осваивания страхов через художественную форму [2]. Волшебные сказки, выступающие базисом народной мудрости, интегрируют в себя сложную систему образов и символов; за счет этого они формируют у младших школьников идеалы героизма, справедливости, отваги и милосердия, способствуют развитию морального воображения и формируют позитивные нравственные ориентиры.

Благодаря сказке ребенок приобщается к сокровищнице культурных идеалов, постигает нравственные ориентиры и усваивает морально-этические образы, закрепленные многими поколениями. Сказочные образы предоставляют детям неисчерпаемый запас примеров достойного поведения и иллюстраций честных поступков, открывая путь к осмысленному освоению культурных ценностей и уверенности в наличии справедливости, укореняясь в индивидуальном восприятии благодаря постоянной доступности подобных сюжетов.

Список литературы

1. Аванесян, Л. Р. Сказка в педагогическом наследии В. А. Сухомлинского / Л.Р. Аванесян // Вестник ЮУрГГПУ. – 2014. – №7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/skazka-v-pedagogicheskom-nasledii-v-a-suhomlinskogo (дата обращения: 28.09.2025).
2. Мирвода, Т. А. Детский страшный повествовательный фольклор: к вопросу о жанровом многообразии традиции / Т.А. Мирвода // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – №436. – RL: https://cyberleninka.ru/article/n/detskiy-strashnyy-povestvovatelnyy-folklor-k-voprosu-o-zhanrovom-mnogoobrazii-traditsii (дата обращения: 29.09.2025). – EDN YTSJZR.
3. Прудникова, Т. И. Роль народных сказок в нравственном воспитании младших школьников / Т.И. Прудникаова, В.К. Евстафьева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №72-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-narodnyh-skazok-v-nravstvennom-vospitanii-mladshih-shkolnikov (дата обращения: 28.09.2025). – EDN ZFWFJD.
4. Стрекалова, С. М. Влияние сказок на нравственное воспитание детей в начальной школе / С.М. Стрекалова, И.Ш. Ибрагимова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 22 (312). – С. 563-565. – URL: https://moluch.ru/archive/312/70955/(дата обращения: 29.09.2025). – EDN QWTQTK.

УДК 159.9

АНАЛИЗ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ КАК ЛИЧНОСТНОГО РЕСУРСА СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Кацеро А.А., канд. псих. наук, доц., ORCID 0000-0002-6398-7610
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
katsero@list.ru

Введение. Получение высшего образования является одним из значимых факторов будущего трудоустройства молодых людей. Такое образование способствует личностной, и профессиональной самореализации, что влияет на качество дальнейшей жизни человека. В этом свете обучение в вузе лиц с инвалидностью и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) способствует их социализации, поддержке активной жизненной позиции, профессиональной увлеченности и вовлеченности [1]. В то же время, в процессе овладения профессией студенты с ОВЗ вынуждены преодолевать не только трудные жизненные ситуации, с которыми сталкиваются их ровесники с сохранным здоровьем, но и нозоспецифичные адаптационные трудности, обусловленные особенностями «повреждения» развития (например, нарушением зрения, слуха, нарушением опорно-двигательного аппарата и др.) [4]. Вот тогда, для успешного функционирования этих молодых людей, личность, отвечающая за взаимодействие субъекта с миром, является многомерным ресурсом, «роль которого даже повышена по сравнению с физически сохранными индивидами» [6, с. 5]. В этом аспекте конкретным ресурсом для преодоления возникающих стрессовых ситуаций, трудностей в ходе профессионализации выступает жизнестойкость студентов с ОВЗ, что и определяет предмет нашего исследования. Разумеется, к ресурсам, обеспечивающим адаптацию, относится не только жизнестойкость, но и социальная поддержка, и многие другие внешние и внутренние факторы. Однако, как показали исследования ряда авторов (С. А. Богомаз, Е. В. Воеводина) человек, имеющий высокую жизнестойкость, оценивает обстоятельства как более подконтрольные его влиянию, чувствует себя вовлеченным в жизненный процесс [2,3]. Поэтому столь важно формирование у молодых людей с ОВЗ различных способов жизнестойкого поведения.

Целью данной статьи является анализ жизнестойкости как личностного ресурса студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

Изложение основного материала. Жизнестойкость С. Мадди и С. Кобес трактовали как интегративную характеристику человека, качество личности, которое позволяет ей не только справиться с проблемными,

стрессовыми ситуациями, но и сохранить при этом относительное внутреннее спокойствие [5]. На сегодняшний день исследователи данного феномена (Л.А. Безбородова, О.А. Янцевич) связывают его с различными способами совладающего поведения, с жизненным опытом успешно пройденных испытаний (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова) [6, 7]. Определено, что уровень жизнестойкости детерминирует успешность в преодолении трудных жизненных ситуаций.

Для уточнения уровня жизнестойкости у студентов с ОВЗ и студентов с инвалидностью было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 60 человек, обучающихся на факультете психологии в ТГПУ им. Л.Н. Толстого (г. Тула) в возрасте от 18 до 22 лет. Выборка включала две группы: 15 студентов с ограниченными возможностями здоровья, в том числе с инвалидностью и 55 молодых людей не имеющих выраженных особенностей развития. Гипотеза – общий уровень жизнестойкости студентов с ОВЗ ниже, чем у студентов, не имеющих такого статуса.

Для оценки жизнестойкости была использована методика С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой «Тест жизнестойкости». Рассматривая показатель жизнестойкости, мы вычислили его среднее значение для двух групп. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни (сравнение двух несвязных групп). Общий показатель вовлеченности складывался из трех компонентов: «вовлеченность», «контроль», «принятие риска».

«Вовлеченность» понимается как убеждение в том, что только благодаря своей активности человек находит в мире что-то интересное для себя, его включенность в происходящее максимально позволяет «найти нечто стоящее». В первой группе – у студентов с ОВЗ, пониженный относительно нормы результат – 26,5 (норма 37,64, стандартное отклонение 8,08). Следовательно, молодые люди не всегда получают удовлетворение от выполняемой деятельности, не уверены в ее нужности, необходимости, возможно, их профвыбор был обусловлен диктуемыми обстоятельствами ограничений.

«Контроль» как компонент жизнестойкости предполагает убежденность в том, что усилия, борьба могут повлиять на результат происходящего в жизни, даже если это влияние не абсолютно; это ощущения собственного выбора пути, собственной деятельности. Полученное среднее значение в группе студентов с ОВЗ – 22,3 (норма 29,17, стандартное отклонение 8,43). Этот показатель приближен к низкому порогу нормы. Следовательно, можно утверждать, что студенты с ОВЗ воспринимают себя как людей в определенной степени контролирующих ситуацию, делающих все, что от них в ней зависит, при этом понимая свои ограничения.

«Принятие риска» трактуется как представление о том, что все, что с человеком случается – способствует развитию его за счет приобретения опыта, любого «знака». И тогда человека готов действовать на свой страх и

риск. Средний уровень этого компонента (у студентов с ОВЗ – 12,6 при среднем 13,91 и стандартном отклонении 4,39) указывает на то, что молодым людям с ОВЗ характерно принятие идеи развития через активное усвоение знаний для последующего его использования.

Общий показатель жизнестойкости у студентов с ОВЗ (61,4) свидетельствует об относительно достаточной сформированности данной интегративной характеристики (норма – среднее 87,2, стандартное отклонение 18,53). Сравнивая показатели первой и второй групп, мы не выявили существенных количественных различий.

Выводы. Жизнестойкость как способность к самообладанию при проживании трудных ситуаций и сохранении при этом ощущения внутреннего баланса и продуктивности своей деятельности свойственна студентам с ОВЗ. Уровень ее компонентов приближен к общей нормативности. Вероятно, совершая свой выбор в пользу получения высшего образования, молодые люди осознают возможные трудности, и жизнестойкость, как личностное качество, выступает для них ресурсом в преодолении сложных жизненных ситуаций.

Список литературы

1. Безбородова, Л. А. Жизнестойкость как ресурс педагогической работы учителя в процессе реализации инклюзивного образования / Л.А. Безбородова // Наука и школа. – 2020. – №4. – С. 83-88.
2. Богомаз, С. А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья / С.А. Богомаз // Материалы научно-практических мероприятий V Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». – Москва, 2009. – Т. 4. – С. 18-20.
3. Воеводина, Е. В. Риски профессионального самоопределения студентов с инвалидностью в сфере высшего образования / Е.В. Воеводина // Профессиональное образование и рынок труда. – 2018. – №4. – С. 18-20.
4. Гребенникова, В. М. Особенности развития у студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья качеств конкурентоспособной личности / В.М. Гребенникова, Т.И. Бонкало, Е.Ю. Руденко // Педагогика и просвещение. – 2019. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-u-studentov-s-invalidnostyu-i-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-kachestv-konkurentosposobnoy-lichnosti (дата обращения: 25.09.2025).
5. Кучерявенко, И. А. Феномен жизнестойкости в психологической науке / И.А. Кучерявенко, О.И. Гринёва, Е.С. Еголаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №79-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-zhiznestoykosti-v-psihologicheskoy-nauke(дата обращения: 25.09.2025).
6. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – Москва: Смысл, 2006. – 63 с.
7. Янцевич, О. А. Взаимосвязь жизнестойкости и совладающего поведения у специалистов разных профессий / О.А. Янцевич // Вестник ПГУ. Серия Е. Педагогические науки. – 2021. – №15. – С. 104-110.

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ НА ВЫБОР СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В СТРЕССОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

Корлякова С.Г., д-р психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7274-0783
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь, РФ
s.k2002@mail.ru

Одной из значимых проблем психологии является проблема способности индивида адаптироваться к переменам, справляться с трудностями и управлять своими эмоциями. В современном мире уровень воздействия стрессогенных факторов на человека постоянно возрастает, что связано со стремительно развивающимися и меняющимися событиями на политической, социальной и экономической арене. Именно психоэмоциональная устойчивость (ПЭУ) помогает человеку оптимально ориентироваться в новой обстановке и адаптироваться к изменениям без вреда для своего психического состояния. Недооценивание важности ПЭУ приводит к повышению уровня тревожности, различным заболеваниям.

Актуальность исследований психоэмоциональной устойчивости продиктована тем, что современные реалии требуют от человека задействования эмоциональных ресурсов, которые могут быть выявлены в процессе психодиагностики личности. Исследования в этой сфере помогают разрабатывать современные комплексы психодиагностических и коррекционно-развивающих методов с использованием бланковых методик и сертифицированной диагностической и коррекционно-развивающей психофизиологической аппаратуры.

Следует отметить, что научное понимание устойчивости в психологии прошло длительный путь эволюции: от концепции Г.Ю. Айзенка об эмоциональной устойчивости [1] до понимания в отечественной психологии психоэмоциональной устойчивости как качества личности, благодаря которому личность сохраняет оптимальную работоспособность в условиях эмоциогенных воздействий (Е.П. Ильин [2], Ю.А. Цагарелли [7] и др.). Проблема устойчивости рассматривается в рамках разных методологических подходов: биологического, когнитивного, психоаналитического, социально-психологического, интегративного, деятельностного, системного, комплексного и др. В разных подходах которых отмечается, что психоэмоциональная устойчивость личности в основном предопределена характеристиками эмоционального процесса: эмоциональной интенсивностью, гибкостью, лабильностью нервной системы как динамической характеристики; видами и уровнем эмоций и чувств как содержательной характеристики личности.

Психоэмоционально устойчивая личность обладает механизмами реагирования на различные ситуации на нейродинамическом (волевое усилие, лабильность нервной системы), эмоционально-волевом (саморегуляция, самоконтроль), когнитивном (саморегуляция мышления, рефлексия), мотивационно-поведенческом (мотивационное подкрепление, копинг-стратегии) уровне [3; 4; 5].

Так, профессиональная деятельность педагога предполагает наличие умений анализировать влияние психоэмоциональных воздействий на эмоциональное состояние, регулировать собственные эмоциональные реакции и поведение, использовать рациональные установки при анализе своей жизненной перспективы, эффективно взаимодействовать с субъектами образования, что связано с личностным резервом педагога и уровнем сформированности его психоэмоциональной устойчивости. В связи с этим педагогу необходимо владеть конструктивными стратегиями совладающего поведения, которые соответствуют педагогической этике.

С точки зрения ряда авторов [3; 4; 6], совладающее поведение, саморегуляция и психоэмоциональная устойчивость выступают в качестве основы для развития продуктивных форм педагогической деятельности. Они необходимы для эффективного профессионального становления будущего педагога в период обучения в вузе, в период адаптации к непосредственно педагогической деятельности и, что важно, – нивелированию негативных аспектов педагогической деятельности (стресс, эмоциональное выгорание, насыщенность деятельности конфликтными ситуациями и др.).

Для исследования психоэмоциональной устойчивости студентов Ставропольского государственного педагогического института использовалась инструментальная диагностика, которая осуществлялась на программно-аппаратурном комплексе «Активациометр АЦ-9К». Для исследования копинг-стратегий студентов применялись опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер, адаптированный вариант Т.А. Крюковой).

Результаты исследования психоэмоциональной устойчивости (ПЭУ) продемонстрировали преимущественно средний уровень развития у испытуемых.

По методикам диагностики Р. Лазаруса и С. Нормана у испытуемых выявлено преобладание неконструктивных стратегий совладающего поведения, в частности, стратегия социальной поддержки. Данная стратегия существенно сужает варианты использования других копинг-стратегий и поведенческих реакций, которые необходимы педагогу для достижения эффективных форм поведения, базирующихся на самостоятельных решениях. Влияние ПЭУ на различные варианты копинга имеет ряд особенностей: уровень ПЭУ обратно коррелирует с эскапистскими форматами совладающих

стратегий и прямо коррелирует со стратегиями, связанными с принятием и самоконтролем. В массиве данных обнаруживается множество дихотомических связей, указывающих на наличие личностных значимых факторов – саморегуляции и рефлексии.

Уровень психоэмоциональной устойчивости положительно взаимосвязан с копинг-стратегиями «Принятие ответственности» ($r= 0,78$ $p\leq0,001$) и «Планирования решения проблемы» ($r= 0,73$ $p\leq0,01$). Полученные данные свидетельствуют о следующем: чем выше вероятность нервно-психического срыва у студентов, тем они менее склонны к принятию ответственности за решение проблемы, не склонны к самообвинению и самокритике, в то время как студенты с высоким уровнем склонны брать ответственность за решение проблемы, планирование собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

Уровень психоэмоциональной устойчивости прямо взаимосвязан со стратегией «Положительная переоценка» ($r= 0,74$, $p\leq0,001$). Чем более склонны студенты к нервно-психическим срывам, тем менее они настроены на решение проблемы в стрессовой ситуации, в то время как студенты с высоким уровнем ПЭУ готовы к результативному решению. Для подтверждения результатов эксперимента использовался критерий Вилкоксона.

Полученные данные свидетельствуют о том, что существует прямая взаимосвязь между психоэмоциональной устойчивостью и выбором студентами стратегий совладающего поведения, что дает основание для целенаправленного развития психоэмоциональной устойчивости у студентов с целью формирования у них стремления и умения осуществлять конструктивный выбор стратегии поведения в стрессогенной ситуации.

Список литературы

1. Айзенк, Г. Исследования человеческой психики / Г. Айзенк, М. Айзенк; пер. А. Озерова. – Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 480 с.
2. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Изд-во Питер, 2011. – 782 с.
3. Кандаурова, А. В. Ресурсный подход в преодолении педагогами профессиональных и повседневных трудностей / А. В. Кандаурова // Вестник НВГУ. – 2019. – № 4. – С. 36-42.
4. Киселева, А. А. Копинг-стратегии будущих педагогов / А. А. Киселева, В. В. Козлов, Т. А. Малых // Педагогический ИМИДЖ. – 2018. – №4 (41). – С. 641-655.
5. Киселева, А. А. Особенности совладающего поведения педагогов различного стажа и специальности / А. А. Киселева, М. Ю. Кузьмин, В. В. Козлов // Интеграция образования. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 641-655.
6. Процукович, Е. П. Исследование копинг-стратегий педагогов высшей школы с разным уровнем субъективного благополучия / Е. П. Процукович, Е. В. Афонасенко // Ученые записки университета Лесгафта. – 2022. – № 9 (211). – С. 545-550.
7. Цагарелли, Ю. А. Системная диагностика человека и развитие психических функций / Ю. А. Цагарелли. – Казань: МНПО «Акцептор», 2009. – 492 с.

УДК 378.14:159.9

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ВЕТЕРИНАРОВ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ФАКТОРЫ РИСКА

Короткова Н.Л., канд. пед. наук, ORCID 0009-0005-2484-6099
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины», г. Санкт-Петербург, РФ
nlkorotkova@gmail.com

Введение. Профессиональная идентичность представляет собой сложное, многоуровневое личностное образование и формируется как один из ключевых результатов профессионального становления в процессе обучения и практической деятельности. В обобщенном понимании ее можно рассматривать как гармоничное соответствие личности и избранной профессии, которое проявляется в осмысленном принятии профессиональных ценностей и в способности качественно выполнять профессиональные обязанности. Недостаточная сформированность профессиональной идентичности влечет за собой целый ряд негативных последствий: от экономических, связанных с неоправданными затратами на подготовку специалистов, не находящих себя в профессии, до социально-личностных, выражающихся в неудовлетворенности профессиональным выбором и ощущении отчуждения от дела.

В отечественной психологии сложились исследовательские традиции, связывающие профессиональную идентичность с процессами профессионального самоопределения. Так, Л.Б. Шнейдер [1] подчеркивает, что профессиональное становление невозможно свести лишь к овладению определенным видом деятельности: оно включает развитие мотивационно-ценностной сферы, формирование внутренней позиции по отношению к профессии, умение соотносить личные цели и ресурсы с требованиями профессиональной среды.

На протяжении долгого времени в общественном сознании закреплялось представление о том, что получение высшего образования автоматически равнозначно приобретению профессии. В этой парадигме задачи формирования профессионального образа «Я» и развития способности к осознанному профессиональному выбору практически не ставились перед системой образования. Между тем именно вопросы профессиональной идентичности оказываются одними из самых трудных и значимых для выпускников, вступающих в реальную профессиональную деятельность.

Цель статьи – рассмотреть специфику становления профессиональной идентичности будущих ветеринарных врачей, выявить

факторы риска и обозначить психолого-педагогические направления поддержки этого процесса в системе образования.

Основная часть. Профессиональная идентичность ветеринарного врача формируется в условиях, где наряду с овладением клиническими навыками и теоретическими знаниями, студент сталкивается с необходимостью принятия профессиональных ценностей, этических норм и стандартов поведения. Для будущего ветеринара это включает не только умение диагностировать и лечить животных, но и способность взаимодействовать с их владельцами, учитывать эмоциональные и психологические аспекты ситуации, принимать сложные этические решения в условиях ответственности за жизнь и здоровье пациентов.

Приходится признать, что система высшего образования во многом делегирует процесс становления профессиональной идентичности стихийном опыту. В ветеринарном образовании негативные последствия этого усугубляются спецификой профессии, связанной с высоким уровнем стресса. Как показывают зарубежные исследования [2], отсутствие целенаправленной работы в данном направлении приводит к доминированию у выпускников так называемой «диагностической идентичности» – ригидной модели, ориентированной исключительно на технически правильное решение и не учитывающей контекстуальные ограничения. Такая идентичность оказывается крайне уязвимой в условиях реальной практики, что и объясняет высокие показатели профессионального выгорания среди начинающих ветеринаров.

В последние десятилетия в зарубежных исследованиях, посвященных медицинскому и ветеринарному образованию, профессиональная идентичность трактуется как процесс интеграции будущего специалиста в профессиональное сообщество. Здесь подчеркивается значимость факторов среды: наставничества, клинической практики, общения с преподавателями и коллегами. Исследователи отмечают, что у студентов-ветеринаров идентичность формируется не только под влиянием учебных программ, но и в результате взаимодействия с «невидимым учебным планом» – системой негласных норм, ценностей и ожиданий, транслируемых профессиональной культурой [3].

Исследования свидетельствуют о серьезных рисках для психического здоровья ветеринаров [4]. Уровень тревожности, депрессии, эмоционального выгорания и даже суицидальных мыслей среди представителей этой профессии существенно выше, чем в среднем по населению и выше, чем у специалистов ряда других «помогающих» профессий. К основным стрессогенным факторам относятся: высокая учебная и профессиональная нагрузка; постоянный контакт со страданием и смертью животных; эмоциональное напряжение, связанное с проведением эвтаназии; ответственность за принятие решений в условиях неопределенности; конфликты с клиентами и коллегами; финансовые

трудности и несоответствие ожиданий с реальностью. Особенно уязвимой группой оказываются молодые специалисты.

Не менее значимой проблемой остается стигматизация обращения за психологической помощью**.** В образовательной и профессиональной среде сохраняется установка на демонстрацию устойчивости, что препятствует открытой работе с трудностями. В результате стресс накапливается, приводя к серьезным психологическим последствиям.

Для преодоления обозначенных проблем необходима целенаправленная работа системы образования по поддержке формирования профессиональной идентичности студентов. Возможные направления включают: 1) интеграцию рефлексивных практик в образовательный процесс (анализ кейсов, написание нарративов, обсуждение профессиональных дилемм), что позволит студентам осмысливать собственные ценности и опыт, а также готовиться к сложным решениям в реальной практике; 2) формирование навыков стрессоустойчивости и эмоциональной компетентности через тренинги и курсы по саморегуляции и межличностной коммуникации; 3) снижение уровня стигматизации обращения за психологической помощью и создание доступных сервисов психологической поддержки в вузе; 4) междисциплинарное включение вопросов биоэтики, социологии, психологии общения и менеджмента в учебный план; 5) создание поддерживающей образовательной среды**,** где студент ощущает себя частью профессионального сообщества

Заключение. Профессиональная идентичность будущих ветеринарных врачей напрямую связана с их психологическим благополучием и устойчивостью к стрессу, а отсутствие системной работы в этом направлении повышает риски эмоционального выгорания и профессиональной дезадаптации. Внедрение психолого-педагогических технологий в образовательный процесс является ключевым условием успешной подготовки специалистов.

Список литературы

1. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность / Л.Б. Шнейдер. – Москва : Московский открытый социальный университет, 2001. – 272 с.
2. Armitage-Chan, E., May, S. A. Identity, environment and mental wellbeing in the veterinary profession / E. Armitage-Chan, S. A. May // Veterinary Record. – 2018. – № 183(2). – P. 68-68.
3. Nowland, M. H., Haidet, P., Whitcomb, T. L. Connection and conflict: influence of the hidden curriculum on veterinary residents' professional identities within the specialty of laboratory animal medicine / M. H. Nowland, P. Haidet, T. L. Whitcomb // Journal of the American Veterinary Medical Association. – 2022. – Vol. 260, № 12. – P. 1–10. – DOI: 10.2460/javma.21.04.0207.
4. Scholz E. Professional identity development in new graduate veterinarians / E. Scholz. – Australia: Charles Sturt University, 2019. – 305 p.

УДК 165.24

КАМНЕТЕРАПИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НА УРОКАХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

***Литвинова К.В.*[1],** канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0003-0472-2417,
***Сбитнева А.Н.*[2],** ORCID 0000-0002-6477-5863
[1]ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь, РФ,
[2]НАО «Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева»,
г. Петропавловск, Казахстан
Kristina2029@yandex.ru, kallissta@mail.ru

Современная ситуация в обществе характеризуется не только конструктивными изменения, но и целым рядом негативных процессов, наметившихся в сфере нравственной жизни, а именно – утратой нравственно-духовных ориентиров среди подрастающего поколения. Перед обществом возникла глобальная проблема – нравственно-духовное воспитание молодежи, поиск абсолютных общечеловеческих ценностей, которые способствуют воспитанию таких качеств, как доброта, справедливость, совесть.

Важной задачей современной школы является воспитание детей на основе общечеловеческих ценностей, при этом образованию принадлежит ведущая роль в гармоничном развитии обучающегося, раскрытии его внутреннего мира. На учителей возлагается огромная роль в реализации проведения уроков по функциональной грамотности, в профессиональной деятельности, направленной на создание в педагогическом процессе условий для воспитания, развития и саморазвития личности, выборе возможностей свободного и творческого самовыражения.

Настоящее образование должно дать подрастающей личности возможность использовать приобретённые знания, подготовить к встрече с трудностями жизни и сделать всех людей счастливыми, насколько это возможно. Реальность сегодняшнего дня диктует необходимость поиска способов раскрыть и взрастить в душах детей потребность в вечных общечеловеческих ценностях, взращивать в себе человека с хорошим характером, с чистой совестью, человека с нравственными качествами.

Существует множество трактовок понятия «ценность». Так, В.И. Плотников отмечает, что ценность является сложившейся в условиях цивилизации, она переживается людьми и их отношением к общезначимым образцам культуры [2].

Д.А. Леонтьев рассматривает ценность как духовный или материальный объект, имеющий определенную жизненную цену [1].

В.А. Сластенин как «специфические образования в структуре индивидуального сознания, являющиеся идеальными образами и ориентирами деятельности личности и общества» [3].

Ценности представляют собой особые образования, имеющие иерархическую систему и существующие в структуре личности только в качестве ее элементов. Единство духовного и нравственного начала делает личность целостной, адаптированной к социальным изменениям, ее деятельность приобретает общественно ценный характер.

Система образования в России ориентирована на развитии личностного потенциала учащихся, формировании у них гуманных убеждений и опыта нравственного поведения через постижение общечеловеческих ценностей. Гармоничное развития подрастающей личности в образовательном процессе может быть осуществлено только через ценностное освоение школьниками лучших образцов мировой и национальной культуры через предмет «Функциональная грамотность». Задачи внедрения урока «Функциональной грамотности» в образовательный процесс школы дают возможность вооружить учащихся практическими навыками, востребованными в повседневной жизни; содействуют в освоении нового материала; воспитывают чувство уверенности в себе и независимости; создают условия для приспособления к переменам.

Созданию этих условий способствует применение метода камнетерапии на уроках функциональной грамотности. Камнетерапия, или литотерапия является одной из форм арт-терапии, использующей возможности искусства для достижения положительных изменений в интеллектуальном, эмоциональном и личностном развитии человека.

Камнетерапия является доступным и эффективным методом психотерапевтического воздействия на эмоциональную сферу учащегося. Важным моментом следует считать обращение камнетерапии к личности, она позволяет научиться передавать свои чувства, развивать положительные эмоции, научиться воспринимать и анализировать мышечно-суставные и кинестетические ощущения, цветовые ассоциации, развивать двигательное, зрительное, пространственное восприятие и воображение.

Применение камнетерапии в образовательном процессе школы позволяет решить следующие задачи: разнообразить формы организации работы с учащимися; побуждать мотивацию обучающихся к успешной познавательной, творческой, художественно-эстетической и коммуникативной деятельности; способствовать обогащению и пополнению предметно-пространственной среды [4].

Проектирование образовательной среды средствами камнетерапии дает возможность учащимся более успешно социализироваться, укрепить психическое здоровье и эмоциональное благополучие, развивать

творческие и познавательные способности, коммуникативные и когнитивные навыки. Камнетерапия направлена на творческое преобразование и совершенствование действительности и самого себя. Ценность камнетерапии в коммуникативной деятельности и развитии личности, заключается именно в ее образовательном, воспитательном, общекультурном значении при актуализации нравственно-духовных, эстетических и творческих сил обучающегося.

Включение работы с камнями на уроках функциональной грамотности помогает детям лучше понять природу, развить к ней бережное отношение, которое затем распространяется и на окружающий мир. Работа с камнями стимулирует аккуратность, развивает воображение и творческие способности при реализации идей, укрепляет силу воли при столкновении с трудностями и навыки самоконтроля. Исследования показывают, что камни, благодаря своим физическим характеристикам, могут влиять на эмоциональное и даже физическое состояние человека. Цвет и форма камней способны воздействовать на психику, а их созерцание и прикосновение активируют центры удовольствия в мозге через зрение и осязание.

Возможность использовать работу с камнями на уроках функциональной грамотности способствует раскрытию творческого потенциала личности, стимулированию личностного роста, уважению культурных традиций, что помогает учащимся лучше понимать себя и окружающих, выстраивать гармоничные отношения в образовательной среде. Камнетерапия позволяет обратиться к глубинным духовным и творческим ресурсам личности, способствуя психологическому благополучию и формированию ценностей, общих для всего человечества. Она также укрепляет национальную идентичность и способствует успешной адаптации в социуме, основанной на толерантности и взаимоуважении.

Список литературы

1. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной конструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15-26.
2. Плотников, В. И. Ценностный мир человека и его судьба / В.И. Плотников // Двадцать лекций по философии. – Екатеринбург, 1999. – 194 с.
3. Сластенин, В. А. Педагогика : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – 11-е изд., стер. – Москва : Издательский центр «Академия», 2012. – 608 с. – ISBN 978-5-7695-9408-3.
4. Черняева, А. В. Камнетерапия как общечеловеческая ценность в обеспечении психологического здоровья личности в культурно-образовательном пространстве / А.В. Черняева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 231-235.

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДБОРА И РАССТАНОВКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Мезенцева Н.Д., ORCID 0009-0000-4302-9290,
Полякова А.И., Шмойлова А.И., ORCID 0009-0002-9644-3094
АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт», г. Воронеж, РФ
mittenflora@yandex.ru, vzesvka@gmail.com, anna-2009ivanovna@yandex.ru

Введение. В современной системе образования, где ключевым активом является человеческий капитал, психологическая компетентность при назначении руководителей становится стратегическим ресурсом. Влияние руководителя определяется не столько формальной квалификацией, сколько комплексом психологических характеристик, учитываемых при назначении. В данной парадигме на службы управления персоналом ложится особая ответственность. Их функция выходит далеко за рамки административного отбора, приобретая черты психологического проектирования команды. Грамотная расстановка управленческих кадров становится ключевым условием для синергии в коллективе и достижения высоких показателей эффективности труда, что определяет успех всей образовательной организации.

Цель исследования — выявить психологические аспекты подбора и расстановки руководителей в сфере образования.

Основная часть. Обозначим основные задачи службы управления персоналом: отбор персонала и расстановку кадров.

Отбор персонала – это процесс изучения психологических и профессиональных качеств работника с целью установления его пригодности для выполнения обязанностей на определенном рабочем месте или должности и выбора из совокупности претендентов наиболее подходящего с учетом соответствия его квалификации, специальности, личных качеств и способностей характера деятельности, интересам организации и его самого [1].

Расстановка кадров – это распределение работников по рабочим местам в организации в соответствии с их профессиональной подготовкой, психологическими особенностями и требования к деятельности на конкретном рабочем месте [3].

В кадровой политике образовательных организаций источники подбора руководителей делятся на внутренние (закрытие вакансий силами организации) и внешние (привлечение новых специалистов). Однако независимо от источника, решающее значение при отборе приобретает психологическая диагностика компетенций [2].

Для управленцев среднего звена критически важны такие социально-психологические качества, как развитые коммуникативные навыки, способность к организации и контролю, а также эмоциональная устойчивость. При этом назначение на должность всегда является точечным решением для конкретного коллектива. Поэтому оценивается не абстрактный набор качеств, а потенциал синергии между личностью руководителя и рабочей группой. Анализируется психологическая совместимость (по темпераменту, опыту, ценностям), лидерский потенциал кандидата и степень соответствия его профиля идеальной модели, существующей у нанимающей стороны. Фактически, признание кандидата неформальным лидером становится важным индикатором его будущей успешности.

Эффективность управленческой деятельности в образовательной организации зависит от комплекса психологических характеристик руководителя. В их структуре особая роль отводится базовым личностным качествам, таким как эмпатия, обеспечивающая глубокое понимание мотивов и состояний подчиненных, стрессоустойчивость, позволяющая сохранять рациональность и продуктивность в условиях высокой напряженности, и развитая коммуникабельность, необходимая для выстраивания конструктивного взаимодействия с каждым из участников образовательных отношений. Не менее важен стиль руководства, будь то авторитарный, демократический или либеральный. Однако его эффективность не является абсолютной и определяется степенью психологической совместимости с конкретным педагогическим коллективом, его ценностями и уровнем развития.

Ключевой задачей руководителя становится формирование высокой мотивации и вовлеченности персонала. Достигается это через ясную постановку стратегических целей, систематическое признание профессиональных достижений сотрудников и создание возможностей для их карьерного роста. Следствием такой политики является формирование благоприятного социально-психологического климата, основанного на ценностях открытости, взаимного уважения и доверия, что, в свою очередь, повышает общую удовлетворенность трудом.

Способность к командообразованию представляет собой еще одну критически важную компетенцию. Эффективный руководитель должен уметь идентифицировать и гармонизировать командные роли (лидер, исполнитель, генератор идей и другие), способствуя синергии коллектива. Неотъемлемой частью этого процесса является управление конфликтами, требующее от руководителя навыков своевременной диагностики напряженности и применения методов конструктивной коммуникации и медиации для их разрешения.

Успех управления образовательной организацией также зависит от учета индивидуально-психологических особенностей каждого сотрудника,

будь то стиль восприятия информации, уровень тревожности или реакции на стресс. Такой персонализированный подход позволяет выстраивать отношения на основе глубокого понимания и доверия. Для объективной оценки этих качеств применяется психодиагностический инструментарий, включающий психологическое тестирование, структурированные интервью и комплексные процедуры ассессмент-центра, что позволяет выявить не только актуальные компетенции, но и личностный потенциал.

Наконец, поддержание высокой эффективности управленческого корпуса невозможно без создания системы непрерывного обучения и развития. Эта система должна включать в себя специализированные тренинги, нацеленные на развитие эмоционального интеллекта и управленческих навыков, а также внедрение института менторства, при котором наставничество со стороны опытных руководителей способствует ускоренной адаптации и профессиональному росту их менее опытных коллег.

Заключение. Эффективный руководитель, подобранный с учетом личностных качеств, становится ключевым звеном в достижении институциональных целей. Он создает тот самый благоприятный климат, который позволяет раскрыться потенциалу каждого сотрудника, превращая педагогический коллектив в сплоченную и развивающуюся команду. Следовательно, психологическая компетентность в вопросах подбора и расстановки кадров – это прямой путь к укреплению кадрового капитала и устойчивому успеху образовательной организации в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Васильев, В. В. Подбор и расстановка персонала в организации / В. В. Васильев // Экономика и социум. – 2017. – №5-2 (36). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podbor-i-rasstanovka-personala-v-organizatsii (дата обращения: 24.09.2025).
2. Егоршин, А. П. Основы управления персоналом : учебное пособие / А. П. Егоршин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 352 с. – (Высшее образование). – DOI 10.12737/1685. – ISBN 978-5-16-019381-6. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2113856 (дата обращения: 20.09.2025).
3. Кравченко, Ю. Р. Профессиональный отбор, расстановка и подготовка кадров как основное направление деятельности службы управления персоналом / Ю. Р. Кравченко // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – №10-1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-otbor-rasstanovka-i-podgotovka-kadrov-kak-osnovnoe-napravlenie-deyatelnosti-sluzhby-upravleniya-personalom (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 159.922.736

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ревуцкая И.В., канд. психол. наук, ORCID 0009-0000-4875-9700
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irina.revutskaja@yandex.com.

Введение. Человеческая жизнь сопровождается целым рядом тех или иных негативных психических состояний. Многие исследователи, такие как С. В. Велиева, Г. М. Генинг, А. О. Прохоров, Ю. Е. Сосновикова, подчеркивают, что психические состояния человека непременно следует рассматривать с учетом возрастного периода, поскольку каждый из периодов развития накладывает свой отпечаток на осознанность, интенсивность, количество и качество переживаемых состояний, умение их регулировать. Н. Д. Левитов отмечает: «Переход с одной возрастной ступени на другую, связанный с перестройкой психических состояний, характерных для пройденного этапа, характеризуется возрастным кризисом» [2, с. 212].

Описывая психические состояния этого возраста, следует отметить, что А. О. Прохоров, Е. Б. Цагарели и другие считают, что актуализация и повторение типичных психических состояний приводят к изменениям в психическом развитии ребенка в дошкольном возрасте, затрагивающим эмоциональную, игровую, когнитивную, социальную сферы личности, а также к появлению психологических свойств, опосредованных социальной ситуацией развития, ведущей деятельностью и психологическими особенностями ребенка [1]. В исследованиях А. О. Прохорова и С. В. Велиевой психические состояния дошкольников были разделены по ведущей психической сфере на эмоциональные, гуманитарные, праксические, мотивационные, перцептивные, интеллектуальные и др. [3].

Цель исследования – изучить особенности развития негативных психических состояний детей дошкольного возраста.

Исследование проводилось на базе МБДОУ Детских садов г. Макеевки в 2025 г. Выборка – 158 детей дошкольного возраста. Было сформировано три группы: младшая – дети 3-4 лет (50 испытуемых); средняя – дети 4-5 лет (53 испытуемых); старшая – дети 4-6 лет (55 испытуемых).

Нами была использована методика Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой «Волшебная страна чувств», которая дает возможность изучить сферу эмоциональных состояний. Мы провели анализ лишь негативных (тревога, вина, отвращение, стыд) состояний у дошкольников, и их связь с телесными проявлениями (голова и шея, туловище до талии, руки до плеч, область бедер, ноги), и цветами «Восьмицветового теста М. Люшера».

На основании анализа результатов, можем констатировать, что состояние *отвращения* чаще всего присуще 94% детей возраста 3-4 лет. Дети отмечает отвращение в области ног и это состояние окрашено в черный цвет, что свидетельствует о неуверенности и даже некоторой агрессии. 86% дошкольников средней возрастной группы (4-5 лет) также отмечают состояние отвращения в ногах, но оно окрашено в желтый и серый цвета, что выражает одновременное желание и ограничение говорить о данном состоянии. 78% дошкольников 5-6 лет обозначают отвращение в области бедер и ног коричневым и синим цветом, что подчеркивает проявление физического дискомфорта, следовательно, в этом возрасте дошкольники начинают испытывать отвращение к себе.

Проанализируем состояние *стыда*, которое отмечается у 86% детей средней возрастной группы (4-5 лет) в области туловища до талии, – зона эмоций, раскрашена фиолетовым цветом, что передает эмоциональность и гиперчувствительность к внешним воздействиям. Дети переживают стыд, как боязнь осуждения со стороны окружающих. Также дети отмечают ноги – зона опоры – и стыд окрашен в черный цвет, что говорит о стыде не только за себя, но и за своих близких. 84% дошкольников младшей группы (3-4 года) также отмечают это состояние в области туловища до талии фиолетовым цветом. Это свидетельствует об осуждении ребенком самого себя. 80% детей старшей возрастной группы (5-6 лет) отмечают стыд в области ног черным цветом, а также в зоне бедер (область творческих переживаний) и закрашивают серым цветом. Такое сочетание показывает, что из-за понимания своего состояния (или из-за чувства стыда за близких) дети в возрасте 5-6 лет не хотят об этом говорить.

Переходя к анализу *вины*, отметим, что, одинаковое количество детей (86%) в возрасте 4-5 лет испытывают вину, стыд и отвращение – такие показатели позволяют говорить о связи между этими негативными состояниями. Чаще всего дети отмечают чувство вины в области туловища и раскрашивают его до талии в синий цвет. Следовательно, эмоциональное переживание чувства вины настолько негативно влияет на ребенка в этом возрасте, что он склонен к самопожертвованию в ущерб себе. Дети также отмечают вину в области рук (зона коммуникации) – черным цветом, который символизирует агрессию по отношению к окружающей среде. Дошкольники 3-4 лет (72%) раскрашивают вину в области бедер фиолетовым цветом. В этом возрасте у детей эмоции преобладают над интеллектом, дети не понимают, в чем они виноваты. Еще одно место вины, – это ноги; цвет вины – зеленый. Такое сочетание символизирует возникновение ситуаций, когда ребенка стыдят, заставляя его чувствовать вину, и он, с позиции незнания, непонимания, освобождается от этого негативного переживания через выброс негативных эмоций, слез и капризов. 56% дошкольников с чувством вины наблюдаются в возрасте 5-6 лет. Чем старше становится ребенок, тем более конструктивным становится

это состояние, что является предпосылкой для формирования совести. Дети обозначают вину в зоне «ног» зеленым цветом, следовательно, уже могут оправдать, защитить себя, используя такой механизм, как критика. А также в зоне «рук» окрашивая в черный цвет, что говорит об активном противодействии для оправдания своего чувства вины.

Теперь опишем состояние *тревоги.* Примерно равное количество детей дошкольного возраста 84% 3-4 лет и 83% 4-5 лет, а также несколько меньшее количество детей (71%) 5-6 лет отмечают состояние тревоги в области туловища (грудь, живот, плечи) синим цветом, что свидетельствует об эмоциональном дискомфорте, возвращающем ребенка к внутреннему напряжению, беспокойству. Показательно и то, что во всех группах дети дошкольного возраста отмечают тревожность, как и вину, в ногах, только с той разницей, что дошкольники средней и старшей групп чаще окрашивают тревожность в зоне «ног» в желтый цвет. Следовательно, тревога негативно влияет на способность ребенка принимать решения, а также провоцирует неуверенность при смене привычной обстановки. Дошкольники 3-4 лет отмечают тревогу в ногах красным цветом; это означает, что тревожное состояние связано с расходом энергии ребенка, а именно: беспомощность, бессилие, неуверенность проявляются в виде плача, капризов, раздражения.

Таким образом, сравнивая полученные результаты разных возрастных групп детей дошкольного возраста нами были зафиксированы следующие тенденции особенностей развития негативных психических состояний: а) дошкольники 5-6 лет начинают осознанно испытывать отвращение к себе; б) в 3-4 года дети уже осознают, что им стыдно и могут сожалеть о содеянном, а в возрасте 5-6 лет начинают испытывать стыд не только за себя, но и за своих близких; в) в среднем дошкольном возрасте (так как формирование чувства вины приходится на возраст ребенка 4–5 лет) состояния отвращения, стыда и вины становятся взаимозависимы; г) в старшем дошкольном возрасте (5-6 лет) чувство вины приобретает конструктивную форму проявления, что является предпосылкой для формирования совести; д) состояние тревоги возвращает ребенка к беспомощности, что проявляется чаще в младшем и среднем дошкольном возрасте в склонности к самопожертвованию в ущерб себе.

Список литературы

1. Ванюхина, Н. В. Особенности психических состояний детей подросткового возраста: дис. на соискание уч. степени канд. психол. наук: спец. 19.00.13. / Вапнюхина Надежда Владимировна // Ин-т экономики, управления и права. – Казань, 2004. – 215 с.
2. Левитов, Н. Д. О психических состояниях человека / Н. Д. Левитов. – Москва.: Просвещение, 1964. – 344 с.
3. Прохоров, А. О. Психические состояния детей дошкольного возраста / А. О. Прохоров, С. В. Велиева // Вопросы психологии. – 2003. – № 5. – С. 56-67.

УДК 37.015.31

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Рынгач Е.В., ORCID 0009-0004-2416-3602
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
e.ryngach@mgumariupol.ru

В условиях современного социально-экономического, культурно-исторического и информационного развития, интенсификации профессиональной деятельности особенно остро встает проблема совершенствования процесса подготовки конкурентоспособных специалистов в области психологии. Особый интерес к профессиональному развитию будущих психологов обусловлен высокой социальной значимостью профессии психолога, стремительным ростом ее популярности и расширением сфер применения. По этим причинам проблема личностно-профессионального развития будущих психологов находится в центре внимания многих отечественных и зарубежных ученых.

По мнению К. Д. Катькало составляющими личностно-профессионального развития личности психолога являются оптимизм, эмоциональное благополучие (эмоциональный компонент), активность, жизнестойкость (ресурсный), профессиональная идентичность, способность применять навыки в работе (деятельностный компонент), анализ собственной деятельности и её прогнозирование (рефлексивный компонент) [1].

Как отмечает С.С. Котова среди общих личностно-профессиональных качеств психолога особенно следует выделить следующие параметры: выдержка, эмоциональная устойчивость, сильный тип нервной системы, спокойствие, способность объективно оценивать обстановку, стрессоустойчивость; научно-гуманистическое мировоззрение, логика мышления, профессиональная рефлексия, творчество, проницательность, аналитичность, прогностичность, сензитивность; социабельность, профессиональная мотивированность, коммуникабельность и великодушие, тактичность и дипломатичность, добросовестность, нравственность, смелость в решении практических вопросов, ответственность [2].

Такие отечественные ученые, как Р. Д. Каверина, Е. П. Ермолаева подчеркивают, что помогающие профессия направлена на защиту, содействие и развитие другого объекта. Также они определяют, что представители помогающих профессий должны обладать такими личностными особенностями, как доброжелательность, заинтересованность, терпение, которые не фиксируются в нормативных документах, но являются особо важными [3].

Е. А. Володарская и О. Ю. Филипенко выделяют личностные особенности, характерные для психолога. В частности, выраженная готовность к контактам; общая интеллектуальность; умение поддерживать контакты, т.е. стрессоустойчивость в процессе общения; умение контролировать свое поведение, т.е. сохранять эмоциональное самообладание в процессе общения; аттракция; эмоциональная заразительность; эмпатия; опора на себя в принятии решений [4].

На основе анализа научной литературы определены критерии успешного личностно-профессионального развития будущих психологов: эмоциональный интеллект, коммуникативная социальная компетентность, креативность, стрессоустойчивость. В исследовании приняли участие 334 студента, обучающихся по направлению «Психология».

Согласно результатам исследования, будущие психологи обладают достаточными навыками понимания других и осознания собственных эмоций для профессиональной деятельности. Будущие психологи демонстрируют средний уровень сформированности коммуникативной социальной компетентности с тенденциями к высоким показателям по открытости, логическому мышлению и чувствительности; эмоциональная устойчивость и жизнерадостность на среднем уровне, независимость – ближе к нижней границе среднего, асоциальное поведение на низком уровне.

Среднее значение показателя стрессоустойчивости составило 33,79 (мин = 24, макс = 54, SD = 5,30), что указывает на преимущественно средний уровень. Средний уровень стрессоустойчивости характеризуется способностью справляться с трудными жизненными ситуациями, однако, в некоторых случаях копинг-стратегии могут быть неадаптивными.

Будущие психологи способны генерировать и реализовывать идеи с помощью образных и вербальных средств, однако требуется целенаправленное развитие аналитико-количественных навыков и абстрактной рефлексии для повышения их исследовательской и научно-методической компетентности.

Кроме того, выявлены прямые связи между показателями эмоциональной устойчивости, независимости, логичности мышления, знакового мышления и эмоционального интеллекта, а также прямые связи между показателями знакового мышления и независимости, чувствительности. Следовательно, независимые студенты чаще проявляют инициативу в рефлексии и преобразовании эмоционального и когнитивного опыта в знаковые формы, что помогает им обрабатывать информацию и лучше доносить её. Следовательно, повышение одной из характеристик способствует улучшению остальных, что свидетельствует о необходимости разработке сопровождения студентов, направленного как на развитие эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости, так и креативности, мыслительных процессов.

Список литературы

1. Катькало, К. Д. Особенности личностно-профессиональной самореализации педагогов-психологов / К. Д. Катькало // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2023. – Т. 12, № 4(48). – С. 357-372.
2. Котова, С. С. Социально-психологические особенности студентов-психологов в контексте специфики их профессионального становления / С.С. Котова // Психологическое сопровождение в системе образования : Сборник научных трудов по материалам Международной междисциплинарной научно-практической конференции "Психология и психологическая практика в современном мире", Екатеринбург, 06-07 апреля 2015 года / ФГАОУ ВПО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Научные редакторы: Б.Ю. Берзин, Э.Э. Сыманюк. – Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 83-87.
3. Каверина, Р. Д. Опыт психологической классификации некоторых профессий в целях профконсультации / Р.Д. Каверина // Вопросы психологии. – 1978. – Т. 4. – С. 64-73.
4. Володарская, Е. А. Психологические характеристики имиджа современного психолога / Е.А. Володарская, О.Ю. Филипенко // Человеческий капитал. – 2023. – № 5(173). – С. 154-167. – EDN ZJLFNE.

УДК 37.062.1

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КУРСАНТОВ В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

Самедова Ю.А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0006-9154-2666
ФГКВОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, РФ
2010sham@rambler.ru

Введение. В современной концепции развития Вооруженных Сил Российской Федерации внимание уделяется не только совершенствованию научно-технической составляющей, но и формированию высокого уровня политического сознания личности, соответствующего сегодняшним реалиям. В этих условиях подготовка специалистов по организации военно-политической работы, обладающих спектром профессиональных компетенций, а также личностных качеств, является важным аспектом высшей военной школы.

Цель исследования – проанализировать отличительные особенности образовательного процесса, в рамках которого осуществляется подготовка специалистов по соответствующей специальности, определить условия для успешной адаптации курсантов к условиям обучения в военном вузе.

Основная часть. Процесс адаптации курсантов первых курсов весьма важен, так как большинство из них имеет слабое представление о специфике выбранной профессии, характере задач, которые предстоит выполнять в рамках образовательного процесса, что негативно сказывается на учебной мотивации обучающихся, порождая массу сопутствующих проблем. Различие используемых в средней и в высшей школе методах обучения и его организации, порождает определенный дидактический барьер между преподавателем и курсантом. Новая обстановка, в которую попадает молодой человек, во многом обесценивает приобретенные в школе способы усвоения учебного материала. Они не приносят ожидаемого результата при овладении вузовской программы. При этом не всегда приводят к успеху попытки исправить ситуацию усидчивостью.

Таким образом, недостаточная преемственность между школой и вузом, увеличение объема информации, отсутствие навыков планомерной самостоятельной работы приводят курсантов к существенному эмоциональному напряжению, вызывающему разочарование в выбранной профессии. Напряженность усиливается вследствие новых, регламентирующих индивидуальный стиль жизни, требований, которые изменяют всю систему общения курсантов, ограничивают контакты с родными, друзьями, знакомыми. На смену им приходит новый круг общения, в котором совмещаются не только неформальные связи, но и регламентированные требованиями документов взаимодействия.

К определенным психологическим трудностям в процессе адаптации может приводить наличие маскулинного типа отношений. В большинстве случаев в семье, в учебных заведениях воспитанием и обучением молодых людей занимаются женщины. После поступления в военный вуз общение и взаимодействие юноши полярно меняет гендерную характеристику. Их наставниками становятся мужчины, чья воспитательная и обучающая деятельность проходит в основном в приказном порядке с выполнением строгого регламента устава и приказов.

Еще одним фактором, вызывающим определенные затруднения в процессе адаптации, является тот факт, что в дошкольных и школьных учебных заведениях дети находятся в гетерогенных группах, в то время как в военном вузе отношения становятся гомогенными. Нехватка в общении с противоположным полом приводит к психологическому дискомфорту.

На начальном этапе трудности курсанта обусловлены также адаптацией на физиологическом уровне. Она связана с перестройкой организма. В условиях армейской жизни первокурсникам нелегко даются высокие физические и психофизиологические нагрузки, изменение режима

труда и отдыха, питания, периодического изменения режима сна и бодрствования в связи с несением внутренней и караульной службы. Если до поступления в военный вуз первокурсник проживал в других климатических и географических условиях, то ему приходится приспосабливаться и к факторам изменившейся природной среды.

Успешность преодоления возникающих трудностей данного периода определяет вектор дальнейшего профессионального самоопределения молодого человека. Изучение проблемы адаптации осуществлялось в рамках многих наук. В военной психологии она рассматривается в рамках общепринятых традиций, с позиции которых «адаптация» понимается как приспособление организма к условиям окружающей среды и особенностям, возникающим из-за этого, внутренним изменениям. Результатом такого приспособления является повышение функционирования организма [1]. В рамках данного исследования интерес представляет определение, предложенное Е. В. Чучелиной. Она рассматривает процесс адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза как приспособление психики к условиям социальной среды посредством оптимизации отношений с учебной группой [2].

Учитывая данные аспекты, под адаптацией курсантов к условиям обучения в военном вузе по специальности «Военно-политическая работа», мы понимаем активное приспособление к специфике учебной деятельности, условиям воинской среды, сопровождающееся формированием психических новообразований, изменениями в структуре личности, в результате чего проявляется осознанное стремление к учёбе, всестороннему и глубокому освоению специальности.

Среди критериев адаптации к условиям обучения в военном вузе можно выделить следующие: учебная успеваемость, эффективность выполнения служебных обязанностей, усвоение воинских норм поведения, степень интеграции личности и социальной среды курсантского коллектива, эмоциональное самочувствие, особенности потребностно-мотивационной сферы, смысложизненные ориентации курсантов.

В организации и проведении психолого-педагогического сопровождения адаптации курсантов к условиям обучения в военном вузе можно выделить следующие направления:

- диагностическое, включающее изучение личностных и адаптивных особенностей курсантов, их мотивационно-ценностной сферы;
- просветительско-консультативное, заключающееся в информировании о правилах поведения и обучения в военном вузе, особенностях работы с учебно-методическими и научными источниками информации т.д.;
- коррекционно-развивающее, предполагающее обучение приемам психической саморегуляции, упражнениям на формирование навыков самостоятельной учебно-познавательной деятельности.

Анализ научной литературы и практический опыт работы позволил выделить ряд педагогических условий, оказывающих влияние на успешность адаптации курсантов-первокурсников, обучающихся по специальности «Военно-политическая работа» к образовательной среде военного вуза: взаимодействие субъектов образовательной деятельности на всех уровнях: вуза, факультета, кафедры, курса; психолого-педагогическая компетентность профессорско-преподавательского и офицерского состава; учет психологических и индивидуально-личностных особенностей будущих военных специалистов, оказывающих влияние на протекание адаптационных процессов.

Заключение. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что успешность адаптационного периода курсантов-первокурсников в условиях образовательного процесса военного вуза обеспечивается целостной системой психолого-педагогического сопровождения, учитывающей все аспекты данного процесса.

Список литературы

1. Камышев, А. А. Современные проблемы адаптации курсантов к обучению в высшем военно-учебном заведении. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5709 (дата обращения: 23.09.2025).
2. Глухова, Т. Г. Социально-психологическая адаптация первокурсников к процессу обучения в изменившихся условиях / Т. Г. Глухова, Е. В. Чучелина // Наука и образование транспорту. – 2022. – №2. – С. 201-204. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=apmqeo (дата обращения 22.09.2025).

УДК 159.9

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Слюсарская Т.В., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-1532-7618
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого», г. Тула, РФ
slusarskaya@mail.ru

Проблема помощи детям с особыми образовательными возможностями и потребностями жизнедеятельности в настоящий момент является одной из важнейших в Российской Федерации. Современные данные (на 01.06.2025 г.) говорят о том, что дети от 0 до 14 лет составляют 17,6% населения нашей страны, это около 25,6 тыс. человек. По данным Министерства образования Российской Федерации 4,5% детей от общего количества имеют различные отклонения и нуждаются в специальной

(коррекционной) помощи, и только 38% детей, имеющих особый путь развития, интегрированы в общеобразовательную среду. Что касается группы старших подростков и молодежи с ограниченными возможностями здоровья, то на сегодняшний день они имеют возможность свое дальнейшее образование продолжить в учреждениях профессионального образования как в специальных, так и инклюзивных формах обучения. В последние годы наметился заметный сдвиг в системе специального профессионального образования. Соответственно встает актуальный вопрос не только формального исполнения своих профессиональных функций педагогами, дефектологами, специальными психологами, социальными педагогами для осуществления образовательного процесса детей с особыми образовательными потребностями, и не только позиция компетентного инициатора детского развития, а активная защита его интересов, истинный альтруизм. При этом мы должны понимать, что такого отношения или результата от будущего педагога можно получить не только расширением его когнитивных компетенций, но и стимулированием эмпатических проявлений (синтонических реакций) на реалии жизни людей с нарушениями развития.

Уникальным методом воздействия на личностную направленность Б. М. Теплов считает психологический анализ художественных образов. На наш взгляд, это может стать актуальным источником альтруистического поведения будущих специалистов в контексте изменений подходов в области обучения как педагогов, так и детей [1].

Как утверждали Д. Юм [2], Э. Берн [3] в своих психофилософских теориях «вчувствования»: «…значимые аффекты проецируются в произведения искусства в объективированных формах (цветовая палитра картины, оттенок звука, слова, экспрессивные линии рисунка и т. д.), могут вызывать аналогичные эмоциональные переживания и у воспринимаемого субъекта». Авторы подчеркивают, что «эмпатическое переживание или реагирование индивида может являться основой альтруистического поведения».

Структурной доминантой сознания Ф.Е. Василюк считает чувственную ткань образа, где доминирующим процессом сознания соответственно выступает процесс непосредственного переживания. В этот момент, по мнению автора, телесное существование субъекта становится феноменологической очевидностью [4]. Феноменологическая же очевидность по определению Э. Гуссерля трактуется как переживание, эмпатия между мысленно полагаемым (воображаемым) и присутствующим субъектами объединённых общим пережитом смыслом. Смысл внутреннего мира личности – это чувственная ткань, выступающая как единица тела, как представитель мира человеческого тела в образе сознания и одновременно как интегральная сущность целостного образа, раскрывающегося как в произведениях искусства, так и художественной литературе [5].

Сила воздействия образа, по нашему мнению, не заканчивается с завершением чтения художественного произведения или рассмотрения картины, фильма, а напротив образы только начинаю проникать в глубь сознания и бессознательного, проявляясь в полной мере, продолжая корректировать мотивы, ценностные установки, стимулы, и в результате меняя личности и его поведение в целом. Идентификация с персонажем или переживаемые им трагические события создает особое состояние у субъекта причастности к переживаниям героев в сложных ситуациях. Язык художественного образа позволяет понимать сложные жизненные ситуации и находить оптимальный позитивный выход их них. Таким образом, можно отметить, что позитивным моментом в преодолении ситуации некорректного развития и воспитания особого ребёнка и его родителей, а также и специалистов, работающих в этой области может стать специально организованное опосредованное художественной образностью восприятие художественных произведений, раскрывающих особенности жизни и развития людей, в том числе и детей, имеющих различные нарушения здоровья. Это может стать значимым стимулом профессиональной мотивации в личностном росте будущих специалистов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья и их родителями.

Список литературы

1. Теплов, Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы / Б.М. Теплов // Профессиональная библиотека школьного библиотекаря. Серия 1. – 2013. – №5-6. – С. 184-191. – URL: https://rucont.ru/efd/441335 (дата обращения: 01.10.2025).
2. Юм, Д. Исследование о человеческом разумении / Д. Юм. – Москва : Рипол классик, 2025. – 140 с. – ISBN 978-5-386-15369-4.
3. Берн, Э. За пределами игр и сценариев / Э. Берн – Москва : Бомбора, 2022. – 480 с. – ISBN 978-5-04-158348-4.
4. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – СПб.: Питер (Айлиб), 2024. – 435 с. – ISBN 978-5-4461-4127-2.
5. Гуссерль, Э. Логические исследования / Э. Гуссерль. – Москва : Академический проект, Серия Философские технологии, 2024. – 1304 с. – ISBN 978-5-8291-4257-5.

УДК 159.99

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ МУЗЫКАНТОВ К КОНЦЕРТНЫМ ВЫСТУПЛЕНИЯМ И НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СЦЕНИЧЕСКОГО ВОЛНЕНИЯ

Строева О.С., Строев А.Ф.
ГБУ ДО города Москвы «Детская музыкальная школа имени Эдварда Грига»,
г. Москва, РФ
olga_stroeva@mail.ru

Введение. В современной музыкальной педагогике часто наблюдается недостаточное внимание к аспектам психологической подготовки исполнителей, что существенно влияет на качество их концертных выступлений. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных технической и теоретической подготовке музыкантов, психологическая составляющая зачастую остается в тени. Это приводит к ряду ошибок, которые могут отрицательно сказаться на результатах выступления.

Цель статьи показать возрастающую роль психологической подготовки исполнителей для преодоления негативных форм сценического волнения.

Основная часть. Страх сцены, боязнь выступать прилюдно и неуверенность в себе – это распространенные психологические барьеры, с которыми сталкиваются многие музыканты на пути к успешным концертным выступлениям. Эти проблемы могут существенно повлиять на качество исполнения и профессиональное развитие исполнителя. В большинстве случаев такие страхи обусловлены недостаточной психологической подготовкой и отсутствием навыков управления своим эмоциональным состоянием.

Вопросами подготовки музыкантов к сценическому выступлению интересовались многие выдающиеся музыканты и педагоги, такие как Г. Г. Нейгауз, Л. А. Баренбойм, Г. М. Коган [2, с. 3], С. Е. Фейнберг и другие. Однако их рекомендации не были достаточно систематизированы. Все советы, часто основанные на личном опыте, были разбросаны по разным книгам, а не объединены в единый методический раздел.

В настоящее время преподаватели часто дают молодым музыкантам единый для всех рецепт аутотренинга без учёта индивидуальных особенностей личности. Поэтому одной из ключевых ошибок является игнорирование индивидуальных психологических особенностей музыканта. Но не бывает двух одинаковых артистов, которые испытывают одинаковое психологическое состояние в момент выхода на сцену.

Для кого-то выход на сцену является большим испытанием. Исполнитель видит сотни устремленных на него глаз и от этого начинает чувствовать себя неуверенно и даже беспомощно. Другой боится забыть текст и начинает паниковать. [1, с. 51]. Третьему уже все надоело, и он хочет уйти домой. А четвертый, наоборот, с нетерпением ждет выхода на сцену, испытывая состояние творческого подъёма и радость от предстоящего общения с публикой.

Унифицированные подходы к подготовке молодых музыкантов к сценическим выступлениям не учитывают уникальные эмоциональные и когнитивные характеристики каждого исполнителя, что может привести к повышенной тревожности и неуверенности в своих силах.

Введение систематического обучения методам саморегуляции и стресс-менеджмента, комплексных обучающих программ, направленных на регуляцию психического состояния музыкантов, представляет собой важный шаг в преодолении сценического волнения и повышении уверенности исполнителей. Одной из ключевых составляющих таких программ является использование проблемного метода обучения. Этот подход позволяет музыкантам активно вовлекаться в процесс подготовки, самостоятельно находить решения возникающих трудностей и развивать навыки психологической саморегуляции [3, с. 119].

Проблемный метод обучения способствует формированию критического мышления и адаптивных стратегий поведения в стрессовых ситуациях. Музыканты учатся анализировать свои эмоциональные реакции и применять эффективные техники для их контроля, что значительно снижает уровень тревожности перед выходом на сцену.

Эффективная работа над преодолением страха сцены требует комплексного подхода, включающего регулярные тренировки в условиях, максимально приближенных к концертным. Это позволяет снизить уровень тревожности и повысить уверенность в своих силах.

Одной из распространенных ошибок является непродуманная организация занятий на заключительном этапе подготовки, недостаточная работа над формированием позитивного отношения к сцене. Многие педагоги сосредотачиваются исключительно на технических аспектах исполнения, упуская из виду необходимость работы над психологической устойчивостью исполнителя, важностью создания положительного эмоционального фона вокруг концертной деятельности. В результате, даже при безупречной технической готовности, музыкант может испытывать сильное волнение перед выходом на сцену, что приводит к ошибкам, снижает качество исполнения и становится непреодолимой преградой для многих талантливых исполнителей.

В заключительном этапе подготовки необходимо внедрять элементы ментальной тренировки, включая мысленные исполнения произведений и моделирование различных сценариев выступления. Эта техника

визуализации позволяет исполнителям «проживать» концертное выступление в безопасной обстановке, что способствует укреплению уверенности в своих силах и улучшению концентрации во время реального исполнения. Мысленные исполнения помогают музыкантам закрепить последовательность действий и снизить вероятность ошибок, вызванных нервозностью, укрепить психическую устойчивость. Такой подход позволяет музыкантам заранее проработать возможные стрессовые ситуации и научиться контролировать свои эмоции во время реального концерта.

Не менее важным аспектом является повышение уровня компетентности педагогов, которые занимаются подготовкой музыкантов к концертным выступлениям. Педагоги должны обладать не только профессиональными музыкальными знаниями, но и навыками психологической поддержки своих учеников. Это включает в себя понимание основ психологии стресса, знание методов управления эмоциональным состоянием и способность адаптировать образовательные программы под индивидуальные потребности каждого ученика.

Заключение. Таким образом, систематическая работа над психологическими аспектами подготовки к выступлению является неотъемлемой частью профессионального роста музыканта. Это требует от педагогов глубокого понимания психологии учеников и умения адаптировать обучающие программы с учетом индивидуальных особенностей каждого исполнителя. Интеграция обучающих программ по регуляции психического состояния в процесс подготовки музыкантов может значительно повысить их уверенность и готовность к публичным выступлениям. Это требует комплексного подхода, включающего инновационные методы обучения и постоянное развитие профессиональных компетенций педагогов.

Список литературы

1. Баренбойм, Л. А. Музыкальная педагогика и исполнительство / Л. А. Баренбойм. – Ленингр. отд-ние : Музыка, 1974. – 336 с.
2. Коган, Г. М. У врат мастерства / Г. М. Коган. – Москва : Сов. композитор, 1977. – 176 с.
3. Петрушин, В. И. Музыкальная психология : учебник и практикум для вузов / В. И. Петрушин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 380 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-05289-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/513391

УДК 159.9

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПСИХОЛОГОВ-МАГИСТРАНТОВ

Трофимова Е.Л. , канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0002-9940-064X,
Солнцева Ж.А.
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». г. Иркутск, РФ
trofimova-bgy@mail.ru; solntsevazhnn.psy@gmail.com

Введение. Одной из характерных особенностей современной системы высшего образования является реализация многоуровневой подготовки специалистов, при которой освоение психологической специальности становится возможным на второй ступени высшего образования – магистратуре, без наличия базового психологического образования. Данная образовательная парадигма, с одной стороны, соответствует принципам академической мобильности и междисциплинарности, закрепленным в Болонском процессе, но с другой – порождает ряд методологических и дидактических проблем.

Отсутствие базовой психологической подготовки на уровне бакалавриата выступает значимым фактором, детерминирующим качество профессиональной социализации будущих специалистов, глубину усвоения специальных знаний и формирование целостного профессионального мировоззрения. Данный аспект требует методологического осмысления и возможной корректировки образовательных стандартов в области психологического образования [1; 2].

Цель исследования – выявить уровень сформированности профессиональной идентичности у студентов магистратуры по направлению «Психология». Гипотезой выступило предположение, что большая часть магистрантов с базовым психологическим образованием имеют сформированный уровень профессиональный идентичности, в то время как статус профессиональной идентичности магистрантов с базовым не психологическим образованием определяется как мораторий или неопределенный.

Основная часть. Профессиональная идентичность играет ключевую роль в процессе профессионального самоопределения и самореализации. В условиях высокой конкуренции на рынке труда важно не только обладать необходимыми навыками и знаниями, но и иметь четкое представление о своих профессиональных целях и ценностях. Это помогает принимать обоснованные карьерные решения и достигать успеха в выбранной сфере деятельности. Согласно Э. Ф. Зееру, профессиональная идентичность представлена в виде профессионального «Образа-Я», который включает в себя неповторимость собственного «Я», профессиональные стереотипы, а

также рассматривается как понимание своего единства с профессиональным образом «Я» [3].

Одной из наиболее разработанных концепций профессиональной идентичности является работа Л. Б. Шнейдер, в которой раскрыты структуры, генезис, динамика профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность – «это не только осознание своей тождественности с профессиональной общностью, но и ее оценка, психологическая значимость членства в ней, разделяемые профессиональные чувства, своеобразная ментальность, ощущение своей профессиональной компетентности, самостоятельности и самоэффективности, т. е. переживание своей профессиональной целостности и определенности» [4, с. 20].

В качестве диагностического инструментария были использованы:

1. Методика изучения профессиональной идентичности Л. Б. Шнейдер (МИПИ).

2. Опросник А.А. Азабель «Профессиональная идентичность» для определения уровня профессионального самоопределения.

В выборку исследования вошли 50 респондентов – студентов магистратуры по направлению 37.04.01 «Психология», из них 12 мужчин и 38 женщин, в возрасте от 22 до 56 лет, 31 из которых обучались на бакалавриате или специалитете по направлению «Психологическое консультирование», «Общая психология» или «Психология личности», 19 представителей выборки обучались по вариативным учебным направлениям.

Результаты исследования типов профессиональной идентичности психологов магистрантов по методике «МИПИ» представлены на рисунке.

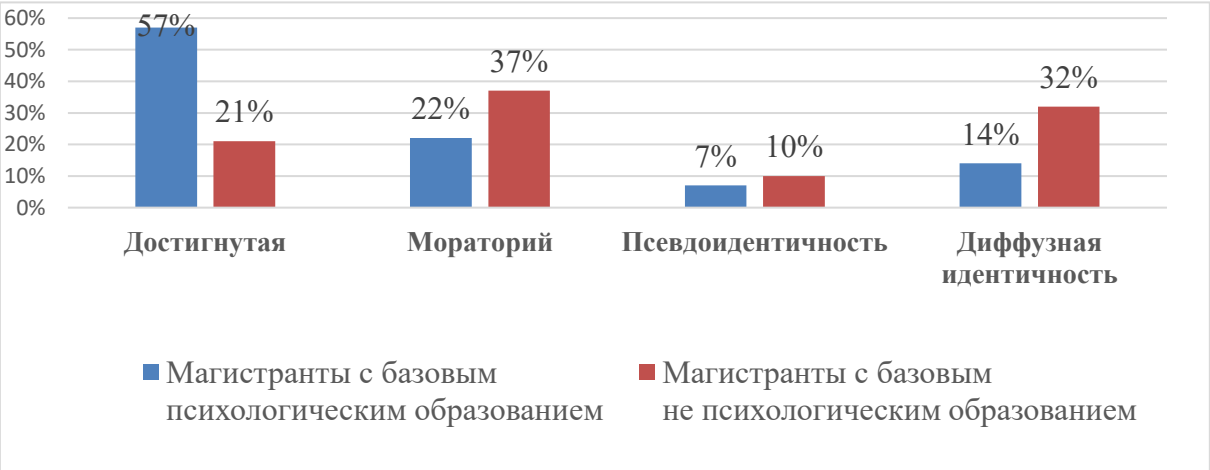

Рис. Распределение магистрантов по типам профессиональной идентичности (в %)

Среди студентов с базовым психологическим образованием 57% продемонстрировали сформированную профессиональную идентичность, что свидетельствует об успешном завершении этапа профессионального

самоопределения, тогда как у магистрантов с базовым непсихологическим образованием только 21% имеют сформированную профессиональную идентичность и смогли гармонично соединить предыдущий профессиональный опыт с психологическим образованием, создав целостный образ профессионального «Я».

В состоянии моратория, характеризующегося активным поиском профессионального «Я» и кризисом самоопределения, находятся 22% магистрантов с базовым психологическим образованием и 37% студентов с базовым непсихологическим образованием. Показатели диффузной идентичности и псевдоидентичности выше среди респондентов без базового психологического образования.

Данные полученные по методике А. А. Азбель подтвердили значимые различия между группой магистрантов с базовым психологических образованием и с базовым не психологическим образованием (U-критерий Манна-Уитни) по шкалам: «Сформированная идентичность» (0,019 при $p \leq 0,05$); «Неопределенная идентичность (0,049 при $p \leq 0,05$).

Заключение. Результаты проведенного исследования подтверждают, что магистранты с психологическим образованием демонстрируют более высокий уровень сформированности профессиональной идентичности по сравнению с группой без базового психологического образования, что может объясняться продолжительным сроком обучения по одной специальности и полном принятии профессии психолога в качестве основной сферы трудовой деятельности. Вместе с этим, магистранты с непсихологическим образованием значимо чаще проявляют признаки неопределённой профессиональной идентичности, что может быть связано с активным поиском сферы трудовой реализации и адаптацией к новой профессиональной сфере. Формированию профессиональной идентичности могут способствовать встроенные в учебный план магистратуры факультативные курсы, а также программы группового психологического консультирования, направленные на развитие профессионального самоопределения психологов – магистрантов.

Список литературы

1. Ермолаева, М. В. Развитие личностных качеств студентов в ходе обучения в магистратуре / М. В. Ермолаева, Е. И. Исаев, Д. В Лубовский // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25. – №. 2. – С. 33-43.
2. Иванова, Н. Л. Профессиональная идентичность студентов магистратуры: особенности и проблемы формирования / Н. Л. Иванова // Личностно-профессиональное и карьерное развитие: актуальные исследования и форсайт-проекты. – 2018. – С. 73-77.
3. Зеер, Э. Ф. Психология профессии / Э. Ф. Зеер – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного профессионально-педагогического университета, 2000. – 245 с.
4. Шнейдер, Л. Б. Психология идентичности / Л. Б. Шнейдер. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 328 с.

УДК 37.013.42-053.2-056.24

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Ужченко И.Ю., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0001-6862-1223
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
ms.uzhchenko@mail.ru

Статистика ВОЗ свидетельствует: различными болезнями опорно-двигательного аппарата страдает 80% населения. В детской популяции 22% детей сталкиваются с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА). Достаточно острой остается проблема обеспечения детей с НОДА специальным образованием, вопросы их профессиональной ориентации и социальной адаптации. Интеграция детей с НОДА в общеобразовательное пространство осуществляется хаотично, не учитываются особенности развития таких детей, не обеспечивается коррекция недостатков их психофизического состояния. Ведущей идеей современного специального образования является ориентация на эффективное использование сохранных систем и функций, способных взять на себя компенсаторно-коррекционную нагрузку, целенаправленное развитие психических процессов, обусловливающих уровень овладения знаниями, умениями, навыками и соответствующую образованность ребенка, его интеграцию в общество [1].

Именно на решение указанных выше вопросов направлено социально-психологическое сопровождение детей с НОДА к обучению в общеобразовательной школе. Цель сопровождения: создание оптимальных условий для достижения социальной зрелости каждой личностью, развитие тех способностей, которые нужны ей и обществу, достижение определенного уровня образованности, используя потенциал компенсаторно-коррекционных возможностей, включение ее в социально-значимую деятельность, обеспечение тех знаний, умений и навыков, черт характера, которые делают возможной ее нормальную жизнь в социуме.

Основными задачами сопровождения являются: адаптация ребенка к общеобразовательному учреждению и новым видам деятельности; комплексное психолого-медико-педагогическое обследование ребенка в динамике педагогического процесса; развитие коммуникативных умений и навыков; развитие психических процессов и функций компенсирующего характера; подбор индивидуальных форм и методов психокоррекции и психопрофилактики; формирование адекватного семейного отношения к особенностям обучения и развития ребенка, максимальное включение семьи в педагогический и коррекционный процессы; интеграция в общество.

Разработка варианта социально-психологического сопровождения детей дошкольного возраста с нарушением опорно-двигательного аппарата к обучению в общеобразовательной школе является результатом творческого поиска, шагом по совершенствованию учебно-воспитательного процесса в детских дошкольных учреждениях, где рядом с нормотипичными детьми воспитываются дети с нарушениями психофизического развития. Апробация проходила в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении Луганской Народной Республики «Луганская специальная (коррекционная) начальная школа – детский VI вида № 29», г. Луганск. Учреждение является специальным (коррекционным) общеобразовательным учреждением для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, реализующее адаптированные образовательные программы начального общего образования и дошкольного образования.

Программа социально-психологического сопровождения представлена следующими разделами: психолого-педагогическая характеристика ребенка с НОДА; коррекционное физическое воспитание; игра; ребенок и социум; художественный труд; вместе с семьей. В разделе «Психолого-педагогическая характеристика детей с НОДА» все особенности ребенка подаются комплексно, идя от ступеньки к ступеньке, что обеспечивает целостное видение ребенка. Значительно расширена сама характеристика возрастных периодов, уделено внимание не только развитию познавательных процессов, но и формированию умения ребенка общаться со сверстниками и взрослыми. Этот раздел является подготовительным и был представлен в виде лектория для педагогов учреждения.

Забота о физическом и психическом здоровье детей является самым главным показателем работы воспитателя. Поэтому главной целью реализации раздела «Коррекционное физическое воспитание» являются физически развитые, закаленные, активные дети, которые спокойно и свободно общаются между собой и со взрослыми.

Основным средством обучения и воспитания малышей является их ведущая деятельность – игра. Наряду с решением познавательных задач значительную роль в разделе «Игра» отведено воспитательным заданиям. Много внимания уделено формированию гуманных взаимоотношений со сверстниками, умению сочувствовать, сопереживать, радоваться общим результатам, помогать в трудных ситуациях, доброжелательно общаться.

Сердцевиной содержания раздела программы «Ребенок и социум» является человековедческий материал. Ознакомление с миром людей направлено на осознание ребенком себя и своего ближайшего окружения. Новым в содержании программы являются начала народоведения. Знания о родном народе, как известно, начинаются с осознания ребенком своего рода. Родное – это свое, близкое, связанное с матерью, родом. У детей формируют

представления об истории своей семьи, привлекают к составлению биографии рода, развивают интерес к своему будущему.

В разделе «Художественный труд» конкретизирована задача воспитания элементов культуры трудовой деятельности, начал позитивного отношения к труду, сотрудничеству; определены задачи формирования организаторских умений.

Программа дополнена еще одним важным разделом «Вместе с семьей». Семья – природная среда ребенка, незаменимая и непревзойденная по силе воспитательного воздействия на нее. Большинство молодых родителей, осознают они это или нет, нуждаются в квалифицированной и доброжелательной помощи со стороны воспитателей. Именно этим объясняется необходимость взаимодействия, даже взаимопроникновения семейного и общественного дошкольного воспитания. Обогатив единую и неделимую воспитательную среду, в которой живет каждый ребенок, эмоциональной искренностью и самоотверженностью родителей, и одновременно такой же искренней любовью к детям, высоким профессиональным мастерством, тактом в отношениях с детьми, их родителями и коллегами – преподаватели дошкольных учреждений совместными усилиями должны создать ту единую воспитательную среду, которая очень нужна для счастливого развития каждого ребенка.

Бытует мнение, что основное назначение дошкольного воспитания в подготовке детей к следующему важному периоду жизни – обучение в школе. Опыт показал, что такая чрезмерная направленность воспитательного процесса на подготовку к школе в значительной мере обедняет дошкольное детство. Цель программы – создание в семье и дошкольном учреждении условий для развития активной, жизнерадостной, творческой личности, воспитанной, увековечивающей, любящей и уважающей родителей, близких, свой край, родной язык, который с детства знает традиции и обычаи своего народа, она ориентирована прежде всего на самоценность дошкольного возраста.

Список литературы

1. Чистякова, Н. В. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА) в условиях реализации ФГОС ОВЗ / Н.В. Чистякова // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2020. – №05(46). – URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/psikhologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-obuchayushhikhsya-s-narusheniyami-oporno-dvigatelnogo-apparata-noda-v-usloviyakh-realizatsii-fgos-ovz.html (дата обращения 12.09.2025).

УДК 159.9

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ульянина О.А., д-р психол. наук, чл.-корр. РАО, ORCID 0000-0001-9300-4825,
Тукфеева Ю.В., канд. пед. наук, ORCID 0000-0001-7963-3684,
Трофимова А.П., ORCID 0009-0001-4259-819X,
Розвезева А.К., ORCID 0000-0002-9423-6457
Федеральный координационный центр по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, РФ
ulyaninaoa@mgppu.ru, tukfeevayuv@mgppu.ru,
trofimovaap@mgppu.ru, sharapovaak@mgppu.ru

Введение. Современная система образования направлена на всестороннее развитие личности обучающегося, включая его академические достижения и эмоциональное благополучие [1]. В связи с этим, совершенствование подходов к организации психолого-педагогической помощи, сопровождение образовательного процесса, профессиональное развитие педагогов-психологов, адаптация обучающихся и создание безопасной образовательной среды – одни из задач развития системы оказания психолого-педагогической помощи [2, 6].

В 2025 году Федеральным координационным центром по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации реализован анализ актуализированных региональных планов (комплексов мер) по развитию психологической службы в системе общего и среднего профессионального образования (далее – Региональные планы).

Цель – выявление системных тенденций и уникальных региональных особенностей в организации оказания психолого-педагогической помощи участникам образовательных отношений.

Основная часть. Анализ мероприятий, включенных в 89 Региональных планов, осуществлялся в двух направлениях: включение в Региональные планы мероприятий в соответствии с федеральной Концепцией [6] и мероприятий, отражающих региональные потребности в психолого-педагогическом сопровождении образовательного процесса.

План мероприятий по развитию системы психолого-педагогической помощи включает пункты, в которых исполнительный орган субъектов Российской Федерации является основным исполнителем. Включенность данных пунктов в Региональные планы составляет от 59,6% до 92,1%.

Большинство субъектов Российской Федерации включают в Региональные планы п. 33, касающийся проведения Недели психологии

(92%), менее включенный – п. 8, связанный с развитием сети ППМС-центров (60%).

Методическое и кадровое обеспечение системы оказания психолого-педагогической помощи всем участникам образовательных отношений – направления, в рамках реализации которых запланировано большинство региональных мероприятий. В Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях помимо методического и кадрового обеспечения ведущим направлением является совершенствование управления деятельностью по организации психолого-педагогической помощи.

Отметим, что при анализе Региональных планов мероприятий по реализации предыдущей Концепции, кадровое обеспечение было также одним из основных направлений [4], что может говорить о сохраняющейся востребованности проведения данных мероприятия, а также о преемственности их реализации в субъектах Российской Федерации.

Кадровое обеспечение и уровень подготовки педагогов-психологов являются важным компонентом системы оказания психолого-педагогической помощи [3]. В региональных планах, исходя из региональных потребностей, предусмотрены мероприятия по кадровому обеспечению, включая анализ кадрового потенциала и прогнозирование потребности в специалистах психологической службы, увеличение штатной численности и поддержку действующих педагогов-психологов.

Реализация методического сопровождения позволяет педагогу-психологу получить необходимую информацию о современных способах и методах работы [5]. В Региональных планах этому направлению отводится значительная часть мероприятий, а именно: реализация деятельности методических объединений и научно-методических советов; методическое сопровождение проведения социально-психологического тестирования, деятельности психолого-педагогических консилиумов; проведение региональной методической недели; методическое сопровождение работы ресурсных классов; актуализация методических рекомендаций по актуальным вопросам психолого-педагогического сопровождения.

Для эффективной помощи обучающимся целевых групп на региональном уровне также планируется комплекс мероприятий по организации экстренной и кризисной психологической помощи (организация работы антикризисных подразделений, мобильных бригад и т.д.) и развитие межведомственного взаимодействия (заключение договоров с профильными организациями и общественными объединениями).

Особое внимание при планировании региональных мероприятий по развитию психолого-педагогической помощи уделяется таким целевым группам (согласно Концепции, на период до 2030 год) как: обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья; дети, проявляющие различные формы отклоняющегося поведения; дети участников (ветеранов) СВО.

Заключение. Проведенный анализ позволил определить, что развитие психолого-педагогической помощи в субъектах Российской Федерации имеет ряд особенностей. Ключевыми направлениями развития системы психолого-педагогической помощи в Региональных планах на период до 2030 года выступает решение вопросов методического сопровождения и развития кадрового потенциала в системе образования.

Список литературы

1. Дубровина, И. В. Психологическая служба на пути своего развития / И.В. Дубровина //. Вестник практической психологии образования. – 2024. – № 21(1). – с. 14-26. – DOI: 10.17759/bppe.2024210101.
2. Матвеева, А. И. Современные подходы к психолого-педагогическому сопровождению в образовательной среде: индивидуализация, цифровизация и профилактика эмоционального выгорания / А.И. Матвеева, Е.Н. Ялунина // Развитие образования. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 84-91. – DOI 10.31483/r-116198. – EDN WXYRWZ.
3. Модель оценки профессиональных компетенций и уровня квалификации педагогов-психологов на основе Профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)» / Е.Н. Волкова, А.Н. Кошелева, И.М. Богдановская, В.В. Хороших // Вестник Мининского университета, – 2017 – № 4. – DOI: 10.26795/2307-1281-2017-4-9.
4. Основные направления развития психологической службы в системе образования Российской Федерации: региональный опыт планирования / О.А. Ульянина, Ю.В. Тукфеева, К.Г. Семенова, А.П. Трофимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1(184). – С. 10-19. – EDN GSQNVH.
5. Умняшова, И. Б. Психолого-педагогическое и методическое сопровождение реализации основных и дополнительных образовательных программ: содержательные аспекты профессиональной деятельности педагога-психолога / И.Б. Умняшова // Вестник практической психологии образования, – 2019. – №16(1). – С. 96-102. – URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2019_n1/Umnyakova (дата обращения: 28.09.2025).
6. Концепция развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Минпросвещения России 18 июня 2024 года № СК-13/07вн [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации, – 2025. – URL: https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitija-sistemy-psikhologo-pedagogicheskoi-pomoshchi-v-sfere-obshchego-obrazovanija/ (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 159.964

ВОЗМОЖНОСТИ ГЛУБИННОЙ ПСИХОКОРРЕКЦИИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ К СОПРОВОЖДЕНИЮ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Шушара Т.В., д-р. пед. наук, проф., ORCID 0000-0003-2300-3995,
Анисимова Л.С., канд. пед. наук, доц. ORCID 0000-0002-6205-2020,
Усатенко О.Н., канд. психол. наук, доц., ORCID 0000-0001-6372-4485
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», г. Херсон, РФ
ada_lari@mail.ru, usatekoxana@mail.ru, tanya.yalos@mail.ru

Введение. Актуальность разработки и внедрения глубинно-ориентированной программы по оптимизации межличностного взаимодействия лиц с ОВЗ обусловлена комплексом социальных, правовых и психолого-педагогических факторов, отражающих современные вызовы в системе инклюзивного образования и социальной интеграции лиц с ОВЗ. Лица с ОВЗ часто сталкиваются с комплексом коммуникативных трудностей: внешние барьеры (стигматизация, предрассудки со стороны общества, отсутствие навыков общения с ними у окружающих); внутренние барьеры (низкая самооценка, повышенная тревожность, чувство неполноценности, трудности в распознавании и выражении эмоций, негативный прошлый опыт общения).

Традиционные методы коррекции часто работают с симптомами (например, обучают социальным навыкам), но не затрагивают глубинно-психологические предпосылки коммуникативных нарушений: внутренние конфликты, бессознательные установки и тенденции поведения, психологические травмы, искаженные образы Я и Другого. Именно глубинная психокоррекция позволяет работать с этими базовыми структурами личности, что приводит к устойчивым долговременным изменениям.

Педагоги-психологи в образовательных учреждениях часто владеют методами поведенческой или когнитивной коррекции, но не имеют достаточной подготовки в области глубинно-ориентированных подходов (арт-терапия, топологическое моделирование и расстановки, психодрама, символдрама, работа с метафорой и образом), которые наиболее эффективны для невербального или затрудненного в общении контингента.

Цель – исследование положительного опыта реализации глубинной психокоррекции для овладения необходимыми компетенциями педагогами-психологами по успешному сопровождению людей с особенными потребностями в ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет».

Основная часть. В ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет» разработана и апробирована комплексная

программа повышения квалификации «Оптимизация межличностного взаимодействия лиц с ОВЗ средствами глубинной психокоррекции», предназначенная для двух взаимосвязанных групп участников специалистов, работающих с лицами с ОВЗ – педагогов-психологов, а также клиентов с ОВЗ, на работу с которыми программа нацелена.

Программа имеет комплексный характер и направлена как на формирование методологии целостного познания глубинно-психологических предпосылок трудностей в общении, та и на решение конкретных практических задач.

Повышение профессиональной компетентности педагогов-психологов – слушатели получают не просто теоретические знания, а практический инструментарий методов глубинной психокоррекции, адаптированный для работы с различными нозологиями (слабослышащими и слабовидящими, лица с нарушениями опорно-двигательного аппарата, ДЦП, ЗПР, РАС).

Создание эффективных средств коррекции: освоенные техники (например, психоанализ авторских и неавторских проективных рисунков, психоаналитическая работа с камнями и игрушками) позволят психологу выявлять и прорабатывать внутренние предпосылки трудностей в общении (страхи, агрессию), которые невозможно выявить в стандартной беседе в силу их имплицитности и неосознаваемости.

Формирование комплексного подхода: программа обучает специалистов не просто работать с отдельным ребенком/взрослым с ОВЗ, но и выстраивать систему его взаимодействия с окружением: оптимизировать его отношения с семьей (родителями, сиблингами) и детским/трудовым коллективом для оптимизации коммуникативной среды в целом.

Разработка и внедрение индивидуальных и групповых коррекционных программ: выпускники курса могут самостоятельно разрабатывать и реализовывать индивидуальные и групповые программы психокоррекции, направленные на: снижение уровня тревожности и агрессии в ситуациях общения; формирование адекватной самооценки и позитивного образа Я; развитие способности к эмпатии и распознаванию эмоций других; осознание и отреагирование психологических травм, препятствующих личностному развитию.

Повышение эффективности инклюзивных процессов: успешная коммуникация – основа инклюзии. Программа способствует не просто физическому, а психологическому включению лиц с ОВЗ в коллектив, что является конечной целью инклюзивного образования и социальной политики Российской федерации.

Методология работы со взрослыми лицами с ОВЗ разработана и научно обоснована в кандидатской диссертации представителем научной школы глубинной психокоррекции Т.В. Некрут. Полученные результаты представлены в монографии «Глубинное познание внутренних противоречий, обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» [1].

К методам, используемым в глубинной психокоррекции для определения глубинно-психологических предпосылок трудностей в межличностной коммуникации с лицами с ОВЗ относятся: авторские методы, разработанные в глубинной психокоррекции (Т. С. Яценко) – психоанализ комплекса тематических психорисунков, психоанализ неавторского рисунка [2]; методы, адаптированные к методологии глубинного подхода целостного познания психики – психоанализ игрушки, предметных моделей, групповой рисунок, психоанализ сказки о своей жизни, ролевые игры, психодраматические приемы, лепка, моделирование из камней, топологическое моделирование, психогимнастические и невербальные упражнения и мн. др. [3-4].

Заключение. Таким образом, создать эффективную систему подготовки психологов-педагогов, способных к профессиональному и успешному сопровождению детей с ОВЗ, в дистанционном формате подготовки, возможно реализовать при комплексном использовании представленных подходов, обеспечивающие решения профессиональных задач в современных условиях.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках выполняемого в 2025 г. Государственного задания на научные исследования по заказу Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научно-методическое обеспечение формирования готовности студентов к сопровождению детей с ОВЗ при дистанционном формате подготовки будущих педагогов-психологов» № 073-00036-25-01).*

Список литературы

1. Некрут, Т. В. Глубинное познание внутренних противоречий обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: монография / Т.В. Некрут. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – 436 с.
2. Яценко, Т. С. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков (глубинно-психологический аспект) / Т. С. Яценко (и др.). – Москва : СИП РИА, 2000. – 193 с.
3. Теория и практика глубинной психокоррекции [Текст] : Четвертая и Пятая авторские школы академика НАПН Украины Т. С. Яценко / МОНМС Украины, МОНМС АР Крым, Нац. пед. ун-т им. М. П. Драгоманова, РВУЗ «КГУ», Научно-исследовательский центр глубинной психокоррекции ; ред. Т. С. Яценко ; сост.: В. П. Андрущенко, А. В. Глузман. – Ктев : Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2012. – 275 с.
4. Теория и практика глубинной психокоррекции: Шестая Авторская школа академика НАПН Украины Т. С. Яценко / Сост.: В. П. Андрущенко, А. В. Глузман. / Под ред. Т.С. Яценко. – Киев : Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2012. – 226 с.
5. Теория и практика глубинной психокоррекции: Седьмая Авторская школа академика НАПН Украины Т. С. Яценко / Сост. В. П. Андрущенко, А. В. Глузман / Под ред. Т. С. Яценко. – Киев : Изд-во НПУ имени М.П. Драгоманова, 2013. – 236 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

Бабаева А.А. Культура как детерминант цифровой реальности 5

Бартагариева И.И. Свобода мышления как экзистенциальный выбор в эпоху цифровизации 8

Белицкий А.А. Философские основания экзистенциональной психологии 11

Бойчук С.С. Человек тревожный и общество недоверия между деревом и медведем: эпистема травмы или кто действительно мыслит абстрактно 13

Буланая Ю.В. Семья и семейное бытие – стабилизирующий фактор российской государственности 16

Вишняков А.В., Михайлов А.Е. Злоказова М.В. Философские основания концептуализации исследований технологических зависимостей в современной психиатрии 19

Волошин В.В. Экзистенциальный выбор: логика познания 22

Гаврилина О.И. Классическая традиция в трансформации современного образования 25

Гайсина А.А. Эмиль Литтре и его вклад в философию позитивизма 28

Гиренок Ф.И. О двух потоках образов 31

Гончарук А.А. Синтез воли и разума как принцип русского самопознания..... 33

Даренская В.Н. Онтологические основания традиционных ценностей 36

*Даренский В.Ю. У*ниверсализм славянофилов против партикуляризма Запада.... 39

Дунаев Р.А., Кузнецов А.В. Интеллектуально-коммуникационное общество: вызовы информационной безопасности в контексте конвергенции искусственного интеллекта и телекоммуникаций 42

Елхова О.И. Алгоритм как архонт: онтотехническая власть и трансформация субъектности в метаверсе 45

Емельянова Н.Н. Возможности творчества в университетском образовательном пространстве 48

Камарали А.В. Культурные традиции, их прогрессивное и реакционное влияние на развитие общества 51

*Каряпкина Ю.Д. С*уверенизация как основа социальной консолидации российского общества 54

Клименко А.Б. Нарратив как методологический принцип познания индивидуальной и социальной практик 57

*Козлюк Д.В. С*оциальный идеал как средство диалектического единства человека и общества 58

Комисова Е.И. Феномен страдания в истории философской мысли: основные парадигмы 51

Коновалов А.Г. Физика и метафизика Донбасса 64

Кот Ю.В. Традиционные ценности Русского мира и историософская сущность Русской идеи как главные принципы формирования национальной идентичности русского народа в современности 67

Кривко М.А. Роль философии как учебной дисциплины в развитии социальной резильентности курсантов-участников СВО 70

Кривуля Р.Е. Самобытность Донбасского края на современном этапе интеграции в Российскую Федерацию 73

Лаврикова Н.И., Вишнепольский М.А., Лаврикова В.В. Влияние научных революций на изменение когнитивных парадигм 76

Лустин ЮМ. Диалектика типологических свойств человека и общества: философско-концептуальный аспект 79

Лустин Ю.М., Козлюк Д.В. Концептуальная роль профессионального мышления студента в решении проблем образования 82

Миргородский А.А., Соколянская В.А. Философия человечности Эриха Марии Ремарка 85

Михайлов А.Е., Михайлова М.В. Прогностический аспект магии в «Золотой ветви» Дж. Фрезера 88

Михайлов А.Е., Михайлова М.В., Окатьев И.А. Этико-правовые аспекты использования искусственного интеллекта (ИИ) в здравоохранении 91

Пиченикова С.Г. Культурные индустрии в контексте театрального пространства Луганска (1960-е гг.) 93

Посохова Я.В. Философское осмысление социальной реальности Джорджо Агамбена 96

Резвушкина С.А. «Время угрозы» и «время проекта»: к вопросу о российской архитектуре темпоральности 99

Рогозина О.Л. Философское значение цифровизации: влияние на познание, идентичность и истину в цифровую эпоху 102

Самойлов С.Ф. Самоопределение Донбасса с точки зрения коммуникативной модели онтологии 104

Сухоруких А.В., Сергеев С.С. Цивилизационные риски человечества: онтологические критерии 108

Тремясов М.А., Аржалова А.Н., Ваулин Е.С. Моральный релятивизм в компьютерных играх серии «Mass Effect» и его интерпретация на современное общество 111

Турсунов Ф.А. К вопросу становления эпоса «Гургули» и его роль в формировании культурной идентичности 114

Усенко А.А., Матушевская В.В. Человек в системе социальных отношений 117

Ханыкин А.Ю., Усачев А.В. Проблема самосознания в эпоху цифровой реальности 120

Хасанова Ф.Х. Трансформация пространства детства в XXI веке 123

Целик Т.В. Украинская культура как проблема в осмыслении Н. С. Трубецкого: исторические параллели 126

Чикаева Т.А. К вопросу об основаниях идентичности социального субъекта 129

Чугрина О.Р. Этическая ответственность управленческого персонала в контексте внедрения инноваций 132

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Личность в жизненных ситуациях: развитие и становление

Ангелина Э.А., Демура Е.К. Личностные ресурсы лиц с разным уровнем психологического благополучия 136

Ангелина Э.А. Подходы к феномену защитно-совладающего поведения 138

Андрюшкова Н.П. Механизмы преодоления психологического кризиса: ресурсный подход 142

Бажутина С.Б. Особенности системного структурирования социальных, нравственных и духовных смыслов 144

Великанова Е.В. Специфика копинг-поведения офицеров 147

Гаврилова Е.В. Склонность к различным эмоциональным состояниям у менеджеров в зависимости от их личностных особенностей 150

Голышева Н.В. Исследование стрессоустойчивости студентов-психологов на разных этапах профессиональной подготовки 153

Евсеева Е.А., Ревенко С.П. Психологические особенности конфликтов подростков и их родителей 156

Есенова А.Ю. Взаимосвязь жизнестойкости и смысложизненных ориентаций в студенческом возрасте 159

Карапетова А.В. Образ счастья в сознании молодежи 162

Картузова Н.А. Особенности стилевой саморегуляции у студентов с различным уровнем жизнестойкости 165

Левков А.Г. Теоретические особенности самосознания студентов с навязчивыми грезами 168

Маннанова Е.А., Никитина А.А., Федосеева Т.Е. Особенности диагностики профессионального самоопределения в инженерно-технологической сфере выпускников общего и среднего профессионального образования 171

Некрасова И.Н., Щербакова А.Р. Особенности учебной мотивации у слабоуспевающих учащихся младших классов 173

Ревуцкая И.В., *Самохина А.Д.* Влияние эмоционального интеллекта и социальных навыков на личностное развитие подростков 177

Рогозина М.Ю., Гречко А.С. Особенности жизнестойкости и социального интеллекта студентов, проживающих в разных социальных условиях 180

Руденко С.В. Психологическое благополучие лиц, проживающих в зоне военного конфликта 183

Русецкая Д.В., *Захарова Д.Д.* Влияние психологических факторов на профессиональную деятельность сотрудников полиции 186

Таранова Е.В. Психологические аспекты формирования триггеров у личности: модели реагирования в жизненных ситуациях 189

Туркина Ю.А., *Олейник Н.О.* Роль значимого взрослого в период подросткового кризиса ребенка 192

Халилова З.М., *Талалуева Т.А.* Особенности проявления тревожности у старших подростков и психологические способы ее коррекции 195

Черных Л.А. Особенности самоактуализации личности студентов 198

Чуканов Е.В. Жизнестойкость vs жизнеспособность 201

Ярославцева И.В., *Лутошлива Е.С.*, *Шахова И.С., Десятова Н.К.* Взаимосвязь отношения к смерти и психологического благополучия у студентов 204

Ярославцева И.В., *Лутошлива Е.С.*, *Шахова И.С., Лукаш М.А.* Особенности агрессивности подростков из семей участников СВО 207

Человек в системе социальных отношений

Алаторцева О.А. Причины социального сиротства в России 210

Александрова Л.Ю. К вопросу о стилях профессиональной деятельности PR-специалиста 213

Бочарова О.С., Шорникова А.А. Проекты в сфере культуры при сопровождаемом проживании 216

Буховцева О.В., Буховцев А.В. Проблема формирования идентичности на Дальнем Востоке 219

Кольцова И.В., Бушкова Л.С. Принципы психолого-педагогического сопровождения подростков в конфликтных ситуациях со сверстниками 222

Дроздов А.Е. Семейные традиции и ценности в условиях трансформации института семьи 225

Насыртдинова А.В., Славутская Е.В. Исследование детско-родительских взаимоотношений матерей с дошкольниками в полных и неполных семьях .. 228

Постникова А.Е., *Кузьменкова Л.В.* Выявление взаимосвязи профессионального выгорания и уровня агрессивности сотрудников правоохранительных органов..... 231

Самотаева Э.А. Комплексная модель ресурсного подхода к оказанию помощи человеку в трудной жизненной ситуации 234

Седых О.Г. Корпоративная поддержка сотрудников как фактор повышения качества трудовой жизни 237

Суржикова А.А., Тимофеев К.А., Ширин А.Г. Диагностика и моделирование процесса развития социальной компетентности подростков в условиях образовательной организации 240

Таран В.Н. Социальные факторы аутоагрессивного поведения в период отрочества 243

Устинов Д.В. Материально ориентированные компоненты потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей 246

Хвасько Н.С. Проблема определения понятия «буллинг» в психологической науке 249

Клиническая и кризисная психология: опыт решения проблем и перспективы исследований

Александровская В.Н. Общенаучная концепция противоречия и «антагонистический подход» в медицине 252

Будик С.А., Устинова Н.В. Роль факторов совладания и психологической защиты при преодолении стресса у пациентов с онкологическими и кардиологическими заболеваниями 255

Гороховодацкая А.С., *Попельчук Г.А*. Профилактика депрессивных состояний у беременных женщин в онлайн-формате 258

Ковальчишина С.В. Актуальные проблемы психотерапии и психокоррекции пограничных расстройств личности у военнослужащих, комбатантов и демобилизованных 261

Конов Д.В. Применение технических средств в терапии тревожных расстройств.... 264

Максименко Е.Г. Механизмы подростковой самодеструкции (из опыта психотерапевта) 267

Набатова С.В. Социальные представления жителей ДНР о травме 270

Некрасова И.Н., Дубровкина Е.В. Особенности мотивационно-потребностной сферы спасателей МЧС с различной типологической структурой личности ... 273

Некрасова И.И. Психологические особенности реадаптации заключенных, освободившихся из мест лишения свободы 277

Полякова О.Б. Специфика симптоматики посттравматического стрессового расстройства военных медиков 280

Пузь И.В., *Муханова И.Ф.* К вопросу о сохранении психологического здоровья младших школьников в ситуации военных действий 283

Раевский С.Н. Депрессивные состояния, как одна из психологических проблем в юношеском возрасте 286

Руднева Е.С., *Кацеро А.А.* Применение арт-терапевтических методов в работе по формированию коммуникативных умений у детей с расстройствами аутистического спектра 288

Русецкая Д.В., *Базырова Д.А.* Особенности психологического сопровождения деятельности сотрудников полиции 291

Сарычева О.В. Стрессоустойчивость и саморегуляция как ключевые факторы профессиональной готовности будущих психологов служебной деятельности к работе в экстремальных ситуациях 294

Светличная Н.В., *Баалбаки Ж.Д.* Особенности использования стратегий эмоциональной регуляции подростками из зон боевых действий 297

Усачева М.А., Асмаловская О.А. К проблеме формирования связной речи у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития 300

Фархутдинова Ю.Н., Худякова А.Д. Незавершенная сепарация как детерминанта появления депрессивных состояний у подростков 303

Фархутдинова Ю.Н., Шармен Д.Х. Социальная тревожность в подростковом возрасте: теоретические и прикладные аспекты 306

Шульга В.В. ПТСР как составляющая эмоциональной зависимости всех участников военного конфликта на Донбассе 309

Психика и информационное поле общества

Антонова Д.Ю. Мультимодальный анализ медиадискурса (на примере стендап-комедии) 312

Арсанукаева П.М. Психика и информационное поле общества 315

Вилюжанина Т.А. Думскроллинг как психологический синдром 318

Гордеева А.В., *Антонио Е.Д.* Восприятие искусственного интеллекта у представителей разных возрастных групп 321

Иванченко В.Я., Московская Т.В. Влияние социальных сетей на формирование сознания подрастающего поколения 324

Карелина Н.Л. Взаимосвязь проблемного использования виртуальных социальных сетей с нарушениями пищевого поведения пользователей подросткового возраста 327

Смолова Л.В. Цифровизация как эволюционный этап развития человечества 330

Соломаха А.Д. Механизмы влияния примеров для подражания на формирование патриотического сознания подростков в цифровую эпоху 333
Турова А.О. Социально-психологические аспекты цифровой среды 336
Яновский М.И. Об одной из основ морализаторства Запада по поводу действий России в СВО 338

Психология в образовании: проблемы, возможности и перспективы

Байтуманова З.Н. Современные подходы к профилактике агрессивного поведения старших дошкольников 342
Вильдгрубе С.А. Волевая регуляция и успешность обучения студентов в вузе ... 345
Громова А.В., *Кольцова И.В.* Роль сказки в формировании ценностей у младших школьников 348
Кацеро А.А. Анализ жизнестойкости как личностного ресурса студентов с ограниченными возможностями здоровья 351
Корлякова С.Г. Влияние психоэмоциональной устойчивости будущих педагогов на выбор совладающего поведения в стрессогенной ситуации 354
Короткова Н.Л. Психология профессионального становления студентов-ветеринаров: идентичность и факторы риска 357
Литвинова К.В., Сбитнева А.Н. Камнетерапия как эффективный метод формирования общечеловеческих ценностей на уроках функциональной грамотности 360
Мезенцева Н.Д., *Полякова А.И., Шмойлова А.И.* Психологические аспекты подбора и расстановки руководителей в сфере образования 363
Ревуцкая И.В. Особенности развития негативных психических состояний у детей дошкольного возраста 366
Рынгач Е.В. К вопросу развития личностных и профессиональных качеств будущих психологов 369
Самедова Ю.А. Психолого-педагогическое сопровождение курсантов в период адаптации к условиям обучения в военном вузе 371
Слюсарская Т.В. Художественная литература как основа формирования инклюзивной культуры 374
Строева О.С., Строев А.Ф. Актуальные проблемы психологической подготовки музыкантов к концертным выступлениям и некоторые пути преодоления сценического волнения 377
Трофимова Е.Л., *Солнцева Ж.А.* Формирование профессиональной идентичности психологов-магистрантов 380
Ужченко И.Ю. Социально-психологическое сопровождение детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата в условиях общеобразовательного учреждения 383
Ульянина О.А., Тукфеева Ю.В., Трофимова А.П., Розвезева А.К. Региональный опыт планирования развития психолого-педагогической помощи в системе образования в субъектах Российской Федерации 386
Шушара Т.В., Анисимова Л.С., Усатенко О.Н. Возможности глубинной психокоррекции в подготовке будущих педагогов-психологов к сопровождению детей с ОВЗ 389

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
X Международной научной конференции,
посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра,
5–7 ноября 2025 г.,
г. Донецк

ТОМ 9
Философские и психологические науки

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*А.Ю. Гурина*
Технический редактор	*М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*А.В. Камарали, Э.А. Ангелина*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2025 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 23,2.
Тираж 50 экз. Заказ № 25окт121/9.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru